

Илья Земцов

СПРАВОЧНИК

РЕАЛЬНОСТЬ И ГРАНИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Ilya Zemtsov

**PERESTROIKA:
ITS REALITY
AND ITS LIMITS**

(A HANDBOOK)

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1989**

Илья Земцов

**РЕАЛЬНОСТЬ
И ГРАНИ
ПЕРЕСТРОЙКИ**

(СПРАВОЧНИК)

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1989**

**Ilya Zemtsov: REALNOST' I GRANI PERESTROIKI.
Spravochnik.**

**First Russian edition published in 1989
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England**

**Copyright © Ilya Zemtsov, 1989
Copyright © Russian edition
Overseas Publications Interchange Ltd, 1989**

All rights reserved

**No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.**

ISBN 1 870128 61 3

Cover design by Andrzej Krauze

Printed and bound in Israel

Революция в рамках одной и той же системы невозможна. Она происходит и совершается только между двумя системами – существующей и возникающей: разрушает старую и создает новую.

ВВЕДЕНИЕ

Важная, а возможно, важнейшая особенность современной советской жизни — магия слов. Страну захватила волна только что созданных понятий: ускорение, перестройка, демократизация, новое политическое мышление... десятки, сотни различных определений и выражений. Возникла своеобразная лингвистическая галлюцинация — стало казаться, что достаточно изобрести и ввести в массовое сознание новые названия, как сразу же возникнут новые (и желанные) явления. И когда они не появились (социальные процессы в Советском Союзе вызревают медленно и болезненно), общество охватило разочарование, оно стало испытывать беспокойство и недовольство. Оно ожидало изменений решительных и быстрых — развития подлинной демократии и немедленно повышения жизненного уровня. Эти требования были особенно настойчивыми и острыми потому, что проявились и выражались в стране, привыкшей к порядку, и выдвигались народом, приученным к терпению, который неожиданно и как-то сразу прозрел — увидел пороки и недостатки советского политического устройства с его неповоротливой системой принятия решений, наивными, смешными ритуалами и лозунгами, полными фальшивой риторики и искусственного оптимизма.

Появилась реальная опасность, что советские руководители утратят контроль над событиями, и тогда в растерянности они могут обратиться к насилию и террору. Такую возможность социального развития страны отражает советский язык. В нем широко представлены идеологизированные слова и выражения, толкающие общество к застою и разложению. Но в нем же сложились и определились и другие поня-

тия, реально отражающие действительность, зовущие к углублению и расширению либерализации. Они составили в советском языке особый и своеобразный лексикон — лексикон гласности.

”Лексикон гласности” — это узкий и тонкий семантический слой, возникший в советском языке в последние годы, как отзвук и отражение происходящих в Советском Союзе социально-политических реформ. Но созданные им понятия и еще больше — явления, за ними стоящие, привели к переосмыслению всего советского языка и самой советской действительности.

Произошла и продолжается переоценка сущности советского языка, смягчается его идеологическая перегруженность, разряжается умозрительность, преодолевается оторванность от жизни. И это создает возможность определить и представить его ”лексиконом гласности”. Несмотря на то, что он в своей основе все еще (или пока?) остается верным своей изначальной сущности — отражает не столько жизнь, сколько мифотворчество, выявляет не объективную реальность, а коммунистическое мировоззрение в его наложении на действительность. Он по-прежнему противоречив: однозначен и, разрывая мир на субстанции добра и зла, — двусмыслен.

Непоследовательность советского языка является следствием двойственности социалистического общества: демократической формы, обращенной к внешнему миру, и авторитарной (а совсем недавно — тоталитарной) сущности, повернутой к собственному народу. Его слова и выражения превращены в сжатые пружины политического манипулирования, с их помощью в человека вгоняются заряды идеологической энергии, под воздействием которой действительность проектируется по законам вымысла.

Советский язык основывается на двух компонентах: фикциях, провозглашаемых реальностью, и реальностях, представляемых фикциями. Отсюда в нем — два различных (но не противоположных) уровня. Первый — слова-явления, опирающиеся на искажаемые, но существующие факты и процессы действительности. Второй — слова-фикции, передающие понятия, лишенные смысла.

В основе слов-явлений лежат определенные и всегда конкретные социальные факты, и это затрудняет, а порой делает невозможным их домысливание. Слова-фикции являются духовными полуфабрикатами, задающими направление для работы воображения. Дорисовывая их нужными (в зависимости от необходимости) социальными красками, власти стремятся сохранить их недосказанность — для последующего манипулирования. Новая манипуляция, как правило, отличается от старой — жизнь не стоит на месте, но она строго регламентирована коммунистической идеологией, располагающей весьма ограниченным числом моделей и конструкций. Слова-явления представляют собой более или менее постоянные формулы действительности и не распадаются при соприкосновении или столкновении с реальностью, так как разложение заложенных в них идейных стереотипов означало бы крушение коммунистического мировоззрения.

Слова и выражения-фикции чрезвычайно пластичны, они способны оперативно "откликаться" на изменения политической и общественной ситуации. И если один из их компонентов теряет свою эффективность, его тут же "вынимают" и заменяют другим, больше отвечающим задаче момента: так "диктатура пролетариата" становится "гегемонией пролетариата" или превращается в "гегемонию народа". При этом традиционный смысл и назначение понятия сохраняются: и "гегемония пролетариата", и "гегемония народа" в одинаковой мере отражают самовластие партии. При глубоких социальных изменениях, однако, их содержание меняется существенно. Примеры: замена "диктатуры пролетариата" "общенародным государством" или вариации с выражением "образ жизни" — сперва его называли "пролетарский", затем "советский", "социалистический" и, наконец, "коммунистический".

Маневрирование со словами-явлениями в существенной степени ограничено их "привязанностью" к конкретному социальному опыту. В этом смысле слова-фикции в силу своей абстрактности, подвижности и продуктивности предоставляют советской пропаганде практически неограниченные возможности, и тем большие, что они не всегда являются искус-

ственным образованием. Исторически появление известного числа слов-фикций отражало возникавшие (но так и не возникшие) явления, которые лишь впоследствии были идеологизированы. Напротив, многие слова-явления формировались в рамках коммунистической идеологии и уже затем продуцировались на общественную жизнь и определяли ее.

Естественно, что оба эти пласта советского языка не разделены непроницаемой перегородкой. Слова-явления при определенных условиях (когда явление полностью изживает себя) исчезают или превращаются в слова-фикции, а слова-фикции в ходе идеологического конструирования действительности начинают отражать реальность. Однако в конечном счете и те и другие различаются лишь объемом и характером идеологического отражения. В одном случае (слова-явления) действительность накладывается на идеологию, в другом (слова-фикции) — идеология накладывается на действительность. И усилия коммунистической пропаганды направлены на поддержание стабильности слов-явлений и обновление слов-фикций.

Советский язык содержит утонченные и многообразные психологические "ловушки" для духовного захвата человека, обеспечивающие стройную и совершенную систему "единомыслия". Она достигается бедностью оборотов, шаблонностью фраз, стандартностью выражений. Не меньшее значение имеет и непроявленность, закодированность одних слов и чрезмерная информативность других. Перегрузка или, напротив, недостаточность содержания понятий лишает человека возможности осмыслить и учесть массу различных социальных факторов и строить на их основе рациональную систему понимания и объяснения действительности.

Советский язык не менее охотно эксплуатирует и различные приемы риторики, приводящие людей в состояние искусственного восторга и восхищения. Целям экзальтации служат и его специальные обороты — такие как "волею партии", "активная жизненная позиция", "гвардейцы труда", "коммунистическая смена". Советский язык часто и успешно производит подмену понятий. В его словарном запасе (когда речь идет о коммунистическом обществе) нет "безработ-

ных” (их именуют ”лицами, ищущими работу”), нет ”кризисов” (это всего лишь ”временные трудности”), нет ”диктатуры” (она выступает в облике ”демократического централизма”). Важную роль в советском языке играют ассоциации (по аналогии или по противоположности). Если говорится о труде советских людей, то в сознании обязательно должен возникнуть ассоциативный ряд: ”героический”, ”самоотверженный”, в крайнем случае ”доблестный”. Тот же труд на Западе представляется ”подневольным”, ”непосильным”, ”унизительным”. Советский народ — всегда ”великий”, ”мужественный”, народ капиталистических стран, как правило, — ”многострадальный”.

Действительность в советском языке отражается с помощью приемов искривления перспектив. Но он способен не только исказить пропорции и контуры действительности, но умеет и нечто большее — некоторые явления не отражать вообще. В официальном лексиконе совершенно отсутствуют словесные знаки для таких широко распространенных в обществе явлений, как ”закрытые распределители”, ”специальное снабжение”, ”правительственные дачи”, ”кремлевские пайки” и т. д. А многим словам и вовсе придан характер символов: обожествлена ”партия”, одухотворен ”труд”, канонизированы ”план”, ”соревнование”.

Другая особенность советского языка — наличие в нем набора слов и выражений-заменителей, сознательно культивируемых властями для ”выправления” их политики и действий. Период упадка и разложения именуют ”эпохой застоя”, тоталитарные методы правления — ”командно-директивным руководством”, доносчиков представляют ”осведомителями”, массовое уничтожение граждан в сталинских тюрьмах и лагерях называют ”ликвидацией” или ”изъятием”, словно речь идет не о людях, а о вещах. Слова-заменители являются хорошим дополнением и иллюстрацией социальных заменителей: свободы — отсутствием выбора, труда — эксплуатацией, мира — войной. Эту неподлинность советской жизни (и языка) точно подметил и выразил поэт Максимилиан Волошин:

”Хлопнуть”, ”угробить”,
”отправить на шлепку”,
”Духонину в штаб”,
”разменять” —
Проще и хлеще нельзя
передать
Нашу кровавую трепку.

Советский язык не столько называет и определяет явление, сколько разоблачает и осуждает. ”Отщепенец”, ”оппортунист”, ”аполитичность”, ”отребье” — это политические ярлыки. Есть в нем и слова-приговоры, приводимые в исполнение в соответствии со статьями уголовного кодекса: ”враг народа”, ”антисоветчик”. Советский язык достиг такого уровня развития, что появилась возможность заменять процесс отражения и познания лозунгом, призывом: ”Вперед, навстречу коммунизму!”, ”Слава партии!”, ”Все — на коммунистический субботник!”

Неизбежным результатом отчуждения его от действительности явилось разрушение двусигнальной системы человеческого восприятия. Общественное сознание перестало откликаться на политические сигналы властей, отказалось вырабатывать на них социальные рефлексy. Сложилось и оформилось два параллельных и независимых мира: реальный, с его противоречиями и конфликтами, и иллюзорный — надуманное, искусственное царство слов. В итоге произошел разлом в человеческом поведении: в своем общественном проявлении оно оставалось политически приемлемым, а в частном выражении — не укладывалось в систему коммунистических ценностей.

Властям необходимо было преодолеть эту двойственность человеческого поведения, которая разрывала и разрушала советское общество — его политический уклад, экономику, нравственность. Самое разумное было отказаться от слов-фикций, однако у них возникло опасение за судьбу социализма, основанного на символах и являющегося символом — идеологическим образом без реального содержания. И тогда советское руководство во второй половине восьми-

десятих годов пошло на компромисс: приступило к созданию слов-полуфикций и полуреальностей. В общественное обращение были введены новые понятия: "перестройка", "ускорение", "демократизм" и другие. Новым оказалось в них не только содержание, но и принцип конструирования. Они создавались не умозрительно, а по уже существовавшим моделям: брались из экономической сферы и переносились в социальную плоскость ("перестройка", "ускорение" и т. д.) или складывались путем суживания, ограничения общепринятого смысла понятий ("демократизм", "новое политическое мышление" и т. д.).

Этим были вызваны их недостатки — недоговоренность, неполнота. И достоинства — они были фикцией лишь частично, и за ними просматривались жизненные процессы и явления. Появление этих слов и выражений свидетельствовало о зарождении и становлении в советском языке нового пласта — лексикона гласности. Этот лексикон сразу же вступил во взаимодействие с основной массой слов советского языка, взаимодействие сложное и опасное: он стал уничтожать слова-фикции, и сам оказался под угрозой быть уничтоженным словами-фикциями. Исход этой борьбы решит время — будет ли развернута и реализована перестройка Горбачева или ее похоронит партийный аппарат так, как он это сделал с реформами его предшественников.

Иерусалим — Вашингтон,
1989 год

”А”

АНКЕТА — опросный лист для выяснения сведений о человеке, составленный в форме вопросов и упорядоченный по содержанию.

А. не является простой или случайной суммой вопросов. Их структура и порядок призваны высветить человека. Они должны не только дать представление о его биографии — фамилии, имени, отчестве, годе и месте рождения, образовании, — но выявить его социальные параметры.

Назначение графы ”социальное происхождение” — очертить лояльность человека к режиму: если из рабочих — значит, ”свой”, из крестьян — вызывает меньше доверия, выходец из интеллигенции — ненадежен и для него уже существуют определенные ограничения. Например, при приеме в партию. КПСС давно перестала быть частью, авангардом рабочего класса, обюрократилась и превратилась в коридор власти, через который после соответствующей идеологической обработки наиболее исполнительные и беспринципные люди двигаются к руководству страной. И многие советские руководители стремились задним числом выправить свою биографию — записаться рабочими. Пролетарское происхождение считалось доказательством ”чистоты коммунистической крови”, хотя в действительности не было и нет в Советском государстве более униженного и угнетенного класса, чем рабочие.

В СССР развились и сложились различные привилегированные сословия. И здесь пункт ”социальное происхождение” приобретает особое значение. Но уже в его вторичном, про-

изводном смысле — выявляет статус и положение семьи: если она в меру высокопоставлена или принадлежит к элитарным кругам, перед человеком открываются широкие возможности социального движения. Отсюда становится понятным типично советское выражение: "У человека хорошая А.". Иначе говоря, не столь важно, насколько он образован и умен, является ли он хорошим работником, главное — чтобы он вписывался в те требования, которые предъявляет ему А. Она ставит многообразные вопросы, выворачивающие не только самого человека, его настоящее и прошлое, но и его родителей, родственников. В прошлом спрашивали: служил ли в войсках и учреждениях белых правительств, лишился ли он или его семья избирательных прав, а в настоящее время уточняется: был ли в плену или находился на оккупированных врагом территориях, где, когда и при каких обстоятельствах был освобожден, имеет ли близких людей в капиталистических странах.

Существуют вопросы-ловушки, по форме весьма безобидные, а по содержанию — определяющие жизнь человека. Среди них самый коварный — национальность. Для одних народов — предполагаются широкие социальные права (славяне), для других (нацменов, имеющих свои республики) — стесненные, для третьих — ограниченные (евреи, крымские татары, немцы). Наблюдается в этом вопросе и определенный парадокс, несоответствие: национальный недостаток может стать достоинством; при приеме на работу или поездке за границу иногда проталкивается представитель "ущербной" национальности — чтобы подчеркнуть наличие в СССР "братства народов" и "интернационализма".

Реформы, проводимые новым советским руководством, оказались бессильными перед А., застряли и остановились перед нею. В ней по-прежнему сохранился вопрос: "Были ли за границей, где, когда и с какой целью?" На первый взгляд кажется странным, зачем он, когда поездки за рубеж, туристические и служебные, становятся явлением обычным и даже обыденным. Постановка этого вопроса, сквозящая в нем подозрительность, однако, не случайны: политика может измениться, а человек останется. И о нем в Советском Союзе

надлежит знать как можно больше. А. и призвана выполнять роль такого административного рентгена, дабы на ответственных постах оказались наиболее достойные (в советском понимании) деятели. Но, как и всякое формальное средство, она не действовала — не противодействовала коррупции, протекционизму, семейственности. Противодействовать этому могли только люди, чьи данные, однако, не укладывались в А.

А. в СССР сильнее (и важнее) человека. Тысячи людей, заполняя А., испытывают перед ней трепетный страх. Они угадывают за ней стоящую над ними властную и таинственную волю, которая определяет их судьбу — перебирая вопросы и ответы, взвешивает, достойны ли они работы, продвижения по службе, поездки за границу.

”Попалась на глаза анкета. Нет, не социологическая — кадровая. Одна из тех, какую заполняет гражданин, поступая на работу или оформляя заграничный паспорт”. (“Московские новости”, № 31, 31 июля 1988, с. 3.)

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО (разговорный вариант — ”анонимка”) — донос или жалоба, направляемые в советские, партийные или государственные учреждения без указания фамилии и адреса автора.

А. п. как социальное явление получило в СССР распространение в конце 20-х — начале 30-х годов, в период массового террора — физического уничтожения оппозиции, фабрикации судебных процессов над ”врагами народа”. Кровавые ”чистки”, сопровождавшиеся призывами к ”бдительности” и искоренению благодушия, к борьбе с диверсантами и ”внутренней” контрреволюцией, создавали в стране атмосферу страха и всеобщей подозрительности. И многие советские граждане, ощущая угрозу самому своему существованию, пытались самоутвердиться в доносительстве. Они вели себя по отношению к обществу столь же аморально, как общество по отношению к ним. А. п. писали не только те, кто верил в советскую власть, но и те, кто, не будучи коммунистами, надеялись с их помощью спасти себя от репрессий, переведя опасность ареста на соседа или приятеля. С помощью А. п.

сводились и личные счеты, они давали выход зависти и ожесточению.

Анонимность доносов удобно и надежно охраняла их авторов от мести осужденных и презрения общества. Но существеннее было другое — к А. п. подталкивала людей сама система: признание каких бы то ни было связей с "неблагонадежными элементами" было опасным — органы государственной безопасности рассматривали всех граждан потенциальными преступниками. Метод репрессий при этом был прост: намечалась жертва, а затем под нее подбирались соответствующие статьи уголовного кодекса. Возникло даже печальное изречение: "Был бы человек, а статья для него всегда найдется".

Работа карательных органов, как и все в советском обществе, планировалась: составлялись списки людей, подлежащих аресту, с точным указанием сроков их "изъятия" из общества. И в соответствии с советскими традициями планы предполагалось перевыполнять — уничтожать в определенном месяце больше, чем в предыдущем, и меньше, чем в последующем. А это во многом зависело от поступления А. п — они давали основание для ареста и считались доказательством преступления. Доносительство позволяло властям разделить население страны на две категории: на тех, кто находится в заключении, и тех, кого предстоит осудить. Не имело значения, какое преступление совершил человек (и совершил ли он его вообще) и отвечает ли преступлению наказание. Важно было создать и закрепить в общественном сознании представление, что любой человек виновен перед государством. И стоило коммунистической партии подойти к очередному изгибу своей "генеральной линии" или приступить к новой политической реорганизации, как тут же в следственные органы устремлялся поток А. п.

После смерти Сталина анонимные письма перестали рассматриваться как доказательство преступления, но они по-прежнему могли служить основанием для уголовного расследования и ареста. Интенсивность их появления и распространения все так же определялась зигзагами развития государства и характером проводимых им кампаний: борьбой с

пьянством, походом против "очковтирательства", наступлением на нарушителей "социалистической законности" и т. д. Но социальные и моральные издержки А. п., их "себестоимость" для общества все больше стали перетягивать их "достоинства" — страна, парализованная страхом, была обречена на застой и пассивность. И власти позволили робкую и непоследовательную критику А. п. Их распространение стали объяснять недостатками в работе трудовых коллективов, плохой постановкой воспитания, неэффективностью партийных организаций. В действительности же явление А. п. свидетельствует о социальной неполноценности коммунистического общества. Отсутствие независимой прессы, подлинной гласности, неограниченная и бесконтрольная власть бюрократического аппарата побуждают людей обращаться к А. п. как к средству социального приспособленчества, защиты от тоталитарного режима.

Система анонимной критики удобна и фактически необходима режиму. Информация о скрытых сторонах деятельности граждан создает дополнительные возможности для манипулирования обществом: время от времени предпринимаются некоторые меры для устранения особенно вопиющих нарушений, что создает иллюзию заботы властей о народе. Однако разгул анонимного творчества причиняет и известные неудобства: отравляется жизнь людей и, что более существенно с точки зрения властей, его разбор, проверка и перепроверка парализуют деятельность многих государственных учреждений, ведут к колоссальному расходу казенного времени и средств. Но главное — А. п. не вписывались в либеральные реформы Горбачева. И в феврале 1988 года в Советском Союзе официально было объявлено, что "жалобы и предложения граждан, изложенные в форме анонимных писем, рассматриваться не будут". Тем не менее все еще существуют основания для сомнения в том, что режим полностью откажется от "услуг" А. п. Они составляют для него непреходящую ценность — позволяют постоянно держать общество в зоне наблюдения, дают сведения о настроениях и интимной жизни людей, что существенно расширяет его возможности контроля.

”Экономьте бумагу: не пишите анонимок”. (”Литературная газета”, 1 декабря 1982, с. 26.)

АНТИАЛКОГОЛЬНЫЙ КУРС — совокупность различных мероприятий, законодательных постановлений и практических действий, направленных на борьбу с пьянством.

Истоки А. к. в Советском Союзе уходят к дореволюционному периоду — ко времени введения ”винной концессии”, когда государство монополизировало розничную продажу спиртных напитков. Этот законодательный акт (1895 г.), однако, не привел к спаду алкоголизма — произошло обратное: в стране были открыты тысячи новых винных магазинов и кабаков, и пьянство стало массовым и трудно контролируемым процессом. Так что суть проблемы алкоголизма состояла не в некоей предрасположенности русского человека к водке, а в алчности царского правительства, получавшего баснословные прибыли от массовой продажи алкоголя, который давал чуть ли не четвертую часть его доходов.

Просвещенные сословия и, прежде всего, интеллигенция и духовенство, очень скоро поняли опасность для социального благополучия нации ”пьяного бюджета” и развернули первый в истории России А. к., который закончился созывом в 1910 году антиалкогольного съезда. Протест общественности против ”пьяной монополии” подвел царское правительство к идее ”сухого закона”, он был введен в 1914 году — сначала на мобилизационный период, а затем на все время военных действий. Политика ”принудительного отрезвления” была обусловлена особым и исключительным обстоятельством: началом Первой мировой войны, но, войдя в жизнь, она вызвала совершенно неожиданные последствия. Повысилась производительность труда, улучшились и окрепли семейные отношения. Постепенно стал меняться уклад и образ жизни: уменьшилось хулиганство, усилилась тяга к образованию, стали зарождаться новые традиции: ”сухие” свадьбы, поминки, крестины...

Но российские правители оказались никудышными экспериментаторами, и постепенно в ”водочной повинности” стали допускаться послабления — поначалу к продаже было

разрешено пиво, а затем и некоторые более дешевые сорта вин. Таково было требование экономических обстоятельств: в государственном бюджете остро ощущался дефицит "алкогольного капитала". Очень хорошо это осознали большевики. Придя к власти, они стали постепенно отрешиваться от "сухого закона". Какое-то время они делали это робко и непоследовательно, так как в партийных кругах еще помнили высказывания "классиков" о том, что пролетариату, добившемуся освобождения, не будет нужды отравлять и одурманивать себя алкоголем. Но по мере того, как положение (и власть) коммунистов в стране стабилизировалось, стали действовать более решительно.

В 1923 году была пущена в продажу водка, имевшая половину своей нормальной крепости — 20 градусов, а год спустя было официально объявлено о введении в стране государственной монополии на продажу алкогольных напитков. Но следовало советским властям позаботиться и о сохранении своего "революционного лица". И они пошли на компромисс с совестью — объявили, что мера эта вынужденная, вызванная сложностью международной ситуации. Перед массами демагогически была поставлена искусственная и надуманная дилемма: или попасть в кабалу к заграничному капиталу, или реабилитация водки. И во имя "построения светлого будущего" коммунисты выбрали водку, то есть предпочли, по выражению Сталина, "временно выпачкаться в грязи". Выпачкивание в грязи, однако, затянулось в СССР на долгие годы — на целых 60 лет — до прихода в Кремль Андропова.

Причиной алкогольного бума, конечно, был не страх перед международным капиталом, а неспособность советского правительства создать для людей человеческую жизнь. И чтобы сковать гражданские порывы, коммунисты стали последовательно спаивать народ — для того, чтобы усыпить его разум, потушить и погасить социальную критику. Пьяными массами было легче управлять: кутежи были предпочтительнее мятежей. В СССР сознательно создавалась атмосфера терпимости и даже доброжелательности к захмелевшим людям. Употребление спиртных напитков сопровождало основные формы жизнедеятельности советского человека, выпивка

превратилась в важный атрибут национальной жизни. А алкогольные напитки стали предметом первой необходимости — в городских семьях на них тратили до половины бюджета, а в сельских — более 30 процентов. Пили, чтобы уйти от оупляющего труда, избавиться от социальной неустроенности, чтобы расслабиться, отвлечься от тягот повседневной жизни. Водка заглушала тяжелые ощущения, вызываемые постоянным переутомлением, плохим питанием, неуверенностью в завтрашнем дне.

По употреблению алкогольных напитков СССР занял первое место в мире. Только одной водки в советской стране выпивается 3 миллиарда литров, что в пересчете на душу населения (включая младенцев) составляет более 11 литров. Это в 15 раз больше, чем употреблялось в дореволюционной России. Что же касается "совокупного алкоголя" — всех спиртных напитков, взятых вместе, — то его количество вообще не поддается учету, так как значительная часть потребляемого алкоголя поставляется черным рынком — разветвленной сетью самогонварения.

Как следствие повального пьянства в Советском Союзе возросли случаи рождения неполноценных, умственно отсталых детей: они составили 9 новорожденных на 1000 в 1972 году, 11 — в 1976 году, 13 — в 1981 году, 15 — в 1986 году. Алкоголь привел к распаду института семьи — "главной ячейки советского общества". В 1965 году на каждые 100 браков приходилось 20 разводов, а спустя 20 лет их стало 35. При этом два из трех разводов в той или иной степени были связаны с проблемой алкоголизма.

Так что в известной степени очередной А. к. новых советских руководителей должен был бы быть признан благодеянием, если бы не тот формализм и бездушие, которые его сопровождают. А. к. — это специфически советская кампания, которая в своей политике нередко доходит до абсурда. На его бюрократических волнах уничтожают различные сорта винограда, выжигают посевы сахарной свеклы, сворачивают производство сахара. И это варварство совершается в то время, когда страна переживает острый продовольственный кризис.

Другое уродство А. к. — гигантские очереди за спиртными напитками, которые пожирают рабочее и свободное время — алкоголиков и практически непьющих людей, стремящихся отметить праздник или торжество традиционной бутылкой вина. Наконец, при всем пропагандистском ажиотаже алкогольный баланс в стране практически не уменьшается: недостаток производства и продажи алкогольных напитков с лихвой восполняется самогонованием.

Исследование "ритмов" и периодичности употребления спиртных напитков, анализ потребностей в выпивке позволяют выявить различные категории советских алкоголиков. Первый тип потребителей алкоголя использует "столовое потребление" под девизом — для аппетита. Преобладают в нем представители правящего коммунистического класса: партийная и государственная бюрократия. Второй тип — поклонники "обрядового потребления", придерживающиеся принципа: все пьют, и я пью. Такого рода возлияния характерны для широких слоев интеллигенции. Третья разновидность пьющих предпочитает наркотическое употребление алкоголя — с целью забыться, разрядиться, отвлечься. Здесь доминируют трудящиеся — рабочие и крестьяне, но просачиваются в эту среду пьющих и представители других социальных групп.

Каждый из названных мотивов употребления алкоголя имел свое социальное назначение (и ценность). "Столовое потребление" неизменно сопровождало правительственные приемы и банкеты. К "обрядовому" потреблению напитков охотно обращались при заключении договоров, приеме на работу, при оформлении и получении премии, при защите диссертации и т. д. "Наркологический метод" алкоголизма был и остается важным средством заполнения избытка свободного времени и направления общественной активности в безопасное для властей русло. С его помощью заполняются социальные потребности людей в общении, в обмене "доверительной информацией". Спиртные напитки, наконец, выполняют в Советском Союзе функцию универсального эквивалента в обмене благами и в оплате труда. Поставив бутылку, расплачиваются с рабочими за сверхурочные работы или

получают услуги, которых никаким другим путем добиться нельзя.

Понимание разрушительного действия всеобщего пьянства — не только для здоровья человека (об этом знали всегда), но и для организма системы — приходило в Советском Союзе постепенно, на фоне распада социальных механизмов, деградации производства, падения рождаемости и увеличения смертности. И по мере увеличения и обострения этих процессов в стране спорадически проводились, разворачивались и затихали антиалкогольные кампании. Сталин не желал видеть и признавать существование алкоголизма в стране — это не соответствовало парадному оптимизму его правления. Хрущев сумел не только увидеть проблему, но и осознал ее социальную опасность. При нем было проведено несколько мероприятий по А. к.: по паре на первый и конечный периоды нахождения его у власти. Брежнев никак не мог определить до конца, что важнее и полезнее для системы — преимущества или издержки всенародного пьянства. И он (на всякий случай) то подталкивал массы к алкоголизму, то пытался вызволить их из него с помощью показательного А. к., но не сумел вложить в него (как и во многое другое) ни ярких лозунгов, ни общественного внимания.

В должной мере почувствовал и осознал опасность национального пьянства Андропов, но решил бороться с ним по-своему, в соответствии со своим мировоззрением и опытом — формальным администрированием, с помощью угроз, санкций и наказаний. Он был готов репрессировать всех подряд: и больных, страдающих алкоголизмом, для которых закон предписывал лечение, и злостных пьяниц, совершавших преступления (хотя управа на них предусматривалась уголовным кодексом), и просто любителей спиртного, несмотря на то, что в их поведении не просматривалось состава преступления. Но не успел — помешала смерть.

Иначе подошел к вопросу алкоголизма Горбачев. Он понял, что эта проблема вызвана конкретными политическими причинами, определенными им в качестве (и в комплексе) застойных явлений прошлого. Гласность сделала возможным признание: пьянство в Советском Союзе выполняет опреде-

ленные социальные функции — обеспечивает адаптацию личности к обществу. Отсюда, в соответствии с такой оценкой, была выбрана стратегия наступления на него: через проведение и внедрение в жизнь глубоких преобразований.

В СССР был принят ряд важных организационных мер и постановлений, предусматривающих борьбу с пьянством. Они резко ударили по всей системе существующих отношений в стране, освященных традицией и глубоко въевшихся во все поры общества. Однако для преодоления алкоголизма в Советском Союзе еще не созрели условия: население, выступающее в роли пассивного объекта многочисленных законодательных мероприятий, не желает участвовать и проявлять себя в антиалкогольных кампаниях правительства. Для этого необходима коренная переделка всего политического механизма и социального бытия, которую невозможно осуществить на основе социалистических отношений. Но посягнуть на их целостность новое советское руководство при всех своих революционных призывах не решается. И незаметно спускает борьбу с пьянством на тормозе всевозможных антиалкогольных кампаний.

Живое и важное дело топится и размывается в многочисленных бюрократических починах и начинаниях (наиболее известный из них — создание антиалкогольных клубов и обществ трезвости, уже насчитывающих в своих рядах многие миллионы людей) и в причудливых призывах, находящих оформление в самых неожиданных лозунгах, таких как "Чай против водки", "Рюмка вверх дном", "Алкоголь стреляет без осечки" и многие другие.

А тем временем советский человек, живущий в огромном и отчужденном от него мире несостоявшихся надежд и связей, к ним с любопытством прислушивается, и занимая место в длинной очереди перед винным магазином, горько замечает: десятки лет спаивали, а опохмелиться не дают...

"Более двух лет мы ведем борьбу с пьянством и алкоголизмом. Но в последнее время явную угрозу алкоголизму представляет самогонварение". ("Правда Украины", 27 декабря 1987, с. 2.)

АНТИСЕМИТИЗМ — национальная и расовая нетерпимость

к евреям, характерная и свойственная антагонистическим, эксплуататорским обществам.

В соответствии с таким пониманием А. может сложиться впечатление, что в СССР полностью ликвидирована его социальная и политическая основа. Действительность же советская оказалась иной — более сложной и противоречивой. После Октябрьской революции евреям в России были предоставлены те же права, что и другим нациям. Были отменены правовые ограничения, установленные для них царским правительством, ликвидированы черта оседлости и процентная норма при приеме в учебные заведения и на работу.

В общем потоке антирелигиозной борьбы первых лет коммунистической революции нападки на иудаизм не воспринимались как проявление А. Более того, советские вожди, стремившиеся к мировой революции, выступали против А. Не имея поддержки в среде русской интеллигенции, они стремились привлечь на свою сторону евреев, оказавшихся вне привычной национальной среды. И хотя основная масса религиозного еврейства, не приняв участия в коммунистическом перевороте, была враждебна ему, ассимилированные евреи активно поддерживали новый режим. Они составили (к 1922 г.) более пяти процентов членов коммунистической партии и 26 процентов ее Центрального Комитета. Ими оказались заполнены многие важнейшие посты в стране: Троцкий стал главой Красной армии и вторым после Ленина политическим лидером; Свердлов — руководителем государства; Зиновьев — председателем Коминтерна и заместителем старой столицы — Петрограда; Каменев — заместителем Ленина по Совмину...

В имперской стране, с ее тяжелым наследием антисемитизма, этого было вполне достаточно, чтобы спровоцировать вновь антиеврейские настроения. При этом нарождающийся советский А. не сводился и не ограничивался традиционными российскими формами. А. царской России был регламентированный: он четко определял права и обязанности евреев. Процентная норма для поступления в гимназии и университеты, черта оседлости — эти и другие ограничения, несомненно, унижали и оскорбляли достоинство еврейского населения,

ограничивали возможности его национального самовыражения, но вместе с тем не вели к разрушению еврейской культуры и насильственному отказу от самобытности. Не носили они и расового характера: принятие христианства возвращало еврею гражданские права — он мог стать офицером, получал возможность владения земельной собственностью и т. д.

Новый, советский А. был в известной степени предвосхищением нацистского — в нем отчетливо угадывалась и проявлялась биологическая сущность. Ни вступление в партию, ни отказ от веры предков не защищали и не защищают евреев в Советском Союзе от дискриминации — перед ними закрыт ряд учебных заведений страны (Институт международных отношений, Дипломатическая академия, Институт внешней торговли), а в других — негласно, но четко определена процентная норма. Такие же процентные ограничения существуют и при приеме на ответственную работу.

Поначалу, в 20-х годах, рост А. был связан с процессом интеграции евреев в обществе и с теми общими трудностями, которые переживало население в процессе "строительства коммунистического общества". Лишения, голод, политические репрессии, ломка традиционного уклада жизни ассоциировались в народных низах с деятельностью евреев-большевиков. Активность евреев-предпринимателей в годы нэпа также вызывала к ним отчуждение и неприязнь. Еврей в сознании русского или украинца нередко ассоциировался с ростовщиком, купцом, торговцем. А наличие в советском государственном и хозяйственном аппарате значительного числа евреев порождало уверенность, что только они выиграли от революции.

Приток евреев в учебные заведения, в науку, технику и промышленность создавал иллюзию засилия евреев в экономической и общественной жизни. Оборачивалась ненавистью к евреям и политика коммунистов — индустриализация, чекистские репрессии против "классовых врагов", насильственная коллективизация и преобразования в деревне, приведшие к голоду на Украине, в Поволжье и Казахстане. И не только к тем, которые действительно были причастны к ней, но и по отношению ко всему народу. Какое-то время возро-

дившийся А. низов, смыкавшийся с неприязнью к коммунистам, вызывал беспокойство властей. Они были вынуждены разъяснить массам опасность А., его несовместимость с принципами коммунистического интернационализма. В этой связи и был принят специальный закон, карающий за А.

В 30-е — 40-е годы, однако, борьба с А. ослабла. В конце 1925 года на 14-м съезде партии Сталин произвел диктаторский переворот, навсегда отстранив от власти доминировавшую еврейскую группу — сначала Троцкого, а затем Зиновьева и Каменева. Тогда это еще не воспринималось проявлением А.: борьба как будто велась с оппозицией и дело касалось идейных разногласий. Кроме того, человек, захватывающий власть, был грузином, и в отстранении евреев-большевиков трудно было усмотреть проявление русского шовинизма.

Вскоре к власти в Германии пришел Гитлер, и Сталин, предвидя возможность столкновения с ним, не желал возбуждать враждебность к себе еврейского мира. Устранение евреев на вершине власти поэтому не распространилось вниз. В довоенные годы евреи по-прежнему занимали важные посты в правительстве: наркомов, членов коллегий государственных комитетов и Центральной ревизионной комиссии партии. Однако именно с Гитлером связана была первая массовая волна официального советского антисемитизма.

В период сближения Сталина с Гитлером (вплоть до нападения Германии на СССР в июне 1941 года) всякие упоминания в прессе об антисемитской политике фашистов не допускались. К этому времени относится и усиление в Советском Союзе великодержавных настроений, выразившихся, в частности, в пропаганде превосходства русского народа над другими народами. Эти тенденции явились питательной почвой для А.: стали закрываться еврейские школы и начались массовые репрессии еврейской интеллигенции.

После окончания Второй мировой войны антисемитские настроения отчетливо проявляются уже не только в виде А. низов, но и в государственной идеологии. Из "пережитка прошлого" А. превратился в компонент советской национальной политики. В СССР были закрыты все еврейские органи-

зации, театры, издательства; ведущие деятели еврейской культуры были арестованы и расстреляны. А затем развернулась кампания исключения из партии и изгнания из общественной и научной жизни евреев-”космополитов”. Были введены жесткие ограничения при приеме евреев на работу и в высшие учебные заведения. Эти распоряжения, разумеется, открыто никогда не публиковались и доводились до сведения инстанций по служебным каналам — с помощью закрытых писем, инструкций, доверительных бесед.

Сталин обдумывал план и полного уничтожения евреев. В январе 1953 года было сфабриковано дело девяти врачей, из которых шестеро были евреи. Арестованные обвинялись в государственном заговоре, в убийстве руководителей партии и правительства. Был срочно инспирирован ”гнев народа”, который должен был стать отдушиной для населения: все неудачи властей и лишения послевоенных лет решено было свалить на евреев.

Смерть Сталина приостановила готовившуюся депортацию евреев на Дальний Восток и в Сибирь, но не привела к их социальной реабилитации. Процентная норма при приеме евреев в высшие учебные заведения и на работу сохранилась. Не была возобновлена деятельность еврейских школ, театров и издательств.

В начале 60-х годов в СССР произошли многочисленные ”экономические процессы”, широко освещавшиеся в прессе. Евреи не были ни единственными, ни главными участниками подпольного бизнеса. Однако советская пропаганда использовала эти процессы для нагнетания антисемитских настроений. В газетных статьях и в фельетонах евреи неизменно выставлялись злостными расхитителями государственной собственности, экономическими диверсантами, спекулянтами, взяточниками и валютчиками.

После Шестидневной войны на Ближнем Востоке советские власти приступили к методической антиизраильской пропаганде, которая попала на благоприятную почву традиционного А. Газеты, радио и телевидение развернули погромное наступление на ”мировой еврейский заговор”. Советскому человеку внушалась мысль о связи сионистского движе-

ния в СССР с инакомыслием, диссидентством и антисоветизмом. Враг, внутренний и внешний, обрел, наконец, общие черты — сионистские. Советский еврей превратился в пособника империализма и идеологического диверсанта.

Почему? В чем и каковы были истоки советского А. 70-х годов? Эпохи, когда государственный А. практически был изжит во всех развитых странах. Ответ на этот вопрос следует искать в сущности и характере советского режима в том виде, как он сформировался в период правления Брежнева — в годы, которые теперь принято называть "временем застоя".

Коммунисты охотно и успешно использовали евреев в период становления советского государства, когда не хватало квалифицированных кадров для хозяйственного и партийного управления. Денационализированное, образованное еврейское население было важной социальной опорой большевиков. Однако на более поздних этапах развития советского государства, когда сформировались собственно коммунистические кадры, жадно рвущиеся к руководству, появилась необходимость освободить для них жизненное политическое пространство. И А. становится удобным (и популярным) средством "очищения" государственного и партийного аппарата. К тому же выяснилось, что новым властям не удалось подавить и погасить бродильный элемент, исторически сложившийся в еврейском характере, — евреи составляли значительный процент в различных оппозиционных группировках и фракциях, пытавшихся противодействовать сталинской тирании. И их стали постепенно, но последовательно выталкивать из системы управления.

Сталин понял, что А. может служить удобным громоотводом для снятия социального и идеологического напряжения в обществе. Дать политические права народу он не мог — они были узурпированы властью. Предоставление свободы таило опасность для существования его режима, а созданию изобилия мешала созданная им централизованная структура хозяйства. И единственным полем для заигрывания с массой был А., его темные инстинкты и предрассудки — с их помощью он стремился подавить и заглушить массовое недо-

вольство: на фоне унижения евреев не столь очевидным представлялось бесправие советских народов.

По тропе А. пошли и его наследники — выступивший против культа Сталина Хрущев и стремящийся его оживить и возродить Брежнев. Откровенные проявления А. в их политике (при публичных заявлениях о том, что его нет), массированная антиссионистская, а по существу антиеврейская пропаганда привели к возрождению национального самосознания советских евреев, выразившегося в стремлении воссоздать национальную культуру и изучать историю, в борьбе за выезд в Израиль. Эмиграция евреев привела к очередному взрыву А. на разных уровнях советского общества. Оскорбленное великодержавное самолюбие не хотело понять и принять желание евреев покинуть страну, в которой они родились и выросли.

С приходом к власти Горбачева в развитии советского А. произошел разлом. Официальные антисемитские настроения стали гаситься — на страницах печати заговорили о значительном вкладе евреев в отечественную культуру, науку и экономику. И с тем большей силой заявил о себе глухой и ранее сдерживаемый властями А. масс. На волнах политики гласности ожили обвинения евреев в стремлении к мировому господству, в попрании ими идеалов революции. Так что в своей "совокупности" А. в стране не стал меньше. И он, как и прежде, обслуживает внутренние и внешние цели государства.

Во внутренней политике А. используется в традиционном механизме поиска "козла отпущения", помогая направлять недовольство масс в выгодное партии русло. Во внешней (в облике "борьбы с сионизмом") — помогает СССР усиливать свое влияние в арабских странах. И по-прежнему разрешение на эмиграцию евреев из Советского Союза используется в качестве разменной монеты в отношениях с Западом.

"К сожалению, в недавнем прошлом в работах некоторых советских авторов критика сионизма не всегда велась с классовых позиций. Научный анализ подменялся двусмысленными намеками, зачастую смешивалось понятие "еврей" и "сионист". Антисемитизм и его

социальные корни в ряде таких публикаций обойдены молчанием или получили неверную оценку". ("Огонек", № 23, 1988, с. 7.)

АНТИСОВЕТИЗМ — идеология и деятельность, противоречащая интересам и целям советского руководства.

В философском обрамлении А. представляется одной из форм классовой борьбы, направленной против экономических и социальных основ советского государства, его морали и культуры. А его политическая сущность усматривается в распространении и насаждении клеветы на Советский Союз, в фальсификации его исторического опыта. Отсюда выводится предназначение А. — ослабление влияния и авторитета СССР в современном мире. Считается, что цель эта неизменна, но постоянно меняются ее формы и облик, которые материализуются в виде спирали: от "клеветы" и распространения "утонченных" и "лживых" вымыслов к политике идеологических диверсий и подрывной деятельности с угрозой войны и интервенции.

В СССР полагают, что А. никогда не проявляется в "чистом виде", вне связи с "антикоммунизмом" и "враждебными" СССР идейными течениями. При этом внимание акцентируется на гносеологической природе понятия А., а его социальная сущность тщательно вуалируется, так как критика Советского Союза, его государственного устройства и политики, деятельности его руководства совсем не обязательно связана с отношением к коммунизму.

Советская пропаганда выделяет несколько разновидностей А., каждая из которых мистифицирует подлинные его причины, мотивы и цели.

1. Буржуазный А. Его социально-политическая функция видится в обосновании превосходства капитализма над коммунизмом. Он специализируется на превратном истолковании внешней политики Советского Союза, искажении процесса его экономического развития, клевете на советскую действительность и т. д. По мнению Москвы, эта форма А. отражает состояние современной западной идеологии, охваченной глубоким кризисом и пытающейся скрыть от трудящихся свою историческую обреченность.

2. Реформистский А. Его цели такие же, как и у буржуазного А. — защита капитализма. Однако он использует иные средства — социалистическую фразеологию (в советском определении — "лжесоциалистическую"), поэтому традиционно считался наиболее опасным для советских властей. Отношение к нему изменилось при Горбачеве, когда многие его идеи были использованы в программе перестройки. Особенно удачно вписалась в новую советскую политику мысль реформистского А. о том, что проблемы советского общества можно быстро и эффективно решать без революции, без коренной ломки существующей социальной системы.

3. Троцкистский А. Искажая его сущность, советская идеология долгие годы изображала его сторонников врагами коммунизма. В действительности же к "классическому" марксизму они ближе, чем советские руководители. Их изгнание из рядов "мирового коммунизма" было обусловлено тем, что они утверждали, что в СССР нет ни социализма, ни власти Советов. На этом строились пессимистические прогнозы троцкистов относительно перспектив развития Советского Союза, их неверие в возможность построения в СССР "бесклассового общества". В последнее время в Советском Союзе в связи с пересмотром его истории и ликвидацией в ней некоторых "белых пятен" происходит переоценка идейного наследия Троцкого — спор с ним отныне ведется в теоретическом плане, без навешивания таких политических ярлыков, как "враг народа" или "агент империализма".

4. Маоистский А. — относительно новое понятие в советской идеологии, вызванное к жизни многолетней борьбой между СССР и Китаем за гегемонию в мировом коммунистическом движении. Китайским коммунистам, знакомым с советским "опытом" изнутри ("старший брат" интенсивно насаждал его в Китае в 40-х — 50-х годах), удалось развенчать и скомпрометировать советскую систему так глубоко, основательно и разносторонне, как не смогли этого сделать за многие десятилетия многообразные и пестрые течения антикоммунистической мысли на Западе. Стремясь (безуспешно) отлучить Китай от "коммунистического движения", советская пропаганда закрепила за китайскими руководителя-

ми ярлык "антисоветчиков". В вину им ставилось намерение расколоть "социалистическое содружество", подорвать "антиимпериалистический фронт", ослабить национально-освободительное движение и т. д. При Горбачеве критика "маоистского А." оказалась сперва приглушенной, а затем полностью снятой — в связи с его попытками нормализовать отношения с Китаем.

5. Праворевизионистский А. (как и троцкистский, и маоистский) относится к "семейной" критике коммунизма — критике, идущей из рядов самого социалистического движения. Если троцкистский А. атакует советские порядки "слева", отстаивая ортодоксальные догматы марксизма-ленинизма, то праворевизионистский А. срывает социалистические "маски" с советской системы, апеллируя к понятиям демократии и либерализма. Это дает советской идеологии основания обвинять ревизионистский А. в намерении реставрировать капитализм в социалистических странах. Ему ставится в вину извращение советского опыта, отрицание ведущей роли пролетарской партии в революционном процессе и т. д.

6. Сионистский А. — конструкция совершенно искусственная, умозрительная, ибо в сионизме нет ни антисоветского, ни антикоммунистического содержания. Сионистский А., в отличие от других его форм, критикуется не только в плане идеологическом, но и осуждается как движение, стремящееся перевести "войну идей" в практическую плоскость. Сионистскому А. инкриминируются попытки отвлечь мировое общественное мнение от агрессивных маневров империализма на Ближнем Востоке, ослабить "революционирующее" влияние Советского Союза, посеять сомнения в миролюбивой внешней политике СССР и пр. При этом сионистский А. отождествляется с фашизмом с тем только незначительным различием, что на место культа исключительности арийской расы ставится культ "избранного Богом народа". Истоки острой неприязни советской пропаганды к сионизму и явного страха перед ним во многом обусловлены общим возрождением в советском государстве националистических идей и настроений, разрушивших миф о появлении в СССР "новой исторической общности людей — советского народа".

Концептуализация различных форм А. в последние годы вызвана стремлением властей скрыть действительные причины распространения антисоветских идей и взглядов, затушевать тот очевидный факт, что советская действительность сама порождает и инспирирует А., подталкивая общественное сознание к пониманию природы коммунистического режима.

Между тем антисоветская деятельность, вопреки целому комплексу фикций, которыми ее окружили, не может считаться антигосударственной, ибо полностью соответствует правам граждан, записанным в конституции СССР. Однако для того, чтобы дискредитировать духовную оппозицию, коммунистический режим стремится представлять ее антиобщественной и антинародной. В соответствующем социальном ракурсе рисуется и облик антисоветчика — "отщепенца", порвавшего с коммунистической идеологией и моралью, жалкого и ничтожного авантюриста, не имеющего устоев и опоры в советском обществе, подпавшего под влияние буржуазной пропаганды.

Идеологическое обрамление А. призвано скрыть то обстоятельство, что неприятие советского режима вовсе не свидетельствует о враждебном отношении к СССР или его народам, а порождено реальными процессами в самом советском обществе и развитием мирового демократического движения, не желающего мириться с тоталитаризмом в любой его упаковке.

"Мы предупреждаем тех, кто сеет зерна антисоветизма. Они вырастивают позорный плод". ("Известия", 1 февраля 1981, с. 5.)

"АФГАНЕЦ" — советский солдат, воевавший в Афганистане.

Таков первый, верхний содержательный слой понятия; его второй, нижний слой, имеет иной смысл — создает представление о человеке с обостренным чувством социальной справедливости, честном, решительном, способном устоять на "простреливаемых" перекрестках жизни. Оба эти пласта слова А. взаимодействуют, дополняя и углубляя друг друга: предполагается, что для того, чтобы оказаться в Афганистане, человек уже должен был обладать положительным нрав-

ственным "зарядом", ну, а вернувшись оттуда, он просто не мог им не обладать.

Оценочный характер понятие "А". приобрело не сразу. Какое-то время оно констатировало только факт — человек воевал в Афганистане, не более. Постепенно, однако, в слове "А". появляется дополнительный фон — некая нравственная "нагрузка", но совершенно другая, что предпослана ему сегодня — потерянный человек, которому совсем не просто вращать в мирную жизнь; он не управляет своим поведением, необуздан, драчлив, срывается на скандалы и хулиганство. Коротче — отмечается определенная неадекватность, взрывоопасность его поступков и дел. Поэтому средства массовой информации старались не акцентировать на личности "А". внимание. Было известно, что в Афганистане находится контингент советских войск, подчеркивали — "ограниченный". Но он словно был анемичный, его старались не персонифицировать. Более того, о нем вообще старались не говорить. Отмечалось, что Афганистан — это не более чем локальный конфликт и нечего разжигать страсти описанием боев и упоминанием о потерях. Даже погибших привозили втайне и хоронили по ночам, ставя на могиле стандартный серый камень со стандартной же надписью: "Погиб при исполнении..." — где и как, не разъяснялось.

Проникнуться настроением властей, понять их мотивы несложно, война длилась долго, дольше, чем Отечественная, и следовало уходить от вопроса: "Во имя чего гибнут люди?" Народ не был готов к принятию трагедии, выплеснувшейся огромным числом жертв и увечий. Необходимо было для начала его подготовить психологически. И в общественное сознание было запущено понятие "воины-интернационалисты" — о тех, кто воевал в Афганистане. Оно оказалось неудачным, хотя, казалось, было скроено по отличной идеологической мерке. Во-первых, оно объясняло, почему советский солдат оказался на войне — по зову афганского народа. И, во-вторых, — что он там делал: выполняя свой интернациональный долг, защищал революцию. Но новое слово "не работало", солдат провожали без радости и встречали без почта. Опускали глаза — не воспринимали героями, в лучшем

случае — жертвами, верными присяге и выполнявшими приказ. Жалели, но не уважали — не то, что в 1945 году.

Не помогла даже ассоциация, совсем не случайная, словосочетания "воины-интернационалисты" с названием добровольцев, воевавших в Испании (1936 — 1939 гг.), — их тоже представляли "бойцами-интернационалистами". Напротив, она действовала разрушающе. Память подсказывала: в Испании боролись с фашизмом, защищая родину, а в Афганистане сражаются — с кем? С крестьянами. И вот тогда родился замысел — примерить к солдатам Афганистана новое пропагандистское одеяние — определять их лаконично, но выразительно — "афганцами". И сразу же стали наполнять только что созданный образ — для одухотворения — соответствующим содержанием.

Пришлось поработать и психологам. Они следующим образом стали объяснять "издержки" натуры "А": человек, перешагнув смертельную опасность, становится максималистом. Изменившись, познав истинную дружбу (боевую) и подлинное мужество, он, возвратившись, застаёт общество, не тронутое переменами. Люди остались прежними — спокойными, равнодушными, изнеженными, он же, постигнув высший смысл жизни, — другой, требовательный, целеустремленный, не склонный к компромиссам и сделкам с совестью. Ему и его боевым товарищам свойственно горячее желание изменить действительность, сделать ее разумнее, справедливее, человечнее. Так что не следует их, с их благородными порывами и чистыми устремлениями, негибких и некомфортных, сталкивать на обочины социальных дорог. У них необходимо учиться, и им следует подражать.

Так постепенно фигура "А" обретает исполинские духовные очертания и особые нравственные черты. Создается видимость, что, наконец, найден долгожданный советский идеал — герой сегодняшнего времени. И ему, в соответствии с советскими понятиями, отряжаются соответствующие привилегии. Обладатель зеленого или красного удостоверения (и здесь не может быть полного равенства: зеленая "книжка" положена ветеранам-бойцам, а красная — офицерам) прикрепляется к специальному магазину, в котором он раз в

месяц может сделать заказ на продукты (один — для держателей зеленых удостоверений, другой, более разнообразный, — для владельцев красных). Раз в пять лет он вправе без предварительной записи купить мебель, ему положены льготы по приобретению жилья и дана возможность поступать вне конкурса в учебные заведения. Есть у него и другие преимущества, менее существенные, но более заметные: право на дополнительный отпуск и на 50-процентную скидку (раз в год) на проезд в железнодорожном транспорте и возможность (на зависть другим) подойти к прилавку магазина без очереди.

В общем-то это не так много за пролитую кровь и загубленную молодость. Но в советском представлении это не совсем так (вернее — совсем не так). В обществе, в котором всего не хватает, привилегии важнее жизненных ценностей. И люди идут на обман и подлог, чтобы выдать себя за "афганца". Обряжаются в тельняшки, покупают ордена, подделывают документы. Так что не образ и понятие "А" оказались близкими и желанными советскому человеку — созвучными и понятными социалистической эпохе оказались его права и привилегии: они, а не его действительные или мнимые достоинства, толкают людей в ряды лжеафганцев. И невдомек им, что и на этот раз они оказались обманутыми. И суть не в том, что реальный "А" совершенно не похож на его иконописный портрет, а в том, что парни, пришедшие из Афганистана, не могут годами устроиться на работу, поступить в институт, получить квартиру. Советская реальность и на этот раз оказалась не похожей на ее вымысел.

"Слово "афганец" для подростков — пароль, олицетворение авторитета и мужества". ("Литературная газета", 3 августа 1988, с. 11.)

”Б”

БЕЗРАБОТИЦА — вынужденная незанятость части трудоспособного населения, представляемая социальным явлением капиталистической действительности.

При слове Б. в сознании советского человека должен мгновенно возникнуть мрачный облик империализма в том виде, в каком он рисуется коммунистической пропагандой: бездомность, неустроенность, бесправие, унижение человека, бездушие. Советские сообщения о Б., статистические обзоры и справочники не содержат сведений о размерах, длительности и порядке назначения пособий по безработице в разных странах и, конечно, не упоминают о том, что эти пособия превышают среднюю заработную плату в СССР. Такое умолчание создает искаженное представление о положении с Б. в свободных странах, способствует распространению пропагандистских мифов о голоде и нищете трудящихся в капиталистическом обществе.

Для характеристики Б. в Советском Союзе это понятие не используется. Вместо него употребляются такие неопределенные термины, как ”незанятость”, ”нетрудоустроенность”, ”недостаточный уровень занятости”, ”неполное использование трудовых ресурсов”, ”резервы незанятой рабочей силы” и т. д. Однако во всех этих случаях имеется в виду та же Б., которая в Советском Союзе достигает весьма серьезных размеров. Еще в 1965 году на мартовском Пленуме ЦК КПСС говорилось о ”незанятости” 16 процентов мужского трудоспособного населения и 20 процентов трудоспособных женщин в неиндустриальных городах и поселках страны. А эко-

номические реформы Горбачева предполагают вытеснить из системы общественного производства к 1990 году целую армию безработных: 20 — 25 миллионов человек.

Отказ от использования слова Б. при описании социальных процессов и явлений советского общества и его закрепление за капитализмом имеет совершенно определенный смысл: внушить советским людям мысль о том, что в коммунистических странах нет и не может быть Б., тогда как в мире "капитала" она неизбежна и непреодолима. Поскольку, однако, само это явление в СССР существует, пропаганда вынуждена как-то говорить о нем. Использование вместо слова Б. эвфемизмов создает впечатление, что речь идет о временном явлении, о мелких недостатках, обусловленных лишь неудачным планированием, несовершенством управления, нераспорядительностью "отдельных" руководителей и т. д.

Впрочем, даже эти осторожные слова-заменители, не посягающие на основы коммунистического режима, употребляются в советской печати крайне редко. Как правило, они встречаются в докладах и выступлениях партийных руководителей перед элитой и в "закрытых письмах", не предназначенных для широкого читателя. Исключение составляют лишь периоды смены лидеров, когда пресса имеет возможность возложить вину за Б. в советском обществе (стыдливо именуемую "незанятостью" или "нетрудоустроенностью") на прежнее руководство.

При описании ситуации в социалистических странах или развивающихся государствах слово Б. также не употребляется. О Б. начинают говорить вслух лишь тогда, когда эти страны делают попытку преодолеть советское влияние и проводить самостоятельную политику. Так, при каждом ухудшении взаимоотношений с Югославией советская печать общала о "массовой Б." в этой стране. Стоило, однако, отношениям улучшиться, как Б. в Югославии мгновенно "исчезала". Нечто подобное происходило и с Китаем: как только между Москвой и Пекином обозначались противоречия, обнаруживалось (в сообщениях советской прессы), что в Китае миллионы безработных.

”В конце 1930 года на Московской и Ленинградской биржах труда сняли с учета последних безработных... Вот уже 60 лет мы не знаем, что такое безработица, и она ни под каким предлогом не должна возникнуть”. (“Партийная жизнь”, № 6, 1988, с. 21.)

”БЕРЕЗКА” — специализированный магазин, торгующий на иностранную валюту или особые чеки Внешторгбанка.

Сеть магазинов ”Б”. появилась в начале 60-х годов, формально — для обеспечения иностранных граждан дефицитными товарами, фактически — для удовлетворения возрастающих запросов и потребностей привилегированной категории советских граждан.

Пик расцвета ”Б”. пришелся на 70-е годы, именуемые в настоящее время в СССР ”годами застоя”. В стране набирало силу и разворачивалось новое сословие — энергичные, предприимчивые дельцы второй экономики, у которых в избытке были средства, но недоставало привилегий и, особенно, главной среди них — права пользоваться закрытыми правительственными распределителями (”спецмагазинами”). Они готовы были платить и платили за ”товары повышенного спроса” любые деньги, что позволяло государству через магазины ”Б”. перекачивать в свой бюджет часть награбленных у него средств.

Тогда же выявились и печальные издержки магазинов ”Б”. Они привели к резкому буму на черном рынке иностранной валюты и приравняваемых к ней чеков Внешторгбанка, и, что более существенно, к идеологической девальвации социалистических ценностей — разумеется, не по воле их создателей. Человеку, привыкшему к скудости прилавков гастрономов и универмагов, трудно было сохранить приверженность коммунистическому режиму, наблюдая за витринами изобилия (в советском понимании) ”Б”.

”Б”. более эффективно, чем зарубежная пропаганда, высвечивали неустроенность советской жизни, ее серость и нищету. И магазины ”Б”., чтобы не смущать воображения обывателей, передвинули из проезжих улиц в дальние переулки и зашторили их глухими жалюзи. Но ажиотаж вокруг ”Б”.

не стал меньше, а улицы, ведущие к ним, по-прежнему были запружены толпами людей — спекулянтами, торгующими валютой, и страждущими за любую цену приобрести импортный товар — предмет особой гордости одних и всеобщей зависти других.

Вихрь горбачевских реформ захватил и "Б". Некоторое их число, торговавшее на чеки Внешторгбанка, было закрыто. Но магазины, предлагающие товары на валюту, оказались в неприкосновенности. Их даже стали открывать еще больше. В каждой республике появились "свои" "Б". — под причудливыми названиями, отражающими местный колорит: "Чинара" — в Азербайджане, "Арагви" — в Грузии и т. д. К ним прибавились и совместные советско-иностраные предприятия — кафе и рестораны, обслуживающие посетителей за валюту: итальянская пиццерия, японский суши-бар, американские закусочные "Макдональд".

Опыт этих заведений оказался настолько успешным, что на откуп — в аренду зарубежным компаниям — стали передавать лучшие оздоровительные центры и гостиницы страны. И постепенно в советском обществе стала складываться инфраструктура нелепостей и абсурда — заграница для иностранцев.

"Когда девушки сели в машину, мужчина сказал им, что ровно в полдень ему надо быть на Гражданском проспекте..."

...Девушки же вместо этого предложили ехать в "Березку". ("Неделя", № 42, 1988, с. 10.)

”В”

ВЕРТУШКА — телефон, не подключенный к общегородской телефонной сети, символ высокого престижа и принадлежности к власти.

Его другое название — ”сотка”: когда-то таких телефонов на всю Москву было всего 100 (сегодня их несколько тысяч). Эти первые в Советской России автоматические телефоны устанавливались в кабинетах высокопоставленных партийных чиновников по указанию Ленина, стремившегося оградить секретные и важные разговоры от подслушивания телефонисток. В. работала без коммутатора, и члены Политбюро и министры совершенно свободно вели по нему открытые и доверительные беседы. Сталина, однако, такая система правительственной связи не устраивала, и он нашел выход: в его кабинете была установлена подстанция, позволяющая контролировать ведущиеся по В. телефонные разговоры. Это дало ему возможность быть в курсе закулисной жизни членов правительства, что помогло ему в борьбе за власть. Он постоянно знал (а не предугадывал, как об этом говорилось впоследствии) планы и замыслы своих политических противников.

После Второй мировой войны В. появились в союзных республиках. Они устанавливались в кабинетах местных руководителей партии и государства (отсюда их второе название — ”правительственные телефоны”), стремившихся подражать столичному аппарату, его вельможным привычкам и привилегиям.

Право на установку В. в Советском Союзе строго опре-

делено и регламентировано, так же, как возможность иметь служебную машину с шофером, персональную дачу или абонемент в закрытый магазин. Членам Политбюро и правительства, высшим офицерам армии полагается В. в служебном кабинете и на квартире (то же правило действует и в союзных республиках). Их заместителям, секретарям горкомов и райкомов партии, председателям райисполкомов, заведующим отделами ЦК, главным редакторам газет В. устанавливается только на работе.

Наличие В. или доступ к ней — прерогатива высших чиновников, она служит для них своеобразным пропуском в некий изысканный клуб элиты — клуб держателей "правительственного телефона".

В. не следует смешивать с междугородным телефоном "ВЧ", работающим на высокочастотных каналах и предназначенным для тех же целей, что и правительственный телефон. "ВЧ" появился в Советском Союзе в конце 1941 года и предназначался для чрезвычайной связи с фронтами (первоначально с московским фронтом). В настоящее время "ВЧ" устанавливается у секретарей и заведующих отделов ЦК КПСС, министров, командующих округами и родами войск, а на местах — у руководителей республик и областей.

"Одним словом, они запретили мне этот спектакль и дали мне выговор. Я стал метаться, разговаривать с ними по вертушке... Я и звонил, и разговаривал, как в народе говорят, со всеми портретами". ("Страна и мир", Мюнхен, 1984, №№ 1–2, с. 131.)

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО — подкуп должностных лиц, широко распространенный в советском обществе.

В. — неотъемлемая черта советского образа жизни; к нему обращаются при назначении на государственную должность, при поступлении в университет, при распределении и получении материальных и духовных благ. Оно процветает в промышленности, науке, торговле, сфере обслуживания, здравоохранения, юстиции — во всех сферах социальной жизни.

В. в СССР квалифицируется как серьезное преступление. И в общественном сознании срабатывает рефлекс предосторожности: на слово "взятка" наложено табу. Вместо "дал

взятку”, ”пришлось дать взятку”, ”все берут взятки” говорят — ”дал”, ”пришлось дать”, ”все берут” и т. д.

В. многолико и многообразно. Это и вручение денег, и подношение ценных подарков, и снабжение дефицитными товарами, и многое другое. Массовый характер приобрел такой его вид, как взаимный обмен услугами: за помощь в назначении на престижную должность можно получить квартиру без очереди, шубу, путевку в санаторий и т. д.

В первые десятилетия существования советского режима В. объяснялось ”наследием капитализма”, считалось ”пережитком прошлого”, а не следствием системы. Начиная с 60-х годов В. приобрело, однако, настолько массовый характер, что на страницах печати его вынуждены были увязывать с ”отдельными” недостатками социалистической жизни. Еще через 20 лет выяснилось, что В. является сутью целого исторического периода в развитии советского общества, представленного ”эпохой застоя”.

В. как явление не разрушает систему, а усиливает и укрепляет ее — снимает социальные противоречия, служит защитным устройством, предохраняющим человека от непосильного социального давления — эксплуатации, дискриминации, унижения. Благодаря В. многие советские служащие, получающие нищенские оклады (учителя, врачи, работники торговли и другие), приобретают возможность сводить концы с концами.

В. обуславливается сущностью советского общества, его системой управления и распределения. Централизованное планирование и отсутствие материальной заинтересованности в результатах деятельности порождают низкую производительность труда, и как ее следствие — недостаток предметов первой необходимости. Чтобы приобрести продукты питания, советскому человеку приходится после работы или вместо нее простаивать многие часы в очереди или ”доставать” их с помощью В. И тогда в скудном бюджете советских людей образуются существенные бреши. Их также стараются заполнить с помощью взяток, которые теперь стремятся уже не дать, а получить. Учитель за взятку повышает оценки, врач — выдает освобождение от работы, профсоюзный деятель —

”устраивает” квартиру, партийный работник — помогает продвинуться по службе, следователь — обойти закон и т. д.

В. заложено в природе социалистического хозяйства. Производственные планы не учитывают специфики и возможностей предприятий и особенностей советской экономики. Выполнить их или создать видимость выполнения можно лишь с помощью В. Взятка открывает возможность получения внефондового сырья, запасных деталей для пришедших в негодность машин, дефицитного оборудования. Умение ”пробить” их — великое искусство, которым занимается штат агентов по снабжению (”толкачей”). Они — искусные мастера в даче и получении взяток. Без них неповоротливая индустриальная система страны давно бы остановилась и замерла, парализованная инертностью и бюрократизмом.

Во В. втянуто практически все общество — от района до республики. Практика В. в СССР сложна и однозначна. В Закавказье, Средней Азии, в Прибалтике — таковы вековые традиции — взятки дают и берут свободно, и подобное поведение считается там вполне законным (пока, разумеется, дело не доходит до других законов). В Белоруссии и на Украине, где нет столь мощного черного капитала, как в Москве, Ленинграде, Грузии или Азербайджане, взятки распространены меньше. Однако при общей безалаберности социального и промышленного планирования в любом советском городке действует слаженная и четкая система дачи и получения взяток. И высокий руководитель не станет посягать на ”права” районного руководителя, ибо местные предприятия — не его вотчина. Они довольствуются взятками, стекающимися к ним от подчиненных им учреждений и организаций. И только в сложных ситуациях, когда поступает ”в обращение” предприятие двойной, районно-республиканской подчиненности, взятки, идущие от него, ”честно” делятся между местным и республиканским начальством.

”Наука” вытягивания взяток в Советском Союзе доведена до совершенства. Здесь существует определенный порядок, субординация и своеобразный ”кодекс чести”. И руководитель района безоговорочно принимает необходимость

делиться с городским, а тот с союзным начальством. Впрочем, и он не остается внакладе. Как только предприятие начинает функционировать, прибыль от него в заранее оговоренном размере начнет стекаться и к нему.

Сведений о размерах взяток, точных и определенных, получаемых советскими чиновниками, нет. Но, несомненно, они измеряются пяти- и шестизначными цифрами (в пересчете на год). Министры и секретари ЦК — берут больше, отчет здесь ведется на миллионы. Они не унижаются до мелких поборов. У них, кроме денег, есть еще и власть. И пока они ею располагают, в их распоряжении заповедники, дачи, выезды с многочисленной свитой. Основная задача — удержаться на своем посту как можно дольше. Тут решают не только деньги, но и устрашение, шантаж, интриги. Но для тех, кто стоит за ними (а вернее — под ними), деньги являются высшей ценностью: они обеспечивают независимость и гарантируют продвижение и успех. И жадные руки советских бюрократов настойчиво и постоянно тянутся к В. Здесь превыше всего ценится иностранная валюта — особенно доллары и фунты, но в ход идут также бриллианты и золото.

С Горбачевым к власти в советской стране пришли молодые и честолюбивые карьеристы, которые стали теснить, отталкивать, сбрасывать с партийного престола заскорузлых и замшелых в коррупции старых работников. Начались разоблачения, и на идеологическом фасаде "развитого социализма" обозначились трещины и разрывы, сквозь которые проступила государственная мафия. Тюрьмы переполнились, в них оказались и те, кто брал взятки, и те, кто давал их. Социальная иерархия советского общества на какое-то время оказалась нарушенной, смятой — дельцы подпольного бизнеса, партийные боссы, ворочавшие миллионами, оказались на скамье подсудимых рядом с официантами, продавцами, довольствовавшимися в день одной-двумя незаконно добытыми десятками.

Скандалные разоблачения коснулись высшей элиты — министров, заведующих отделами ЦК. Однако на более высоком уровне, на уровне Политбюро или Секретариата ЦК КПСС, карающая десница советского закона оказалась бес-

помощной. Проворовавшимся вождям — Романову, Алиеву, Долгих и другим — была предоставлена возможность тихо уйти в никуда. Таких, как они, если и снимают по ходу кампании борьбы с коррупцией, то разоблачения никогда не доводятся до конца: обсуждался и отвергался стиль их руководства, реже — характер и методы работы. И никогда — их продажность и подкупность. И уже, во всяком случае, это не делалось публично. По самому характеру их деятельности они не подлежат гласному суду, ибо очень высокий работник не просто занимает должность, он служит символом власти в СССР, а советская власть обязана быть безгрешной.

Впрочем, существует и еще одно, более прозаическое соображение, не допускающее громких и скандальных разоблачений высоких должностных лиц — необходимо сохранить возможность и преемственность эксплуатации их места. И В., поднимаясь до уровня широкого социального явления, остается в советском обществе явлением непреодолимым.

”Жить достойно — значит шире вести борьбу с мешанством и потребительством, карьеризмом и взяточничеством”. (“Комсомольская правда”, 27 октября 1983, с. 2.)

ВЗЯТЬ ХЛЕБ — собрать урожай.

Подтекст словосочетания В. х., его структура отражают представление об изначальной враждебности человеку природы — она противится его попыткам ее обуздать и подчинить. Так что зерно в СССР не собирают, а ведут наступление на него. Отсюда возникло выражение — фронт борьбы за хлеб, и на него мобилизуют — еще одна фраза из военной лексики — транспорт и людей.

Сводки ”битвы за хлеб” почти так же, как военные сообщения, помещают на первых полосах газет, транслируют по радио, передают по телевидению. Тем самым имитируется ”всенародный” интерес и заинтересованность в успешном сборе урожая зерна — без разбазаривания и без потерь. Но оказывается, что на пути решения этой чуть ли не национальной задачи стоит не стихия, а советская бесхозяйственность, неорганизованность, а если шире — социалистическая экономическая система и отчужденные от сельского труженика

земля и собственность. Крестьяне не заинтересованы В. х. — их сила, энергия, время прикованы к крохотному приусадебному участку, который их кормит и одевает. А колхозы и совхозы же не в состоянии обеспечить надежное хранение хлеба, и в районные зернохранилища его приходится возить за десятки, а порой и сотни километров от места сбора, теряя на ухабистых, неухоженных грунтовых дорогах до трети собранного урожая. Другая треть погибает на корню из-за нехватки рабочих рук и техники.

“Хлеб, как видим, все-таки есть, но это будет очень трудный хлеб. Взять его при недороде — такова уж специфика здешнего земледелия — не менее сложно, чем в годы урожайные”. (В. Гавричкин. Хлеб восточной нивы. “Известия”, 18 августа 1988, с. 1.)

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЯ — норма, предусматривающая участие коммунистов в выработке и проведении в жизнь партийных решений.

Идею В. д. выдвинул Ленин. Он же разработал и ее важнейшие принципы: выборность руководства партии сверху донизу, отчетность, коллегиальность, критика и самокритика. За этими формальными признаками, не лишенными, впрочем, некоторого свободомыслия, явно просматривалось стремление насадить и утвердить в советском обществе демократию для избранных, ограниченную, кастовую — только для членов партии. Но попытка вычленить партию из общества, изолировать ее от социальных процессов, происходящих в государстве, оказалась несостоятельной. Тоталитарная природа режима превратила их в фикцию, и коммунисты очень скоро оказались столь же бесправными, как и все советские люди. Не защищенные законом, они были втянуты в машину террора и сломлены или перемолоты ею. Настолько полно, что даже в собственной партии были лишены возможности оказывать влияние на ее политическую жизнь. Их взгляды и мнения совершенно не учитывались, и при формировании партийных органов предлагалось только то число кандидатов, которое предполагалось избрать на вакантные должности. В низовых партийных организациях еще как-то допускалось обсуждение кандидатур или даже их отвод, но в выше-

стоящих они утверждались и проводились всегда единогласно.

Партийные отчеты и доклады стали пустой формальностью. Ораторы подбирались заранее и заблаговременно готовились тезисы их выступлений, решения и резолюции съездов и пленумов партии. Критика руководителей полностью исключалась, приветствовалась и поощрялась лишь проработка вышестоящими деятелями нижестоящих или разжалованных (или — умерших): Андроповым — Брежнева, Брежневым — Хрущева, Хрущевым — Сталина и т. д. — и так во всей политической цепи партовластия.

Иное дело "самокритика" — она приветствовалась, но только при одном условии: должна была иметь место на самом низком партийном уровне. В советской истории не бывало случаев, чтобы с публичным покаянием выступали высшие советские руководители, находящиеся у власти.

Свою несостоятельность проявила и идея коллегиального руководства. Деятельность КПСС осуществлялась на основе абсолютного единоначалия и полновластия. Решающей являлась не воля членов партии, а мнение первого секретаря. Он всегда являлся абсолютным хозяином района, города, области, республики, и "коллективное руководство" утверждало себя только в единогласном одобрении его решений.

Не выражалась В. д. и в "активности масс". Советские коммунисты до самого последнего времени оставались пассивными, индифферентными и вынуждены были подчиняться руководству в силу жестокой и обязательной "партийной дисциплины", несоблюдение которой вело к исключению из партии и изгнанию с работы. Через страх перед наказанием реализовался и еще один принцип В. д.: "единство рядов партии и недопустимость оппозиционности и фракционности". Это требование прикрывало, объясняло и оправдывало террор и массовые чистки в партии.

И это же показное единодушие (вернее — единопослушание) членов партии привело советское государство на семидесятом году его существования к глубокому социальному кризису, политическому тупику. Общественная жизнь ока-

залась захваченной разложением и коррупцией, нормами поведения стали цинизм, ханжество и равнодушие. Экономика, парализованная директивным управлением, пришла в упадок. И власти были вынуждены пересмотреть и переосмыслить ленинское понимание В. д. Стали проводить более умеренную, открытую политику, а при выборах партийных комитетов допускать гласное обсуждение кандидатур и тайное голосование.

Однако это важное звено, способное привести к преобразованию всей системы В. д., превратилось в ее ремонт и подновление, как только встал вопрос о способе и характере выборов партийных делегатов. До 1961 года существовал принцип — побеждает тот кандидат, кто набрал наибольшее количество голосов. В сложной внутрипартийной борьбе Хрущев в угоду партаппарату отказался от этого принципа, и избранным стал считаться каждый, кто набирал больше пятидесяти процентов голосов. И рамки партийных комитетов стали раздвигаться и расширяться, чтобы вместить в них всех прошедших 50-процентный барьер.

Такая система выборов выводила из-под реального контроля руководителей, так как почти никогда не случалось, чтобы им не удавалось набрать этот половинчатый процент. Выборы, по существу, превратились в выражение вотума доверия к ним. Таковыми они остаются и при Горбачеве — предлагается проводить и утверждать в выборные органы партии всех, кто получил 50 процентов голосов, или назначать новые выборы. Иначе говоря, членов партии заставляют измором выбирать нужных властям руководителей. Тем не менее навстречу робкой либерализации Горбачева поднялась мощная демократическая волна: на партийной конференции, собравшейся в Москве летом 1988 года, неожиданно прозвучала критика советского руководства. На ней впервые за многие годы не оказалось показного единомыслия. Пробуждающееся гражданское сознание членов партии, творческие силы, окончательно не погасшие в них, грозят в любое время выйти за узкие рамки, отведенные им В. д. И многое здесь зависит от горбачевской политики перестройки — явится ли она проходящей тактикой в его борьбе за власть и стабили-

зацию режима или же станет действительно новым мироощущением нового советского правителя. Но балансирование между этими тенденциями не может происходить долго, потому что, пока оно происходит, обе эти возможности будут усиливаться, взаимно поглощая и парализуя друг друга.

”Должны быть разработаны и осуществлены меры по углублению внутрипартийной демократии с тем, чтобы все звенья КПСС действовали в атмосфере партийного товарищества...” (Резолюция 19-й Всесоюзной партконференции КПСС. ”Известия”, 5 июля 1988, с. 2.)

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ — советская политика неприкрытого и откровенного террора, проводимая в период с 1917-го по 1920 год.

В. к. представляют как временную и вынужденную меру советского правительства, обусловленную трудными условиями военного времени, которая была вызвана необходимостью обороны страны и, обеспечив массовую мобилизацию населения, позволила снабдить его хлебом. В действительности политика В. к. была продуманной попыткой перескочить этапы социального развития (вопреки Марксу) и немедленно ввести общество в коммунизм — осуществить переход к бесклассовому способу производства и распределения. Деревня по разверстке (через насильственное изъятие) должна была сдавать городу хлеб, который по едокам намечалось разделить между рабочими и их авангардом — ”партией”. Всем прочим сословиям и классам предлагалось перейти на самообеспечение или умирать.

Крестьяне, однако, не захотели во имя ”светлого будущего” отказаться от хлеба, и в мае 1918 года правительством был принят декрет о ”хлебной повинности” (в дополнение к воинской). Так началась эпоха В. к., открывшая главный фронт гражданской войны — борьбы с крестьянством, на который была послана многочисленная армия в 50 тысяч человек, организованная в продовольственные отряды (”продотряды”). Сельские жители, воспринявшие коммунистический переворот доброжелательно или с некоторым выжиданием, были вынуждены выступить против властей. Они не хотели голодать, терпеть самоуправство, не соглашались на лишение их

гражданских прав. И в стране взорвались и вспыхнули крестьянские бунты.

Первые их волны накрыли центральные районы Подмосковья уже в самом начале 1918 года, затем, расширяясь, захватили казацкие области Дона и Закавказья — в 1919 году, сместились на Украину и в 1920 году подошли к Сибири. Размах, отчаяние и сила народного сопротивления явились неожиданностью для коммунистов, полагавших, что крестьяне выступили против них "по недоразумению", ибо лучшей власти, чем советская, невозможно представить. Крестьяне, однако, представляли (и хотели) другую власть, без большевиков, без продразверстки и террора. И расширяется не только география народных восстаний, меняются их существо и характер — от стихийных выступлений народные массы переходили к организованной борьбе, объединялись в многотысячные армии. На войне как на войне, и на крестьян обрушилась вся мощь коммунистической диктатуры.

Ее "карающий меч", Чрезвычайная комиссия (ЧК), поворачивался от борьбы с контрреволюцией на направление главного удара — на расправу с народом. А после поражения Белого движения (1920 г.) в войну с ним вступили и регулярные войска. Тем не менее сломить окончательно сопротивление крестьян не удалось. Они продолжали ускользать от тотального охвата диктатуры. И зерно по-прежнему приходилось находить и изымать силой — взрывать подполы домов, перепаживать огороды, обращаться к угрозам и репрессиям — расстреливать непокорных и брать заложников. Так формировалась и складывалась политическая система нового типа — В. к., главной особенностью которого являлись не суровость и жестокость закона, а его полное забвение и попрание. Он выбросил за рамки общества все классы, не исключая и "правящий" — рабочих. Они и он оказались лишены самостоятельной социальной функции и существовали лишь в той мере, в какой обслуживали диктатуру В. к. Их подавила партия, она вытеснила их из активной политической жизни, заменив собой государственный аппарат.

Все, что находилось вне его и отказывалось ему служить, было уничтожено. Была разгромлена и запрещена оппози-

ция, в том числе и собственная — коммунистическая. Мир был разорван и поделен на противоположности. И ничего в нем не имело права оставаться нейтральным — ни культура, ни наука, ни воспитание. Нравственным было объявлено только то, что способствует победе коммунизма.

Реставрация старого строя стала невозможной. В государстве не оказалось силы, способной повернуть страну к прошлому: все социальные группы находились в состоянии упадка и разложения. Старое общество исчезло, новое не появилось. Но власти упорствовали — старались вызвать к жизни его призрак террором и насилием. И надеясь, что В. к. останется системой правления еще многие годы, углубляли национализацию промышленности, создавали сельскохозяйственные коммуну, обобществляли быт, насаждали и усиливали милитаризацию труда, ликвидировали деньги, перейдя на натуральный обмен и снабжение.

Хозяйство, экономика государства распадались, уменьшалось и свертывалось производство: каждый год — на 12 процентов, и к 1921 году оно по своему объему едва достигало половины довоенного. Развивалась безработица, которая подвела страну к мощным рабочим забастовкам. Широкий размах они приобрели в промышленных районах, традиционно считавшихся цитаделью большевизма, — в Донбассе и на Урале. Рабочими волнениями оказались охвачены Москва, Петроград, Тула, Ижевск, Харьков. Против коммунистов выступил "гегемон революции" — пролетариат, и они оказались в изоляции. Это окончательно определилось, когда брожение охватило военный флот Балтики (март 1921 г.), потребовавший переизбрания Советов ("Советов без коммунистов") и восстановления демократии ("свободы слова и печати для рабочих и крестьян").

Мятеж в Кронштадте был самым опасным испытанием власти — против нее поднялась революционная армия. Необходимо было срочно спасти режим. И Ленин признал "опыт" В. к. ошибочным — он обошелся стране в два миллиона жертв. Такова была плата за попытку реализовать мечту о бесклассовом обществе. Его становление обойдется советским людям значительно дороже — в десятки миллионов по-

гибших. Но в 1921 году казалось, что, отказавшись от В. к., Ленин сделал "шаг назад". Очень скоро, однако, его наследник Сталин сделает "два шага вперед" к тоталитаризму.

"Здесь неловко было бы в хронологическом порядке излагать, как от брестского мира страна переходила к "военному коммунизму..." ("Литературная газета", 13 июля 1988, с. 12.)

ВОСПИТАНИЕ СОВЕТСКОЕ — идеологизированная передача общественно-исторического опыта новым поколениям с целью приобщения их к коммунистическим ценностям и деятельности.

В. с. имеет две цели: образовательную, заключающуюся в приобретении человеком в процессе обучения необходимых государству знаний и навыков, и воспитательную — укрепление в его сознании коммунистических принципов. При этом приоритет отдается второй цели: "Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали" (Ленин. Соч., 4-е изд., т. 31, с. 266.)

Объем В. с. противоречив. Духовно он искусственно сужен — сводится к натаскиванию людей в соответствии с идеалами коммунизма, а содержательно — неоправданно расширен и подразумевает многочисленные виды образования: интеллектуальное, трудовое, физическое. На этом противоречивом фундаменте строится здание советского просвещения, теоретические основы которого были заложены Н.Крупской и С.Макаренко, утверждавшими, что обучение без коммунистического воспитания есть средство без цели, а коммунистическое воспитание без обучения — цель, лишенная средств.

В. с. имеет подчиненный по отношению к политике характер. Содержание образования, средства обучения, организация учебного процесса — все это носит четко выраженную коммунистическую направленность, в соответствии с которой советский педагог использует разнообразные методы воздействия на учащихся: убеждение, поощрение, наказание, определенный режим труда и отдыха. Коммунистическими идеями продиктованы и основные принципы В. с. — такие, как связь с жизнью, воспитание в коллективе, через коллек-

тив и для коллектива. "Построению коммунизма" подчинена и основная задача В. с., которая одной из Программ КПСС определялась как воспитание "нового человека", сочетающего в себе "духовное богатство, нравственную чистоту и физическое совершенство" (Программа КПСС. М., 1956).

Советская система образования порождает глубокие противоречия между обучением и воспитанием. Научные знания как предмет изучения не соответствуют задачам воспитания. Нравственные идеалы не "стыкуются" с советской действительностью, с ее низким материальным стандартом, узким диапазоном гражданских прав и духовных свобод. Реальность жизни порождает в людях чувства и убеждения, противоположные тем, которые В. с. стремится утвердить. Эти антинормии частично разрешаются фальсификацией обучения, когда овладение знаниями и само их содержание подчиняются марксистскому мировоззрению, обработке учащихся в духе преданности и покорности властям. А частично — идеологическим воздействием вне учебного процесса, вытравляющим те черты характера человека, которые не вписываются в "моральный кодекс" советского общества.

В. с. осуществляется не только учителями, хотя им принадлежит в этом процессе ведущая роль, но и многочисленными "общественными" организациями: пионерской и комсомольской, молодежными лагерями, детскими комнатами милиции, домами культуры и т. д. В более широком смысле идеям В. с. служит вся система официальной, духовной и социальной жизни в Советском Союзе (искусство, литература, средства информации, трудовая деятельность). Многочисленные культурно-просветительные учреждения — такие, как клубы, библиотеки, музеи, — систематически проводят просветительно-воспитательную и образовательную работу среди взрослого населения.

Требованиям В. с. обязано отвечать и семейное воспитание — их нарушение может повлечь наказание родителей: лишение родительских прав и передачу детей под надзор и опеку благонадежных семей. И в своей совокупности В. с., школьное, общественное, семейное, направляемое и контролируемое партийными организациями, стремится затруднить

проникновение в сознание людей, воспитателей и воспитуемых, нежелательных для властей идей и мнений, заменить реальную картину мира надуманными представлениями и взглядами.

”Особое внимание Советы уделяют делу интернационального, идейно-политического, трудового и нравственного воспитания подростков и молодежи”. (“Известия”, 13 октября 1983, с. 3.)

ВРАГ НАРОДА — зловеще-собираТЕЛЬный образ противника советского режима.

Лексический недостаток понятия — неточность и неконкретность определения, но в этом — и его политическое преимущество и достоинство: появляется возможность широкого его истолкования. Оно способно накладываться на различные действия (или бездействие), поступки или только намерения. При его диалектическом истолковании под него в Советском Союзе были подведены миллионы людей, и получилось, что народ стал врагом самому себе.

Выражение В. н. в советском языке появилось не сразу. Ему предшествовали понятия менее емкие и выразительные. Первым среди них было “каэры” (контрреволюционеры). Сразу же после революции власти поняли, что Россию со всем ее населением, сословиями, классами никак не удастся ввести в социализм. И в стране стал раскладываться “пасьянс террора”. Первый удар репрессий пришелся по политическим партиям, всем, кроме коммунистической. Начали с кадетов — тех самых, что составляли когда-то самую большую и сильную оппозицию царизму. В конце ноября 1917 года они были объявлены вне закона. И чтобы распад их партии стал необратим, большевики постарались, чтобы ее члены “распались” физически: сперва их изъяли из социального обращения и распределили по тюрьмам, столичным и провинциальным, а потом незаметно и тихо стали уничтожать на пустырях и на кладбищах. Расстрелы имели воспитательное значение: людей держали в повиновении ужасом — он лучше гасил недовольство, чем наказание.

Затем, с весны 1918 года, под широкое определение “каэров” попали “социал-предатели”, “братья”-социалисты —

меньшевики и эсеры. Власти очень быстро установили их "буржуазную" сущность. После лютой вспышки недовольства — волнений, забастовок (сразу после революции они еще не были поставлены вне закона), выявлялись и наказывались "зачинщики". Они всегда были или эсеры или меньшевики. С ними поначалу обращались деликатно — их "преступления" квалифицировались как политические, а не уголовные, поэтому они представлялись не преступниками, а противниками. Но чтобы они не мешали строить "новое общество", их расселяли по концентрационным лагерям, говоря при этом (а возможно, веря), что сидеть они будут только до полной победы революции, пока не закончится окончательно "борьба труда и капитала".

"Борьба" почему-то затягивалась, и в СССР стали преследовать анархистов, а затем перешли на беспартийных. Просторы здесь были необъятные. И "казры" пошли большими потоками. Они стали втягивать в себя различные социальные группы: ремесленников, купцов, домовладельцев, кооператоров, церковных служащих, монахов. Власти уже никак не могли ограничиться и воспользоваться старыми юридическими нормами — длительное расследование ограничивало и замедляло "очистительную" работу. И широко начинает вводиться внесудебное расследование. Оно действовало оперативно и эффективно, но все-таки недостаточно быстро — сказалось отсутствие уголовного кодекса. И на помощь пришло "революционное правосознание", которое работало безотказно и безошибочно.

И, наконец, существовала Чрезвычайная комиссия (ЧК), соединившая в себе весь комплекс советского правосудия: арест, следствие и расправу. Особенно беспощадным оно оказалось по отношению к старым и белым офицерам. Их забирали и расстреливали по спискам — сотнями и тысячами. В баланс "казров" были записаны и заложники — ни в чем не повинные жители, уничтоженные во страх (и месть) врагам, действительным и мнимым. Это была предельная, максимальная человеческая "порция" — она значительно перевалила за миллион, — которая могла уместиться в рамках "казров". Требовалось подумать о новом, более гибком определении

для ожидавших своей очереди жертв революции. Оно очень скоро нашлось — ”вредители”.

Его можно было без труда примерить на весь народ: на рабочих, отлынивавших от работы (удивительный парадокс коммунизма — вредителем был объявлен правящий класс, не успевший прийти к власти), на крестьян, противившихся продразверстке (насильственному изъятию хлеба), на интеллигенцию, которой коммунисты никогда не доверяли, но вынужденно разрешали служить себе. За их счет коммунисты решили списать все неудачи и кризисы. Иначе объяснить их с классовых позиций было нельзя, ибо революция не должна ошибаться и не смеет не знать.

Перебой со светом, отсутствие топлива, недостаток товаров и продуктов — все это объявлялось вредительством. От недоедания, от недостатка продовольствия пухли и умирали люди, стало быть, необходимо было найти, выявить и назвать виновников этого голода. Вредительство предстает в виде гигантского, зловещего монстра, миллионами рук хватавшего и душившего революцию. Их рубили, появлялись новые руки-миллионы, и их вновь рубили. И чтобы заглушить стоны и плач жертв, организовывали народный энтузиазм, который, опережая решения судов, требовал все новых и новых смертей.

На этом изломе советской истории рождается и входит в жизнь новое понятие, видовое — ”враг революции”. Оно вместило и ”казров”, и ”вредителей”. Его всеохватывающие объятия изведали нэпманы (новая советская буржуазия), не оправдавшие доверия государственные чиновники (”обманом проникшие в советские учреждения”), эмигранты, покинувшие страну до революции и вернувшиеся назад, различной социальной окраски националисты — ”мусаватисты”, ”дашнаки”, ”басмачи” и прочие. И — верующие, интеллигенция и классовые ”братья-враги” — меньшевики и эсеры.

С годами, однако, слово ”революция” увяло, полиняло, поблекло, и тогда решили заменить выражение ”враги революции” на ”враги народа”. Это было ”счастливое” изобретение, оно пришлось как никогда кстати. Подошло время сажать в тюрьмы членов правящей партии, их неудобно и несо-

лидно было представлять "врагами революции". "Врагами народа" они вполне могли стать. И стали. Сперва их подвели под "рабочую оппозицию" — за идеологические разногласия с "рабочей" партией, а затем обвинили в троцкизме — за неосмотрительный выбор руководителя, далее представили "правой" оппозицией — за "мелкобуржуазное перерождение". И, наконец, настала очередь правоверных коммунистов, никогда не знавших и не ведавших сомнений в верности и справедливости "генеральной линии" партии. Это был могучий вал большого террора. Он затянул в лагеря и тюрьмы и растоптал и уничтожил всю ленинскую гвардию, сотни тысяч коммунистов, делавших революцию и участвовавших в революции. На нем однозначно и безжалостно было проставлено клеймо В. н.

Впервые его "примерили" и использовали в 1930 году — к миллионам крестьян (кулакам), не желавшим вступать в колхозы; они были расстреляны или с семьями сосланы в Сибирь. В ходе Второй мировой войны в смирительной рубашке В. н. оказались советские военнопленные — пять-шесть миллионов солдат, прошедших через муки фашистских лагерей смерти. И тогда же, в те годы, родилась идея (одна из гениальных находок Сталина) объявить целые народы В. н. Калмыки, чеченцы, ингуши, кабардинцы (1943 г.), крымские татары (1944 г.), как не оправдавшие надежд советской власти (и разочаровавшие Сталина), были изгнаны со своих земель: их осудили без преступления, по признаку крови.

Выражение В. н. дало название и стоит у истоков величайшей трагедии из тех, что когда-либо знало человечество. Но в ней же просматривается и момент мелодрамы — таков, по-видимому, был замысел ее великого шутника-автора. Он проявился, когда молот террора обрушился на его организаторов и вдохновителей — партию, госбезопасность, армию.

В проводимых арестах просматривалась определенная цель: вначале разгромить верхушку руководства государства, затем вымести его среднее звено и в завершение ударить по всей номенклатурной массе, принизить, запугать, растоптать ее. Уничтожали по разверстке: десятками, сотнями и ты-

сячами. Установилось соревнование: районы и области просили увеличить им план "посадки". При этом существовал стандартный набор обвинений: сопротивление коллективизации, симпатии к оппозиции, неприятие "генеральной линии", дискредитация вождя и т. д.

Воображения особого не требовалось — партия с готовностью уничтожала самое себя. У нее была возможность рискнуть, воспротивиться, но она покорно и смиренно молчала даже тогда, когда подписывала сама себе смертный приговор. Это проявилось в 1934 году на 17-м съезде партии: для ареста членов ЦК требовалась санкция съезда партии. И делегаты съезда подписывали, передавая по рядам, списки, следуя правилу: ты умри сегодня, а я завтра. Борьба не пробовал никто, в лучшем случае малодушно кончали жизнь самоубийством. Да и признания и покаяния их были обусловлены далеко не всегда пытками. Они соглашались вести игру со своими палачами и мучителями, стоило им только внушить, что для "общего дела" необходимо оговорить себя. Отказ подтвердить обвинения рассматривался инакомыслием, оценивался как "антипартийная" деятельность. И они с легкостью меняли свои взгляды, убеждения, принципы, восходя на эшафот, ничего не поняв ни в причине, ни в механизме террора, обрушившегося на них. Для них коммунистическая вера была важнее и дороже убеждений и смысла жизни.

Не обошли репрессии и миллионов беженцев из оккупированных фашистами стран, искавших в СССР убежища, — их как В. н. отправили в Сибирь, не разъяснив, врагами какого народа они являются. Пасьянс террора постоянно перебирал и простых граждан — они уж точно не помышляли в слепом преклонении перед Сталиным о свержении советской власти. Но не мог карающий меч революции, вынутый из ножен, оставаться в бездействии. И он вырубал новых и новых В. н.: "космополитов" (1946 — 1947 гг.), генетиков-селекционеров (1945 и 1949 гг.), вновь — партийных функционеров (1951 г.) и, наконец, врачей — "убийц в белых халатах". Последний виток террора не успел замкнуться. Сталин, его демон и изобретатель, он же и творец понятия В. н., умер. И оно без него оказалось сирым. Не то чтобы перестали сажать

безвинных людей, их по-прежнему арестовывали и судили, но уже не миллионами, а тысячами. И по возможности старались не вспоминать выражения В. н. — слишком много было за ним невинной человеческой крови.

Но пустых понятий в Советском Союзе, как правило, не бывает. И совершенно неожиданно (для всех, но не для властей) оно заявило о себе в новом виде — предстало в формуле "враг перестройки". Оказалось, что и в эпоху "большой" гласности советские руководители не могут обойтись без врагов, без принципа "кто не с нами, тот против нас".

"Если взглянуть на "дело" вне истории вокруг "врагов народа", вне атмосферы подозрительности и страха, то правовая оценка ситуации не оставляет двух мнений. Налицо вопиющий произвол, надругательство над основополагающими принципами права, государственного строительства". ("Социологические исследования", № 3, 1988, с. 98.)

ВТОРАЯ ЭКОНОМИКА — совокупность производств, основанных на противозаконной деятельности и игнорирующих социально сложившуюся систему хозяйств.

В. э. не есть типично советское явление, но в советском обществе она порождена условиями, типичными для социализма: нехваткой товаров и услуг, негибкостью руководства, идеологизированной формой распределения и централизованной системой производства и планирования. К незаконным операциям вынуждены обращаться все советские предприятия: чтобы выполнить план, наладить снабжение, реализовать свою продукцию.

В. э. является симбиотическим подвидом коммунистического хозяйства, выполняющим важные и полезные социальные функции. Она — смазочное масло государственной машины, без нее бы остановилась и замерла и общественная жизнь. Она перераспределяет награбленное, частично перемещает — заново и более справедливо — национальный продукт от эксплуататорского правящего класса к эксплуатируемому народу, предлагает обществу товары и продукты, которые государство не в состоянии ему предоставить, создает межличностные связи и отношения (они пронизывают соци-

альную ткань общества сверху донизу), необходимые для нормального его существования, компенсирующие несправедливость права и бессилие закона.

В. э. существует в Советском Союзе как вне общественного сектора хозяйства (индивидуальная трудовая деятельность и мелкое кооперативное производство), так и в его недрах — в ткани крупных государственных и колхозных предприятий (в сфере "подпольного бизнеса").

Одна разновидность В. э., внешняя, лежит на поверхности и легко прослеживается: за ней стоит огромная армия кустарей (по самым скромным подсчетам их в СССР более 20 миллионов), одиночек или объединенных в небольшие артели, оказывающих населению множество различных услуг — от изготовления дефицитных изделий (одежды, обуви, бытовой техники) до ремонта квартир, садовых домиков, автомашин. Самый большой объем на нее приходится в сельской местности. Здесь с ее помощью строятся десятки миллионов квадратных метров жилой площади и общественные сооружения — дома, колхозные усадьбы, дороги, свинарники, гаражи, клубы.

В неблагоприятных условиях, под постоянным административным и уголовным преследованием этот подвид В. э. неоднократно проявлял и доказывал свою жизнеспособность и эффективность, он быстрее, чем промышленность, реагировал на быстро меняющийся спрос, помогая преодолеть потребителям диктат государства — производителя. И что не менее важно — способствовал сохранению трудовой активности населения, не находящего применения своим силам и знаниям в обобщественном производстве.

Другой "этаж" В. э. глубоко и тщательно законспирирован, он является прямым и необходимым продолжением и развитием социалистической (первой) экономики, своеобразной ее тенью. Так что есть все основания считать его и определять как теневую экономику. Она могла возникнуть и оформиться только в специфических рамках советского производства, в условиях существования безличной государственной собственности и полного отчуждения человека от результатов его труда. И если внешняя часть В. э. основывает-

ся на добровольном (и очень часто — тяжелом) труде частного-производителя, то ее внутренняя сторона, теневая экономика, базируется на коррупции, хищении и взяточничестве.

Условием существования индивидуальной производственной деятельности является товарный и производственный голод в стране, среда же обитания теневой экономики не зависит от дефицита, она паразитирует на теле и принципах социалистического хозяйства с его неповоротливостью, инертностью, централизацией и диктатом. Она возникла из потребности советского человека адаптироваться к директивной государственной экономике и за ее фасадом стала принимать деформированные и уродливые формы.

Происходило это не сразу. Начиналось с деятельности, лежавшей в нейтральной зоне между законом и беззаконием. И на поверхности были в общем-то понятные (и объяснимые в СССР) манипуляции с планом. Используя неформальные связи, директора производства договаривались с руководителями министерств о легковыполнимых планах, ориентированных не на оптимальные, а частичные возможности предприятия. Интерес был своекорыстным: перевыполнение заниженных планов сулило директорам предприятий продвижение по службе, а руководителям министерств — славу, которая "обменивалась" на почетные звания и депутатские мандаты. Но присутствовал и "социальный" мотив: у рабочих росла зарплата, и они с большей готовностью вовлекались в общественное производство.

"Игра" на понижение плана требовала немало средств, уходивших на проведение различных банкетов, пикников, проводов и встреч, которые проводились за государственный счет. При этом не только "берущая рука" была щедра, но и "дающая", она брала из государственной казны больше денег, чем требовалось в интересах дела. И что-то из них оставалось "для себя", шло на удовлетворение собственных потребностей — в новой машине, хорошо обставленной квартире, в располагающей к уютному отдыху даче и т. д.

В бюджете предприятий образовывались зияющие "дырки", которые залеплялись с помощью хитроумных махинаций с

внеплановым сырьем и изготовлением неучтенной продукции.

Так возникало и складывалось подпольное предпринимательство ("теневая экономика"), которое стало захватывать одну отрасль промышленности за другой — легкую, пищевую, химическую, протянулось к машиностроению, обосновалось в станкостроении, пока не сковало, поставив себе на службу, всю советскую индустрию.

Пути реализации подпольной продукции были различными: часть товаров продавалась через магазины за наличный расчет, а часть — через оптовую торговлю — за безналичную оплату. Прибыли делились в соответствии с риском разоблачения: половина оседала у торговых работников, половина шла к изготовителям. Учет осуществлялся через систему двойной бухгалтерии: "законная" продукция регистрировалась в отчетах предприятий, систематизировалась в государственных планах, "левая" — не отражалась в бумагах и тщательно уничтожалась вся исходящая и сопровождающая их документация. И неизменной оставалась "борьба" за понижение планов предприятий. Удобные (для выполнения и перевыполнения) планы не только создавали широкие возможности для манипулирования с сырьем, которое получалось сверх нормы, но и прикрывали эксплуатацию рабочих.

На предприятиях, вовлеченных в систему теневой экономики, трудящиеся находятся под прессом двойной эксплуатации. Им не доплачивает за их труд государство — они получают зарплату, составляющую лишь ничтожную часть от стоимости выпускаемой ими продукции. И их обманывают дельцы — заставляют производить продукцию, которая нигде не регистрируется. А для "снятия" недовольства отработана технология подкупа работников, которая осуществляется за счет государства: занижаются нормы выработки, завышаются профессиональные разряды, выдаются доплаты за непроизведенные работы.

Опасность разоблачения (и соответственно — уголовного наказания) в подпольной экономике сведена к минимуму: на содержании у нее находятся партийные и государственные чиновники, работники милиции и прокуратуры, ко-

торые заблаговременно предупреждают о проверках и ревизиях. В таких условиях и подпольная экономика порой обращается к интересам государства. Когда ему требуются трудовые подвиги и новые герои, производственные планы перевыполняются с помощью авралов, штурмовщины, ночной и сверхурочной работы. Для этой цели обращаются к припискам, важному изобретению подпольной экономики, создающей вместо реальной фиктивную стоимость, отражающую на бумаге (в отчетах, рапортах, сводках) продукцию, не существующую в действительности, — миллионы тонн несобранного хлопка, сотни тысяч недостроенных машин и станков, многие километры непроложенных дорог и железнодорожных путей и т. д.

Всерьез бороться с подпольной экономикой советская система никогда не стремилась, так как она подкармливает все звенья ее партийно-государственного аппарата и подкармливает широко и щедро, в строгом соответствии с их местом в политической иерархии. Меры противодействия выставлялись только на пути развития индивидуальной трудовой деятельности — самой производительной и полезной для общества. Ремесленники обкладывались налогами, их имущество конфисковывалось, в обществе насаждалось презрение к их труду и образу жизни. С приходом к власти Горбачева пришло понимание, что такая борьба бесперспективна: мелкогрупповое производство непреодолимо, оно легко и успешно адаптируется и приспособливается к изгибам социалистической политики. И решили, легализуя частную трудовую деятельность, вывести ее из подполья с тем, чтобы подчинить государству.

Сделать это, однако, не удалось, и прежде всего по причине социально-психологического характера: из-за неверия советских людей в долговременность либеральной политики. Человек в СССР боится, что послабления очень скоро обернутся ужесточением. И эти страхи небезосновательны — власти подчеркивают, что кооперативные хозяйства будут поощряться, пока для оказания услуг населению не разовьются государственные предприятия. Иначе говоря, индивидуальной трудовой деятельности отводится временная, переходя-

щая роль в насыщении советского рынка требуемыми товарами и услугами.

Имеются причины и политические на пути "срастания" частных предприятий с социализмом. Существуют различные (и важные) производства и услуги, не вошедшие в перечень допустимых законом об индивидуальной трудовой деятельности. А все, что не разрешено, в Советском Союзе — запрещено. Другое препятствие — барьеры советского бюрократизма: волокита, канцелярщина, необоснованные препятствия. Недостаточно получить разрешение на частную деятельность, необходимо приобрести помещение, получить сырье, на что уходят огромные усилия, средства и время.

Наконец, на пути легализации ремесленного производства лежит еще одно, возможно, главное препятствие. Индивидуальная трудовая деятельность тесно связана с подпольной экономикой, связана с ней не внешними поверхностными нитями, а глубокой связью, она пользуется незаконными и нерегламентированными каналами приобретения сырья и сбыта продукции. Так что частичная реабилитация В. э. невозможна, "отбеливание" одного ее пласта, индивидуальной трудовой деятельности, требует реабилитации другого ее сектора — теневой экономики с ее подпольным бизнесом.

"Теневая экономика существует как вне общественно-организованного сектора (в так называемой "второй" экономике), так и в его недрах ("неформальная", "фиктивная" экономика)". (Галина Белихина, Александр Шохин. Теневая экономика. "Огонек", № 51, 1987, с. 26.)

ВЫЕЗДНОЙ — человек, наделенный правом и возможностью посещать зарубежные страны.

Для того, чтобы обрести эту "высокую" привилегию, советский гражданин должен убедить власти в том, что он, во-первых, не останется за границей, во-вторых, не выдаст, находясь в заграничной командировке, государственные тайны и, в-третьих, достойно будет представлять свою страну — не посрамит ее безнравственным поведением.

Возможность свободного выезда за границу была ликвидирована в России вскоре после Октябрьской революции. За-

тем в недолгий период нэпа советские границы несколько разомкнулись, и для того, чтобы проскользнуть в них, необходимо было откупиться от государства господшиной размером в 400 рублей (огромной по тем временам суммой).

В 1925 году в СССР вышло специальное "Положение", в котором определялось, что для поездки за рубеж необходимы "уважительные" причины. При этом они толковались таким образом (и обросли такой массой секретных инструкций), что "Положение" о выезде из государства стало восприниматься как "Положение о невыезде". И через "калитку" железного занавеса пропускались только лица, доказавшие свою полную лояльность властям.

В послесталинское время, в 1959 году, было разработано новое "Положение о выезде", более широкое и либеральное: выезжать за границу оказалось теперь возможным не только в служебную командировку, но и по туристским путевкам. А еще через десять лет стали разрешать поездки за границу, временные или на постоянное жительство, для встречи с родственниками или при воссоединении семей. Но по-прежнему условием выезда оставалось наличие "уважительных причин" — не в том смысле, что они должны были убедительно объяснять мотивы отъезда, а в том, что таковыми обязаны были признаваться властями.

Безразмерность такой формулировки создавала неограниченные возможности для произвола, в частности, для отказов в выезде за границу по соображениям "безопасности". В этом случае люди, попавшие в число "отказников", навсегда утрачивали социальную мобильность: перед ними захлопывались престижные должности и ограничивались возможности продвижения по службе. И, напротив, оказавшиеся В. быстро делали карьеру и всемерно одаривались различными "милостями" — степенями, званиями, наградами. В результате само понятие В. потеряло свой функциональный смысл и стало важной нравственной и оценочной категорией.

В 1973 году Советский Союз ратифицировал Международный пакт о гражданских правах, в котором отмечалось, что "каждый имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную". Но многие годы власти не признавали

это "естественное право" за своими гражданами, которые делились на две неравнозначные категории: на тех, для кого граница оставалась "на замке" (они составляли большинство), и на избранных номенклатурных работников, которым был открыт и доступен весь мир.

Такое положение в советском государстве продолжалось, пока не наступила перестройка. Стали пересматриваться многие устоявшиеся привилегии элиты — новое советское руководство искало популярности в народе — и переосмысленным оказалось понятие и явление В. Процедура заграничных поездок была упрощена и облегчена, и для того, чтобы навестить зарубежных родственников или приятелей, достаточно стало предъявить от них приглашение. Но наличие родственников или приятелей для поездки за границу по-прежнему необходимо, так что свобода передвижения оказалась свободой... по уважительной причине. На ее пути все еще остаются заслоны и из "соображений государственной безопасности".

Механизм секретности в Советском Союзе никак не может включиться в русло демократизации, считается, что охрана секретов является обязанностью и долгом не государства, а гражданина. И он все еще не вправе обжаловать беспелляционный вердикт "выезд за границу нежелателен": слышимость в Советском Союзе по-прежнему отстает от гласности. И здесь не срабатывает даже "Всеобщая декларация прав человека" — на советской территории она не является всеобщей.

"Владимир Алексеевич, простите за нескромный вопрос: а вы-то сами — выездной?"

"Ну, в общем, да — в командировки часто езжу, выездной. А вы разве нет?" ("Огонек", № 5, январь 1989, с. 7.)

”Г”

ГЕГЕМОНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА — концепция под лозунгом о ведущей роли рабочего класса в социалистической революции, обосновывающая неограниченную власть коммунистической партии в советском обществе.

Идея Г. п. создавала впечатление, что цель, за которую человечество боролось многие столетия — создание свободного, демократического общества, — может быть реализована завоевавшим власть пролетариатом. Вместе с тем марксизм уже у истоков своего развития стремился ограничить роль пролетариата в качестве гегемона революции, подчеркивая, что он вступает в борьбу только ”руководимый партией коммунистов”. Ленин еще больше сузил его возможности: ”Пролетариат может быть гегемоном своей революции... в лице своего авангарда — коммунистической партии”. Пролетариат, таким образом, оказывался в революции силой не руководящей, а руководимой (коммунистической партией). И стоило ему отказаться от ”предначертаний” партии, как ”гегемон” становился классом ”отсталым, консервативным” (Маркс), или подверженным ”мелкобуржуазным настроениям” (Ленин).

Захватив власть, большевики воспротивились попыткам рабочих сохранить свою независимость, завоеванную еще при царизме и полностью обретенную в феврале 1917 года. Репрессии против политически активных рабочих, в частности, против возникшей в 1920 — 1921 годы ”Рабочей партии”, добивавшейся самостоятельности, смена руководства профессиональных союзов, разгон и расстрел народных демон-

страций 1920 – 1921 годов, исключением из коммунистической партии лидеров "Рабочей оппозиции" (1922 г.), запрещение забастовок, свертывание "профсоюзной дискуссии" – таковы этапы подчинения советского пролетариата диктату государственной власти, превращения рабочих в "приводные ремни" партии. Эту политику советское руководство проводило все годы при Сталине, не изменило ее ни при Хрущеве, ни после него.

До второй половины 50-х годов представление о Г. п. в советской идеологии полностью соответствовало каноническим определениям Маркса. Важнейшей после свершения социалистической революции целью "класса-гегемона" объявлялось установление диктатуры пролетариата. Позднее, когда об этой цели "забыли", в характеристике Г. п. стали подчеркивать "широту классовых союзов пролетариата" и "разнообразие их форм". При определении границ Г. п. упор стал делаться на степень "зрелости" самого рабочего класса, его "способность" возглавить революционную борьбу, уровень "развитости" других классов. Эти оговорки лишили формулу Г. п. прежней категоричности. В их подтексте сквозила мысль о том, что при недостаточной "сознательности" рабочего класса, при его неспособности "возглавить борьбу", коммунисты могут опираться и на другие, более "зрелые" классы. Эта трансформация формулировок Г. п. объяснялась как внутренними, так и международными факторами.

В самом Советском Союзе коммунисты перестали нуждаться в "штурмовых отрядах" рабочих для атаки на "классовых врагов", как это было во время Октябрьского переворота, гражданской войны и осуществления политики "военного коммунизма". Для организационных, хозяйственных, научно-технических и идеологических целей пролетариат стал нужен партии меньше, чем опытная и квалифицированная интеллигенция. Не имея экономико-правовых преимуществ перед другими слоями общества, не получив обещанных революцией власти и благ, пролетариат перестал быть политической опорой режима. Это вынудило коммунистов в своих идеологических спекуляциях постепенно ввести "гегемона" в те социальные рамки, в которых пребывают все советские

подданные в сегодняшней системе "общенародного государства".

В международной пропаганде вытеснение идей "класса-гегемона", "гегемонии пролетариата" понятиями "классовые союзы", "национальные фронты" оказалось необходимым потому, что важнейшей опорой СССР в современном мире стали слаборазвитые страны, в которых нет (или почти нет) рабочего класса. Но для того, чтобы все-таки сохранить связь современной политики с декларациями Маркса, было объявлено, что "международный рабочий класс и мировая социалистическая система выступают гегемоном всемирной антиимпериалистической борьбы, осуществляя руководящую роль в международном масштабе". Тем самым СССР в качестве гегемона мировой социалистической системы и КПСС в роли "авангарда" советского "общенародного" государства обретают обоснование, хотя бы фразеологически связанное с марксизмом.

Вторым претендентом на гегемонию в "мировой социалистической системе" оказалась коммунистическая партия Китая. При этом была построена другая идеологическая модель, согласно которой роль "мирового пролетариата" в современном мире играют "бедные" страны, освободившиеся или освобождающиеся от колониальной зависимости. Лидером этих слаборазвитых стран провозглашается КПК, и тем самым обосновываются притязания Китая на мировое господство.

Отождествление Третьего мира с пролетариатом индустриальных стран и предсказание, что "Восток похоронит Запад в той яме, которую Запад сам для себя выроет" (точно так же, как пролетариат похоронит буржуазию), восходит к Ленину. Оказывается, что длительная эволюция понятия и явления Г. п. была, в сущности, запрограммирована марксизмом у самых истоков становления его движения.

Единственно новым в коммунистической лексике оказалось производное от пролетарской "гегемонии" — "гегемонизм", вошедшее в политический словарь мирового коммунизма в 60-е годы. В идеологическое обращение ввели его китайские коммунисты, настойчиво уличавшие послесталини-

ское руководство КПСС в стремлении к мировому господству ("гегемонизму"). Советские руководители не остались в долгу, переадресовав обвинение в "гегемонизме" своим китайским коллегам.

"Ленин, большевики последовательно отстаивали на съезде главное, что обеспечивает успех революционной борьбы, — установление гегемонии пролетариата". ("Партийная жизнь", 1973, № 16, с. 8.)

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ — политический курс, определяющий деятельность партии и государства.

Выражение возникло в 20-е годы, в период становления и укрепления советского режима. Приспосабливаемая к нуждам текущего момента, Г. л. давала возможность коммунистическим руководителям маневрировать, выдвигать и обосновывать различные направления партийной деятельности, скрывая при этом от народа ее подлинную сущность и назначение.

Между требованиями Г. л. и реальной политикой всегда существовало противоречие. Оно прослеживается на протяжении всей советской истории. Формулируя в начале века первый лозунг Г. л. "Вся власть Советам!", Ленин рассчитывал привести партию к власти через расширение представительства в них трудящихся. Стоило, однако, коммунистам убедиться, что большинство в этих органах получили представители либеральных и демократических кругов, как этот призыв тут же был снят и забыт. Г. л. на коллективизацию сельского хозяйства предполагала вытеснение кулачества из активного участия в экономике страны. В действительности же произошло их "вытеснение" из жизни, их истребление и уничтожение. Г. л. на индустриализацию предполагала союз или, как тогда говорили, "смычку" рабочего класса с крестьянством. Реальность оказалась иной — развитие промышленности разоряло деревню. Г. л., делавшая в построении социализма ставку на кадры — "кадры решают все" (Сталин: "Из всех ценных капиталов на земле самым ценным являются люди"), осуществлялась путем кровавых расправ над кадрами — чистками и внесудебными репрессиями.

Периодическое переосмысливание и постоянная фальсификация Г. л., многочисленные дополнения и отклонения от нее объяснялись трудностями развития первого "социалистического государства" и "дальновидностью" партийного руководства.

Г. л. неизменно носила общий, неопределенный характер. Впервые попытался конкретизировать ее Хрущев, он предусмотрел точные сроки построения коммунизма. Из этой попытки ничего не вышло — проект создания бесклассового общества оказался несостоятельным. Но выявилась угроза системе, народные массы начали выходить за рамки управляемого "самоуправления". И власти были вынуждены, переступив через свою Г. л., санкционировать репрессии, подавлять недовольство рабочих и жестоко преследовать инакомыслящих. Столь же непоследовательно проявила себя Г. л. и во внешней политике, провозглашая невмешательство во внутренние дела других государств, она подталкивала советских правителей использовать вооруженные силы для подавления национальных движений.

Вместе с тем Г. л. при всех ее метаморфозах, резких и неожиданных, обладает логикой и последовательностью: каждый ее зигзаг служит задачам и целям режима. Все ее повороты и изгибы продиктованы интересами единовластия в различных его формах: тоталитарной (Ленин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко), диктаторско-тиранической — Сталин, авторитарической — Горбачев. Г. л. является важнейшим самосохранительным инструментом партократии, и отклонения от нее по-прежнему рассматриваются тягчайшим преступлением.

В СССР невозможна политическая оппозиция партии ни по одному пункту Г. л. В анкетах сталинского времени существовал вопрос: "Были ли колебания и отклонения в проведении генеральной линии? Когда? Какие?" Утвердительный ответ на него означал конец служебной карьеры, заключение или ссылку. В 60-е, сравнительно либеральные годы ответ на этот, теперь уже устный вопрос шутивно обыгрывался: "Колебания вместе с генеральной линией партии". А в "мягкий" период правления Горбачева отказывающиеся

следовать Г. л. партии вновь стали представляться "врагами", хотя уже не народа, а "перестройки".

"Партия вырабатывает свою генеральную линию, исходя из коренных интересов и потребностей народа и советского государства, руководствуясь марксистско-ленинской теорией". ("Коммунист", 1979, № 2, с. 26.)

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ (сокращенно — Генсек) — руководитель КПСС, одновременно избираемый главой государства — председателем Верховного Совета.

Г. с. — специфическое порождение советской системы. Власть его демократически незаконна, он избирается по представлению Политбюро узким кругом партийных деятелей на Пленуме ЦК КПСС. И единственным обоснованием его власти является сама власть. Так что он вынужден утверждать ее (и себя в ней) через постоянную демонстрацию "успехов" режима и борьбу с партийным аппаратом. Иначе возникает вопрос: на каком основании Г. с. правит огромной страной, распоряжается всеми ее богатствами и судьбами людей?

Идея и должность Г. с. в Советском Союзе зародилась не сразу. Поначалу был создан и сформирован Секретариат ЦК — это произошло вскоре после Февральской революции, в 1917 году, но на поверхность активной политической жизни он вышел только к августу, когда признанное руководство партии было вынуждено уйти в подполье. Тогда его первый руководитель (он еще не назывался ни первым, ни ответственным секретарем ЦК) Я.М.Свердлов стал играть некоторую роль в партийной жизни. Но обязанности его носили, главным образом, технический, а не политический характер: составление и хранение документации, подготовка материалов к пленумам, сбор партийных взносов. Теми же функциями, не большими, обладали и те, кто после его смерти сменили его на этой должности, хотя она в то время уже и называлась "ответственный секретарь": Е. Д. Стасова, Н.Н.Крестинский и В.М.Молотов. Пока в 1922 году во главе Секретариата ЦК не стал И.В.Сталин. Он был известен в партии, и из-за уважения к его "боевым" заслугам название "ответственный сек-

ретарь” было заменено на более благозвучное и солидное — ”Генеральный секретарь”.

В начале 20-х годов никто из окружения Ленина, ни он сам не придавал этой должности существенного значения. Руководство партией и страной было сосредоточено в руках Политбюро. Сталин, однако, сумел внести в понятие Г. с. новое содержание. Исполдволь расширял свои полномочия — письма, циркуляры, резолюции стали сначала идти под двумя подписями — Ленина и Сталина, а затем только от его имени. Усиливал и увеличивал свое влияние, расставлял в ЦК партии и на ее периферии своих людей, исполнительных, верных и преданных лично ему. И стремительно рос аппарат партии.

В октябре 1917 года, в канун революции, в Секретариате партии работало всего 30 сотрудников, а к 1924 году их счет шел уже на сотни. При Ленине аппарат полностью подчинялся политике партии, Сталину удалось подчинить политику партии ее аппарату. Он снимал, назначал, перемещал партийных работников, совершенно не считаясь с мнением и волей Политбюро. И тогда смертельно больной Ленин осознал нависшую над партией опасность — подчинение ее прихоти Г. с. Но было уже поздно. Члены ЦК, видя в Сталине нового руководителя, решительного (не осознавали — жестокого), не ведающего сомнений (не понимали — лишенного совести), не вняли предложению своего вождя сместить его. И Сталин почувствовал — пришло его время. Превратил ленинскую резолюцию ”О единстве в партии”, принятую на 10-м съезде (1921 г.), в инструмент единовластия: любая попытка критики его трансформировалась как попытки раскола партии.

Идея демократического централизма, переосмысленная в качестве тоталитарного централизма, стала оправданием административных репрессий — исключения из партии и ссылок признанных ее деятелей. В исторической перспективе эти репрессии стали репетицией массового террора, который обрушился на партию, а затем и на народ в 30-х годах — он обошелся стране в полтора десятка миллионов жертв, но укрепил и окончательно консолидировал незыблемую власть Г. с.

После смерти Сталина партийный аппарат стремился больше не давать в руки Г. с. всей полноты власти, используя для этого хитроумное изобретение режима, названное "коллективным руководством". Правила "игры" в коллективное руководство отныне вынуждали любого советского руководителя перед его выходом на орбиту единовластия некоторое время балансировать в раздираемом противоречиями Политбюро, где его противники по любому вопросу всегда выступают "против", а сторонники иногда, но не обязательно — "за".

Сила и возможности Г. с. обратно пропорциональны влиянию членов Политбюро, которые, видя свою задачу в поддержании деликатного равновесия сил в партии, стремятся не дать ему обрести полноту власти в стране — тогда они окажутся оттесненными от процесса принятия политических решений. Вместе с тем они заинтересованы не допустить крушения его авторитета, ибо только опираясь на него и через него в состоянии реализовать свои честолюбивые амбиции.

Г. с. же в одинаковой степени старается избавиться и от тех, кто помог ему подняться к власти, и от тех, кто противодействовал его утверждению у власти. От первых зависит он, вторые зависят от него. Эта система двойной зависимости определяет политический рисунок власти в Советском Союзе. Зависимость Г. с. от членов Политбюро препятствует его превращению в диктатора, а зависимость членов Политбюро от Г. с. снимает угрозу политического переворота. Отсюда прослеживаются два противоположных стремления: Г. с. проталкивает в партийный аппарат преданных ему людей, а Политбюро противодействует их продвижению.

Сталину для наполнения Политбюро своими кадрами понадобилось 15 лет: он не торопился, так как стал Г. с. сравнительно рано — в сорок три года. Хрущев возглавил партию на грани пенсионного возраста — в пятьдесят девять лет, и вынужден был провести этот процесс вдвое быстрее — за семь лет. Брежнев, придя к власти будучи на год моложе Хрущева, правил гораздо дольше и мог позволить себе "очищать" Политбюро дважды, заполнив его сперва "днепропетровским кланом" (1969 — 1972 гг.), а затем — "молдавской

мафией” (1977 – 1980 гг.). Андропов и Черненко, пробившись в Г. с., оказались в совершеннейшем цейтноте – один приближался к семидесяти годам (так и не приблизился), а другой перешагнул их, и сроки обновления Политбюро они старались ”спрессовать” в один-два года, но не смогли – не успели. Рекордсменом в борьбе за абсолютизацию власти суждено было стать Горбачеву. В Политбюро (и во всем партийном аппарате) происходила естественная смена кадров, и его союзником оказались смерть и дряхлость – он разметал старые кадры легко и быстро. И к концу первого года своего правления стал общепризнанным руководителем.

В нормах советской партийной жизни (как и в советской конституции) не предусмотрены система наследования и порядок преемственности власти. Смена Г. с. в СССР неизменно сопровождается отказом от политического курса предыдущего лидера с последующим его осуждением и разоблачением.

В отказе от прошлого можно видеть определенную систематичность, продиктованную обстоятельствами. Каждый Г. с. действует в замкнутом и строго ограниченном социальном пространстве тоталитарной системы; выйти за ее рамки, оставаясь коммунистическим деятелем и не посягая на основополагающие принципы режима, он не может. Так что любое социальное творчество, будь то политическое конструирование или экономическое новаторство, сводится в СССР, по существу, к комбинациям с одними и теми же переменными: партийное одновластие, плановое руководство, централизованное управление, монополизированное хозяйство и государственное крепостничество. И каждый новый советский правитель, получивший власть над системой, или, вернее, подведенный системой к власти в соответствии с ее потребностями, в состоянии проявить свою индивидуальность и самобытность только в рамках правил ”социалистического конструирования”.

Вариантов здесь немного. Следовать по пути предшественника неразумно, это значило бы взять на себя ответственность за его ошибки и провалы. Так что остается по сути дела единственная возможность – отрицание предшествующе-

го правления вместе с отрицанием самого предшественника. Коммунистическая система к середине 20-го столетия оказалась не в состоянии поставлять новый "строительный материал" для осуществления реального, а не мифотворческого социального прогресса: к этому времени она исчерпала все свои способности к динамизму. В результате "отрицание" процессов, протекающих в "самом передовом" государстве, грозит подорвать власть того, кто на это отрицание решится без поисков соответствующего "утверждения" — собственной политической программы.

У коммунистических руководителей не оставалось другого выхода, как имитировать "утверждение" с помощью двойного отрицания: два минуса в общественной жизни так же, как и в математике, дают "плюс". Осуждение Хрущевым Сталина само по себе ничего не "утверждало". Но Хрущев не только "отрицал" Сталина, он выступил против сталинского "отрицания" Ленина. "Отрицание отрицания" выводило его к позитивным началам коммунистического мифа — к Ленину, к нему он апеллировал в своей борьбе с оппозицией, его именем и авторитетом прикрывал и оправдывал свои эксперименты.

Брежнев действовал по тому же рецепту: заклеив Хрущева, он воспротивился критике Сталина. Таким образом, из политической ткани "двойного отрицания" правители России кроили себе костюмы положительных героев. Историческое же движение превращалось в бег на месте: от Хрущева, минуя Сталина, — к Ленину; от Брежнева, через голову Хрущева — к Сталину. Новым провозглашалось более или менее основательно позабытое старое.

Основу амбиций Ленина составляли мировая революция и коммунистический интернационал. Сталин, захватив власть, предпочел сосредоточиться на внутренних проблемах страны — на экономических вопросах и на отстраивании пирамиды личной власти. Однако его политическая жизнь оказалась столь долгой, что он смог и сполна заняться внешней политикой — увидев, что с построением социализма в "отдельно взятой стране" ничего не получилось, он стал закладывать основы международного коммунистического движения. Ле-

нин и Сталин исчерпали весь небогатый диапазон социальных и экономических альтернатив советского строя. Далее можно было подражать одному из них или обоим одновременно, либо создавать политические комбинации из одного и другого.

Впервые это сделал Хрушев. Осознав, что вести вперед "корабль" советского режима некуда, так как намеченный им переход к коммунизму не состоялся, и опасно, ибо на закваске идей отмирания государства возникло оппозиционное движение и инакомыслие, он попытался создать видимость движения, начав раскачивать государственный корабль от Ленина к Сталину, до тех пор, пока не израсходовал все горючее, отпущенное ему партийной командой Политбюро. И тогда его сбросили с капитанского мостика и отправили на пенсию.

Его преемник Брежнев был настолько напуган социальным прожектерством Хрущева, что он чуть ли не полностью отстранился от внутренних проблем — похоронил идеи экономических реформ и переключился на реформы внешнеполитические. Восстановилась связь советских времен: Брежнев завершил "дело" Сталина — коммунизм расплодился по всем континентам, СССР превратился в мировую имперскую державу, первую по вооружению и одну из самых нищих — по уровню жизни.

"Дебрежневизация", через которую проходил путь Андропова к власти, привела к переоценке им государственных приоритетов. Они переместились с внешней политики, где не так-то просто было перекрыть достижения Брежнева, на внутреннюю: экономические вопросы (такие как организация производства, упорядочение планирования и управления) и социальные задачи — усиление контроля над личностью и борьба с коррупцией. Характер такой политики определил обращение Андропова к реформам, преобразованиям в естественных для системы пределах, способствовавших ее укреплению и развитию и только социалистической направленности.

Утверждение Черненко, напротив, отличалось отказом от реформ Андропова.

Черненко оказался эпизодом в борьбе за власть в Кремле, но после его смерти история советского государства стала существенно отклоняться от традиционного курса — к управлению страной пришли новые и молодые лидеры, более образованные, самостоятельные и уверенные в себе, современные и знакомые с Западом. Прагматики, они очень скоро поняли, что манипуляции со старыми, ленинско-сталинскими идеологическими понятиями неизбежно приведут советское общество к катастрофе. И пытаются оживить "социализм" инъекциями плюрализма, трансплантируя на его дряхлое и безжизненное тело "капиталистические клетки" — демократизацию, частное производство, законы рынка и конкуренции.

И только в одном новый руководитель остается верным своим предшественникам — в вопросе монополизации власти Г. с. Больше того, задуманная и проведенная им политическая реформа вознесла Г. с. на совершенно новый качественный уровень. До него — от самого Ленина — в определении его прав и прерогатив существовала умышленная неопределенность, неясность, что позволяло тем, кто становился Г. с., узурпировать власть исполнительных и законодательных органов. Горбачев приобрел высшую государственную власть легально, проведя в июне 1988 года на 19-й партийной конференции решение о необходимости избрания первых секретарей партийных комитетов председателями исполнительных Советов.

Это постановление открыло возможность для перекраивания государственной пирамиды. Теперь на ее вершине на конституционном основании оказался Г. с., наделенный чуть ли не абсолютной властью — под ним оказалась партия, он осуществляет руководство правительством, контролирует армию и госбезопасность. Власть, как известно, развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Как это скажется на личности Горбачева и тех, кто придет ему на смену — определит время.

Идеи демократизации и гласности останавливаются и загибают у порога полномочий Г. с. — они неприкасаемы, и если изменяются, то только в сторону их расширения. Под

сенью 19-й Всесоюзной партийной конференции было принято постановление о формальном распространении прерогатив Г. с. на государственные организации. Отныне руководитель партии становится главой государства — Председателем преобразованного, с широкими правами Верховного Совета. Абсолютизация власти Генсека при этом стыдливо прикрывается решением об ограничении его правления двумя пятилетними сроками, решением, лишенным реального политического содержания, так как в течение столь долгого нахождения в Кремле Г. с. без труда сможет организовать "народное движение" в защиту пожизненного нахождения его у власти.

"Политбюро уверено, что Константин Устинович Черненко на посту Генерального секретаря ЦК КПСС будет достойно возглавлять боевой штаб нашей партии". ("За рубежом", 1984, № 8, с. 3.)

ГЕРОИЗМ — нравственный идеал советского общества, требующий от человека постоянной готовности к подвигу — к жизни и деятельности в исключительно трудных и опасных условиях.

Понятие Г. выводится из противоречивости социального процесса, в ходе которого возникает необходимость решения насущных и важных проблем ценой крайнего физического, духовного и нравственного перенапряжения. Такой рисуется современная эпоха, требующая "во имя коммунизма" не только Г. отдельных личностей, но жертвенности всего народа. Личный Г. не обязательно поддается административному контролю, не всегда находится в сфере влияния партийного руководства. Поэтому цель властей — перевести стихийный, индивидуальный Г. в санкционируемый и регулируемый массовый. Конструируется парадоксальный императив: создание счастливого (бесклассового) общества предполагает попрание личного счастья его создателей, а реализация идей равенства достигается путем отказа от равноправия граждан. "Прорыв" из этого противоречия видится коммунистам в подвижничестве.

При этом индивидуальный, личный подвиг играет роль запала, "почина" для всенародного Г. Герой должен браться

за решение особо трудных и сложных задач, обязан возлагать на себя исключительную ответственность, которая впоследствии культивируется и насаждается властями, как обязательная для всех норма поведения. Задача победы нового общества, указывает Ленин, не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует "героизма упорной и длительной работы" (Ленин. Собр. соч., т. 39, с. 17–18).

Во время гражданской войны Г. проявлялся в жертвенности во имя защиты советской власти, в период первых пятилеток – в аскетизме и самоотреченности, в пренебрежении к быту, в годы коллективизации – в беспощадности к нежелающим вступать в колхозы. Во Второй мировой войне потребовалась гибель 20 миллионов людей для спасения советского режима. В послевоенные годы необходимы были терпение и мужество для того, чтобы выжить в условиях беспрепятственных "временных трудностей".

Квалификация Г. – прерогатива властей. В 1935 году было учреждено звание "Герой Советского Союза", которое должно присваиваться за мужество и воинские подвиги. В 1938 году – звание "Герой Социалистического Труда" – за особые заслуги в развитии хозяйства. И в СССР появились тысячи героев, которые выдавались за истинных и подлинных советских патриотов (разумеется, преданных партии). На войне они умирали с именем Сталина, а в мирное время гибли, спасая государственное имущество, или "сгорали" на "стройках коммунизма". Их судьба и подвиг представляются свидетельством величия коммунизма – в полном соответствии с формулой: "партия – вдохновитель и организатор подвига народа, являющегося источником Г."

В действительности, в советской жизни остается совсем немного места истинному Г. – каждому человеку предписываются четко определенные нормы поведения, несовместимые с подвижничеством и порывом. Догматизм выхолащивает содержание и сущность героизма, и человек, удостоенный звания Г., весьма часто не совершает подвига, а получает это звание в награду за лояльность, за выслугу лет, в честь юбилея или торжественного события.

Звание Г. могло присваиваться до 1988 года неоднократно

но. Среди его рекордсменов — советские руководители — Хрущев и Черненко, удостоенные этого звания трижды, и Брежнев — он был кавалером пяти золотых медалей "Героя". Звание Г. превратилось в политическую разменную монету: им награждались зарубежные руководители (Насер, Кастро и др.), не совершившие подвигов во славу советского государства, а Сахаров, трижды Герой Социалистического Труда, был лишен его, как только позволил себе критику советского режима.

Китайский народ, совершивший коммунистическую революцию, назывался героическим только до той поры, пока его понимание коммунизма не начало отличаться от советского. Такая участь постигла и другие народы, находящиеся в орбите советского влияния: они то именовались героическими, то теряли это звание — в зависимости от их отношения к Советскому Союзу.

Девальвация понятия Г. связана и с частотностью его употребления. "Героическими" именуется нескончаемый ряд явлений: рабочий почин, производственный труд, поступок или судьба, будни жизни и т. д. Все эти явления отражают не реальные проявления героизма, а лишь его идеологизированное представление, создаваемое советской пропагандой. Подлинная же сущность советского Г. антигуманна и аморальна: миллионы человеческих жизней принесли властями в жертву призрачным, надуманным целям, конечное назначение которых — сохранение и упрочение системы. Поощряются бессмысленные подвиги и ненужная жертвенность — такова плата за право представления СССР "страной героев".

"Усилия партии, мужество и стойкость Красной армии, героизм всего советского народа привели к тому, что Москва не только выстояла, но и отбросила врага от своих стен". ("Известия", 2 октября 1981, с. 3.)

ГЛАСНОСТЬ — ограниченная и регламентированная мера открытости и доступности общественного обсуждения и контроля, предоставляемая советским государством своему народу.

Третий раз в русской истории возникает это понятие. Ввел слово в общественное обращение известный либерал и просветитель Сперанский в начале 19-го века. Вторично обратилось к нему российское общество спустя полвека, при императоре Александре Втором, чье правление ознаменовалось в 1861 году отменой крепостного права. Это было время утверждения и развития гласности в государственных решениях и в судопроизводстве. И, наконец, в наши дни его вспомнил и вывел из политического небытия Горбачев, он попытался соединить его с советским обществом. Означает ли это, что советское общество приобретает демократические черты — обретает свободу слова?

Судить об этом пока преждевременно. Хотя, несомненно, что становление и формирование горбачевской Г. не могло произойти без реорганизации социальной жизни и отказа от наиболее консервативных форм правления, централизованной экономики, без активного участия народных масс в общественной деятельности.

Однако важнейшим импульсом Г. стала и борьба за власть в Кремле: Горбачев, опираясь на Г., повел наступление на своих противников. С ее помощью он под жестокий пресс критики поставил партийный и государственный аппарат, пассивный, косный, неповоротливый, не желающий перестраиваться и подстраиваться к его реформам.

Контроль за деятельностью местного руководства, осуществляемый из центра, оказался несостоятельным — он породил поток очковтирательства и приписок. И Горбачев решил ввести в "игру" народные массы и поставить бюрократию под общественный контроль. Полагал, что под двумя прожекторами критики, направляемой им сверху и идущей снизу, бюрократическому аппарату будет сложнее бойкотировать перестройку.

Средствами проявления и средой обитания Г. оказались: пресса (в которой ее пределы и рамки отмеряются партией), производственные собрания и совещания (где ее характер и направление регламентируются администрацией) и многочисленные неформальные группы и объединения, служащие для обкатки и измерения границ ее возможностей. Таким обра-

зом, Г., вполне укладываясь в типовые советские схемы, способствует упорядочению общественного процесса, закрепляет в нем дисциплину и развивает самоконтроль (внутреннюю цензуру) и почти никогда не ведет к выявлению истины, не предоставляет массам реального контроля за деятельностью руководства.

Не допускает Г. выражения собственных мнений, не предполагает и возможность свободного выбора, который в каждом отдельном случае отмеряется и предопределяется сверху. Она строго ограничена рамками допустимой откровенности и направлена только против приемлемых для властей целей. Не продиктована Г. и моральными соображениями советского правительства, неким нравственным императивом, хотя, возможно, отражает его надежду на то, что создание обратной связи с народом будет способствовать проведению новой его политики.

Г. следует рассматривать и оценивать как утилитарный (и весьма эффективный) способ управления обществом, с помощью которого режим стремится преодолеть нежелательные для него социальные процессы, а Горбачев — избавиться от неудобных ему деятелей. Г. — это психологический и тактический прием, рассчитанный на то, чтобы, активизировав народ, не дать ему реальных свобод.

Суть Г. проявляется в ее целях. Она стремится уменьшить процент дезинформации в официальных отчетах, затрудняющих и осложняющих принятие эффективных решений, стимулировать желание людей работать, создать основание для перетряски и чистки аппарата власти. Так что значение и возможности Г. не следует преувеличивать, она распространяется только в пределах непосредственной заинтересованности властей и не захватила народ, который в своем большинстве остался равнодушным к ней. И только у интеллигенции она вызвала некоторый подъем и энтузиазм.

Слабый отзвук либерализации, неудача с ее помощью "зажечь" массы побуждают власти расширять пределы Г. В результате у нее появляются собственные цели и своя логика развития, не укладывающаяся в первоначальные намерения Горбачева, способные подтолкнуть и подвести его к бо-

лее радикальным преобразованиям, чем те, которые он собирался провести. Она способна положить начало процессу, который может стать неуправляемым. Но пока в Г. ощущается лицемерие и рисовка, соседствующее в ней со стремлением преодолеть устоявшиеся общественные традиции и нравы. Для элиты она является чем-то вроде острых специй, возбуждающих ее организационный аппетит, народ же видит в ней средства для выражения протеста и недовольства. И в сочетании с небольшими политическими послаблениями и улучшением снабжения она вызывает в обществе известное оживление надежд. Но — не взрыв социальной активности, на который рассчитывал Горбачев.

В Советском Союзе нет четкой программы Г., она насаждается методами проб и ошибок, нащупывая границы тех изменений, на которые власти могут пойти без риска потерять контроль над событиями. И в каждой области общественной жизни существует и проявляется "своя" Г.

Экономическая Г.: ее диапазон весьма широк и разнообразен. Он охватывает и высвечивает производственную деятельность и производственные отношения в различном комплексе их проблем и практически без ограничений. Возможности социальной Г. ограничены. Ее критика дозируется и распределяется по четко заданным направлениям: общественная инертность, падение нравов, алкоголизм, недостатки образования, вопросы воспитания, литература и искусство.

Еще более узки рамки политической Г. В своем проявлении она ущербна и неполноценна — как по отношению к текущим явлениям советской действительности, так и в связи с ее прошлым, в котором остаются многочисленные блоки, стоящие вне критики и недоступные для объективного познания. Это относится к многочисленным мифам и фикциям, касающимся жизни и деятельности Ленина. Замалчивает и искажает она факты и более поздней истории — индустриализацию, коллективизацию, террор 30-х годов.

Активная несвобода высказываний характерна и для политических событий современности. Здесь ревизия и селекция истины осуществляются с помощью понятия партийности, которая выдается, в зависимости от необходимости, за

чувство ответственности перед "социалистическими завоеваниями" или оправдывает себя интересами будущего, которое требует не столько выявления и искоренения пороков и недостатков настоящего, сколько сохранения и утверждения "позитивного прошлого".

Между различными видами Г. существует связь и взаимодействие: публичность, характерная для экономических отношений, предполагает предоставление открытости в сфере общественной жизни, а та, в свою очередь, требует большей доступности в политике. "Поле" Г. поэтому постепенно расширяется. От освещения производственных тем (разоблачения протекционизма, коррупции и т. д.) она движется к социальным вопросам (освещению положения церкви и религии, национальных отношений и т. д.) и вплотную подступает и останавливается у проблем государственного устройства. Уровнем и критерием подлинности Г. является ее способность освещать и анализировать систему власти, и в этом вопросе она проявляет свое бессилие и несостоятельность.

Г., ее пределы и размеры в Советском Союзе не определяются и не защищаются законом, а регулируются *негласными* распоряжениями, что создает возможности манипулирования ею. Негарантированность Г. порождает ее неэффективность, превращает ее в политическую игру, и, сведенная к полумерам, она становится хитроумной социальной ловушкой. Действительная свобода проявляется не в разрешении ее проявлять, а когда для ее выражения не требуется разрешения.

Г. противоречит существу советского строя, его закрытости и всепроникающей секретности. Суть его проявляется не в том, *что* им декларируется и предается гласности, а в том, *почему и с какой целью* это делается. Г. по-советски — это стремление обмануть общество и попытка обойти законы его развития, не меняя его существа. Но в долгосрочной перспективе, обретая собственную инерцию развития, она способна стать неуправляемой, привести к разоблачению явлений и процессов, не предназначенных для критики. Но даже если Г. и не зайдет столь далеко, она почти наверняка подведет противников Горбачева к созданию оппозиции. В

такой ситуации советский руководитель может попытаться расширить Г. до свободы выражения мнений, что почти наверняка будет означать ее (и его) столкновение с системой, с принципом и идеологией господства партии. Другая возможность — свертывание Г. Такой способ борьбы с политическими соперниками в советской истории применялся неоднократно.

”Гласность сегодня — неотъемлемая черта нормальной духовной и моральной атмосферы в обществе, позволяющей человеку глубже понять, что с ним было, что происходит сегодня, к чему мы стремимся, какие у нас планы, и потому помогает сознательно участвовать в перестройке. (М.С.Горбачев. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., Изд. политической литературы, 1987, с.72.)

ГОСАППАРАТ — совокупность советских правительственных учреждений и его сотрудники.

Когда в СССР говорят о Г., имеют в виду прежде всего министерства и ведомства и тех, кто их возглавляет — министров, председателей госкомитетов и их заместителей. Иначе говоря, он представляет высший эшелон власти страны, но представляет его номинально, ибо процесс принятия политических решений целиком принадлежит партийному аппарату, а Г. предоставлено лишь право и обязанность проводить их в жизнь.

Особенность советского Г. — анонимность его функционирования, что является результатом и следствием игнорирования индивидуального начала в системе советского общества. Эта идея нашла выражение в сталинском отношении к людям как винтикам социального механизма: ими не следует интересоваться, если (и пока) они вертятся. Отсюда — табу на их частную жизнь и общественное поведение. Эта сторона их жизнедеятельности оказывалась ненужной, бесполезной — места для самостоятельности не оставалось. Инструкции жестко определяли поведение государственных чиновников на всех их уровнях. Для поста руководителя необходима была лояльность и безупречная анкета. И, однажды заняв его, бюрократ многие годы его не покидал.

Анализ биографических данных глав министерств, гос-

комитетов и их заместителей 70-х — 80-х годов свидетельствует, что средний срок пребывания их на должности превышает 18 лет. А каждый второй из них удерживался в своем кресле 23 года и, вставая в Г., становясь "за выслугой лет" рупором постоянно (и незыблемо) действующей администрации, полностью проникался ведомственным духом, оказывался в дрейфе канцелярской рутины. И весь смысл его работы сводился к единственной цели — удержать свой портфель, потеря его воспринималась (если не следовало повышения) как крах карьеры.

Официально срок полномочий министров и председателей госкомитетов строго очерчен — он заканчивается к началу 1-й сессии Верховного Совета нового созыва, то есть истекает через пять лет. Но, как правило, высшие руководители утверждаются в Советском Союзе на второй, третий, четвертый и даже пятый срок — пока не умрут или не попадут в немилость. Причем состав правительства утверждается Верховным Советом (после одобрения ЦК КПСС) по списку, без обсуждения кандидатур.

Анализ жизни высших государственных чиновников выявляет два пути их продвижения по службе: линейный и зигзагообразный. Для первого характерно возвышение в пределах хозяйственной деятельности: карьера начинается на предприятии и через ряд последовательных возвышений завершается на посту заместителя министра или министра. Второй путь отличается тем, что движение по службе начинается на партийной или комсомольской работе и по восходящей линии и с большим ускорением продолжается и заканчивается в министерстве. Так поднималось подавляющее большинство советских министров. К 40 годам они становились заместителями министров и через 10 — 15 лет возглавляли министерства.

Каждый министр, проникаясь интересами подконтрольной ему отрасли, стремится расширить подведомственную ему сферу, старается заполучить побольше материальных ресурсов, увеличить штаты и расширить производственные фонды, что ведет к оскудению и разбазариванию материальных ресурсов государства. Но поднимает его авторитет, уве-

личивает власть и влияние. И еще — открывает источники для незаконного обогащения. Министры и их заместители не хотят быть винтиками. Они остаются живыми людьми и — типично советскими. Они ищут и находят "смазку" для своей деятельности, превращая государственную службу во взаимный обмен услугами и привилегиями.

Горбачев решил сделать руководителей брежневских времен ответственными за "эпоху торможения и застоя", а заодно свалить на их некомпетентность и сопротивление неудачи перестройки. И началось повальное снятие министров — к 1989 году Совет Министров обновился более чем на 70 процентов (о том, что смещения вызваны борьбой за власть, предпочитали не говорить). Новые министры оказались значительно моложе прежних, их средний возраст был 56 лет. Они, как и их предшественники, обладали многолетним партийным стажем — более 20 лет, имели высшее образование, а некоторые из них (21) были остепенены дипломами кандидатов и докторов наук — в духе былых времен, когда даже министр внутренних дел, генерал Щелоков, был отмечен степенью доктора экономических наук.

50 процентов из них были рекрутированы в правительство с должностей заместителей министров, 40 процентов занимали руководящее положение в партийных органах и 10 процентов пришли с производства или с дипломатической работы. На основании этой статистики можно составить представление и об их социальной ориентации — они в большинстве своем останутся приверженцами старых методов управления. Не таинственные консервативные силы, а они, поднятые Горбачевым к высшей государственной деятельности, ответственные за то, что идеи социальных и экономической реформ реализуются неполно, с трудом и опозданием.

Старое мышление воспроизводится в опыте новых руководителей. Но только такая кадровая политика обещает Горбачеву стабильность правления — его всегда будут окружать люди, зависимые от него, подвластные его воле. Что же касается преобразований общества, то оно может подождать. Он не первый советский руководитель (и, конечно же, не последний), жертвующий принципами в угоду власти. А для

истории он будет выступать с гневными обличениями бюрократизма, неспособного "своевременно и в полном объеме оценить необходимость перемен".

"Какими же качествами должны обладать люди, занимающие самые высокие посты в госаппарате – министры, председатели госкомитетов?" ("Огонек", № 31, июль 1988, с. 6.)

ГОСЗАКАЗ – предписания и нормативы, устанавливающие объем и характер продукции предприятий, подлежащей обязательной сдаче государству.

Явление и понятие Г. возникло в рамках перестройки, в процессе ломки социалистической системы хозяйства, с ее централизованным командным управлением, проявляемым в контрольных цифрах планов, навязываемых предприятиям. Их реализация долгие годы была основой и стержнем советской экономики. План тщательно разрабатывали, о нем ожесточенно спорили, принимали, утверждали. Далее шла постоянная борьба за его выполнение и перевыполнение, вокруг которой строилась и вращалась жизнь и деятельность партийной, комсомольской, профсоюзной организаций.

И вот в жизни проводимых в Советском Союзе реформ наступил момент (в 1987 г.), когда решили отказаться от директивных плановых заданий и заменить их Г., который бы для каждого предприятия определял размер обязательных государственных поставок. В Г. увидели новый инструмент управления централизованной советской экономикой, способный путем предоставления ей некоторой свободы маневра обеспечить и гарантировать минимум, удовлетворяющий общественные потребности.

Нового, однако, в Г. оказалось меньше, чем старого. Во-первых, это форма постановки проблемы – "о минимуме потребностей государства": она настолько аморфна и широка, что способна охватить различные сферы жизнедеятельности предприятий и любую производимую ими продукцию. И, во-вторых, ее суть – из нее вытекает, что советское производство неспособно удовлетворить нужды общества без внешнего давления на него. Уверенность в том, что без Г. не просуществовать, уходит в командные механизмы хозяйст-

вования, в слепую веру в то, что только партии известны и понятны пути и возможности общественного развития.

Глубокая и основательная перестройка только экономическими средствами и лишь в хозяйственной сфере не может осуществляться. Она с необходимостью должна распространиться и на общественную жизнь, однако у ее порога она замедляется и останавливается, натываясь и разбиваясь об идеологические пороги — догмы. Утверждается, что перестройка должна осуществляться одновременно с выполнением государственного плана. Но при обязательном (а стало быть — и совершенном) плане нет возможности (и необходимости) ее проводить. Перестройка выталкивает из производства миллионы людей, а ей предъявляется требование не создавать безработицы.

Выход из этих тупиков-противоречий видится в расширении Г. — включении в него тех же показателей и в том же объеме, что раньше входили в план. Г. в 1989 году определял выпуск большинства потребительских и продовольственных товаров, охватывал целиком производство сахара, масла, хлопка, шерсти, полностью — оборонную, нефтяную, цементную промышленность и значительную часть — машиностроительной, авиационной, капитальное и жилищное строительство и определял на 90 процентов железнодорожные перевозки, составлял 80 процентов в выпуске автомобилей, а в производстве тракторов, комбайнов — перешагнул 95 процентов.

Но и за пределами Г., жестко навязываемого Госпланом, предприятия не имеют независимости и лишены возможности самостоятельно распоряжаться оставшейся после его выполнения продукцией. Обязательные поставки им навязываются министерствами, госкомитетами и главками. И выгодны они предприятиям или нет, их неукоснительно надлежит выполнять. Необходимо повиноваться, не рассуждая, — как раньше. Или же в духе времени — рассуждая, повиноваться. "Непросвещенная" система управления экономикой в Советском Союзе, таким образом, заменяется "просвещенной" — Г.

"Особенно велик госзаказ на прод- и промтовары для народа,

где, казалось бы, доля этого госзаказа должна быть минимальной". ("Огонек", № 44, октябрь 1988, с. 15.)

ГОСПРИЕМКА — механизм проверки и оценки качества промышленной продукции.

Идея и модель Г. заимствованы в военной промышленности. Она подчинена не руководству производства, продукция которого проверяется и контролируется, и не министерству, в структуре которого находится предприятие. Г. действует и функционирует в системе Государственного Комитета СССР по стандартам, и на предприятиях имеет только своих постоянных представителей — штат сотрудников высокой квалификации.

В связи с введением в СССР Г. возникли многочисленные трудности, проблемы организационные и психологические. Прежде всего — это укомплектование Г. специалистами, обеспечение их контрольной аппаратурой, отработка технической документации. Но еще сложнее оказались социальные противоречия. Г. оказывают сопротивление. Ее обвиняют в чрезмерной требовательности, из-за которой расстраивается производство и срываются планы. Стремятся основную часть изделий предъявлять Г. в конце месяца, рассчитывая, что в условиях аврала ее требовательность упадет и снизится. Или организуют давление на контролеров — на них обрушиваются угрозы и просьбы администрации. Другая форма давления на нее — руководство предприятий не мешает, но и не помогает Г., сталкивая контролеров с рабочими и делая их ответственными за простои заводов и фабрик.

В чем-то работа Г. дублирует деятельность отделов технического контроля (ОТК) заводов и фабрик. Но имеет свои отличия и особенности. ОТК, премиями прикованные к плану, лишены самостоятельности.

Г. не зависит от результатов работы предприятия и не стоит "навытяжку" перед администрацией. ОТК наблюдают за качеством продукции в процессе производства, Г. проверяет готовые изделия. Но и там, и здесь стоит проблема качества, проблема острая и болезненная для советской промышленности.

Если составить частотный словарь пропаганды 70-х годов, то понятие "качество" вполне может оказаться среди наиболее употребительных слов. На советских предприятиях проводились особые "Дни качества", "Недели качества", "Кварталы качества" и даже "Пятилетка качества". Создавались и "Бригады качества" и целые трудовые "коллективы качества". Был учрежден специальный "Знак качества", которым отмечались лучшие изделия, отвечающие "мировым стандартам". Так что вполне можно было предположить, что с вопросом качества в Советском Союзе обстоит более или менее благополучно.

Однако десятью годами позже, в процессе перестройки, когда стали переосмысливаться многие традиционные истины, выяснилось, что советские товары отличаются крайне низким качеством. И "наступление" (говорят еще "поход") на качество необходимо было начинать чуть ли не с нуля. При этом стало явно недостаточным использование военной терминологии — "наступление", "поход" или "борьба" (слова в других обстоятельствах весьма популярные). Необходимо было обратиться к армии непосредственно и перенять у нее ее опыт и методы проверки и оценки продукции. И в советском лексиконе появилось понятие, а в советской жизни — явление Г.

Г. не была первым или единственным средством управления, перенесенным с ткани военной промышленности на гражданскую. В 60-х годах у нее была позаимствована система работы, известная под названием "сетового графика", а в самое последнее время, уже после Г., сверхцентрализованная программа целевого планирования. И тот и другой методы не были открыты в Советском Союзе. Основанные на системном анализе и межотраслевом подходе, они впервые были применены в американской экономике и уже оттуда перекочевали в советскую оборонную индустрию. А когда поток количественного "вала" стал размывать немногие качественные острова гражданской промышленности, решили на ее пути в мае 1986 года соорудить плотину из "военного опыта" Г.

Решение было трудным и мужественным. Сразу же ока-

залась подмоченной репутация признанных авторитетов советской экономики, предприятий, на которые принято было равняться всей промышленности — заводов "Динамо", "Красный пролетарий" и десятков других. В первые десять дней работы Г. они не смогли сдать ни одного станка. В Москве на 709 предприятиях были введены комплексные системы управления качеством, Г. обнаружила: 60 — 65 процентов заводов и фабрик, оснащенных этими системами, изготавливали изделия, не соответствующие необходимым стандартам и элементарным техническим условиям. Причина — давняя привычка поклоняться традиционному кумиру — объему производства.

Дать больше продукции, дотянуть до плана, выполнить план любой ценой — закон деятельности советской промышленности. В результате — за первое полугодие 1987 года Г. было задержано и возвращено на доработку недоброкачественных изделий на сумму 9 миллиардов рублей при общем приросте промышленного производства в 22 миллиарда. На следующий год на Г. перешли 2,2 тысячи объединений и предприятий, и в первый же месяц, в январе 1988 года, не было принято 1,7 тысячи металлорежущих станков (20,5% из изготовленных), 26,9 тысячи магнитофонов (21%), 41,8 тысячи телевизоров (7,2%), 296 тысяч часов (15,1%), 910 тысяч трикотажных изделий (11,8%) и т. д. Одновременно выявилась и "драма" самой Г. Она способна выявить нерадивость управления, порой дойти до выяснения причин производственных неудач и срывов, но не в состоянии их предотвратить или устранить. Она может заставить предприятия следовать установленным государственным требованиям, но сделать их иными, более совершенными, не вправе (хотя часто именно в них изначально заложено неудовлетворительное качество).

Другая, возможно, главная и "болевая" точка Г. — ее несостоятельность, неэффективность в перспективе: какое-то время она способна заставить трудиться более напряженно, собраннее, но жесткий контроль сам по себе не в силах долгое время обеспечивать высокое качество продукции — производственники начнут приспосабливаться и уже приспосабливаются к ней и ее обходят.

Заложено в Г. и внутреннее противоречие: последовательное проведение в жизнь ее принципов предполагает отмену премий, что ведет к снижению заработков, а их падение подрывает стимулы и мотивы труда (противоречие первое). Второе — в процессе борьбы за качество срывается план, то есть сгибается и ломается генеральная линия партии на увеличение производства. Третье противоречие — экономическая нерентабельность ведет к закрытию предприятий, появляется и увеличивается безработица (в ближайшие годы она составит 8 миллионов человек, а к 2000-му году достигнет 20 миллионов), обостряются социальные противоречия. В итоге же вместо периода относительной устойчивости советская система вступит в полосу острых противоречий и столкновений.

”Второй год действует в стране госприемка продукции. Рожденная перестройкой, она принимает экзамен на качество, повышая тем самым эффективность производства”. (“Агитатор”, № 11, 1988, с. 32.)

ГРУППА ”А” и **ГРУППА ”Б”** — условные обозначения, используемые для представления и определения тяжелой и легкой промышленности.

К группе ”А” отнесены в Советском Союзе отрасли промышленности, создающие основные средства индустриального развития (тяжелая промышленность), а к группе ”Б” — производство предметов личного потребления и домашнего обихода. При этом всегда подчеркивалось, что группа ”А” служит определяющим показателем экономического развития государства. И поэтому группе ”Б” уделялось меньше внимания, и она развивалась значительно медленнее, неизменно отставая по темпам своего роста и по количеству и качеству производимых ею товаров от тяжелой промышленности. На ее предприятия, где трудится сегодня каждый четвертый работник, выделялось в СССР до самого последнего времени всего 14 — 15 процентов государственных капиталовложений.

Такая неравномерность в распределении производственных фондов объясняется ”законом преимущественного развития средств производства”, ”открытым” марксистской политической экономией. Реализация этого ”закона” с неизбеж-

ностью вела и ведет к постоянной нехватке продуктов питания и товаров первой необходимости, к недоеданию населения, а в отдельные периоды советской истории — к голоду и вымиранию. Таким образом, само деление советской промышленности на группы "А" и "Б" свидетельствует о пренебрежении властей к нуждам и потребностям людей. Это, однако, не мешает советским руководителям утверждать, что, "опираясь" на преимущественное развитие тяжелой промышленности, они "проявляют постоянную заботу" о росте благосостояния народа.

К середине 80-х годов в Советском Союзе отмечается некоторое увеличение темпов развития производства предметов "народного" потребления. Однако по важнейшим показателям развития группа "А" по-прежнему опережает группу "Б". В результате — по обеспечению населения продуктами и товарами, по удовлетворению насущных бытовых нужд СССР занимает одно из последних мест в ряду развитых стран современного мира.

"На долю группы "А" приходится 74 процента всей продукции промышленности". ("Агитатор", 1980, № 19, с. 24.)

”Д”

ДАВАТЬ — разговорный вариант слова ”продавать”.

В Советском Союзе в свободную продажу поступают главным образом товары низкого качества или устаревших моделей, не пользующихся спросом у населения. В тех редких случаях, когда на прилавках магазинов появляются добротные и модные вещи (как правило, импортные), о них не принято говорить ”продают” — ведь продают то, что в продаже есть всегда, а употребляют ”дают”, слово, в котором ощутим явный привкус благотворительности.

Разумеется, такие товары предлагаются покупателю не даром — за них платят (и немало). Но советские люди испытывают подсознательную благодарность за то, что им вдруг предоставили возможность приобрести желаемые вещи или продукты (масло, мясо, лифчики, кофточки, галстуки и т. д.). То, что эти товары не продают (в привычном для советского человека смысле), а именно ”дают”, подчеркивается еще одним специфическим словом — ”выбросили”. Дефицитные товары не лежат на полках, а их ”выбрасывают” туда время от времени, как правило, по большим праздникам. Они появляются из-под прилавка, где томились, ожидая перекупщика-спекулянта, или из ”закрытого” (правительственного) магазина-распределителя.

В таком случае не принято говорить ”купил” (купить могли бы все). Естественнее сказать ”достал”, ибо тут мало иметь деньги, нужно простоять в очереди многие часы и захватить вещь, кого-то опередив и растолкав. Слово ”достал” выражает множество чувств: гордость, удовлетворение, радость счастливого покупателя.

Советский человек, живущий в обществе, где постоянно чего-то не хватает, при виде очереди сначала становится в нее, а уж затем спрашивает, "что дают". Тут срабатывает привычный инстинкт охотника — если у магазина собралась толпа, значит, "выбросят" нечто такое, что необходимо "достать".

"У входа в магазин стоит длинная, закручивающаяся, как улитка, очередь. "Что дают?" — спрашивает распаренная от жары и пудовых сумок в руках особа. "Хрусталь", — отвечают из очереди". ("Известия", 16 сентября 1980, с. 6.)

ДЕДОВЩИНА — аллегорическая форма определения бесчеловечных порядков и нравов, царящих в советской армии, проявляющихся в издевательствах и унижении солдат-новобранцев.

Суть явления Д. может быть понята и оценена только в контексте общих процессов, происходящих в советской армии, вся система обкатки и обработки которой призвана превратить солдат в инертные, пассивные существа, равнодушные, безжалостные, не способные рассуждать и самостоятельно принимать решения, готовые к беспрекословному и полному подчинению. Истоки такого отношения к солдату уходят в прошлое — в дореволюционные времена, когда в армии насаждался и утверждался дух бесчеловечной, палочной дисциплины. Советская действительность еще более расширила идею подавления личности в армии, доведя ее до принципа: солдат в строю — не человек.

С первых дней армейской службы в Советском Союзе человек попадает в экстремальные условия — его проверяют на прочность и износ. Ночные подъемы, дежурства, многокилометровые броски и переходы по бездорожью, в зной и стужу не столько закаляют его тело, сколько разрушают характер: он должен отказаться от своих былых привычек и вкусов и слиться с одним стремлением и порывом — безропотно следовать приказам, которые, парализуя его мысли и волю, целиком определяют его судьбу и жизнь. Его охватывает чувство тревоги, неопределенности, неуверенности в себе, и оно ни на минуту не покидает его: спать ему приходится ложиться, не снимая ремня, чтобы в мгновение успеть стянуть

штаны и сбросить рубашку. И подниматься надлежит ему в такой же спешке и нервозности — надо облачиться в гимнастерку не более чем в полминуты. Его отупляют и изматывают серость и убогость армейской жизни: оправляться и мыться заставляют по команде. Строем, вышагивая шаг, гонят в столовую, неопрятную, неуютную, где рассаживают строго по иерархии — сержанты, ефрейторы, рядовые.

Проявление или выражение недовольства тут же пресекается. За недостаточное рвение и расторопность следуют наказания: внеочередные ночные дежурства и наряды. А за неповиновение илислушание — гауптвахты и карцеры, в которых нет возможности ни умыться, ни поспать (вместо кроватей и матрацев — голые доски), ни уединиться (каждое движение отмечается и контролируется дежурным). Сосредоточенная злоба становится чувством, разумом, зрением. Солдаты мучительно ищут разрядки. И выявляется она столь же уродливо и безобразно, как и жизнь, которую они ведут — в озлобленности, пьяном загуле, в драках и, главное, в издевательствах над новобранцами, растерянными, неопытными, еще не знающими, как вписаться в новую для них среду, безжалостную и циничную.

Официально в советской армии служащие подчиняются друг другу по званию или по должности. Наряду с этой системой взаимоотношений существует неформальный порядок начальствования, который принимает во внимание совсем другое отличие — время призыва, в соответствии с которым отстраивается иерархическая лестница из четырех ступеней.

Высшая — на ней располагаются солдаты последнего года службы — старослужащие, их доверительно называют "стариками", или "дедами" (отсюда и возникло понятие Д.). Далее находятся бывалые солдаты, уже перешагнувшие первый год службы, — "полубойцы" (в этом определении просматривается их переходный статус — уже не новички, но еще не ветераны). За ними следуют солдаты, прослужившие не менее полугода и успевшие познать и вкусить тяжды армейской службы, так называемые "молодые". И, наконец, идут только что пришедшие из гражданской жизни бойцы, презритель-

но именуемые "салагами" (по аналогии с мелкой и пугливой рыбой). Существует среди солдат и еще одна прослойка (но не группа) — военнослужащие, в силу глупости, безволия, трусости, а иногда — болезни не вписавшиеся ни в одну из четырех категорий и потому не пользующиеся ни привилегиями, ни защитой своего призыва. Они постоянно, вплоть до демобилизации, подвергаются унижениям, издевательствам и насилию.

Внутри каждой группы военнослужащие равны — обладают одинаковыми правами или, наоборот, отсутствием таковых. Звания и должности не привязываются к неформальному положению солдата, и на одном уровне могут оказаться рядовой боец и командир отделения, сержант и ефрейтор. Вместе с тем вторая система соподчинения не оторвана от первой и часто является ее продолжением и дополнением. В группе "стариков", естественно, больше сержантов, а старшина, стоящий над ними всеми, не назначается из солдат первого года службы. И тем не менее, неформальная система власти в армии существенно отличается от формальной — у нее свои специфические традиции и правила.

В гражданской жизни солдат мог быть рабочим, колхозником, студентом, журналистом, инженером, врачом, подающим надежды интеллектуалом или посредственностью, ищущим удовольствия, избалованным отпрыском состоятельной семьи или единственной опорой матери-одиночки. Но, мобилизовавшись, он сразу же утрачивал свои родовые и индивидуальные особенности и становился "салагой".

И теперь он по прихоти "деда" обязан стирать его носки, чистить брюки, застилать его постель, подшивать ему воротнички под гимнастерку, заменять на посту, за него мыть посуду и вылизывать казарму, довольствоваться в еде тем, что от него останется, и еще — бегать ему за водкой, подстраховывать его, пока он будет пьянствовать. В награду за послушание и терпение он через полгода службы будет переведен в категорию "молодого", что избавит его от унижений, — многих, но не всех. Он по-прежнему будет оставаться на "побегушках" у "стариков", но на самой тяжелой работе его сменят очередные "салаги" из нового пополнения.

Обращение солдата в новое качество — из "салаги" в "молодые" совершается прозаично и просто: "полубойцы" держат его за руки и "дед" трижды бьет его ремнем (или палкой, или попавшимся под руку тяжелым предметом) по плечу. Этот ритуал "посвящения" повторится еще дважды, пока солдат из "молодых" не переберется в "полубойцы", а оттуда — в "старики".

На этом кончатся его страдания, и он сам начнет измываться над новобранцами — так же как когда-то издевались над ним. Или еще более изощренно и цинично, когда солдатская жизнь вконец ему опостылет и покажется совершенно пресной. Устраивать "салагам" "темную" — набросит на них одеяла, скрутит, покатает по полу и, обезумевших от страха, выбросит из окна — если новобранцу повезет, то он не переломает руки и ноги, а отделается ушибами и синяками. Или придумает с друзьями другую "забаву" — завяжут какому-нибудь бедолаге глаза и будут всем взводом бить по голове, пока тот не угадает, кто последним ударил. Еще одна "шутка" мило называется "велосипед" — во время сна вкладывают новичкам между пальцами ног вату и поджигают. Жаловаться, однако, нельзя — таковы правила "игры". И тем, кто их не принимает — слишком горды или независимы, — не позавидуешь. Будут их "воспитывать" уже совсем без жалости: жестоко унижать — мочиться на них по ночам, подбрасывать тараканов в пищу и бить до потери сознания, обливать горячей водой (или ледяной) и приводить в сознание поднесенной к лицу спичкой.

У молодых солдат накапливаются боль и страдание, задерганные и замотанные, они не позволяют себе свободных движений, перестают откровенно разговаривать, громко смеяться. И если улыбнутся в присутствии "стариков", то делают это робко и почтительно ("услужливый смех") и подобострастно. Их не спутаешь с бывалыми солдатами и внешне — у тех почти что цивильная прическа, усы и баки, сапоги гармошкой, а руки постоянно находятся в карманах зауженных брюк, и облачены они в приталенную гимнастерку. А они — обладатели короткой, под "ноль", стрижки, их пряжки мундира — ослепительно сверкают, воротник всегда застегнут на

все пуговицы, одежда вечно черная — от постоянного соприкосновения с грязью при мытье полов или ползания по земле на учениях.

Но милосердия они не ищут и не ждут — солдаты, что издеваются над ними, не знают жалости, ибо сами прошли через такие же унижения. Им надлежит познать тяготы "казенной" жизни, пока они не "состарятся" и сами не станут "дедами". И тогда настанет их черед в полной степени излить свою боль и желчь на новом пополнении. Садизм, творимый и испытываемый, создает ощущение общности. И уже не столь безысходной кажется служба и не так мучительно медленно движется время: заменитель счастья — терпение. И не только на военной службе — такова советская жизнь. Она прочерчивает на армию свои неумолимые и жестокие нравы — бессердечие, бездушие, черствость. И Д. лишь в малой и неполной степени выявляет их извращенную сущность. Еще меньше ее отражает другое определение "Д". — "внеуставные отношения". Их вернее было бы назвать вничеловеческими отношениями. И они в равной степени характерны и для советского общества, и для его армии.

"Дедовщина" стала очередной социальной проблемой". ("Неделя", № 15, 1988, с. 8.)

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ — процесс ограниченной либерализации, осуществляемый в Советском Союзе в рамках политики перестройки.

Д. является узкой, урезанной, фальшивой и лицемерной формой демократии. Демократия проявляется и утверждается в народовластии, в предоставлении всем гражданам равных прав и обязанностей. Д. же представляет собой один из принципов управления обществом, основанным на коммунистической идеологии, и служит ее политическим целям и интересам.

Д. создает определенные условия и возможности для социального и экономического развития социалистического государства: устанавливает самоуправление предприятий, определяет выборность руководителей, регламентирует открытость и гласность некоторых сторон общественной жизни.

ни. И тем самым раскрывает и выявляет потенциал горбачевских реформ — позволяет осуществить реорганизацию хозяйственного управления, с помощью которой делается попытка вывести страну из состояния экономического и политического застоя.

Субъективно партийное руководство было и остается сторонником авторитарных методов управления. Но будущность социализма и его судьба в нем оказались завязанными на Д. Советское правительство с приходом к власти Горбачева уже было не в состоянии организовать и мобилизовать массы с помощью традиционных лозунгов и призывов — им больше не верили. И вместе с тем оно не решается обратиться к старому (и устаревшему) методу управления — террору: его политические возможности не оправдали его социальных издержек — состояния постоянного общественного страха и напряженности в стране. Так что не столько теория социализма, сколько его практика вывела советских руководителей на Д. Она, с распространением ее на производственные отношения, позволила им перейти от административных форм управления на экономические.

Д. расширила границы и самостоятельности предприятий, защитила их хозяйственный расчет и самофинансирование. Однако очень скоро Д. была подменена ее видимостью: конкурсный выбор руководителей превратился в пропагандистское представление, при котором каждый директор торопился отрапортовать, что он "перестроился" первым, — заявлял о желании провести выборы на своем предприятии. Д. оказалась ложной: на руководящие должности предлагались шесть, десять, двадцать и более кандидатов. Как на аукционе. Кто выдвигал больше, тот оказывался победителем в новой разновидности социалистического соревнования — в марафоне за Д. Выборы были подменены митинговой эйфорией, при которой выдвигались не лучшие и способные руководители, а наиболее покладистые и беспринципные. Властям, тем не менее, удалось всколыхнуть общество, гальванизировать массы, оживить то, что стали называть "человеческим фактором". Настолько, что они рискнули подойти к еще одному рубежу Д. — демократизации социальной.

При выборах в местные Советы в 1987 году, а в 1989 году и в высшие Советы народных депутатов — областные, республиканские и государственные — были созданы многомандатные округа. Это был определенный шаг, если не к демократизации, то, несомненно, к соблюдению формальной стороны избирательной кампании. Голосование за одного депутата представляло выборы без выборов, а при наличии нескольких кандидатов, пусть даже вытщенных из одной партийной колоды, оно хотя бы внешне соответствовало демократическим правилам. Такая система выборов, однако, не являлась для Советского Союза новой. Она уже применялась в прошлом, далеком и теперь уже забытом — в первые послеволюционные годы. Причем, тогда выборы были более демократичными, чем сегодня. В представительные органы власти, в том числе и в высшие Советы, избирались депутаты не только от коммунистов, но и от оппозиционных партий — левых эсеров, меньшевиков-интернационалистов и др.

В Советском Союзе радикально не изменились ни государственный строй, ни политическая система, ни экономические отношения. Реформы все еще остаются на уровне мифотворчества, где обильно вырабатываются лозунги. Самый новый из них — идея соединения социализма и демократии. Призыв явно неудачный по форме: если говорится о необходимости соединения социализма с демократией, значит, все 70 лет в советской стране социализм был оторван от демократии. Несостоятельным этот лозунг оказался и по существу. Социализм и демократия несовместимы и аннигилируют друг друга: больше социализма — меньше демократии. И наоборот — с развитием и расширением демократии размываются социалистические устои — монопольная власть партии и социальное неравенство.

Столь же наивны и несостоятельны попытки пойти в сторону лучшего социализма. Социализм не может быть ни лучше, ни хуже — он неизменно основывается на диктатуре, насилии и произволе. Симбиоз социализма с демократией недолговечен и нежизненен: или социализм разрушает демократию, или развивающаяся и расширяющаяся демократия отторгает социализм. И в обществе устанавливается социаль-

ная однородность — социалистическая или демократическая.

Кризис советской системы есть кризис социализма, результат последовательного проведения в жизнь его принципов и идей, для которых характерно игнорирование законов экономического и общественного развития, узость демократических основ, отчуждение человека от результатов его труда. Социализм — это замкнутое однопартийное общество, строго иерархическое, с гипертрофированным централизмом. Выход из его социальных тупиков следует искать не в раздвижении рамок социализма или в его обновлении, не в большем или лучшем социализме, а за его пределами, не в перестройке системы социализма, а перестройке социализма как системы.

Социализм был вынужден допустить Д., чтобы не разрушить себя окончательно. И впервые со времени короткого "романтического" периода революции на советской политической сцене вновь оказались народные массы, к мнению и поддержке которых стали обращаться советские руководители. Но их роль не следует преувеличивать: народу уготована весьма незаметная и скромная роль на политической сцене — статиста в спектакле "Перестройка".

Обращение коммунистических руководителей к внепартийным кругам не является чем-то необычным в советской истории. Только в период правления Сталина политика чуть ли не целиком определялась и делалась в коридорах партийного аппарата — здесь разрабатывались и составлялись экономические планы, устанавливались социальные нормы, принимались решения об устранении от власти. После его смерти характер и устройство советской системы стали меняться. Первым обратился за поддержкой к непартийной силе — армии — Хрущев. Он же стал и ее жертвой: с ее помощью он был смещен.

Брежнев попытался восстановить монополию партии на власть, но был вынужден разделить ее с военными. Андропов использовал для укрепления режима и увеличения своего влияния государственную безопасность. В результате в Советском Союзе образовался своеобразный треугольник власти: верхний угол — политическое господство — оседлала пар-

тия, а два других, сопричастных с принятием государственных решений, заполучили армия и госбезопасность.

Значение перераспределения власти в Советском Союзе не следует переоценивать. Партия осталась определяющей и ведущей политической силой в обществе, а армия и госбезопасность влияли на общественные события только тогда, когда это позволяла внутривнутрипартийная ситуация: борьба за власть в верхних эшелонах самой партии. Но, выйдя на реальную политическую арену, армия и госбезопасность не спешили с нее уйти. Вследствие чего партия, оставаясь главной силой власти, перестала быть единственной.

Горбачев, начав политику Д., ввел новый элемент в это общественное уравнение — народные массы. Если они выйдут из-под контроля партии (при нем или при его преемниках), треугольник коммунистической власти изменится. Он превратится в сложную фигуру со многими углами, которые займут новые "игроки" — технократия, интеллигенция и т. д. Выдвинувшиеся из народных масс, они будут стремиться отстаивать собственные цели, не укладывающиеся в рамки политики Д.

Такое развитие событий вполне вероятно, так как впервые в советской практике Горбачев нарушил "священное" табу коммунистической политики — принцип непогрешимости партии. До него возможно было критиковать отдельных партийных руководителей (даже самого высокого ранга), но партия, как таковая, оставалась непогрешимой. Даже Хрущев, который ближе других подошел к тому, чтобы посягнуть на этот принцип, вину за совершенные партией преступления возложил на одного человека — Сталина, ее руководителя, да и то осмелился осудить лишь последний период его долгого правления. Тем не менее, перенос вины Сталина на партию и систему вызвал социальные судороги в советском обществе. Одно из последствий такого потрясения — диссидентство, с которым наследники Хрущева вынуждены иметь дело и по сей день. Впрочем, сегодня оппозиционное движение, изрядно потрепанное и разобщенное, стало менее опасным — настолько, что власти выпустили из заключения практически всех диссидентов.

Советские руководители могли позволить себе помиловать оппозицию, потому что ее критика, благодаря Д., утратила для режима свою разрушительную силу. Они подобрали ее лозунги, в том числе самый радикальный из них: "Соблюдайте вашу конституцию и ваши законы". Этот призыв удачно улегся в программу перестройки и стал обслуживать ее интересы. Конечно же, власти вынуждены считаться с различием целей — своих и диссидентов: для них Д. и исходящая от нее критика служат средством укрепления системы, для оппозиционеров эти же средства являются способом для демонтажа советского общества. По мнению диссидентов, Д. не должна иметь пределов; для коммунистов границы Д. очерчены властью партии.

Перестройка, однако, до такой степени замутила и спутала намерения советских руководителей, что Д. часто выходит из очертанных для нее берегов. И в своих критических всплесках она, затронув Политбюро и Секретариат ЦК, поставила под сомнение презумпцию непогрешимости партии. Поначалу власти стремились ограничить разоблачительные волны Д. низшими эшелонами партии, но Д. прорвала эти барьеры. В результате сам Горбачев оказался уязвимым для критики. И сразу же возникла известная дилемма "кто — кого" — партия обуздает Д., или же Д., перерастая в демократию, размоет власть.

"Нам нужно полноценное, полнокровное функционирование всех общественных организаций, всех производственных коллективов и творческих союзов, новые формы деятельности граждан и возрождение тех, что были забыты. Короче говоря, нужна широкая демократизация всей жизни общества. Она же является главной гарантией необратимости начавшихся процессов". (М.С.Горбачев. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., Изд. политической литературы, 1987, с. 27.)

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ — новая форма представления и определения существующего в Советском Союзе политического строя.

Она отражает развитие и изменение советского социализма, зарождение и появление в нем гуманистических черт и

качеств. Его особенности: 1. Гласность — некоторая открытость общественной жизни. 2. Законность — соблюдение действующей конституции. 3. Демократизация — ограниченная, строящаяся на основе однопартийной системы и централизованного руководства и проявляющаяся в либерализации системы выборов и в характере голосования (выдвижение альтернативных кандидатов и широкое, относительное, их обсуждение). 4. Намечающееся разделение исполнительной, законодательной и судебной власти. К принятию политических решений притягиваются, кроме традиционных социальных сил — партии, армии и государства, — и определенные (активные) прослойки общества, пока с правом совещательного голоса. 5. Экономический плюрализм — зарождение в структуре хозяйства элементов рыночной стоимости и частной собственности, выступающей в облике арендного подряда и кооперативного производства.

Социализм в своем развитии (умозрительно, на уровне теоретического сознания) прошел со времени своего появления длительную и своеобразную эволюцию. Его основоположники, Маркс и Энгельс, говорили о возможности победы социализма одновременно во всем мире или, в крайнем случае, в наиболее развитых индустриальных странах. И когда мировая социалистическая революция не состоялась, Ленин был вынужден, чтобы избежать катастрофы, отступить назад, к политике нэпа — допустил частичную реставрацию капитализма в экономике.

”Сосуществование” с капитализмом не устраивало Сталина, стремящегося к единоличной диктатуре. И он выдвинул положение о возможности построения социализма в ”отдельно взятой стране”. И под предлогом, что такая победа социализма не окончательная — из-за наличия враждебного ”капиталистического окружения” — развернул в стране жесточайший террор, унесший 40 миллионов человек (не считая жертв войны, развязанной по его вине и ”стоившей” еще 30 миллионов человек). Такой оказалась ”плата” за попытку провести утопию социализма в жизнь — она обошлась человечеству в 70 миллионов жизней (только в Советском Союзе, а если принять во внимание ”народно-демократические”

страны, то цифру жертв следует, по меньшей мере, удвоить).

Хрущев выдвинул идею "зрелого", а затем и "развитого" социализма. И для того, чтобы придать ему привлекательность, предложил "приманку" — заявил, что развитый (зрелый) социализм находится в преддверии "бесклассового общества" (рассчитал сроки его наступления — 15 — 20 лет — и выдвинул лозунг: "Нынешнее поколение будет жить при коммунизме"). Это было неосторожное, рискованное обещание — большевики никогда раньше так примитивно не обманывали народ. Его обвинили в "волюнтаризме" и "прожектерстве" и определили, что существующий социализм является "реальным", то есть при всех "известных" недостатках его следует воспринимать в том виде, как он есть, — без иллюзий и надежд. И о наступлении коммунистической эры старались больше не напоминать.

"Реальный социализм" обернулся застоем, стагнацией всех сторон общественной и экономической жизни, СССР оказался на пороге политического краха. И чтобы его предотвратить, новое советское руководство было вынуждено срочно приступить к осуществлению программы "Перестройки" — к проведению социальных и хозяйственных реформ. Так возникло еще одно понятие социализма — Д. с. (оно во многом срисовано с модели "социализма с человеческим лицом", раздавленного в 1968 году советскими танками в Чехословакии).

Д. с., конечно, не следует воспринимать в том виде, как он преподносится в СССР: еще Маркс отмечал, что следует проводить различие между оценкой политической реальности и ее положением. Намерение и исполнение Д. с. существенно расходятся. Существует и другая иллюзия: Д. с. преподносится чуть ли не как результат заботы "партии о народе". В действительности он насаждается только потому, что отвечает государственным потребностям.

Долгое время существование советского строя основывалось на парадоксе: система работала неумело, неэффективно, а коммунистический режим развивался и укреплялся. Однако ниже определенного порога деградации советская социальная материя стала распадаться и управлять ею стало

невозможно: наступил кризис общества — сверху донизу. И чтобы не проводить реконструкции общества под давлением снизу, власти поспешили приступить к осуществлению реформ "сверху", не учитывая никаких других интересов, кроме своих собственных. Вместе с тем, спасая основные свои интересы, советское руководство было вынуждено поступиться некоторыми второстепенными интересами. Но в основном "реформационная игра" ведется (пока) в узком кругу власти. Именно здесь, а не в народе, обсуждается вопрос, *от чего* следует отказаться и что необходимо принять и осуществить.

В действительности не существует никаких мифических "врагов перестройки", которых следует выискивать и разоблачать. Ее главным противником является социалистическая система и завязанные на ней люди. И сумма их интересов блокирует и парализует реформы. Большинство новых руководителей становятся поборниками старых идей — этого требует от них система. Таким образом, количество либералов в структуре власти постоянно убывает, а число консерваторов увеличивается. Народ не верит навязанным ему руководителям, они давно и окончательно просрочили платежи по своим политическим кредитам. И только интеллигенция поддерживает Горбачева. Это ее голос постоянно слышится на страницах прессы, а народные массы молчат — ожидая и присматриваясь.

Конечно, нельзя уменьшать значение гласности, "выговаривание" смелых и передовых идей расчищает политическую жизнь. Но его не следует и преувеличивать: революция слов (одних только слов) не способна привести к изменению социального покрова общества. Реальный результат гласности и ее достижение — некоторая открытость социальных процессов. Долгое время, все годы после Ленина, политическая борьба в СССР проходила вдали от внимания общественности. Ей преподносились уже готовые решения — результат политического компромисса, сейчас партийное противоборство вылезло наружу. Это, несомненно, прогресс, но еще не демократизация, так как принятие и проведение политических решений по-прежнему остается привилегией правящего

класса. Вместе с тем налицо явная либерализация — послабление цензуры, подконтрольное право на забастовки, создание вне рамок закона, но и не вопреки ему, неформальных объединений, умеренная свобода слова, волевое ограничение административных структур (сами по себе они не расположены к самоограничению).

Реформы подошли к пределу тех изменений, которые возможны в коммунистической системе. Дальнейшее развитие должно привести к ее изменению. Горбачев оказался на перекрестке. Движение налево — расширение реформ — явится поражением режима. Движение направо — отступление от реформ — станет его поражением. И то и другое развитие сопряжено с огромным риском и таит возможность потери им власти. Для усиливающейся консервативной системы Горбачев, с его реформаторскими порывами, окажется опасным, она найдет более приемлемого для себя, спокойного и осторожного руководителя. Победа радикальных сил в стране сделает его, противоречивого и непоследовательного правителя, ненужным. Им понадобится более решительный и смелый лидер. Реакция не оставляет слишком много шансов для него и для общества, а либерализация — для партии и для него.

Какой путь предпочтет избрать Горбачев, зависит от меры и степени опасности лично для него. Соображения прогресса отойдут на второй план и учитываться будут (если будут вообще) им в самую последнюю очередь. Выбор его определится "историческим соглашением" — с консерваторами, если они проявят желание удержать его у власти, или радикалами, которые, изменяя сущность и характер власти, захотят сохранить его в качестве переходного правителя. А до тех пор, пока кризис наступит, реформистским порывам Горбачева противостоит бюрократия верхов и апатия низов. Соппротивление первых продиктовано природой тоталитарного режима, а вторых — природой советского человека, который семьдесят лет выводился таким способом, что в нем полностью оказалось изжитым творческое сознание, инициатива, стремление к действию. Вот почему набор социальных возможностей Горбачева менее разнообразен и радикален,

чем того требуют реформы (и чем, возможно, хотелось бы ему). Главное внимание он вынужден обращать на малозначительные изменения — на реорганизацию управления, хотя очевидно, что путь такого развития половинчат и после непродолжительного периода подъема приведет к новому спаду, как это уже было в Венгрии и Югославии.

Паролем Д. с. является децентрализация. Но и она осуществляется непоследовательно и неполно, путем передачи незначительных прав и прерогатив местным организациям и объединениям, не предоставляя им реальной независимости. Над ними по-прежнему довлеет план, проступающий в виде госзаказов, перекрывающих производственные возможности предприятия. Определяющей в обществе остается государственная собственность, что исключает и функционирование свободного рынка, и сводит к минимуму влияние спроса и предложения. Цены по-прежнему являются нереальными, сдерживающими развитие экономики. А "ускорение" достигается путем выпуска ненужной продукции. Промышленность зажата в тисках взаимоисключающих требований — приходится, не считаясь с издержками, гнать и увеличивать готовую продукцию (тот же вал) и одновременно перестраиваться под госприемку, требующую высокий (и пока — непривычный) уровень качества изделий.

Экономика, как и общество в целом, оказалась распятой противоречивыми требованиями: декларируются права предприятий самостоятельно заключать договоры на хозрасчетной основе и детально расписывается их продукция; говорится о рентабельности производства, но она достигается не путем повышения технологии производства и увеличения ассортимента товаров, а за счет населения — вздутием цен; утверждается, что целью реформ является человек, повышение стандарта его жизни, а в их перспективе — увольнение 10 миллионов человек. Государство, втянутое в самогонную борьбу с населением, потеряло значительную часть своих прибылей — отдало их самогонщику. На рубеже 80-х годов две трети доходов от продажи спиртных напитков поступало в государственный бюджет, а одна треть — в частные руки. Эта пропорция при Горбачеве изменилась: две трети оказа-

лись у самогонщиков, и лишь одна треть досталась государству.

Д. с. (его еще называют "хозрасчетным") остановился у порога деревни. Здесь по-прежнему действует принудительный труд. И его рентабельность никак не повышают ненормальные экономические отношения — обязательные плановые поставки государству. Такая организация сельскохозяйственного труда покоится на убеждении, что советский человек — ленив и инертен и его лишь кнутом или пряником можно заставить работать. И стоит только ликвидировать совхозы и колхозы, как сельское хозяйство тут же развалится и страна останется без продовольствия.

Логика экономического насилия продолжается и в промышленности. Для нее установлены, и пересмотру не подлежат, нормативы отчислений государству от прибылей, достигающих чуть ли ни 90 процентов. Отсюда становятся понятными крики о помощи хозяйственников: создайте чрезвычайную комиссию (образ ЧК в народном сознании еще живуч) для "спасения перестройки".

В Советском Союзе смотрят на экономику как на место приложения пожеланий и претензий, а не как на сферу проявления объективных социальных тенденций, с которыми нельзя не считаться. И конфликт между экономикой и человеком продолжается: с одной стороны, призывают к переходу на хозрасчет и самофинансирование, с другой — наращивают нерентабельное производство, устанавливают пятилетний план промышленного роста и останавливают на реконструкцию предприятия, требуют повышать темпы развития и не могут насытить рынок необходимыми товарами.

Противоречия продолжают и за пределами производства. В процессе борьбы с пьянством вырубают виноградники. И не в состоянии устранить причины всенародного запоя — усталость от лжи, от бестолковости и неустроенности бытия, от социальной безысходности и отсутствия перспектив. Парадоксальны способы поиска средств на перестройку. Следует существенно сжать военные расходы, а сокращают субсидирование продуктов и социальных услуг. Расширяют займы у населения и подрывают надежность банковских вкла-

дов — реформа цен обещает понизить их реальную стоимость на 50 процентов. Призывают к сокращению государственных расходов и не имеют реального представления, во что обходится производимая продукция. Страна живет в царстве "кривых зеркал" — большие и важные явления представляются малыми, а второстепенные, лежащие на обочине общественного развития, — важными и значительными.

Действующая в стране финансовая система базируется на инфляционных методах. Доходы государства и его расходы — фикция, не имеющая под собой реального обеспечения. С предприятий взимаются налоги до того, как продана (и продана ли вообще) их продукция. Их кредитование является финансированием без возврата (долги предприятий государству составляют 300 миллиардов рублей и, по-видимому, никогда не будут возвращены). В стране нет четкого курса денег — существует более десятка различных индексов: внутренний рубль, валютный, международный и т. д. Отмечается скрытая враждебность индивидуально-кооперативной деятельности, прорывающаяся в склоках и ссорах, ее обвиняют в махинациях, завышении цен, в высоких доходах.

В советской жизни действует принцип: возможны и допустимы только те реформы, что входят в рамки социализма. Характер экономических отношений — самый важный аспект реорганизации — остался неизменным. Государственная собственность считается основной и решающей, с ней связываются надежды на переустройство общества, а индивидуальная и кооперативная — рассматривается как второстепенная, преходящая. Правительство решилось пойти на уменьшение своего влияния лишь на периферии социальной и экономической жизни. Но, сдавая одни позиции, оно стремится завоевать другие — надеется улучшить и усовершенствовать свое функционирование. В этом суть и назначение Д. с.

"Какова же качественно новая модель более эффективного демократического, гуманного социализма? Пока видны только ее некоторые контуры. Это планово-товарная экономика, основанная на хозрасчете и множественности видов общественной собственности — возвышение государственной до уровня общенародной..." ("Литературная газета", 20 апреля 1988, с. 2.)

ДЕФИЦИТ – недостаток товаров, продуктов, общественных услуг, обусловленный сущностью и пороками советского общества.

Наличие постоянного Д. в Советском Союзе долгое время объяснялось двояко: действием исторических факторов (революционная разруха, война) и ростом потребностей людей. При этом уровень жизни в стране сравнивался и оценивался с 1913 годом.

Действительные причины Д. связаны, однако, не с трудностями становления советского общества, а с его структурой: системой централизованного планирования, милитаризованной экономикой, отчужденностью работника от результатов труда, его незаинтересованностью в количестве и качестве производимой продукции, организацией управления и т. д. Столь же несостоятельно и неправомерно объяснение Д. природой советского человека, чьи потребности постоянно растут.

Возможности общества зависят от распределения людей в системе производства и от самого характера производства. Здесь и проявились диспропорции советской экономики: из легкой промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг квалифицированная рабочая сила перекачивалась в военную индустрию. Отсюда – производственная аритмия хозяйства, его противоречивость – относительный прогресс в военной промышленности сочетался с застоем и упадком гражданского производства.

Другая причина Д. – умозрительное моделирование экономики, пренебрегающей возможностями рынка. Потребности производства определяются не динамикой и развитием общества, а политическими целями. Для советской экономики характерны непропорциональное распределение труда и система фиктивных показателей, способствующих расточительству, слабая механизация производства и кустарная его организация. Эти причины в совокупности порождают и создают постоянный Д., делают его неизбежным и неизменным спутником "советского образа жизни".

Долгое время в Советском Союзе предпринимались попытки оправдать Д., доказывая, что он благотворно влияет

на эффективность и рентабельность производства. Объясняли, что он выполняет чуть ли не гуманитарные функции. Утверждали, что Д. кадров вынуждает руководителей видеть в работнике индивидуума, заставляет их проявить заботу о научной организации и улучшении условий труда. И не замечали при этом, что постановка проблемы Д. в связи с человеком вводит личность в систему товарных категорий, уравнивает ее с Д. масла, мяса, одежды, мыла, тканей и т. д.

С нехваткой трудовых ресурсов (с Д. кадров) в Советском Союзе боролись постоянно, вводили трудовое обучение в школе, молодежь мобилизовывалась на индустриальные стройки. Что же касается продовольственного и товарного Д., то кампании против него проводились крайне нерегулярно и неравномерно — тогда, когда он приобретал угрожающий характер. Это имело место в конце 70-х годов, когда был объявлен государственный поход против спекулянтов и выдвинуто требование "поставить заслон нерадивости и бесхозяйственности". Нечто подобное наблюдается в советском обществе в настоящее время. Но с одним отличием. Пришло, наконец, понимание, что парадоксы Д. спродуцированы социалистической системой хозяйствования — директивно-командной экономикой и жестким планированием.

Но знание, что такое Д., не перерастает в понимание как его преодолеть. Экономическая реформа Горбачева пробуксовывает в коридорах бюрократии, парализующей ростки "социалистического рынка", с его робкими попытками утвердить кооперативное хозяйство, индивидуальные и семейные подряды, способные вести переговоры и заключать самостоятельные договоры с потребителями и поставщиками и осуществлять свободно выбор торговых партнеров.

СССР, как и в 30-е годы, остается разделенным на ряд продовольственных зон. Москва, Ленинград, несколько городов Прибалтики и Украины, центры международных туристских маршрутов обеспечиваются продуктами и товарами относительно хорошо (в советском понимании). Столицы республик и крупные индустриальные города снабжаются удовлетворительно, но неравномерно. Города областного и районного значения, промышленные поселки испытывают

товарный голод, и основная масса продуктов распределяется по предприятиям.

Жизнь советского человека проходит на фоне бесконечного Д. Очереди сопровождают его от юности и до старости. Единственная возможность преодолеть его — это пробиться в номенклатуру, перед которой услужливо раскрыты специальные распределители с широким выбором разнообразных товаров, продовольствия и услуг.

”Долгое время вообще считалось, будто бы переход к оптовой торговле возможен только после ликвидации дефицита. Однако именно система ”карточного” распределения ресурсов и порождает дефицит”. (”Известия”, 9 июля 1988, с. 1.)

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА — власть партийной бюрократии, устанавливаемая в процессе государственного переворота и опирающаяся на насилие, не ограниченное законом.

Идея Д. п., впервые выраженная в марксистской литературе 19-го века, предполагала захват рабочими власти, ликвидацию буржуазных отношений и собственности и создание социалистического государства. Полагали, что с возникновением бесклассового общества Д. п., как аппарат насильственного подавления, постепенно станет ненужной и отомрет.

Большевики в России, расширив понятие Д. п., стали определять его как особую форму классового союза пролетариата с беднейшим крестьянством. При этом отмечалось, что политическую власть пролетариат не делит с крестьянством (так же как и не с одним другим классом), и его участие в революции обуславливалось принятием им коммунистической программы и признанием безраздельного руководства партии.

Со времен Парижской Коммуны (1871 г.) и до смерти Сталина (1953 г.) считалось бесспорным, что Д. п. сохраняется до полного перехода к коммунизму. Начиная с 1961 года, однако, существование Д. п. стало ограничиваться ”эпохой социализма”. Но сама ”эпоха социализма” оказалась безграничной. Вслед за стадией ”развитого социализма”, по утверждению советских руководителей, должна наступить длительная эра ”зрелого социализма”. Они благоразумно от-

казались от марксистской идеи, утверждавшей, что социализм станет полным и окончательным только с утверждением его в мировом масштабе. Победа социализма в отдельных странах стала также считаться "полной", хотя и не "окончательной", так как оставалась и существовала мировая капиталистическая система и нельзя было исключать возможность реставрации в них буржуазных правопорядков. И неизменным оставалось утверждение, что руководящей и направляющей силой современности являются коммунисты, ибо построить "справедливое общество" рабочий класс может не иначе как "под руководством партии, вооруженной марксистско-ленинской теорией".

Д. п. первоначально понималась как власть рабочих, организованных "в непосредственную правящую силу", и обосновывалась идея управления государством не через партию, а с помощью "съездов трудящихся". Но принцип Д. п. как власти рабочих проявил свою несостоятельность, как только в Советском Союзе возникла необходимость наладить функционирование государства.

В первые годы социализма в России Д. п. сохраняла видимость народовластия: руководящие кадры рекрутировались из рабочих, они же составляли значительную часть и быстро растущей партии. Но очень скоро Д. п. стала противоречить укладу складывающейся власти, в которой партия, а не пролетариат, представляла "направляющую и движущую" силу. Рабочая оппозиция восстала против бюрократизации партийно-государственного управления и потребовала участия рабочих в системе власти. Профсоюзные лидеры добивались для рабочих, как для правящего класса, социальных привилегий: бесплатных коммунальных услуг, полного контроля над производством, сокращенной рабочей недели — именно эти обещания содержались в предоктябрьской программе большевистской партии.

Власть пролетариата, "поголовно организованного в правящий класс", однако, оказалась утопией. Создание социалистического государства породило множество административных, управленческих, организационных, военных функций, которые не могли осуществляться рабочими, занятыми на

производстве. И идея Д. п. как диктатуры рабочего класса была похоронена, и при подавлении эксплуататорских классов ущемлялись и попирались права и свободы рабочих. Демократические принципы пришли в противоречие с диктаторским режимом коммунистов, которые не могли допустить свободы профсоюзов, наличия рабочей оппозиции, выборности руководства без того, чтобы не потерять власть, которая заметно зашаталась к началу 20-х годов под влиянием крестьянских выступлений и рабочих забастовок.

После кризиса власти — Кронштадтского мятежа матросов — 10-й съезд партии (1921 г.) принял резолюцию о единстве партии, запрещавшую всякую (в том числе и рабочую) оппозицию. Коммунистическая партия стала управлять, попирая демократические институты государства, партии и рабочего класса, права которого (вернее, его бесправие) в советском государстве сравнивались с правами всего общества — крестьянства и интеллигенции, хотя на фасаде советского государства по-прежнему оставался лозунг Д. п.

Для того, чтобы связать в одном определении взаимоисключающие понятия диктатуры и демократии, в Советском Союзе утверждают, что Д. п. есть диктатура трудящихся над эксплуататорами. И как диктатура большинства, она является воплощением народовластия. Однако даже теоретически Д. п. не может рассматриваться как власть большинства: в России в 1913 году рабочие составляли 17 процентов населения, а в 1920 — 1922 годах их доля в обществе упала до 13 процентов. В Китае же к моменту захвата власти коммунистами рабочие составляли менее трех процентов населения. И даже в промышленно развитых странах Запада они в настоящее время не составляют большинства.

Советский режим провел в жизнь две идеи из всего содержания Д. п.: опору на насилие и принцип неограниченной власти, не опирающейся на закон. И ими оправдывались произвол и репрессии, обрушившиеся на страну и захватившие не только эксплуататорские классы, но и рабочих, чьи интересы Д. п. призвана была выражать и защищать.

Д. п. означает диктатуру руководства партии, опирающегося на коммунистическое государство и его репрессивный

аппарат. И кроме обычных своих функций — обороны страны и охраны закона, — она осуществляет различные задачи: проводит борьбу с политической оппозицией, владеет монопольным правом организовывать хозяйственную и социальную жизнь страны, осуществляет принудительное воспитание. Д. п. дает идеологическое обоснование претензиям советского правительства на его руководящую роль в международном рабочем и коммунистическом движении. Странам развивающегося мира, не имеющим многочисленного пролетариата, предлагается опираться на Советский Союз и развивать индустрию для создания рабочего класса. Впрочем, Советский Союз не дожидается появления пролетариата в отсталых странах и провоцирует перевороты в них от имени несуществующего рабочего класса — так сказать, политическим авансом.

Провозглашение опоры на пролетариат, сопровождаемое парадным прославлением действительных и мнимых его исторических заслуг, служит для прикрытия и оправдания безраздельной власти партийного аппарата и внутри страны. Но здесь учитывается и потенциальная сила советского рабочего класса — власти внимательно следят за любыми проявлениями его политического сознания и стремятся обуздать их и поставить под контроль. Их волнуют и беспокоят требования об увеличении оплаты и улучшении условий труда, стихийное стремление оживить профсоюзы. Но гасятся они в последние годы без репрессий, утонченно, мелкими подачками и уступками — введением видимого самоуправления на предприятиях и повышением производственных расценок. Главное для партии было и остается — сохранить власть, хотя ее выражение не оставалось неизменным. В своей эволюции советский режим прошел сложный путь развития — от тирании Сталина к тоталитарной системе его преемников и от них — к авторитарному правлению Горбачева с элементами либерализма и демократии, помещенного, однако, в одряхлевшую форму Д. п. и с чуть-чуть обновленным названием — диктатура народа.

”Диктатура пролетариата есть не ограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользу-

ющеся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс". (Сталин И.В. Соч., т. 6, с. 114.)

ДИСЦИПЛИНА — беспрекословное подчинение социалистическому правопорядку.

До революции в России под Д. имелась в виду воинская дисциплина. В советское зремя понятие расширилось и стали говорить: "партийная Д.", "государственная Д.", "трудовая Д.", "профсоюзная Д.", "комсомольская Д." и т. д.

Каждая из этих Д., по существу, строится на тех же принципах, что и воинская Д. Больше того — положения армейских уставов определили организационную структуру коммунистической партии. И в официальных материалах, когда речь заводят о Д. в партии, используют те же выражения и понятия, что в воинских инструкциях: "железная", "нерушимая", "строжайшая" и т. д.

Соблюдение партийной Д. обеспечивается жестокими наказаниями и насаждением доносительства — коммунисты обязаны сообщать руководству о любых проявлениях непослушания и недовольства в своей среде. Отступление от этого требования приравнивается к преступлению. Ленин предупреждал: кто хоть сколько-нибудь ослабляет партийную дисциплину, тот фактически помогает врагам трудящихся. Преступлением многие годы в СССР считалось и посягательство на трудовую Д., оно приравнивалось к экономическому саботажу, и за опоздание на работу, прогул осуждали на длительные сроки заключения — от пяти до пятнадцати лет.

Формула "трудовая Д." в советском мышлении обнаруживает глубокие противоречия. Марксизм рассматривает труд как внутреннюю потребность личности (иными словами, как естественный процесс социализации человека) и в то же время постулирует в качестве важнейшего метода его организации Д., то есть принуждение. Выход из этой антиномии и ее объяснение пытаются найти в теории взаимодействия общественного и индивидуального сознания. Утверждается, что если для "социалистического" общества в целом труд уже стал духовной потребностью, то некоторые его члены (не

вполне сознательные) все же отчуждены от него. Преодолеть это противоречие предлагается с помощью социального регулирования и воспитания, неотъемлемой частью которого считается "трудовая Д.". Она закрепляет работника на производстве, обязывает его участвовать в общественной жизни, регламентирует объем деятельности, определяет выполнение плановых заданий.

В сущности, трудовая Д. базируется на той же системе требований, что и партийная Д.: беспрекословном выполнении трудовых обязанностей и производственного распорядка, признания единоначалия и полном повиновении. И сознательное (оно же "коммунистическое") отношение к труду оказывается полной фикцией.

Действительность советских предприятий — прогулы и опоздания, низкая производительность труда, незаинтересованность в трудовом процессе, воровство, пьянство, очковтирательство, стяжательство. Власти стремятся переложить вину за развал трудовой Д. с системы на трудящихся, обвиняя их в лени, инертности, расхлябанности, неспособности к эффективному труду. И борьба за трудовую Д., направленную против народа, ведется руками народа. От его имени вносятся предложения посылать пьяниц на принудительные работы, устанавливать продолжительность отпуска и величину зарплаты в зависимости от непрерывности стажа работы.

За опоздание, неявку или самовольный уход с предприятия лишают премий и летнего отдыха. А по инициативе Андропова выискивали нарушителей трудовой Д. с помощью облав, которые проводились в магазинах, кинотеатрах и банях. В пригородных поездах вылавливали колхозников, направившихся в города за покупками. И тогда появилась профессия "слухачи" — специально подобранные блюстители порядка подслушивали и записывали на магнитофоны крамольные речи и высказывания.

Советские руководители перестали строить иллюзии по поводу того, что им удастся утвердить и насадить в обществе желаемую им Д. Их цель скромнее — доказать, что нарушение Д. политически и экономически не окупается. Но и она

оказалась нереальной. Бегство советского человека от государственного нормирования — не случайный спутник действительности, оно — органическая необходимость и потребность его образа жизни.

”Единство слова и дела, пожалуй, лучше всего характеризует уровень сознательной дисциплины, служит надежной гарантией осуществления наших планов”. (“Правда”, 13 декабря 1983 г., с. 1.)

ДОГМАТИЗМ — 1. Способ мышления, оперирующий неизменными понятиями и формулами. 2. Некритическое восприятие действительности, приверженность устаревшим, отжившим взглядам и теориям.

Д. характерен для многих реакционных, застывших систем прошлого, отстаивающих идеи неизменности мира. Его возникновение в Советском Союзе связано с развитием и насаждением марксистских представлений, требовавших слепого следования и подчинения (чуть ли ни веры) догматам коммунизма, утверждаемым в качестве непреложной, вечной и абсолютной истины (“Марксистско-ленинское учение всесильно потому, что оно верно”). Д. имеет глубокие корни и в структуре советского общества, в его замкнутости, самодостаточности, устойчивости, в его антидемократических институтах. И поэтому очень часто он проявляется и выражается в отношениях между людьми. И даже поборники радикальных перемен в Советском Союзе, сторонники перестройки, как их называют, оказываются не менее категоричными, нетерпимыми, чем ее противники.

Догматизм проник в человеческую психологию. Но не в том узком смысле, когда психология превращает идеологию в догму. А в более широком социальном значении — Д. превращает психологию в идеологию. Он уже не просто навязан советскому человеку сверху, через пропаганду и подавление инакомыслия (такой взгляд довольно-таки популярен в СССР, он дает надежду на скорые и легкие перемены — полагают, что, стоит освободиться от догм, и сознание сразу же раскрепостится), а является внутренней потребностью и чертой “homo soveticus”, неотъемлемым свойством его личности, способом его отношения к жизни. Его сознание разорвано,

непоследовательно и закрыто для опыта и знания. Центр мироздания, в его представлении, состоит из одних авторитетов — постоянных (Маркс, Энгельс, Ленин) и преходящих, сменяющихся (руководители партии). И только с ними соотносится вся получаемая им информация. Если она вписывается в его взгляды, то признается прогрессивной, передовой, если выталкивается ею, кажется отсталой и реакционной. Такое восприятие жизни не создает целостного мировоззрения — для него характерна ограниченность, замкнутость социально-го восприятия. И еще — противоречивость.

Сужены в “*homo soveticus*” и исторические перспективы: настоящее мыслится как переход к будущему. Д. для него больше, чем только мировоззрение, он — внутренняя потребность его личности. Он терпим к другим людям лишь в той мере, в какой их деятельность совпадает с поведением авторитета, которому он следует и поклоняется, как правило, марксистского, но не исключено, что и другого — националистического, религиозного и т. д. Ему настолько необходима и свойственна авторитарность мышления, что существует необходимость не только в положительном кумире, но и в отрицательном — образе врага, на который списывается все враждебное и возлагается ответственность за поражения, беды и неурядицы.

И все-таки, определяя отношения между людьми, Д. возникает и вырастает не из личности, а из общества, он в первооснове своей социален. Всегда. И в России особенно. Здесь Д. развивался и утверждался не на основе капиталистических отношений и индивидуалистического сознания — они в ней не успели оформиться и сложиться, а на базе докапиталистических форм жизненного уклада — феодально-крепостнического и примитивного, общинного сознания, которому был присущ жесткий контроль над поведением людей.

Д. система мышления еще более усилилась и развилась после коммунистического переворота, лишившего людей самозащиты от всепроникающего вмешательства идеологии в их жизнь. Экономически они оказались полностью зависимыми от коллектива, а через него — от государства. Были сломлены правовые гарантии их неприкосновенности — на-

столько, что стремление отгородить частное существование от посторонних взглядов стало рассматриваться как свидетельство их подозрительности и нелояльности. Индивидуализм был сломлен, и общественное (государственное) было поставлено над личным. Стремительно стал нарастать, распространяться и насаждаться авторитаризм — в различных формах, вплоть до массового уничтожения людей. И в общественном сознании стали появляться первые взаимоисключающие принципы — спутники нарождающегося Д.: любовь (к идеям) и ненависть (к людям), свобода (произвола) и рабство (для народа) и т. д.

Выталкивая индивидуальное в частную жизнь, коммунистическое общество невольно превратило ее в основную (если не единственную) и подлинную сферу жизнедеятельности личности, в которой вызревал и складывался (в противовес идеологии — как реакция на насильственный коллективизм) беззастенчивый эгоизм, открытый, явный, не скрываемый никакой моралью и сам становившийся моралью, с заповедями, определившими советский образ жизни: "своя рубашка ближе к телу", "ты мне — я тебе", "хочешь жить — умей вертеться", "моя хата с краю".

Советский человек оказался в полосе действия двух противоположных социальных координат — индивидуализма и коллективизма. Индивидуализм способствовал самосохранению личности, коллективизм — ее выживанию и приспособлению. В результате в обществе появились две морали: внутренняя — индивидуалистическая, и служебная — коллективистская. И необходимыми оказались обе; люди исповедовали поочередно то одну, то другую — в зависимости от обстоятельств. Так в Советском Союзе сложился тип двумыслящего человека, открытого для восприятия Д. И воспринявшего его, когда в 30-х годах в политической жизни выявилось сочетание противоположных начал. Две истины, словно две жизни, проявились в СССР. Размах революционных преобразований, энтузиазм и солидарность — светлая, "дневная" сторона действительности. И темная, "ночная" — растущий произвол, допросы, пытки, казни.

Массы знали о репрессиях (не могли не знать при их раз-

махе), и они, а не только руководители, существовали в двойном измерении: верили как в "дневную", так и в "ночную" правду. Так разошлись и никогда больше не сходились реальности коммунистического бытия — повседневность, безрадостная и убогая, и фикция показного благополучия. Два мира — два способа поведения, во всем советском обществе, сверху донизу. И не могло быть иначе, ибо даже его правители, проповедуя, что ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к "общественному долгу" (Брежнев), беззастенчиво обирали и обкрадывали народ, которому не оставалось иного выхода, как идти их путем — лицемерить, юродствовать и предаваться ханжеству. И, взирая на растущую безответственность, расхлябанность в работе, верить (или делать вид, что верят, — как их вожди), что борьба за дисциплину спасает производство, а продовольственная программа выведет страну к изобилию. Сталкиваясь с хамством, наблюдая грубость, полагать, что человек человеку — "друг, товарищ и брат".

Жизнь вырабатывала в характере советского человека нетерпимость — неотъемлемое свойство Д. Сначала ее питал размах классовый борьбы — революция, гражданская война, и она неплохо обслуживала режим, объединяя и сплачивая людей. Когда же накал классовый борьбы стал спадать, нетерпимость начали "подкармливать" искусственно — для эксплуатации "революционной сознательности". Ей в жертву были принесены недобитые сословия — дворянство, духовенство, купечество. Уничтожив их, принялись громить собственноручно "социалистические" элементы общества — пролетариат, рабочую интеллигенцию и партию. Вторая мировая война вновь принесла естественный объект ненависти — фашистов. Устранив их, система снова обратилась к надуманным врагам, ими стали "космополиты", ученые-генетики, еще раз партийные деятели ("Ленинградское дело"), и врачи ("убийцы в белых халатах").

В соответствии с законами Д. Сталин искал не причины трудностей, а их виновников. И ненависть к противникам, подлинным и вымышленным, стабилизировала общество, отвлекая людей от их бесправия, лишений и бед. С его смер-

тью, однако, нетерпимость не исчезла. Приняв более "цивилизованные" формы, она стала питаться иными процессами: различием образа жизни советских людей, увеличением дистанций между общественными группами. Она выявляется в сложной системе социального неприятия: служащий третировал рабочего, рабочий подтрунивал над интеллигентом, интеллигент презирал работников торговли, и все вместе ненавидели бюрократию.

Д. в советском обществе питают и многочисленные житейские проблемы — трудности приобретения жилья, необходимость получения надбавки к зарплате, невозможность устройства детей в детский сад, проблемы с установкой телефона, сложности с продуктами. Удручающе однообразный жизненный опыт не оставляет человеку места и времени (и сил) для сомнений. И скука, и застой в советском обществе становятся не просто его эмоциональным состоянием, а являются качеством его социальной и духовной жизни.

Ей не опасны прямолинейные атаки на Д., направленные не на его существо, а на второстепенные, малозначительные признаки, доказывающие очевидное, — "уничтожением виноградников нельзя преодолеть пьянство", "хороший заработок — не помеха социализму", "кооператор — не враг советской власти". Хорошо понимал это Сталин, заметивший: "Марксизм — не догма, а руководство к действию". Критика Д. не помешала ему раскрутить маховики нетерпимости. Вращаясь, они прекрасно обслуживали вереницу "культов личности", из которых одни стали трагедией, а остальные — фарсами.

Д. постоянно выискивает и поглощает жертвы — каждый раз новые: стилиаги (50-е годы), хиппи (70-е), масоны (80-е). И самые последние — "враги перестройки". Это говорит в советских людях догматическое сознание, которое с садистским удовлетворением отмечает, фиксирует, подсчитывает число снятых, посаженных, расстрелянных. И если даже в советском обществе когда-нибудь установится порядок, то ему и тогда понадобится предмет ненависти — для самооправдания. И возникнет вопрос — кто следующий?

"Догматизм социален: он складывается, проявляется и развива-

ется в отношениях между людьми. Его постоянными спутниками в человеческих отношениях является фанатическая нетерпимость и инакомыслие и авторитарная сущность навязывания взглядов". ("Огонек", № 31, июль 1988, с. 14.)

ДОНОСИТЕЛЬСТВО — форма узаконенного и романтизированного предательства.

Д. как социальное явление выросло из мироощущения большевиков, которые, выработав в условиях подполья психологию "осадного положения" и "враждебного окружения", придя к власти, перенесли его на общественную жизнь. Д., растлевая людей, парализуя их волю и разрушая нравственность, помогло им преодолеть сопротивление враждебных классов, ликвидировать — уничтожить или сослать — неугодные социальные группы и сословия и отстроить изощренную диктатуру. Д. явилось своеобразной заменой системы обратной связи — сообщала правительству о настроениях, взглядах и сомнениях граждан.

Исторически первой, сразу же после революции сложившейся формой массового Д., были политические наветы. У их истоков стоял Ленин. Он широко пользовался ими для дискредитации своих противников; соревновались в наушничестве и его сподвижники — Троцкий, Каменев, Зиновьев. Но больше всех в нем преуспел Сталин. Д. сперва было его профессией — он возглавлял Рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ), куда со всей страны сходились слухи, сплетни и анонимные письма, а затем, когда его назначили генсеком, оно стало призванием.

Ему принадлежала идея организации агентурной сети среди коммунистов еще в те времена, когда ЧК не имела доступа к партийным делам. Он поощрял и направлял поток доносов через Отдел жалоб, созданный при ЦК партии, и сам занимался подслушиванием разговоров своих соратников, которые не переставали удивляться его прозорливости и осведомленности.

"Взрыв" Д. в СССР, однако, объяснялся не злым "гением" Сталина (хотя, несомненно, на нем отложились криминальные черты его характера), за ним стояли объективные

процессы, происходящие в советском обществе. Голод, социальная неустроенность, экономический застой подтачивали стабильность партии, в ней развились брожение и недовольство. Стремясь пресечь их и сломить, Сталин решил произвести политическое "кровоопускание" — скомпрометировать и уничтожить ленинское руководство. Д. выявило и указало ему нужные жертвы. И чтобы не смущать робкие и неустойчивые души неблагоприятностью Д., вокруг него создавался ореол героичности, жертвенности. В общественное сознание внедрялась легенда о Павлике Морозове, пионер-мученике, донесшем на отца, а затем выступившем на суде свидетелем обвинения.

Многие советские люди, униженные и обманутые, охотно шли навстречу инспирированному властями спросу на предательство, а их услужливая готовность и энтузиазм создавали предложения на новое предательство — это было выгодно и доблестно. Впрочем, в первые послереволюционные годы люди еще были честны и горды. Они находили в себе силы отказываться от сотрудничества с властями — высматривать и подслушивать. Но постепенно число непокорных сводится на нет — требовалось стать осведомителем, и стукачом становился любой.

Это слово, как и многие другие понятия, вошло в советский язык из лагерной жизни и сразу освоилось и прижилось в нем. Оно верно и точно отражало суть социалистической жизни, в которую нельзя было ни войти без стука, ни преуспеть в ней. Стукачество тайлось в нервном сплетении "нового" общества, в его принципах и "заповедях": "предательство — долг", "доносительство — помощь обществу".

Д. из *массового* явления превращается во *всеобщее*. Оно становится заменителем патриотизма, символом бдительности, олицетворением мужества и принципиальности: дети доносят на родителей, жены — на мужей, ученики — на учителей. Всеобщее Д. разрывает общество на миллионы разрозненных, беспомощных человеческих клеток, загоняет их в скорлупу индивидуализма и страха. Общество, как совокупность взаимодействующих, сознательных личностей, перестает существовать. Д. становится неуправляемым. Оно запуты-

вает и осложняет работу государственных учреждений, оказывающихся заваленными миллионами извещений и донесений, совершенно дезорганизует "органы", мешает им сосредоточиться и "продуманно" проводить репрессии, отвлекает их на второстепенные и случайные дела. И кампании Д. даются отбой.

Тема на какое-то время становится неактуальной — план по посадкам настолько перевыполнен, что из тюрем начинается встречное движение людей: из малой зоны — в большую. Кроме того, приближается война, и герой-доносчик отодвинут на второй план. Его место занимает другой кумир, готовый по призыву "партии и правительства" проливать свою кровь. Но уничтожение своих граждан для Сталина всегда оставалось главной задачей — без этого он бы не удержался у власти. И едва кончилась война, как стали миллионными тиражами готовить досье на тех, кто оказался в плену, на временно оккупированных территориях и просто служил в армии — воевал и не погиб. Здесь был неограниченный набор возможностей для обвинений: пособничество противнику (сдался в плен), сотрудничество с врагом (не ушел в леса к партизанам), трусость (находился в тылу) и т. д. В таком большом и "важном" деле никак невозможно было обойтись без Д.

Барометр Д. стал вновь стремительно расти, подниматься, пока не дошел до предела. Его подогревали: психоз шпиономании, бесконечные призывы властей к бдительности. Они представлялись столь убедительными (или заразительными?), что его жертвами оказалось ближайшее окружение Сталина — его семья (посаженной оказалась жена старшего сына Якова, младший, Василий, донес на своего начальника — маршала Новикова) и соратники (Молотов, Ворошилов, Калинин, Поскребышев были вынуждены дать согласие на арест своих жен). На волне Д. выросли и новые его герои. Самая известная из них, Лидия Тимашук, сообщила о заговоре врачей, "убийц в белых халатах", за что получила орден Ленина.

После Сталина массовый террор был осужден. Скомпрометированным оказалось и понятие "донос" — его поспешили заменить более благозвучным словом — "сигнал" (а про-

изводное от него действие — "сигнализировать"). Пришлось пересмотреть в относительно либеральные хрущевские времена и традиционную формулу Д. Отныне им надлежало заниматься только тем, кому это было положено по службе: активистам и общественникам, и не допускалось никакой стихийности и инициативы снизу. И обязательно под надзором партии — чтобы Д. не вышло из предназначенных для него берегов и вновь не обрушилось на нее.

Героев Д. перестали представлять и восхвалять. И постепенно (и неожиданно для властей) они превратились в "антигероев". И сразу же появились сложности с набором (отказаться от их услуг не помышляли) доносчиков, они все реже становились добровольными. И все больше приходилось прибегать к вербовке. Старая связка идеологических отмычек-крючков ("это ваш долг", "Родина вам верит" и т. д.), однако, перестала открывать сердца советских людей. И их стали "взламывать", ловить на страхе, запугивать разоблачениями. Или покупать — обещать продвинуть по службе, устроить квартиру, послать работать за границу.

Желающие нашлись. Маховик Д. вновь заработал, закрутился, набирая и увеличивая обороты. Постепенно стали "отбеливать" и образ доносчика. В советской прессе появились сообщения о детях, помогающих органам выявить нетрудовые доходы родителей (это поднимались и выходили на подвиг "внуки" и "внучки" Павлика Морозова), и о матерях, доносящих на своих детей (одна из них послала на смерть своего сына). Связь советских поколений в доносительстве продолжается. Она успешно преодолела "пороги" гласности и стала к ней на службу.

Стало очевидным, что и новым советским руководителям не обойтись без Д., так как в закрытой социальной системе не оказалось других, более эффективных средств управления обществом. К тому же многие из них (если не они все) выросли на умонастроении и философии стукачества — без него они не сумели бы подняться и пробраться к власти. И вполне естественно, если они попытаются опереться на него. Уже опираются. Советские газеты (никогда не меркнувший проводник Д.) призывают население сигнализировать о не-

трудовых доходах граждан, сообщать о "врагах перестройки". Оболочка идеи Д. меняется, суть его остается неизменной.

"Что было характерно для тридцатых годов? Ложные доносы. Многие антисоветски настроенные элементы, карьеристы, просто клеветники стали сводить счеты с неугодными им людьми". ("Социологические исследования", № 3, 1988, с. 88.)

ДОПУСК — документ, разрешающий участие в секретной работе, позволяющий ознакомиться с запрещенной литературой.

Выдается секретным (так называемым "первым") отделом предприятий и учреждений по рекомендации дирекции, которая обосновывает необходимость Д. и продолжительность его использования.

В Советском Союзе существует несколько степеней секретности. Первая, наиболее распространенная, предоставляет работникам Д. (отсюда и название понятия) к проектам и исследованиям, отмеченным грифом "ДСП" (для служебного пользования). Эти материалы нельзя выносить за пределы предприятий, и они не могут быть опубликованы в открытой печати. Знак ДСП часто получают зарубежные книги и рефераты с не вполне приемлемыми для властей взглядами и оценками, которые малыми тиражами издают в СССР в нарушение международных законов об авторских правах, и в продажу они не поступают. Вместо "ДСП" на них в отдельных случаях ставится штамп "ДНБ" (для научных библиотек), и тогда они продаются в ограниченном количестве и, главным образом, лицам, имеющим Д.

Следующая, более высокая категория Д. определяется как "форма номер два". Она позволяет ее обладателям принимать участие в работах и пользоваться литературой, помеченной грифом "секретно". Вся документация с такой надписью хранится в сейфах первого отдела, где заводятся особые карточки, в которых фиксируются название книги, дата выпуска, автор или производитель, количество экземпляров и условия использования. Этим грифом пользуются многочисленные военные заводы, под ним ведется большинство

исследований для армии и милиции. Потеря или вынос из учреждения без санкции первого отдела изданий и бумаг, отмеченных секретностью, — серьезное уголовное преступление, расследование которого ведется госбезопасностью (максимальное наказание — восемь лет тюремного заключения).

Лица, облеченные особым доверием властей, имеют третью степень секретности, и они получают Д. к работам, помеченным грифом "СС" — "совершенно секретно". Так визируются исследования в области космонавтики, разработки нового стратегического вооружения, оперативные планы Генерального штаба, большинство зарубежных операций КГБ и некоторые инструкции и постановления Политбюро и Секретариата ЦК.

Наивысшая степень секретности — четвертая, к которой причастен в Советском Союзе очень ограниченный круг людей, непосредственно связанных с Политбюро или курирующих деятельность Совета Оборона и Генерального штаба.

В большинстве случаев, однако, в СССР засекречиваются не военные и государственные тайны, а отсталость советской науки и промышленности, негибкость и неоперативность государственного управления — сведения, действительно, не подлежащие оглашению.

"Я взял бумажку из рук начальника, стал внимательно ее читать и допытываться одновременно, в чем дело. Выяснилось, что речь идет об оформлении допуска к секретной работе". ("22", 1979, № 9, с. 101.)

”Ж”

ЖИЛПЛОЩАДЬ (”жилая площадь”) — помещение для жилья — квартира, комната или часть комнаты, ”угол”.

В Советском Союзе существует три вида Ж.: государственная, кооперативная и частная. 70 процентов городской Ж. принадлежит государству, которое предоставляет ее жителям в аренду без права ее покупки и продажи. 20 процентов принадлежат кооперативам — домам, построенным на паевые взносы населения. И лишь 10 процентов Ж. находится в частном владении граждан, живущих в городах. А 20 процентов городского населения — молодожены, студенты и т. д. — не имеют никакой Ж. и вынуждены снимать комнату или ”угол” на частном рынке. В сельской местности положение с Ж. несколько лучше: крестьяне живут в принадлежащих им или правлению колхоза или совхоза усадьбах, состоящих из двух-трех комнат.

Жилищное строительство в стране существенно отстает от роста городов. И значительная часть городских жителей проживает в квартирах, именуемых коммунальными. Название ”коммунальная Ж.” отражает два значения: ”принадлежащая многим” и некую ”духовную общность”. И совершенно не выражает сущности самого явления: квартиры, нарезанные на крохотные жилые помещения. Презрительное отношение к ”коммунальной квартире” выявила разговорная речь — они презрительно называются ”КК”.

В типовой советской ”КК” размещаются три-четыре семьи: на каждую приходится одна-две комнаты и общие, одни на всех, подсобные помещения. В таком уродливом ви-

де оказался реализованным идеал социалистической общности: жители "КК" постоянно находятся на виду друг у друга, сталкиваются на кухне, ждут своей очереди в туалет и ванную (если она имеется).

При такой вынужденной совместимости не может быть и речи о "духе коммуны" в том виде, как он представлялся основоположникам социализма — взаимопомощи, общей духовной устремленности. Жизнь в "КК" невыносима. Человек не в состоянии побыть наедине, ему постоянно приходится приспособливаться к соседям, неодинаковым по своему социальному уровню, разным по возрасту и национальности, несхожим по характеру и психологическому складу, что неизбежно порождает между ними взаимные претензии, конфликты и ссоры, переходящие в оскорбления и драки. Так что условная квартплата за "КК" взимается за квартиры, которые лишь условно могут быть представлены таковыми. И естественно, что власти всячески избегают пользоваться выражением "коммунальная квартира", которое отражает остроту и неразрешимость жилищного кризиса, и заменяют его неопределенным понятием Ж.

Жилищная норма на человека в СССР — девять квадратных метров. Если она меньше, то формально имеется возможность ее расширить. Шансы, однако, на приобретение новой Ж. невелики — очереди на получение квартир растянуты на многие годы. Вместе с тем привилегированные сословия (офицеры, творческие работники) имеют право на дополнительную Ж., а для правящей элиты вообще не существует ни нормативов Ж., ни очередей: к ее услугам имеются комфортабельные усадьбы и дачи.

В последние годы она, однако, стала предпочитать квартиры в центре города, где роскошные особняки камуфлируются плоскими фасадами высотных зданий. Такая квартира — это дом в доме; двухэтажная, она состоит из многих комнат с каминами, винтовой деревянной лестницей, с собственным лифтом. В соответствии со вкусами их обитателей разбираются старые и ставятся новые стены, возводятся каменные колонны, заменяется оборудование кухонь и ванных комнат. Размеры жилых комнат здесь в несколько раз боль-

ше стандартных. Все в них рассчитано на изысканный вкус, максимум удобств и комфорта. И в то же время не вызывает зависти — скрытые стандартными стенами из стекла и бетона, внешне они не отличаются от типовых строений — каменных мешков советского города.

Чтобы уберечь тайну роскоши, предпринимаются строжайшие меры предосторожности: посыльные, доставляющие почту, должны предъявить удостоверения, а посетители через несколько охраняемых входов пропускаются в дом только с ведома и разрешения жильцов. С советской точки зрения изолированность элиты вполне объяснима. Нежелательно, чтобы по соседству жили люди разного круга и социального уровня: кичливый партийный деятель и скромный учитель, видный писатель и безымянный рабочий. Одни усаживаются за обильный, накрытый деликатесами стол, другие довольствуются мороженым мясом и перезрелой картошкой, важных сановников к дому подвозят казенные лимузины, а рядовых граждан — переполненные поезда метро и автобусы. Так что квартирная политика — это политика идеологическая. Если ответственный работник огражден от масс высокими стенами и между ними пролетает ухоженный частный сад, то это вызывает почтение и есть надежда, что народ не узнает, как живут, чем питаются, с кем встречаются его руководители. Тем самым будет сохранена видимость общества равных возможностей.

“Возьмите едва ли не любой роман или очерк середины двадцатых годов — вы почти наверняка найдете описание квартир-коммуналок, где ночуют в коридорах, на раскладушках и сундуках, а по утрам выстраиваются в огромные очереди к водопроводным кранам”. (“Литературная газета”, 13 июля 1988, с. 12.)

”З”

ЗАКРЫТЫЕ МАГАЗИНЫ — предприятия торговли, предназначенные для элиты.

Назначение З. м. — оградить привилегированные слои общества от постоянного дефицита, в изобилии поставляя им необходимые товары и продукты. З. м. разбросаны по всей стране, и каждый из них имеет свой протокол и иерархию. Самые престижные (они же и самые изысканные) З. м. — это ”распределители”, они снабжают товарами и продуктами членов ЦК, министров, главных редакторов центральных газет и журналов. Расположены они вдали от проезжих дорог: в Москве — на территории Кремля, на периферии — в помещении республиканских и областных комитетов партии, чтобы не искушать, не дразнить, не ожесточать рядовых граждан.

Почтением пользуются и ”спецмагазины”, в которых товары и продукты отпускаются по заниженным, так называемым твердым ценам. Они предназначены для ответственных работников рангом пониже — сотрудников ЦК, руководителей крупных управлений, высших офицеров армии. Им, номенклатурным работникам, не к лицу стоять в очередях, и к их услугам в спецмагазинах имеется широкий ассортимент товаров. Возможно, не столь разнообразный, как в ”распределителях”, но достаточно богатый — их никогда не видит рядовой советский покупатель. И не увидит — вход в спецмагазины возможен только при наличии особого пропуска, в котором в соответствии с рангом его владельца указана сумма, на которую он вправе ”отовариться”.

В советском обществе существует социальная прослойка, занимающая промежуточное положение между элитой и трудящимися, — категория населения с окончательно не определившимся статусом. Часть ее, поднимаясь по иерархической лестнице, проникает со временем в среду правящего класса, часть, более многочисленная, после некоторого пребывания в переходном состоянии выпадает вниз — в среднее сословие. Это — депутаты многочисленных Советов, члены различных активов, партийных, профсоюзных, комсомольских, которые были введены туда не в соответствии с занимаемым ими в обществе положением, а по прихоти игры советской демократии, требующей известного представительства в выборных органах простого народа.

Неустойчивость их статуса определяет нестабильный характер их привилегий — у них нет возможности пользоваться правительственными магазинами постоянно, но только — в период съездов и пленумов, в работе которых они участвуют. И тогда они вместе с мандатом получают одноразовые талоны, позволяющие им посетить З. м. Эти талоны — и приманка, и намек на те права, которые они смогут обрести в будущем, при должном послушании и исполнительности, и угроза потерять их при малейшей нелояльности к властям. И человеческое тщеславие срабатывает безотказно — привилегии в советской стране оцениваются дороже денег, они являются свидетельством признания и уважения.

Для тех, кто верой и правдой служит правящему классу, но не входит в него, существуют магазины "Березка". Торговля в них дефицитными товарами ведется не на обесцененные рубли, а на сертификаты, выдаваемые (как часть зарплаты) советским гражданам, работающим за границей или связанным с заграницей по характеру своего труда.

Эта сеть магазинов, однако, была принесена в жертву политике либерализации. Не смея посягнуть на права и привилегии элиты, власти решили пожертвовать верхним, наиболее видимым (а потому наиболее болезненным для советских людей) срезом закрытой торговли — распорядились с первого июля 1988 года закрыть большинство магазинов "Березка". В тех же немногих, что остались, выбор значительно со-

кратился, а обслуживать в них стали в основном иностранцев. Все же другие З. м. оказались нетронутыми. И они, свидетельствуя об особых правах и привилегиях господствующего в СССР класса, институционализируют двойной стандарт жизни: один — для масс, другой — для власть имущих.

”По-другому смотрят на вещи обладатели спецпропусков, они привыкли к привилегиям и льготам, к деньгам в конвертах и к дефицитным товарам в спецраспределителях, к черным ”Волгам” и госдачам...” (”Огонек”, № 51, декабрь 1988, с. 11.)

ЗАКРЫТЫЕ ПИСЬМА — письма, информационные и инструктивные, рассылаемые ЦК КПСС партийным организациям для разъяснения проблем внутренней и внешней политики.

З. п. в зависимости от содержания помечаются различными грифами — ”совершенно секретно”, ”секретно”, ”публикации не подлежат”, ”для служебного пользования”. Они представляют собой тетради большого формата разного цвета, содержащие от 50 до 200 страниц типографского текста. Над их составлением работают ответственные чиновники, высококвалифицированные специалисты и крупные ученые, которые, соответствующим образом проинструктированные, истолковывают и разъясняют актуальные социальные явления и проблемы.

З. п. в красной обложке, с красным шрифтом и с грифом ”совершенно секретно” или ”секретно” предназначены для руководителей областных и республиканских партийных организаций. В них содержатся рекомендации, рассматриваемые как директивные указания партии, и они не подлежат обсуждению. Об их содержании можно судить по передовым статьям газеты ”Правда”, хотя истинная суть их тщательно скрывается за общими фразами и суждениями.

З. п. в синей обложке с красным шрифтом и с грифом ”для служебного пользования” рассылаются ответственным республиканским и областным работникам. Их цель — ориентировать узкие круги в вопросах политической линии партии. На основе З. п. республиканские и областные организации составляют тщательно отфильтрованные тексты сообще-

ний для директоров предприятий, учреждений, учебных заведений, лекторов и пропагандистов.

В З. п., адресованных партийным активам (они печатаются в белых обложках, красным шрифтом с грифом "публикации не подлежат"), содержится полуправда о политических процессах советского общества. С содержанием этих писем на закрытых партийных собраниях знакомятся все коммунисты, и их назначение не столько разъяснение происходящих событий, сколько стремление успокоить массы, предотвращая распространение нежелательных слухов. Они, как правило, восхваляют партию, "мудрость" ее решений, ее способность преодолевать возникшие трудности. Они появляются сравнительно редко, как правило, со смертью очередного советского руководителя или в преддверии внутриполитического или международного кризиса.

Написание и распространение аппаратом ЦК КПСС З. п. диктуется необходимостью найти причины очередных провалов в общественной жизни и экономике — объяснить намечаемое (в 1990 году) повышение цен, перебои (постоянные) с продуктами, неурожай и т. п. Информативная ценность З. п. всегда была ограниченной, и причины кризисов в них трактовались необъективно и демагогически. Ответственность за провалы, будь они в сельском хозяйстве или в промышленности, всегда возлагается на "отдельных" руководителей, и очень редко ставится под сомнение малоэффективная система самого государственного управления. Так, волнения населения Нагорного Карабаха (1988 г.) объяснялись недостатками идеологической работы и указывалось, что они были спровоцированы злонамеренными националистическими "элементами" — это оправдывало репрессии и аресты. Столь же фарисейский характер носят З. п. и по вопросам внешней политики — в "письмах", посвященных Афганистану (1989 г.), разъяснялось, что руководители этого государства, отступив от принципов марксизма-ленинизма, потеряли связь с народом и его поддержку.

Форма и характер З. п. в различные периоды развития советской истории имели свои особенности и специфику. Во времена Ленина они носили призывный, мобилизующий

характер, в них содержалась относительно правдивая информация о военных и экономических проблемах советского государства. При Сталине З. п. имели директивный вид, исполненные лицемерия и ханжества, они посвящались, главным образом, разоблачению "врагов народа" и борьбе с различными "уклонами" в партии. В прессу попадала лишь незначительная и несущественная часть их материалов.

С приходом к власти Хрущева З. п. приобрели разоблачительный характер, в них раскрывалось бедственное положение в промышленности и сельском хозяйстве, объяснялись противоречия в международном коммунистическом движении. По мотивам З. п. в газетах часто появлялись публикации — статьи и очерки.

При Брежневем, а затем Андропове и Черненко эпистолярное обращение к членам партии стало практиковаться чаще, а сами "письма" сделались пространнее. В них включались разнообразная негативная информация о многих областях социальной жизни. Это, однако, было вызвано не развитием демократии в стране, а невозможностью скрывать несостоятельность и неадекватность руководства, его провалы в экономике и политике. В прессе публиковались обширные материалы, навеянные З. п. и критикующие негативные явления, которые, однако, как и в прошлом, объявлялись "отдельными" и "нетипичными". З. п. стали и более объективными — прежде всего потому, что в Советском Союзе получили широкое распространение неподцензурные издания и оказался прорванным, с появлением транзисторных систем связи, традиционный "железный занавес".

С приходом к власти Горбачева какое-то время наблюдался спад в активности З. п. — они оказались оттесненными политикой гласности на обочину партийной жизни. Но первый серьезный кризис власти — национальное брожение на Кавказе — вдохнул в них новую жизнь. В течение 1988 года ЦК КПСС дважды разражался З. п. — в связи с погромом армян в Сумгаите и по поводу решения местных органов власти Нагорного Карабаха выйти из состава Азербайджана.

Таким образом, З. п. и при реформах Горбачева остаются важным политическим инструментом, позволяющим влас-

тям через строго отмеренные дозы информации управлять общественным настроением и мнением страны.

”Последняя волна внутрипартийного террора, направленного против сторонников и помощников Сталина, была хорошо обозначена в закрытом письме ”О недостатках партийно-политической работы в РККА и мерах к их устранению...” (Роберт Конквест. Большой террор. Изд-во Edizioni Aurora, Firenze, 1974, с. 833.)

”И”

ИНАКОМЫСЛЯЩИЕ — не разделяющие коммунистическое мировоззрение или вступившие в конфликт с советским обществом, его идеологией и системой власти.

Понятие И. в советском понимании чрезвычайно широкое, оно вбирает людей, выражающих различные формы оппозиции и протеста: политических бунтарей и борцов за свободную эмиграцию, националистов и религиозных сектантов и просто людей, стремящихся выйти за рамки коммунистического сознания. Скрыто в этом понятии и определенное противоречие. Инакомыслие предполагает способность и готовность мыслить иначе, чем это делают власти. Но власти не мыслят — они действуют в неизменных стереотипах марксизма, накладывая различные его модели на жизнь — в соответствии со своими политическими амбициями и социальными потребностями.

Инакомыслие как социальное движение возникло в советском обществе в 60-е годы, на гребне ”оттепели”, вызванной к жизни реформами Хрущева, и явилось следствием процесса десталинизации, зашедшей дальше, чем предполагали власти, и было до известной степени реакцией на первый опыт соприкосновения советской страны с Западом.

В дальнейшем коммунистический режим — в этом проявился один из парадоксов его развития — сам стал постулировать И., создавая ”врагов” режима по международной потребности и внутривластной необходимости. В 70-х годах вновь усилились гонения на верующих, они арестовывались, выслались или помещались в психиатрические лечеб-

ницы. Тогда же поднялась волна репрессий против сторонников демократического социализма, создателей и членов независимых профессиональных объединений, феминисток, йогов и просто самостоятельных граждан, поведение и поступки которых не укладывались в советские стандарты. Репрессиям подвергались за демонстрации и выражение солидарности с политзаключенными, за встречи с иностранцами, за участие в правозащитном движении. Призваны были к ответу и "младшие братья" — за проявление вышедшего из "социалистических берегов" национализма на Украине, в Латвии, Грузии, Армении и других республиках, фабриковались обвинения в шовинизме и сепаратизме. Подвергались гонениям и преследованиям русские националисты. Не забыты были и исконные, вечные пасынки власти, пригодные для использования при любых изгибах "генеральной линии" и на всех поворотах коммунистической истории, — сионисты. В борьбе с ними проявлялся и утверждался "социалистический патриотизм".

Создалось впечатление, что к началу 80-х годов с политикой "приоткрытых границ" было покончено и что прежний курс на "выброс" из страны "бродильных" и "неблагонадежных" элементов признан несостоятельным. Однако эмиграция, как еврейская, так и немецкая — явление сложное, порождающее разнообразные последствия. С ней был связан международный престиж государства, она питала надежду на возрождение политики "мирного сосуществования", помогала удовлетворить нужды экономики в западной технологии, наконец, переплеталась с противоречивыми аспектами внутренней жизни, определялась ими и определяла их.

Если бы в СССР было принято решение наглухо закрыть границы, то властям пришлось бы предоставить евреям определенные права и создать видимость еврейской культурной жизни, что могло поставить их перед трудными проблемами. Существовала опасность, что другие меньшинства (греки, курды, китайцы, корейцы) могли потребовать предоставления им национальной автономии и равенства. В этом случае неизбежно возникли бы осложнения с "братскими" народами: украинцами, белорусами, литовцами, эстонцами,

грузинами и другими, которым на фоне совершеннейшего бесправия евреев их неравенство представлялось не столь унижительным. Таким образом, выпадение "еврейского блока" из дискриминационной конструкции "лоскутного государства" таило опасность потрясения всей системы. Могла произойти цепная националистическая реакция, последствия которой оказались бы губительными для режима.

Так что власти предпочли не будить поправное национальное самосознание, покупая спокойствие (и наживая попутно политический капитал) сравнительно недорогой ценой эмиграции. И она стала в конце 80-х годов постепенно расти, хотя и не столь стремительно, как при Брежневле. Правда, в СССР по-прежнему раздавались голоса, что исход евреев из "социалистического отечества наносит непоправимый ущерб делу построения коммунизма". В этом суждении существовала известная доля истины. Массовый выезд из страны евреев, немцев и армян пробил брешь в устоях советского общества, но в эту образовавшуюся пробоину широким и мощным потоком пошла в СССР современная западная технология, новейшее оборудование, миллионы тонн хлеба. Так что, потеряв в тоталитарной цельности и идейной гармонии, власть выиграла в стабильности и силе. Советское государство всегда охотно расплачивалось принципами за богатство. Вопрос состоял лишь в том, что (или кто) должен был в первую очередь выброшен на международный аукцион.

Не удалось коммунистическому режиму парализовать движение духовного и нравственного сопротивления. Для того, чтобы покончить с ним, ему необходимо было преодолеть страх и переродиться в то, чем он уже однажды был при Сталине, — в режим террора. Возродить его полностью партийная номенклатура не решалась. Неограниченный произвол поставил бы под угрозу не только обретенное ею благоденствие, но и само ее физическое существование, как то однажды случилось в 30-х годах, когда с ее молчаливого согласия революция, одолев и сокрушив своих реальных и мнимых противников, поглотила и уничтожила ее самое.

В советском обществе, таким образом, складывалась сюрреалистическая ситуация: борьба противоположностей

(номенклатуры и оппозиции) сочеталась с их единством. Они необходимы были друг другу, как противоположные полюса одной социальной субстанции. Это противоречивое единство, однако, не бесконечно, оно должно было быть преодолено или ценой уничтожения оппозиции, или ценой гибели номенклатуры. При этом падение номенклатуры не обязательно должно было привести к исчезновению оппозиции, которая при определенных условиях могла окрепнуть, в то время как полная ликвидация оппозиции неизбежно потребовала бы устранения существующей номенклатуры и ее замены в качестве "направляющей и определяющей силы общества" другим правящим классом. Он, как и номенклатура, должен был бы предстать в обществе в марксистском облачении "авангарда прогресса", осуществляющего "последнюю революцию в истории". И для идеологического обоснования ему вновь потребовалось бы понятие И. Вместе с понятием возродится и само явление — движение сопротивления режиму.

Развитие Советского Союза в конце столетия, однако, не пошло ни по первому, ни по второму пути, оно пошло между ними: на вооружение были взяты лозунги, не приведшие к революции, — государственное руководство надежно и незыблемо сохранилось в руках номенклатуры. Все, что ей пришлось сделать, — это немного потесниться на вершине социальной пирамиды, пропустив туда некоторые круги интеллигенции, и несколько расширить права представительных органов. Тем самым оказалась подорванной социальная база, питавшая И. своими идеями и дававшая им моральную поддержку. В разрушении ее огромную роль сыграли молодые технократы-либералы, образованные, инициативные карьеристы, составившие основу и опору горбачевского режима. Свою прагматичную (и выгодную для себя) позицию они попытались обосновать идеологически. Реформы Горбачева половинчатые, противоречивые, непоследовательные, но альтернатива им — реставрация застоя. Отсюда их лозунг (и принцип) — даже не разделяя всецело горбачевскую политику, необходимо оказывать ей поддержку.

В сворачивании неофициального инакомыслия опреде-

ленную роль сыграли и некоторые круги гуманитарной интеллигенции, долгое время находившиеся в неглубокой и неопасной для себя оппозиции к коммунистической идеологии. Они встали на путь сотрудничества с новым советским руководством, забыв, какую роль оно, будучи молодым и находясь на периферии политической жизни, сыграло в разгроме и дискредитации И.

И. не исчерпали себя, их идеи пустили глубокие корни в сердцах и умах миллионов людей, но они оказались обезоруженными — власти подобрали их лозунги и, изменив их, поставили себе на службу. И. оказались преданными и народом — цели и методы их борьбы оказались для него слишком сложными и опасными. Он предпочел (пока) не вступать в конфликт с режимом. Вместе с тем движение И. не ушло из социальной жизни, оно спало, притаилось, выжидая и приглядываясь к горбачевским реформам, которые обескровили его. И они же, реформы, как только зайдут в тупик, дадут мощный импульс для его возрождения и развития.

”А демократическое сознание включает уважение к людям с другим мнением и желанием самому разобраться во всем, без слепой веры к авторитетам. Инакомыслящие нужны обществу”. (“Новое время”, декабрь 1988, с. 8.)

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — работа в необобществленной сфере производства.

И. т. д. как форма мелкого частного предпринимательства под контролем государства была узаконена только в 1987 году, но существовала она в Советском Союзе всегда, не прекращая своего развития ни в один из периодов его истории. Находясь даже в условиях недостаточной правовой отрегулированности (до принятия Закона ”Об индивидуальной трудовой деятельности”), то есть по существу пребывая в подполье, она весьма эффективно содействовала экономическому развитию страны.

В прошлой пятилетке объем предоставленных ею услуг достигал 12 — 14 миллиардов рублей, что составило примерно третью часть расходов населения на платное обслуживание в системе государственных и общественных организаций.

С помощью И. т. д. осуществлялся ремонт около половины квартир и трети бытовой техники. А доля колхозного рынка (одной из разновидностей И. т. д.) в общем объеме продажи в стране продовольственных товаров составила 20 процентов. Наконец, в сельской местности временные строительные бригады, основанные на И. т. д. ("шабашники"), обеспечивали почти 10 процентов объема всех строительно-монтажных работ.

Проблема (для властей), однако, состояла в том, что И. т. д. принимала стихийные, неуправляемые формы, она оказывалась "потерянной" для государственного налогообложения (на одного официально зарегистрированного "индивидуальщика" в 1987 году приходилось 20 – 30, занимавшихся И. т. д. без соответствующих разрешений). В сфере услуг возникла и сложилась своеобразная "малая экономика" (хотя и не маленькая), приносящая существенный урон государственной производственной и торговой монополии. И в 1987 году было принято решение ее обуздать – реабилитируя и узаконивая, ввести в "социалистические" берега. Это становилось необходимым потому (а может быть, прежде всего потому), что "малая экономика" начинала смыкаться с теневой экономикой, поощряя и стимулируя хищения и коррупцию на государственных предприятиях. Объектами притязаний И. т. д. оказались различные виды промышленной продукции, топлива, электроэнергии.

В обществе сложилось убеждение, что злоупотребления в И. т. д. вызваны изъянами в законодательстве (на самом деле они объяснялись товарным дефицитом – невозможностью легального приобретения исходного сырья для производства), а именно: одни виды И. т. д. без достаточного основания запрещены, другие – искусно пользуются лазейками в праве и пробиваются на поверхность советской жизни. При этом становилось очевидно, что, поскольку существует потребность в И. т. д., ликвидировать ее не удастся. И здесь раскрывались две возможности: предоставить ей развиваться стихийно и противоречиво, со значительными социальными издержками, или обуздать ее. Власти предпочли поставить ее на службу государству. Но на пути легализации И. т. д.

встало идеологическое препятствие — необходимо было совместить ее частнопредпринимательскую сущность с социалистической природой общества. И в общественное сознание была запущена идея, что нет оснований рассматривать И. т. д. "частным хозяйством".

Утверждалось, что говорить о мелкой частной собственности как основе индивидуального труда можно только в том случае, если этот труд единственный или преобладающий способ получения дохода. И поэтому власти решили опору в И. т. д. сделать на вторичной занятости населения на базе личного и семейного труда, а не наемного. Третья статья Закона "Об индивидуальной трудовой деятельности" предусматривает, что И. т. д. разрешается заниматься лицам, "участвующим в общественном производстве в свободное от основной работы время".

Понимая, по-видимому, несерьезность и нереальность такого требования, составители Закона предусмотрели в нем поправку — в исключительных случаях, с учетом государственных потребностей, разрешить участие в И. т. д. граждан, не занятых в общественном производстве. Исключения и правило, однако, поменялись местами. И. т. д. занялись как основной и единственной работой не домохозяйки и пенсионеры, а молодые, динамичные и инициативные люди. Более того, в эту атмосферу деятельности начался отток выпускников университетов и институтов. Забросив дипломы, они предпочли "делать деньги" (а не получать убогую зарплату), ремонтируя машины и квартиры, давая частные уроки, выращивая цветы и овощи.

Общество стало нести ощутимые потери. Материальные, так как высшее образование оказывалось не отработанным, и моральные — упал престиж интеллектуальных профессий. Издержки общества не уменьшались и в тех случаях, когда высококвалифицированные специалисты "отбивали сроки" на своих рабочих местах — они не вкладывали в нее до конца физическую и творческую энергию. И не могли вложить, ибо работают на должностях, не требующих специальных знаний, и тем самым не возмещают обществу расходы на их воспитание и образование.

Свои потери государство пытается возместить с помощью завышенных налогов, которым облагается И. т. д. Делаются также попытки выявить в ней некоторую скрытую "ценовую эксплуатацию" — считается, что цены на производимые индивидуальным трудом товары и услуги определяются не их реальной стоимостью, а их торговой конъюнктурой. Политика и мироощущение "уравниловки" подталкивают советских руководителей к поиску способов "изъятия" этой "дополнительной" прибыли из И. т. д. Они, возможно, охотно бы воспользовались своим правом "карать" и "миловать" и запретили бы ее вообще, но не решаются, ибо она вносит ощутимый вклад в развитие общества. И решили (пока) ответить на "вызов" И. т. д. неожиданно и своеобразно — просто признать ее "вполне социалистической формой производства".

"И хотя прошло уже достаточно времени для того, чтобы на деле убедиться в том, что индивидуальная трудовая деятельность (ИТД) — вполне социалистическая форма хозяйствования, острые дискуссии по этому вопросу не утихают". ("Агитатор", № 7, 1988, с. 38.)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ — социальная группа людей, презрительно представляемая в Советском Союзе прослойкой общества.

В таком определении И. просматривается не только ироническое, снисходительное к ней отношение, но и проявляется и выявляется враждебность к ней системы и ее страх перед ней. Процесс отчуждения коммунистов от И. начался сразу же после революции, революции, которая по существу была выстрадана и совершена И., составлявшей подавляющее большинство партии Ленина. Из представителей деклассированной И. рекрутировалось и первое большевистское правительство. Но уже в 20-е годы, по мере укрепления коммунистов у власти, советскую политику начинают определять люди далекие и даже враждебные интеллектуальному труду, ограниченные, самодовольные догматики, циничные и прагматичные. Понятия "партия" и И. разъединяются и противопоставляются. В общественном сознании насаждается и культивируется искаженный образ интеллигента — жалкого, убо-

гого, никчемного, вечно сомневающегося и враждебного пролетариату.

На выходцев из И. накладываются многочисленные ограничения — при поступлении в учебные заведения, на работу и особенно при приеме в партию. Тут существовала жесткая процентная норма: они должны были быть представлены в партии в той же пропорции, в какой находились в обществе. И тем самым И. обрекалась на физическое, интеллектуальное и — еще больше — на политическое вымирание. Героями советского времени становятся антиинтеллигенты, гордо заявляющие: "Мы университетов не кончали". Слово "профессор" приобретает саркастический смысл — никчемного, непрактичного, далекого от реальной действительности человека, а к понятию И. прилипает определение "гнилая" — настолько, что становится его синонимом и заменителем.

Извращение понятия и сущности И. в Советском Союзе отмечалось и происходило не случайно. Независимость, гордость, свободомыслие и свободолюбие И. были выгодны и необходимы большевикам, когда они рвались к власти. Но, захватив власть, придя к ней на плечах И., они стали настойчиво выталкивать ее из создаваемого ими общества — ее бескомпромиссность, честность, гражданственный порыв, столь необходимые в революции, оказались ненужными и опасными, как только советские руководители, сочтя революцию законченной, стали отстраивать диктатуру тоталитарного государства.

И. вначале высмеивали, затем третировали и ущемляли, а потом посадили всю целиком на скамью подсудимых. По существу, все инспирированные Сталиным политические процессы были расправой и избиением И.: за масками многочисленных противников режима — троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, уклонистов и т. д. — отчетливо угадывалось лицо и облик И.

Ее именем народа (и никак не иначе) душило, топтало и губило государство, как ни одно другое далекое и враждебное народу. Массовые гонения и расправы над И. произошли в СССР во второй половине 30-х годов, но разворачивались они задолго до них и начинались с периодических на нее на-

бегов. Первый из них произошел в 1922 году, когда из России по указанию Ленина были высланы десятки выдающихся ученых, писателей, артистов и художников, "попутчиков" революции, как их презрительно называли.

Тогда страна лишилась многих блестящих мыслителей, ярких, самобытных и неповторимых, и на многие годы ее духовное развитие оказалось парализованным. Но коммунисты достигли своей цели. И. сковал страх — настолько сильно, что даже ее независимые гордые представители пошли к ним в услужение. Первым был сломлен Горький, он, гневно и бесстрашно обрушивавший на самодержавие эскапады ненависти, стал хитрить перед новой властью, лукавить, лицемерить, а затем — покрывать и воспевать террор. Угодничество разделили с ним Алексей Толстой и Куприн и тысячи других интеллектуалов. Одних коммунисты купили привилегиями, других взяли страхом и сломали так основательно, что они с готовностью, а порой и с откровенным бесстыдством и подбострастием стали воспевать свою неполноценность, покорность и смирение.

Русская И., утратив то, что ее всегда отличало, — неподкупность, чистоту, стремление к самосовершенству и истине, — перестала существовать. Ее сменила образованщина, запуганная и угодливая. Ее производство система поставила на поток — выработывала и штамповала как на фабрике, по заранее заготовленным идеологическим чертежам и проектам. И всё (и всё), что не укладывалось в них, не поддавалось унификации и регламентации, отправлялось на переплавку в лагеря и тюрьмы.

"Выходцам из среды интеллигенции начинают чинить препятствия при поступлении в высшие учебные заведения, обрекают на интеллектуальное вымирание". ("Огонек", № 49, декабрь 1988, с. 6.)

ИНФЛЯЦИЯ — реакция рынка на избыток денег в обращении.

Советское определение И., как и ее толкование, соответствует общепринятому: она объясняется превышением расходов государства над его доходами и связывается с экономическими кризисами общества. Но не любого общества, а,

главным образом, буржуазного. Или, во всяком случае, не советского. До самого последнего времени в СССР утверждалось: "социалистическая экономика И. не знает" (Краткий словарь-справочник агитатора и политинформатора. М., Изд. Политической литературы, 1980, с. 271).

Переоценка понятия и явления И. произошла в связи с перестройкой — неожиданно и стремительно. Забытое и запретное слово стало популярным и модным. Оно предстало в образе некоего обобщенного и универсального зла, отталкивающего, пугающего, устрашающего, повинного во всех несчастьях и бедах советской экономики. Забили барабаны тревоги, призывая общество сомкнуться и сплотиться перед опасностью И. Вокруг нее нагнетается страх и бурлят страсти, отчаянно ищутся средства для того, чтобы ее сдержать, сломить и преодолеть.

Раздается и предостережение: И.—порождение либеральных реформ и гласности. И никто не решается объяснить, что И. в советской стране является болезнью застарелой и запущенной. Общество "заболело" ею сразу же после коммунистической революции, когда единый хозяйственный рынок распался и раскололся и на его обломках и развалинах возникло уродливое внеэкономическое принуждение — социалистическая разверстка. Но рынок как таковой не исчез — он, став "черным", ушел в подполье.

На какое-то время бег И. удалось приостановить и замедлить с помощью нэпа. Он сумел поколебать наиболее бесчеловечные формы разверстки в деревне — "продразверстку", насильственное изъятие у крестьян зерна, но не затронул ее целостной и разветвленной централизованной системы — разверстки оптовых и розничных цен, карточного распределения продовольствия, натуральных поставок, безденежных платежей предприятиям, разверстки материально-технического снабжения, капитальных вложений, дотации и прибыли.

Разверстка благополучно просуществовала все 70 лет существования советского государства и сложилась и развилась в единый и всеобъемлющий организм управления и регулирования экономики и социальной жизни. Мощный, жиз-

неспособный — настолько, что, когда из него на исторических поворотах развития страны (в 1953 году Хрущевым, в 1964-м — Косыгиным, в 1985 году Горбачевым) вырывали отдельные, самые отвратительные его звенья, он возрождался вновь, в лучшем случае слегка изменяясь, так как сама система (и идея) разверстки оставалась нетронутой. И когда в советской экономике возникал и выявлялся один перекосяк, например, недостаток продуктов, он исправлялся другим перекосяком — повышением цен. И в структуре разверстки все вновь оказывалось пригнанным и прилаженным.

В ней никогда не оказывалось лишнего (и чужеродного) элемента, ибо лишней (и чужеродной) для экономического развития страны являлась самая ее система. И не уничтожив ее в целом, нельзя избавиться от ее частностей. Вот почему сразу же после нэпа разверстка возродилась, не успев еще умереть. Но произошло это как-то незаметно и ненавязчиво — слово "разверстка" было старательно вычеркнуто и вытолкнуто из социального обращения, а идея осталась и настойчиво, хотя и исподволь, утверждалась и культивировалась в порядках советской жизни.

Ответственность за ее тотальное насаждение в обществе в настоящее время возлагают на Сталина. Такое объяснение несправедливо. Сталин не изобрел разверстки, для этого ему не хватало образования и знаний. Он был практик-прагматик. Ее идеологию он "сшил" и собрал из лоскутков программ своих политических противников, перед этим предварительно уничтожив их самих, чтобы никто не смог предъявить на нее авторских прав. Впрочем, на соавторство на разверстку одного своего предшественника — Ленина — он никогда не посягал.

Сталин, как и Ленин, опирался не на народ, крестьян и рабочих, а на коммунистическую бюрократию. Их интерес выражала и защищала разверстка — она перераспределяла экономические ценности таким образом, что лучшие из них предназначались для нее, а излишки и остатки доставались трудящимся. Впрочем, некоторые различия между двумя руководителями существовали: Ленин видел в партии основу правящей бюрократии, Сталин вывел ее из коридоров

власти. Отсюда — приверженность одного к нэпу (забота о сохранении единства ее рядов), и стремление другого как можно скорее с ним покончить (для усиления и монополизации собственной диктатуры). Так что изобретателем и создателем разверстки должен считаться Ленин, Сталин же был ее спасителем и хранителем.

Разверстка обоих и после них, обезличивая труд и его затраты, вела к неограниченной стихии, а временами и разгулу И., в теории оправдываемой действием несуществующих экономических законов. Их влиянием объяснялось постоянное повышение цен в стране: розничных, совершаемых под прикрытием многочисленных денежных реформ, и оптовых, заготовительных и закупочных — их взлет обозначился уже после Сталина, начиная с 1953 года. В результате производительность труда стала падать, а доходы (в денежном выражении) продолжали расти. И через несколько лет, к середине 50-х годов, советские деньги оказались "неотоваренными" — на них нечего было покупать.

Хрущев нашел оригинальный способ изъять средства у населения: колхозникам он продал (навязал продажу) пришедшую в негодность сельскохозяйственную технику (под видом ликвидации МТС), а жителей городов соблазнил появившимися на прилавках магазинов импортными товарами (он расплачивался за них золотом и богатством недр, несколько не заботясь об их истощении). Эти меры на какое-то время восстановили в стране денежный баланс, но к ликвидации И. они не привели, так как ее экономическая первопричина — разверстка — оставалась нетронутой. И после его падения, в 1965 году, перекачка средств в промышленность и сельское хозяйство возобновилась с еще большим размахом. Они служили "привеском" к разверстке и вместе с ней широко распахнули двери И.

Нельзя утверждать, что советское правительство не пыталось обуздать И., но делало оно это всякий раз силовыми приемами, с помощью жесткого экономического прессинга. Так, дважды, накануне Отечественной войны, в 1940 году, и сразу после ее окончания, в 1947 году, из обращения были изъяты огромные денежные массы — примерно их половина.

И сразу же магазины стали "ломиться" от избытка. Но избытие было ложным, кажущимся, объем товаров и продуктов не стал больше, большим стало обнищание народа. Оно приняло столь всеобъемлющий характер, что правительство вынуждено было снижать "кусающиеся" цены: с 1947-го по 1953 год. Но и в этом деле не обошлось без трюкачества: потери в национальном бюджете из-за снижения цен полностью пополнялись обязательной подпиской (тоже ежегодно) на государственные займы. В результате на черном рынке появился еще один товар — облигации, которые продавались на 70 — 80 процентов ниже их нарицательной стоимости (так население оценивало обязательства и платежеспособность "своего" правительства).

Тем не менее ностальгия по снижаемым ценам осталась в сознании советских людей. Их избирательная память забыла мучительные лишения и тяготы послевоенных лет и удерживает и идеализирует в своем воображении "потребительский комфорт", когда не было очередей за продуктами и существовал большой выбор товаров. Тоска по сталинским временам усилилась в 60-е годы, когда одни за другими стали исчезать с прилавков магазинов различные предметы и изделия. К 80-м годам темпы И. усилились и достигли 20 процентов, а на дорогостоящие предметы или товары особого спроса (кофе, шоколад, деликатесы, ювелирные изделия, обувь, одежда, автомашины) перешагнули через 100 — 200 процентов.

И сегодня советские люди испытывают острую нужду в самых необходимых вещах, но реализовать свои деньги не в состоянии — у них есть на что купить, но *ничего* купить — магазины пусты. Неудовлетворенный спрос привел к особому, специфически советскому виду "затоваривания" — затовариванию денег. Их скопилось у людей столько (четыреста миллиардов рублей — обманчивая иллюзия благополучия), что, не работая даже годы, они не в состоянии будут их потратить. И по существу они уже давно не работают, создают видимость труда: в СССР говорят — "правительство делает вид, что оно нам платит, а мы делаем вид, что работаем".

Стимулировать общественное производство государство

стремится в полном соответствии со своим давним принципом — с помощью разверстки, то есть путем распределения и раздачи социально-культурных услуг, искусственно и произвольно отторгнутых от денежного рынка: медицинского обслуживания, обучения, страхования. Их изъятие из денежного обращения приводит к их неполноценности и ущербности и создает возможности для злоупотреблений (они нередко распределяются в обход закона и подпольно).

В экономике не бывает бесплатных услуг — они всегда стоят затраченного на них труда. И оплачивают их советские трудящиеся — просто за их труд государство им недодает те средства, которые идут на покрытие так называемых "бесплатных" услуг, что, впрочем, не мешает государству выступать в роли некоего филантропа, дарителя благ и забот. Если что-то действительно является бесплатным (почти) в советском обществе, то это труд людей, им оплачиваются не только предоставляемые им услуги, но и услуги, отнимаемые у них и переплавляемые в привилегии элиты.

Кажущаяся бесплатность услуг оплачивается реально бесплатным трудом советских людей. "Бесплатность" есть, в сущности, одна из форм социалистической разверстки, при которой блага, отнимаемые у народа, перераспределялись к тем, кто им в советском обществе управляет. Но та же "бесплатность" не только порождается разверсткой, но и порождает ее — служит обоснованием для всеохватывающей и всепроникающей системы трудовой повинности. Ее результатом является ползучая И. доходов, вызывающая И. цен, которая, приводя к повышению зарплаты, требует и порождает новую И. Так в СССР происходит движение по кругу, по всем виткам неудержимо скачущей спирали И. Разорвать ее можно только одним способом — ликвидацией разверстки и созданием свободного рынка.

"В сложившейся непростой хозяйственной ситуации наше внимание все больше концентрируется на денежной инфляции. Ее изображают таким страшным джином, вырвавшимся из бутылки, призывают загнать (интересно, какими заклинаниями?) обратно и прихлопнуть крышку" ("Огонек", № 51, декабрь 1988, с. 9.)

ИСТОРИЯ — коммунистическая политика, обращенная в прошлое.

В советском понимании И. как наука не имеет объективного содержания, она выявляет вкусы и предпочтения правящих классов. Они формируют исторические понятия и определяют их связь с общественными потребностями. И. является истинной лишь в той мере, в какой таковой представлялась правящим классам. С их уходом с исторической арены исторические явления наполнялись новым содержанием.

Основываясь на таком восприятии и истолковании исторического процесса, из прошлого советская пропаганда отбирает только те факты, которые подчеркивают прогрессивность и неизбежность наступления коммунистической эпохи. События, не укладывающиеся в эту систему, замалчиваются и отбрасываются, и каждый новый руководитель, пересматривая И., выкраивает в ней место для собственного величия. Не составляет в этом отношении исключения и Горбачев, но только с той разницей, что переделывает он И. по-своему — вызывает из прошлого десятки фигур, преданных его предшественниками осуждению и забвению. И в выстраиваемой им галерее образов выявляет и утверждает себя — свое собственное величие.

Первое, что бросается в глаза, — это смелость, с какой он реставрирует прошлое. За полтора-два года его правления советской И. были возвращены ее создатели — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Вознесенский и сотни других. Советские люди узнали много новых и неожиданных (для них) фактов. Им сообщили о сталинском перевороте в 1929 году, подробно и многократно поведали о трагическом периоде индустриализации и коллективизации 30-х годов, со страниц газет и журналов встал "очищенный" облик Хрущева.

Смелость подобных откровений заслуживала бы уважения, если бы опять не создавалась приглаженная, зауженная модель "новой истины", ради которой вновь перевираются или замалчиваются факты, подгоняются даты. Вместо былых кумиров на пьедестал затаскивают новые, и вместо старых догм проповедуют новые. Осуществляется это на пределе экзальтации чувств в стиле перестройки: форсирован-

ная критика сталинизма объявляется высшей ценностью, и в историческом анализе воцаряется аморфность, эклектика — результат мимикрии новых приспособленцев. По-прежнему утверждается и проповедуется одномерная трактовка прошлого, только на смену знаку плюс приходит минус, что еще не означает приближения истины. И дело даже не в том, что за счет рокового противоборства Сталина с социализмом списываются все преступления советской власти, а в сути и характере самого исторического анализа, услужливо изгибающегося в сторону новой политической конъюнктуры. Целая рать историков-умельцев находится на идеологическом подхвате и готова по любому рецепту приготовить самое сенсационное историческое блюдо — обыграть модную тему и вложить в уста Ленина мысли Горбачева. Идея, конечно, не оригинальная — те же историки в другое время и в других обстоятельствах приписывали вождю советской революции взгляды Сталина, после него Хрущева, а затем — Брежнева, Андропова и Черненко. Служители советской пропаганды — великие мастера: заменители истины и поборники "личной" перестройки, они требуют гласности лишь для создания новой исторической легенды и еще — для самих себя.

"Сегодня кто как хочет, так и трактует историю партии и государства. Дело доходит до того, что иные авторы осуждают коллективизацию, индустриализацию, противопоставляют поколения, ставят под сомнение завоевания советской власти в годы культа личности". ("Агитатор", № 13, 1988, с. 35.)

”К”

КЛУБ — культурно-просветительное учреждение для встреч и совместного отдыха людей.

К. организованы в Советском Союзе по профессиональному признаку: имеются клубы моряков, офицеров, медиков, работников печати, милиции, госбезопасности, железнодорожников и др. Часто они именуется более скромно — ”домами” — журналистов, литераторов, работников искусств и т. д. А особо элитарные К. вообще не имеют названия — советским людям не следует знать об их существовании и назначении.

Они, как правило, располагаются по соседству с глухими правительственными дачами, за тяжелыми дверями и матовыми стеклами и спрятаны под скромными и вполне благопристойными вывесками — ”профилактории” (в Москве, Киеве, Ереване), дома гостей (в Баку, Душанбе, Тбилиси) и финские бани (в Риге, Таллине, Петрозаводске). В каждом советском городе и районном центре имеется, по крайней мере, один такой дом-клуб.

Эти элитарные К., связывающие советский правящий класс в единую кастовую пирамиду, играют в жизни страны важную социальную роль. Окончательные государственные решения принимаются в СССР на заседаниях Политбюро, Секретариата ЦК, коллегий министерств, бюро обкомов, горкомов и райкомов. Но предварительную обкатку они проходят в таких К. В замкнутой и спокойной обстановке, располагающей к отдыху и покою, завязываются необходимые знакомства, сближаются партийные бюрократы и технокра-

ты, дипломаты и прокуроры, президенты академий и руководители творческих союзов — господа и исполнители. Здесь не спрашивают удостоверений — пропуском служит машина с правительственным номером и вышколенным шофером. Портье услужливо бежит навстречу, распахивает тяжелую дверь, подхватывает шляпу. С этого времени вступает в свои права особый ритуал правительственного клуба — изысканная кухня, выдержанные вина, заморские фрукты. Элегантное, ненавязчивое обслуживание. И отдых, легкий, непринужденный — в западном духе: бильярдные столы, сверкающие лаком рояли, золотые канделябры, цветные телевизоры, стереофонические радиоприемники, уютные библиотеки с зарубежными газетами и журналами — из тех, что редко поступают в продажу.

Крикливые лозунги, кичливые обязательства — непременный реквизит рабочего К. и фабричного красного уголка — не смущают утонченных вкусов солидных завсегдаев этих "домов". Оригинальные полотна известных художников, старинные литографии, нигде более не выставляемые, позволяют приобщаться к изощренному миру искусства, ощущать свою значительность. И, конечно, сама атмосфера — высокомерная снисходительность, создаваемая годами тесного знакомства, обращение на "ты" — говорит о том, что здесь начинается особый мир — мир власти.

К. ЦК КПСС и Совета Министров СССР — самые фешенебельные и доступны небольшому и узкому кругу. В них есть залы для самых избранных — секретарей ЦК, министров, в которых встречаются представители особо высокопоставленной интеллигенции, влиятельных военных кругов, высшие руководители госбезопасности.

Творческие К. — "дома" работников искусств, литераторов, журналистов, художников, композиторов — служат связующим звеном и местом встречи представителей самой высокой элиты и элиты просто высокой. Сюда, "на огонек", на эксцентричные представления, на просмотры запрещенных цензурой фильмов и просто пообщаться с богемой заявляются почтенные и степенные руководители партии и правительства. Здесь все свои. Все, кто принадлежит к этому кругу,

являются его горячими приверженцами и защитниками. Некоторые иной раз могут позволить себе выразить робкое сомнение в целесообразности государственного устройства, но никто не отвергнет мир, на котором покоится их благополучие. Они время от времени разрешают себе позлословить — самую малость, и не по поводу, конечно, основ. Уставшие от пресной атмосферы собраний, они любят иронию, являются поклонниками злых эпиграмм и острых анекдотов. Каждый приобщенный к такому "дому" привык к определенному образу мышления и стандартам поведения, хотя у каждого свой "производственный" мир: один управляет областью, другой хозяйничает в Союзе писателей.

К. соблюдают иерархию. В тех, что поскромнее, горкомовских или райкомовских, обстановка более демократичная. Разговоры в них заземлены доступной информацией — о размерах взятки, о семейных делах, о видах на повышение. К. ЦК, Совета Министров иные, в них все самое изысканное — мебель, сервировка, еда. Здесь принято обсуждать направление партийной политики или исследовать последствия правительственной реорганизации. В этих домах, на ужинах при свечах, завершает свой оборот спираль разделения труда и управления в советской стране, синтезируется то, что впоследствии расходится по каналам власти. Постановления, резолюции ЦК КПСС обговариваются, анализируются, а лишь затем направляются в массы, принимая формы политических постановлений. Разумеется, механизм принятия решений государственных законов действует не столь упрощенно прямолинейно — схемы общественной жизни сложны. Не каждый посетитель такого К. — политический лидер. Но все вместе они составляют центр тяжести власти. Этот, в высшей степени влиятельный круг людей, конечно, не всегда собирается вместе. Внутри каждого К. действует сложная и замысловатая иерархия. Посетители разбиты на небольшие группы. В них могут быть и политические деятели, вышедшие в тираж, которые создают фон для влиятельных и сильных руководителей.

Партийные и правительственные К. выполняют строго определенные социальные функции. Принадлежность к ним

указывает, в чьих руках сосредоточена власть в стране и на какой ступеньке власти кто находится. В К. выявляются и выверяются позиции: кого поддержать, к кому примкнуть, набрасываются сценарии очередной реорганизации или интриги. И достаточно выписать имена их постоянных посетителей, чтобы узнать, кто в советском обществе приводит в движение рычаги государственного управления.

Случается, что в такие К. заглядывают необычные посетители, которым по формальному их положению это не положено: директора не очень крупных предприятий, руководители не вполне известных объединений, заведующие универсальными магазинами. Они немногословны, держатся неуверенно и скованно. Их присутствие — верный признак того, что предполагается какая-то очень крупная финансовая афера, и растроганный, щедрый руководитель пригласил подпольного миллионера. Правительственные К. являются не только вершиной общественной пирамиды, но и ареной черного бизнеса.

Часто встречаются в таких К. делающие карьеру служители искусства — балерины, мечтающие о большой сцене, певицы, стремящиеся получить солидные партии в театрах, просто женщины, единственное достоинство которых — молодость и красота. Их путь к успеху лежит через эти К. Власть имущие же стремятся получить в них максимум удовольствий, ибо их жизнь, обеспеченная и широкая, не гарантирует им стабильного существования и уверенности в себе.

“Хорошей формой организации разумного досуга трудящихся по месту жительства стали различные клубы и объединения по интересам”. (“Агитатор”, 1980, № 23, с. 39.)

КОЛЛЕКТИВНОЕ РУКОВОДСТВО — декларируемый принцип управления страной и партийной жизнью.

Если, однако, не поддаваться влиянию слов и судить о советском обществе не по заявлениям его руководителей, а по реальной расстановке сил, то легко заметить, что принцип “коллективного руководства” как системы и организации власти глубочайшим образом противоречит не только практике, но и основам коммунистической идеологии, его

философии "демократического централизма" и всему социально-политическому укладу советской жизни.

К. р. в Советском Союзе всегда существовало лишь как переходная форма правления и лишь для того, чтобы выделить из своей среды диктатора с той или иной мерой единовластия. Периоды "коллективного руководства" никогда не были длительными. Они продолжались несколько лет, и на различных этапах советской истории имели свои особенности. При Сталине власть с генсеком делили — Рыков (правительство), Дзержинский (государственная безопасность), Бухарин (идеология); при Хрущеве — Булганин (правительство), Жуков (армия), Сабуров и Первухин (экономика); при Брежнев — Косыгин (правительство), Кулаков и Мазуров (экономика), Сулов (идеология), Кириленко (партийный аппарат), Шелепин (госбезопасность).

Андропов имел все основания — был он надменным и амбициозным — утвердиться единоличным правителем, но не успел, заболел и вынужден был делить свою власть с Черненко (идеология), Устиновым (армия), Романовым (экономика), Горбачевым (партийный аппарат).

Политическая жизнь при Черненко так же разыгрывалась между ним и членами Политбюро. Черненко являлся дирижером, но не маэстро, он был ограничен в свободе действий и в принятии решений. Партии в правящем секстете при нем распределяются следующим образом: Устинов — армия, Громыко — внешняя политика, Алиев — госбезопасность, Горбачев — партийный аппарат, Тихонов — экономика.

"Коллективное руководство" Андропова и Черненко утверждало себя стремлением обеспечить "преемственность поколений" и гарантировать "единство общества". На пленумах ЦК именно эти "мелодии" звучали отчетливо и звонко (а также слышался мотив, но приглушеннее — "предотвращения разброда и паники"). И объявляло себя, как это делалось в СССР всякий раз, когда ставился эксперимент коллективного руководства, наиболее эффективной и плодотворной формой "народовластия".

Это руководство имело одну отличительную особенность — оно должно было все время напоминать о своей "коллек-

тивной работе". С конца 1982 года в центральных, республиканских и областных газетах начали появляться еженедельные сообщения: "В Политбюро ЦК КПСС". Впервые после смерти Ленина в СССР стали печататься отчеты о заседаниях Политбюро — так советским гражданам навязываются определенные идеологические ассоциации. До этого деятельность Политбюро считалась важной (может быть, даже важнейшей) государственной тайной. Публикуемые сообщения о его заседаниях призваны были свидетельствовать о том, что нет более (пока) в Москве одного правителя, а существует и действует "мудрое, облеченное доверием народа К. р."

Краткие сообщения в советской прессе о работе Политбюро действительно свидетельствовали о временном упразднении на вершине политической пирамиды института единоначалия, но, конечно, не означали демократизации системы и к ней не вели. Советские руководители "советуются" с народом только тогда, когда им недостает стабильности и уверенности, и лишь для того, чтобы укрепить и усилить свою власть — как правило, за счет других руководителей.

Человеческая память, однако, коротка, а душа советского человека чрезвычайно чувствительна и отзывчива к малейшим проявлениям ослабления и смягчения диктатуры, пусть даже внешним и призрачным. Сообщения "В Политбюро ЦК КПСС" поэтому и создавали иллюзию сопричастности народа к принятию государственных решений. И одновременно предоставляли ему некоторую, пусть незначительную, но все же реальную информацию для самостоятельного, а не продиктованного анализа и робкого, осторожного прогнозирования политических и экономических процессов.

И этим умело, лучше, чем его предшественники, воспользовался Горбачев. Его приход к власти произошел на фоне острой, исполненной драматизма борьбы в Политбюро, где в схватке за власть сошлись и столкнулись не просто противники, а два поколения советских руководителей — уходящие с политической сцены большевики, современники революции, и молодые технократы, честолюбивые и циничные прагматики. И уже в самом дебюте политической игры сложилась сложная комбинация. Наилучшую позицию приобрел

”молодой” Горбачев — он стал генсеком, но выиграть партию, то есть сохранить и сосредоточить у себя власть, он мог только опираясь на поддержавших его ”стариков” — Громыко и Соломенцева, возглавивших Верховный Совет и аппарат партийного контроля, и заигрывая с армией.

В руках проигравших в борьбе за власть и отступивших ветеранов Политбюро оказалось правительство (Тихонов) и московская партийная организация (Гришин). Эндшпиль за единовластие в такой партии предстоял продолжительный, Горбачев, однако, ”смешал” фигуры — он перенес ”борьбу” с партийной доски на площадку страны, и в ”игру” за власть оказались втянуты круги общественности. ”Партия” стала протекать не только у них на глазах — благодаря политике гласности, но и при их непосредственном участии.

Каждый советский руководитель приобретал или создавал свою собственную основу власти. Ленин апеллировал к пролетарским массам и опирался на партию. Сталин вывел партию из системы власти и искал (и нашел) поддержку в отстроенном им бюрократическом аппарате и обращался не к народу, а к госбезопасности. При Хрущеве структура власти расширилась, в ней появилось два угла — партийный аппарат и армия, поддержавшая его в противоборстве с оппозицией. Идеологическое обоснование своей политики он нашел в крестьянстве, которое он стремился вывести из закабаленного состояния.

Система распределения власти вновь изменилась, когда генсеком стал Брежнев, — она приобрела форму треугольника: в верхнем углу расположился партаппарат, а у основания — армия и госбезопасность. Заигрывание с народными массами, начатое Лениным и продолженное Хрущевым, прекратилось. Эта фигура власти, треугольник, сохранилась при Андропове и Черненко, с одним только различием — Андропов увеличил влияние в ней госбезопасности, а Черненко — партийного аппарата.

Горбачев раскрыл треугольник власти и ввел в него новый угол — интеллигенцию. И фигура власти сразу же потеряла равновесие — партийный аппарат оказался под ударом критики масс. База власти расширилась, но расширились и

возможности генсека в системе К. р., а оно само оказалось под контролем народа. Такая политика вела к подтачиванию монополии партии на власть, и Горбачев решил компенсировать падение влияния партаппарата увеличением авторитета в нем его руководителя — генсека. С этой целью осенью 1988 года был проведен закон о совмещении функций генсека с обязанностями Председателя Верховного Совета СССР, что формально выводило его в главы государства и освобождало в значительной степени от зависимости от Политбюро.

Манипулируя двумя должностями — генсека и Председателя Верховного Совета, Горбачев начал, опираясь на авторитет правительства, навязывать свою волю партаппарату, а аккумулируя влияние руководителя партии, проводить через правительство необходимые для него решения. Дополнительные ресурсы власти Горбачев приобрел в армии, став Председателем Совета Обороны. И на перекрестке совмещения этих трех должностей он должен был приобрести независимость и неуязвимость от К. р., опасности, которая всегда нависала над руководителями партии: одного, Хрущева, она отстранила от власти, а двух других, Андропова и Черненко, преждевременно свела в могилу.

Горбачев оказался более удачливым. В ночь с 30 сентября на 1 октября 1988 года он инспирировал в Кремле переворот, и в стране установилось единовластие. Робкая, нерешительная и неорганизованная оппозиция была разбита (пока не разгромлена): Громыко, Соломенцев, полные члены Политбюро, Демичев и Долгих, его кандидаты, и примкнувший к ним секретарь ЦК Добрынин были изъяты из политического обращения. Они, недавно союзники и единомышленники генсека, были отправлены на пенсию из-за того, что не высказали должной поддержки реформам. Лигачев, позволивший себе усомниться в них, был отодвинут с позиции сильного человека в системе власти на партийную периферию — стал курировать сельское хозяйство (очевидно, перед выводом в отставку). Обезоружен был и Чебриков. Потеряв руководство госбезопасностью, он оказался в сомнительном качестве ответственного за гласность и законность, к ограничению которых он еще совсем недавно призывал.

Тень неизбежной опалы нависла и над еще одним членом Политбюро — Щербицким. Он, первый секретарь ЦК Украины, должен был стать, в соответствии с новой поправкой к Конституции, Председателем Верховного Совета республики. Но не стал им, и это значит, что очень скоро в СССР появится еще один высокопоставленный пенсионер — как только ему найдут замену, такую, чтобы не вызвать беспорядков на Украине.

Теперь Горбачев оказался в кругу своих людей, почти единомышленников — Рыжков, Яковлев, Медведев, Слюньков, и почти земляков — Шеварднадзе, Власов, Мураховский. Лозунг К. р. был снят, и в советской истории вновь открылась старо-новая страница единоличного правления вождя. И только вопросом времени (по-видимому, ближайшего) является посвящение Горбачева в это качество. При условии, разумеется, если какая-либо интрига в Кремле (или болезнь) не сметет его от власти.

”Всю свою деятельность партия строит на основе неукоснительного соблюдения норм партийной жизни, принципа коллективного руководства, восторженного развития внутривластной демократии”. (“Коммунист”. Календарь-справочник за 1977 год. М., Изд. Политической литературы, 1978, с. 37.)

КОЛОНИИ — места отбывания наказания приговоренных к лишению свободы, в которых принудительное заключение совмещается с каторжным трудом и идеологической обработкой.

Советское государство невозможно представить себе без К. Они возникли у истоков его становления и сопровождали на всем протяжении его истории, постоянно меняя свой облик и названия. Первым их официальным названием были “лагеря”. Путь Советского Союза в “лагерный ад” был вымощен добрыми намерениями. Существовало убеждение, что труд (и только труд) преобразует личность, и необходимо покончить с тюрьмами — “позорным и гнусным наследием прошлого”. И вместо них стали создавать лагеря, в которых свободный труд не совсем свободных людей должен был способствовать перековке преступников в полноценных граждан.

Лагеря были задуманы как своеобразные очаги "социалистической жизни", со своими мини-наркоматами (культурно-просветительским, информационным, административным) и без конвоя — заключенные сами должны были себя охранять и заодно обслуживать и кормить. Но советская действительность, как кривое зеркало, исказила картину: благородная идея перевоспитания трудом обернулась действительностью, порабощавшей трудом.

Первоначально лагеря заполнились представителями сословий, подлежащих ликвидации, — духовенством, интеллигенцией, затем в них хлынули волны белых офицеров, кулаков, политических заключенных. И в К. возник противоестественный в принципе, но совершенно естественный в советских условиях союз чекистов и уголовников. Коммунисты, объединившись с преступниками для того, чтобы держать в страхе и повиновении заключенных, восприняли их нравы и обычаи. Волчи законы уголовного мира стали определять жизнь лагерей. Над заключенными (сокращенное от этого понятия слово "зэк" очень скоро стало крылатым) безжалостно издевались. За малейшую провинность, непослушание их раздевали догола и выставляли из камеры — на мороз или на растерзание комаров (это наказание называлось "поставить на комара"), или привязывали к спине бревно и скидывали с лестницы, и подножия достигала обезображенная кровавая масса несчастного человека (такую "забаву" именовали "сделать бифштекс").

Власти отказывались видеть в "зэках" людей. Не довольствуясь тем, что приговор лишал их на многие годы возможности вести нормальный образ жизни, встречаться с близкими, работать по специальности, постоянно придумывали новые пытки и истязания. Осужденных в Советском Союзе стригут наголо, и они на многие годы лишаются привычного облика. Зато лагерной администрации так было легче искать сбежавших заключенных. Их держат, как в клетке, за колючей проволокой. Но и этого показалось недостаточно, и бараки стали изолировать друг от друга глухими стенами, превращая их в тюрьмы.

До 1953 года "зэков" метили нашивками с цифрами, и

они переставали быть людьми и становились номерами. В более "гуманные" брежневские времена номера отменили, и на "зэков" стали вешать бирки с фамилиями. Разумеется, не для того, чтобы начальство их узнавало, оно их и без этого знало в лицо, а для того, чтобы дополнительно унижить и растоптать осужденного.

"Зэки" живут, постоянно недоедая, "по специальной норме питания" — 38 копеек в день. Они полностью отданы на милость конвоя, он может застрелить их за попытку к бегству или без всякой вины — инспирируя бегство. И тогда за предотвращение побега солдаты получают десятидневный отпуск. Их постоянно грабят, повара — воруют продукты из скудного рациона, врачи — спирт, хозяйственники — матрасы и простыни.

Их бесправие хорошо отражает лагерный жаргон: любого, самого младшего надзирателя в лагере называют "начальником", а начальника лагеря зовут "хозяином". Он и в самом деле есть хозяин. Его власть над душами и жизнями осужденных беспредельна и бесконтрольна: захочет — бросит в каменный мешок карцера или накрутит ("припаяет") дополнительный срок. И тут не помогут ни жалобы, ни прокурор, который всегда прикроет произвол и самодурство начальника лагеря.

Когда обесценивается достоинство осужденного, теряется ценность и его жизни. Почти у каждого из них к окончанию срока развиваются две-три хронические болезни и обязательно — от постоянного недоедания — туберкулез. Воздействие на "зэков" через их желудки — важнейший принцип "коммунистического воспитания".

Какое-то время, у своих истоков, коммунистическая власть, исполненная молодого оптимизма, надеялась, что лагерь — преходящее зло, верила, что они неизбежно исчезнут, как только революция окрепнет и утвердится. И без стеснения называла их "концентрационными", "принудительными". Лагеря строили торопливо, небрежно, размещая вблизи городов, в старых монастырях и в запущенных имениях. Но скоро выяснилось, что социализм не в состоянии обходиться без лагерей с их дешевой рабочей силой. Цель оправдывала

средства, и во имя народа стали уничтожать народ — загонять его в лагеря. Массовые аресты создали огромную армию рабов, многомиллионную и неистребимую. Ее вымирающие ряды постоянно пополнялись новыми рекрутами — людьми, предназначенными для социального перевоспитания. Менялся характер и облик лагерной империи, она вращалась в социальную структуру советского общества и проросла многомиллионными архипелагами и островами — воспитательными, трудовыми, принудительными, закрытыми, особыми и прочими лагерями.

После смерти Сталина полностью вскрылся и обнажился зловещий смысл понятия "лагерь", и его поспешили (осенью 1956 года) изъять из обращения, заменив более благозвучным "колония", не содержащим никакой информации о явлении, которое оно выражает. Словари русского языка предлагают различные толкования слова К. — поселения для совместного проживания, общежитие, сообщество, но не отмечают его основной и зловещий советский смысл, который в разговорной речи стал единственным. Он воспринимается сразу, без пояснения и комментариев, в то время как другие оттенки понятия К. нуждаются и требуют дополнительных определений.

Итак, в Советском Союзе не стало лагерей — появились К. А еще через несколько лет, в 1960 году, исчезли и заключенные, их стали называть "осужденными" — чтобы не оскорблять слуха словом "зэк". Реорганизовали и многоступенчатое Управление мест заключения. Изменили вывески: сначала название ГУЛАГ (Главное Управление лагерей) поменяли на ИТК (исправительно-трудовая колония), а затем на ИТУ (исправительно-трудовые учреждения). И в официальном лексиконе понятие "колония" исчезло, уступив место слову "учреждение", совершенно нейтральному и безобидному — им называют в СССР многочисленные организации и предприятия. Изменения коснулись и структуры К. Они были унифицированы и предстали несколькими типами лагерей.

Воспитательно-трудовые, или детские К., — для малолетних преступников от 14 до 18 лет. И исправительно-трудо-

вые колонии — для совершеннолетних граждан. Каждая из этих К. представлена двумя видами: общего режима — для арестованных впервые, и усиленного, или особого, — для осужденных за тяжкие преступления. От старых времен массового террора осталась в СССР (по слухам — где-то на Колыме или на острове Врангеля) одна или две К. без права переписки, в которых заключенные содержатся в изоляции, в полной оторванности от внешнего мира. Преемственность времен — массовых репрессий и относительного либерализма — проявляется и в порядках и нравах, царящих в К.

Всякий, кто попадает в К., перестает быть человеком. Его жизнь начинается с "прописки" — с безжалостного и беспощадного избиения. Таким способом оценивается и проверяется "новичок". Сломится, попросит пощады, значит, навсегда превратится в человека "второго сорта", его будут унижать, оскорблять, третировать, склонять к сожительству. А если, искалеченный и изуродованный, он выдержит испытание, — получит возможность приобщиться к лагерной жизни, постичь ее "мудрость" и законы. Сможет утвердиться в среде преступников, приобретет свободу действий и, пройдя через различные испытания, сам начнет диктовать другим свою волю.

Имеются в К. и свои понятия о чести и благородстве. Отрицается любая форма сотрудничества с администрацией, к заключенным предъявляется требование не писать жалоб, не выступать свидетелями при разбирательстве поступков товарищей, не заниматься доносительством и многое другое, прямо противоположное официальному распорядку К. В результате жизнь заключенного оказывается заполненной противоречиями между двумя властями и двумя кодексами поведения.

Места заключения таковы, каково общество, их создавшее. И неудивительно поэтому, что в К. заключенные создают модель советской жизни, которую они утратили, возможно, еще более суровую и жестокую, но близкую ей системой своих ценностей и связей. Самовластный лидер ("пахан", или "авторитет"), пользующиеся различными благами "мужики" (те, кто могут постоять за себя), "опущенные" (заключен-

ные, используемые на тяжелых работах) и "обиженные" (обслуга, находящаяся на подхвате).

Начальство с пониманием наблюдает за расслоением К. и поддерживает его. И в заключении постепенно формируются те же принципы поведения, что и на воле, но проявляются они более откровенно и без лицемерия. Подавление свободы и здесь и там достигается с помощью предоставления привилегий и власти меньшинству. И для их сохранения арестантская элита сплачивается и лютует — так создается видимость порядка. Только в лагере он приобретает циничные и бесчеловечные формы. Различна, конечно, и цена привилегий: в "малой", лагерной зоне — это возможность уклониться от тяжелой работы, право на лишнюю миску супа, на лучшее место на нарах, а в "большой" зоне советского общества — это почетные звания, загородные дачи, персональные машины, закрытые магазины. Но их "себестоимость" и социальная значимость одинаковы: они поднимают человека над толпой, подчеркивают его исключительность и влияние.

Свободная жизнь прочерчивает на несвободу свои параллели. Одна из них — способ самовыражения. Утвердиться на воле столь же мучительно, как и в К., — необходимо пройти через унижения и научиться действовать локтями. Аналогия между двумя "зонами" просматривается и в способах обирания людей. И там и здесь — изощренное вымогательство. Вне К. — это нищенская зарплата и многочисленные общественные поборы. В К. тоже недоплачивают за труд и имеются свои специфические обложения.

Каждый советский человек вынужден отдавать часть заработанных им средств в "общественные фонды", а заключенные вносят налог в "кассу взаимопомощи". Она создается для попавших в беду (в карцер или отправленных на этап) заключенных, для подкупа лагерной администрации, для приобретения водки и наркотиков. На ней держится авторитет "паханов", и вокруг нее вертится убогая и серая жизнь К. Желающие освободиться от грязной работы должны отсчитывать из своей зарплаты десять рублей. Заключенные, имеющие в услужении у себя других осужденных ("шустриков"), обязаны оплачивать их пятнадцатью рублями. По десятке в

месяц отдают в "кассу" те, кто в свободное время занимается подпольным промыслом, — мастерит шахматы, вытачивает ножи, которые затем тайком переправляются и продаются на воле.

Заключенные неохотно расстаются с деньгами, и главам приходится часто выбивать их силой. И когда принуждение выходит за рамки арестантских представлений о справедливости, в К. вспыхивают бунты, неистовые и отчаянные. Разжигается долго сдерживаемая пружина терпения, и "авторитетов" забивают до смерти — в удары вкладывается месяцами копившаяся ярость, боль и ненависть. Администрация вмешивается в конфликты заключенных неохотно и неторопливо, К. для нее — черный ящик: то, что кипит и плавится в них внутри, ее не интересует. Главное — чтобы на выходе из К. была продукция, выполнялся план. Тогда ее ждут чины и премии. Ее волнует, чтобы преступники не перевоспитались, иначе они останутся безработными. А сами заключенные, остыв от мятежа и оправившись от потерь, выбирают новых руководителей. Выбирают с робкой надеждой, что те окажутся более справедливыми и человечными. Наивная вера — лагерная жизнь не меняется: заключенные, физически выпадая из советского общества, остаются в нем психологически и воспроизводят его зло в своем арестантском существовании.

"Тот же древний принцип "разделяй и властвуй" с комфортом для администрации применяется и в иных колониях, только здесь благодаря специфике так называемого контингента он принимает самые уродливые и крикливые формы". ("Огонек", № 32, август 1988, с. 27.)

КОЛХОЗ — производственное сельскохозяйственное объединение, основанное на отчуждении индивидуальных крестьянских хозяйств и принудительном труде.

Коммунистическое переустройство деревни — объединение единоличных хозяйств в коллективные — осуществлялось в Советском Союзе в два этапа: в период с 1918 по 1922 год и с 1928 года до середины 30-х годов. Коллективизированные хозяйства назывались первоначально сельскохозяйственными коммунарами, артелями, товариществами по

обработке земли, а затем, с конца 20-х годов, за ними окончательно закрепилось определение "колхоз" ("коллективное хозяйство").

К., таким образом, является новым словом, за которым стоит понятие, созданное советской властью. Активное употребление его началось со времени массового объединения крестьян в кооперативы и провозглашения Сталиным плана ликвидации кулачества (зажиточного крестьянства) как класса. Коллективизация предполагала переход земли, орудий и результатов труда в общественную собственность и осуществлялась на основе приоритета государственных интересов (выполнения обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов, уплаты налогов на приусадебные участки и т. д.) над личными. Нужды крестьян в К. удовлетворялись в последнюю очередь — путем распределения по трудодням остатков сельхозпродукции, которой после сдачи их государству всегда оставалось недостаточно. Так что колхозники уже изначально обрекались на бедственное, нищенское существование и могли сводить концы с концами только благодаря крохотным приусадебным участкам.

Советское правительство игнорировало вековую привязанность крестьян к собственному хозяйству и обобществляло не только землю, скот, но и мелкий инвентарь и домашнюю птицу. Это, естественно, никак не способствовало популярности К., и, созданные директивно, они легко и быстро разваливались. И в начале 1930 года Сталин был вынужден признать ошибки в организации "кооперативного движения", и несколько миллионов крестьянских хозяйств получили возможность выйти из К. Но ненадолго. Для крестьян, оказавшихся вне К., был введен высокий налог и резко повышены обязательные поставки продуктов государству — они устанавливались для них на 50 процентов больше, чем для колхозников. А те, кто оказывались не в состоянии выполнить их, объявлялись "экономическими диверсантами", и их имущество и земли конфисковывались, а они сами ссылались в Сибирь. Так крестьянство в Советском Союзе было поставлено перед дилеммой — ссылка или К.

Бесперспективность единоличного хозяйствования при-

вела к росту К., но стабилизации в жизни крестьян не наступало. У колхозников почти полностью изымались хлеб, овощи, семена. И кооперативные хозяйства, оставаясь на "мануфактурной" стадии развития, не в состоянии были обеспечить подъем производства. Их размеры постоянно менялись. Организовывали небольшие К., затем их укрупняли, затем объединяли. Но их продукция не увеличивалась и не росла. И тем не менее к 1940 году ценой огромных усилий и жертв в СССР было коллективизировано 96 процентов крестьянских хозяйств. В результате сельскохозяйственное производство в стране было окончательно подорвано. Централизация планирования и руководства полностью сковывала инициативу, а высокие налоги и низкие заготовительные цены, не покрывавшие производственных затрат, парализовывали возможность воспроизводства. Серьезный урон сельскому хозяйству нанесли и порочные теории, насаждавшиеся в биологии и агрономии Сталиным, — генетика была объявлена лженаукой, и многие ученые-селекционеры репрессированы.

Хрущев пытался усовершенствовать сельскохозяйственное производство. В К. была направлена техника и химические удобрения, уменьшены налоги, крестьянам стали выплачивать зарплату и выдавать паспорта, без которых они были насильственно прикреплены к деревне. Изменился и социально-психологический облик деревни. Если раньше колхозник выполнял любую работу, то теперь его труд становился специализированным. Появились профессии: дояр, свинар, комбайнер, тракторист и т. д. Это создало основу для перерождения колхозной психики: из крестьянина, труд которого был универсальным, он превратился в наемного работника. Но хозяином земли он не стал и поэтому работать, как и раньше, не желал. И при первой возможности уходил в город — подальше от барщины.

Власти, осуществив контроль над жизнью колхозника, стали жестко ее регламентировать. Проводить различные кампании — посевные, прополочные, уборочные, сдачи хлеба. Четко определили правила ведения хозяйства, в приказном порядке устанавливали различные, часто взаимоисключающие методы сева. И при любой раскладке урожая требо-

вали досрочной сдачи его государству. И крестьяне нередко вынуждены были сдавать продукты со своих крохотных приусадебных участков. На них, без удобрений и техники, они выращивали 40 — 50 процентов всего производимого в стране картофеля, мяса, молока, яиц. Они, владея всего тремя-четырьмя процентами посевной площади страны, поставляют стране почти столько же продуктов, сколько собирается со всей колхозной земли.

И это одно говорит о полном банкротстве К. Другое свидетельство их несостоятельности и неэффективности — принудительное участие жителей городов в уборке урожая, что, впрочем, не мешает советским руководителям утверждать: "колхозная форма сельского хозяйства полностью отвечает уровню и потребностям развития современных производителей сил в деревне", а "колхоз — это школа коммунизма для крестьянства".

Советские руководители любой ценой стремятся сохранить колхозы — на них держится их власть в деревне. И поэтому либеральные реформы Горбачева не идут дальше робкого изменения форм колхозной организации труда: крестьянам предоставили возможность трудиться семейными бригадами и брать в аренду орудия труда и землю. Арендная система производства весьма напоминает оброк. Она, несомненно, более прогрессивна, чем "колхозная барщина". Но — менее эффективна, чем частное хозяйство, которое все еще считается несовместимым с принципами социализма. Вместо него предлагается нечто промежуточное — не частное и не общественное производство, а "арендный подряд". Крестьянам стали предоставлять собственность во временное пользование, что позволило им в рамках колхоза и под его контролем вести самостоятельное хозяйство.

Власти надеются, что через арендные отношения им удастся утвердить в деревне принципы "реальной экономики", при которых понятия "цена" и "стоимость" станут не абстрактными фикциями, а средством действенного и продуктивного труда. Полагают также, что с переходом к подрядам изменится и структура К. — она станет мозаичной. Появятся специализированные коллективы, готовые и способные брать

на "откуп" отсталые участки работы, и вместо централизованных ферм и неуправляемых бригад появятся сплоченные, хорошо организованные хозяйства, с высокой мотивацией труда.

К., однако, предполагают оставить, формально не изменится даже их статус, но существо их обещают сделать иным — по характеру производственных отношений они должны приблизиться к кооперативным хозяйствам. Предполагается, что сократится и их управленческий аппарат. Суть здесь, конечно, не в численности его сотрудников, а в изменении его функций и назначения: арендным коллективам не понадобятся освобожденные от труда работники. Им придется искать свое место в хозяйстве. Но это — в будущем, а пока что власти не торопятся принимать решения о пересмотре структуры и прав К. Да и сами их руководители отнюдь не спешат в полевые станы.

Энтузиазм горбачевских реформ проявляется больше на бумаге, в обязательствах и заявлениях. А в реальной жизни среди тех, кто подписался на арендный договор, преобладают люди, по своим знаниям, квалификации и человеческим качествам совершенно не готовые к самостоятельной работе. Их растлил и развратил социализм, который годами выработывал привычку к безотчетному, бездумному и безответственному выполнению указаний начальства. В них не осталось инициативы и самостоятельности, психологически они превратились в поденщиков. Возродить и реализовать им в себе чувство хозяина мешает и историческая память. Они вслушиваются в призывы властей обогащаться, а слышат стоны раскулаченных. И думают — не повторится ли кровавое прошлое, когда крестьян грабили и пускали по миру только за то, что они хорошо жили и умели работать.

Дискредитация понятия К. проявилась в снижении частоты употребления слова "колхозник". Вместо него часто используются синонимичные ему слова — "земледельцы", "труженики полей", "советское крестьянство", "труженики села". А в разговорной речи — "колхоз" и "колхозник" имеют пренебрежительный смысл, приобрели оттенок отсталости, убогости и забитости.

”Если до массового вступления крестьянства в колхозы советская власть опиралась, главным образом, на социалистическую промышленность, то отныне она стала опираться также и на быстро растущий социалистический сектор сельского хозяйства, на колхозы и совхозы”. (История ВКП/б/. Краткий курс. Госполитиздат, 1950, с. 298.)

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ БЮРОКРАТИЯ — класс, сформировавшийся и поднявшийся к власти в процессе социалистической революции.

Истоки К. б. таятся в особом человеческом материале, который складывался, теряя классовые черты, на стыке различных слоев общества, вступающих в социалистическую революцию: пролетариата, крестьянства и интеллигенции. В зависимости от исторических и национальных особенностей коммунистической страны пролетариат мог входить в социальную базу К. б. или выпадать из нее. Отношение к нему коммунистов проходит различные стадии — по мере их продвижения к власти.

В период борьбы за власть в России они, выступая под знаменем антикапитализма, вынуждены были опираться на рабочие массы. В условиях политического междувлестия (февраль — октябрь 1917 года), когда буржуазия и дворянство власть вырвали, а коммунисты ее не подобрали, создавалась иллюзия, будто их интересы и интересы пролетариата совпадают. Но стоило им прийти к власти, как обнаружилось, что им нет надобности выступать от имени рабочих. И от диктатуры пролетариата остались одни лозунги, прикрывающие новые формы эксплуатации.

Закладка основ экономического могущества К. б., нового правящего класса, — принудительная индустриализация и насильственная коллективизация — довели противоречия между нею и трудящимися до антагонистических. А реализация ее политических целей — установление монопольного господства над обществом (в экономике, политике, идеологии и культуре) — привели ее к столкновению с пролетарской интеллигенцией, поднятой к жизни на гребне Октябрьского переворота. И чуть позднее — со второй половины 20-х

годов — к противоборству с коммунистической партией, благословившей возникновение К. б. и идеологически предопределившей ее жизнь.

Ленинскую гвардию большевиков ждала незавидная участь: ее уничтожили в лагерях, едва ее идеалы пришли в противоречие с целями К. б. И на ее развалинах К. б. окончательно сложилась и сформировалась как класс. Она включила в себя различные социальные элиты, сила которых росла и увеличивалась по мере расслоения советского общества.

Правящие классы прошлого приходили к власти после того, как в социальной структуре уходящего общества вызревало и складывалось их экономическое влияние. К. б. разорвала привычную цепь исторических событий, вначале она захватила политическую власть, а уже потом заложила фундамент своего экономического могущества. Но идеологически К. б. формировалась задолго до прихода к власти. И опять-таки, вопреки социальной закономерности, — она не имела ни корней, ни истоков в общественной жизни. Ее психология и политическое сознание были выработаны идеологами коммунистической партии и уже в готовом виде насаждались в ее сознание.

Появление К. б. было, таким образом, спровоцировано идеологически. Ее возникновение — результат развития тех социальных условий, которые сперва подвели Россию к революции, а затем сделали ее социалистической страной. К. б. складывалась и утверждалась в лоне общественной и хозяйственной жизни советского государства, а коммунистическая партия явилась тем центром, вокруг которого осуществлялась ее кристаллизация — определялись ее социальный состав, мироощущение и нравственность.

К. б. возникла и сложилась в результате превращения группы профессиональных революционеров в собственников и эксплуататоров. Ее жизненные цели определялись не партийным уставом, а вытекали из ее общественного положения и целей — стремления сохранить и упрочить привилегированное положение и власть. Назначение коммунистических идеалов оставалось и было чисто декоративным, и они служили задачам пропаганды и одурачивали массы. И ком-

мунистические бюрократы быстро превратились из революционеров в реакционеров, как и надлежит правителям.

К. б., как и любой правящий класс, элитарна по содержанию и партийна по форме. Только члены партии могут заниматься ответственной общественной и политической деятельностью. Тем самым создается иллюзия, будто членство в партии само по себе создает привилегированное положение — дает власть и влияние в государстве. Такое впечатление обедняет и упрощает механизм жизнедеятельности советского общества, подменяет суть социальных процессов их внешними проявлениями и по существу находится на уровне понимания, которое советская пропаганда как раз и стремится создать у обывателя, — к партии постепенно переходят важнейшие функции государства.

Советская жизнь действительно не признает различий между работой правительственных организаций и партийных учреждений. Но не в том смысле, что функции партии и государства переплелись, а в том значении, что и в партии, и в правительственных учреждениях, и в полиции, и даже в науке господствует К. б., которая только номинально (в силу традиций) связывает себя с партией, с ее уставом и программой. И тем не менее, она стремится выступать от имени партии, отождествляя себя с ней, а точнее — ее с собой.

К К. б. относятся различные социальные группы, занимающие руководящее положение в советском обществе. Это и дает ей возможность и право распоряжаться всей общественной собственностью, экспроприированной государством. Она сосредоточила в своих руках всю полноту власти и не делит ее ни с одним другим классом — ни с рабочими, ни с крестьянством. В советском обществе у нее нет союзников, есть только попутчики. Она произвольно, в соответствии со своими интересами, распределяет национальный доход, устанавливает заработную плату, определяет и направляет экономическое развитие страны.

К. б. представляет собой пирамиду с четко очерченной социально-политической структурой. На верхних ее этажах расположена партийная элита (партократия). На ступеньку ниже — правительственная и хозяйственная элита (технокра-

тия). Далее располагаются (в зависимости от степени их влияния) элиты армии и госбезопасности, научная и профсоюзная элиты, элита от искусства и литературы.

Подобная градация по вертикали отражает характер и функции элит, их роль и значение в советском обществе, степень участия в определении государственной политики. Но деление К. б. идет не только по вертикали, но и по горизонтали: многообразные группы накладываются друг на друга, смыкаются между собой. Борьба за власть и престиж приводит к тому, что в наиболее могущественном слое господствующего класса оказываются не только представители партократии. В него втягиваются и члены других элит — министры, генеральные прокуроры и председатели верховного суда, главные редакторы центральных газет, президенты академий наук, высший генералитет, председатели творческих союзов и объединений.

На ближайшей за ними ступени иерархической лестницы стоят их заместители и те, кто реализует советскую политику — руководители новой формации, начавшие политическую деятельность в относительно либеральные времена Хрущева — заведующие отделами ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета Министров, шефы комсомола и профсоюзов, короче — привилегированное партийно-государственное чиновничество. Этот элитарный уровень плавно переходит в третью прослойку К. б., которую составляют люди конкретного действия, возглавляющие крупные предприятия и важные учреждения (хозяйственные, промышленные, просветительские, учебные, медицинские, воспитательные), ответственные сотрудники прокуратуры, верховного суда, госбезопасности, функционеры республиканского и областного масштаба, видные ученые, писатели, артисты, удостоенные государственных премий и почетных званий.

На низшей, четвертой, ступени элитарной пирамиды власти пребывают ничем не выдающиеся работники многочисленных престижных организаций, представительство в которых уже само по себе определяет их особый статус, — инструкторы, инспекторы, ответственные организаторы партийного аппарата и министерств, члены творческих союзов, руководя-

щие хозяйственные работники, профессора, журналисты партийных газет, рабоче-крестьянская аристократия, делегируемая в представительные органы власти.

Все сословия и прослойки К. б. в той или иной мере принимают участие в управлении страны. К реальной власти, однако, представители четвертого и даже третьего элитарного уровня не допускаются. Руководство исходит только от партократии, опирающейся на элиту высших государственных организаций (Совета Министров, Верховного Совета, госбезопасности, армии, прокуратуры и т. д.). Что же касается политического курса страны, то в его определении даже партократия участвует выборочно, только та ее часть, что представлена в высшем эшелоне власти — Секретариате ЦК и в Политбюро, то есть не более 30 человек в Советском Союзе принимают политические решения. А основная масса партократии намечает конкретные пути их реализации. И правительственная элита эти решения осуществляет и доводит до масс.

Два нижних "этажа" К. б. являют собой резерв власти, некое подобие тренировочных школ, где советский деятель пробует свои силы в управлении страной. Но и здесь система должностных назначений сосредоточена в руках партократии. Она же заполняет и наиболее ответственные государственные посты. За множеством социальных масок советского общества, маской премьера или президента академии наук, председателя госбезопасности или творческого союза просматриваются лица партократов. Все эти всемогущие, авторитетные руководители рекрутируются из среды партийной элиты или затем вводятся в ее круг, получая соответствующее место в партийной иерархии, и становятся носителями и проводниками целей партийного аппарата. Так что при любой раскладке сил власть в СССР неизменно находилась в одних и тех же руках — в руках партократии. При Ленине ее власть осуществлялась косвенно, через представительные органы — Советы; при Сталине — прикрывалась декорумом диктатуры пролетариата, при их наследниках, от Хрущева до Черненко, она заявляла о себе в полный голос, откровенно подминая и попирая прерогативы исполнительных и законодательных органов.

Горбачев вновь вернулся к системе "политических мажорант" — он решил разделить функции партийных и государственных органов, но таким образом, чтобы еще больше усилить авторитет и влияние партократии. В соответствии с этим замыслом в СССР было принято решение о совмещении обязанностей первых секретарей партийных комитетов (от районных до генерального) и председателей исполнительных советов власти (включая Верховные Советы). В итоге — власть К. б. усилилась. Однако проблема состояла в том, что ее представители были не в состоянии бесконечно сохранять свои привилегии и права, — такова была плата за стремление закамуфлировать коммунистическое правление под народовластие.

Преодолеть это ограничение К. б. пытается с помощью своей экспансии в науку, где степени и звания гарантируют пожизненно высокие доходы и престиж, даже если ее деятели утрачивали власть. Так, привилегии и доходы партократии отрывались от ее деятельности и становились частью личности: пройдя в Академию наук, партокрот приобретал социальный поплавок, удерживающий его навсегда на поверхности номенклатурной жизни. В его распоряжении оказывались дачи, закрытые магазины, машина по вызову. И отличие его от обычного партокрота состояло в том, что его благополучие, не будучи столь блистательным, было стабильным и надежным. А надежность — самое заветное желание партокрота, измотанного интригами и зависимостью от начальства. И в Академию устремился поток К. б. При Хрущеве и Брежневле она составляла 15 процентов ее членов, а при Горбачевле — 20 процентов.

Следующий шаг, который предстояло сделать партократии для увековечивания ее власти, — превратить пожизненные привилегии в наследственные: нельзя было передать потомству не только власть, но и звания и награды. И выход из этой ситуации был найден — переплавить власть и звания в капитал, который можно было (и следовало) передать по наследству.

С накопления капитала начиналось в Советском Союзе и обратное движение к власти: деньги обеспечивали поступле-

ние в высшее учебное заведение, на них можно было приобрести (купить) престижные должности. И возникла и оформилась система обратной связи: общественное положение и статус аккумулировали возможности накопления капитала, а капитал обеспечивал социальное влияние. К. б. наконец вырвалась из ограничений, налагаемых на нее идеологией, и нашла в капитале универсальное средство увековечивания привилегий, влияния и власти. Это значило, что она в полном смысле стала правящим классом, не только господствующим политически, но и властвующим экономически и передающим по наследству свои права и средства. Ее социальное движение превратилось в движение по кругу: власть — деньги — власть.

Неожиданно этот круг оказался разорванным Горбачевым. Он использовал склонность К. б. к накопительству и продажности для ее перекраивания, стал срезать с нее брежневские слои, на лояльность которых он не рассчитывал. И страна на время стала ареной громких и скандальных процессов, в которых главным героем (впервые) стала советская элита — министры и секретари обкомов и горкомов. Достоинством общественности стали скрытые ранее подробности ее частной жизни — беспринципность, цинизм и безыдейность. Но причины и истоки ее продажности утаивались и оберегались, так как система не могла позволить распада советской власти, а стало быть, сохранялась возможность и способность К. б. к воспроизводству ее коррупции и в будущем. А пока что она стремится еще больше замкнуться в себе, отгородиться от народа. Ее однородность создается и достигается и через межэлитарные браки. Спирали власти превращаются в брачные узы, создающие барьер для проникновения в нее чужеродных элементов. И окончательно замыкаются ее границы как класса — от закрытых доходов к закрытым магазинам, от закрытого образа жизни — к закрытым свадьбам.

Счастлива ли она? Сказать нет — значит рассуждать не по-советски. Она выиграла в игре, в которой проиграл весь народ. Принято считать, что ей повезло. Иначе будет поколеблена вера в советскую власть, которая дала ей из всех своих благ самое главное — власть и богатство.

“Самый худший у нас внутренний враг – бюрократ, это коммунист, который сидит на ответственном... советском посту”. (В.И. Ленин. О международном и внутреннем положении Советской республики. Собр. соч., изд. 4-е, т. 33, с. 199.)

КООПЕРАЦИЯ – добровольное объединение людей для совместной деятельности; форма организации труда.

В условиях социализма К. подчиняется законам его развития – эксплуатируется государством. Однако зародилась и распространилась К. в России задолго до революции. В начале века в стране было около двух тысяч кооперативных объединений и организаций, а перед коммунистическим переворотом в 1917 году их число перевалило за 60 тысяч. Интенсивность их развития, эффективность производств, которые они создавали в промышленности и в земледелии, позволили увидеть в К. (по словам русского ученого Александра Чаянова) изобретение, по своим последствиям равное величайшим открытиям человека.

Придавал важное значение К. и Ленин, хотя рассматривал ее и относился к ней по-коммунистически: оценивая как и насколько она способна служить и обслуживать новую систему власти. Он писал: “10 – 20 лет правильных отношений с крестьянством, и обеспечена победа во всемирном масштабе” (Собр. соч., т. 43, с. 382 – 383). Таким виделось Ленину международное назначение К. Для внутренних целей “строй цивилизованных кооперативов” должен был “при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией” привести к “строю социализма”. Но “цивилизованного строя кооперативов” в Советском Союзе не получилось.

“Кооперативный план” в его ленинском (а затем – сталинском) толковании был далек от духа и сути К., с ее демократизмом, самостоятельностью и самоуправлением. “Великий перелом” в сельском хозяйстве (если чем-то он и был велик, то размахом голода и массовостью репрессий, унесших в могилу десятки миллионов крестьян) выразился в утверждении и насаждении, как теперь любят говорить в СССР, “командных, административных и бюрократических мето-

дов руководства". Процесс постепенной, добровольной коллективизации хозяйств превратился в волевое, насильственное и повсеместное насаждение колхозов. Социалистическая экономика, в идеале предполагавшая соединение интересов работника, коллектива и общества, в действительности стала просвещенной моделью крепостного права, где барщина стала называться общественно полезным трудом, а оброк — хозрасчетом. Колхозы, промысловая и торговая кооперация были отнесены к разряду низших, недоразвитых форм производства, и постоянно велась кампания их "подтягивания" до уровня "общенародных" государственных предприятий, подчеркивалась бесперспективность их развития и укрепления. Выравнивание "общественной" собственности осуществлялось типично по-советски — путем реорганизации кооперативов в государственные объединения. Так произошло со многими колхозами, ставшими совхозами, и с потребительской К., влившейся в государственную торговую сеть.

Сложившийся стереотип К., предубеждение и неверие в него оказались столь сильными и мощными, что о него стали разбиваться попытки властей возродить и оживить кооперативное движение. Проблемы К. дважды в советской истории выносились на поверхность политической жизни. Первый раз — в начале 20-х годов, когда коммунисты выводили хозяйство из глухого и глубокого экономического кризиса "военного коммунизма". Тогда они были вынуждены произвести коренное переосмысливание социализма и попытались соединить его с К.

Кооперативное движение вновь обрело актуальность во второй половине 80-х годов — власти стали искать в нем спасительные средства возрождения страны после длительной, растянутой на десятилетия, эпохи экономического и социального застоя. Страна окунулась в пучину реформ. Причем, на этот раз изменения затрагивали не отдельные, частные стороны экономического механизма, как это было при Хрущеве и Косыгине, а распространились на структуру и методы хозяйствования, утверждая новые подходы к управлению. Впервые была сделана попытка на правовом уровне (в соответствии с "Законом о кооперации", принятом в 1988 году) "от-

крыть просторы инициативе, самостоятельности, подлинному хозрасчету, личной заинтересованности в наибольших результатах индивидуального и коллективного общественного труда". ("Агитатор", № 9, 1988, с. 8.)

Иначе говоря, если Ленин стремился встроить кооперацию в социализм, то Горбачев ставит цель прямо противоположную — социализм встроить в кооперацию. Но полностью отрешиться от ленинского "наследия" он не в состоянии. По-прежнему культивируется идеологическая схема, отстаивающая ведущую роль в обществе государственной собственности, с ее наибольшей степенью отчуждения труда. А значит, через "другую дверь" проталкивается идея "второсортности" К.

Обобществление является лишь одной из предпосылок развитого современного общества. Его главный критерий — социальное положение человека, характер и система его экономических связей, иначе говоря — насколько человек является реальным собственником средств производства. Это, и ничто другое, определяет народовластие и демократизм. Общество должно идти от человека к экономике, а не от системы хозяйствования к человеку, как это делается в Советском Союзе. Разумеется, существуют объективные различия экономического механизма государственных и кооперативных предприятий. Но эти их особенности связаны с наличием у К. широкой самостоятельности и самоуправления, которые не могут стать в советских условиях правилом хозяйствования. Отсюда возникают сомнения в чистоте социализма, которые питают различные формы противодействия К.

Ни один кооператив не имеет выхода на государственные предприятия, не вправе у них ничего покупать или продавать, не в состоянии вести для них технологические разработки. Общая проблема кооперативов — затруднения с приобретением помещений для производственных нужд, без которых нельзя проводить и развивать эффективную работу. Отсутствие гибких форм удовлетворения реальных потребностей К. ведет к развитию нелегальных, подпольных форм трудовой деятельности, в которой к середине 80-х годов было занято около 18 миллионов человек.

Парадоксальна система ценообразования, навязываемая кооперативам. Цены на производимые ими изделия сами по себе достаточно высокие — из-за сложностей с приобретением сырья и в силу характера деятельности (работать приходится в трудных условиях по 14 — 16 часов в день). Сказывается на их стоимости и рыночная конъюнктура — острый дефицит различных товаров. Однако взвинчивает цены на кооперативные изделия прежде всего торговля, получающая завышенный доход от их реализации — 20 процентов, в то время как с государственной продукции она довольствуется семью с половиной процентами.

Действует принцип: "чем хуже для покупателя, тем лучше для государства". Ставка делается на то, чтобы, вызвав недовольство потребителей, ударить по К. драконовскими налогами — "идя навстречу пожеланиям трудящихся". Таких высоких налогов, какими с 1 апреля 1988 года обложили доходы К., не существует ни в СССР, ни в одной стране мира — их потолок приблизился к 90 процентам. И рост и развитие К. сразу же замедлились. На какое-то время был дан отбой: Президиум Верховного Совета постановил — впредь до введения нового порядка взимать налоги "с доходов кооперативов... по ставкам, установленным для налогообложения доходов рабочих и служащих". ("Известия", 30 июля 1988, с. 3.)

Другим препятствием на пути развития и нормального функционирования К. является мнение, что кооперативы оттягивают из общественного сектора квалифицированные кадры. Суждение не лишено оснований. Но преграждать отток рабочей силы из общественного производства следует не дискредитацией К., а предоставлением государственным предприятиям большей свободы в распределении заработной платы — в этом случае они смогут конкурировать с К., и не за счет работника, а во имя его блага.

Не прекращаются попытки превратить К. еще в одну удобную и уродливую разновидность административного управления хозяйством. В этом причина невысокой отдачи К. В первом квартале 1988 года из всего объема услуг, предоставленных населению, вклад кооперативов составил менее трех

десятих процента, что в денежном выражении составило соотношение в 300 миллионов против 99,5 миллиарда рублей. И это несмотря на то, что государственный сектор по-прежнему не удовлетворяет запросы советских людей. И дефицит не только не сокращается, а растет, и у населения на руках скопилась огромная сумма денег — 267 миллиардов "неотоваренных" рублей.

Кооперативное движение оказалось подверженным и общим болезням советской экономики — коррупции: в К. бросились дельцы "теневой" экономики, они захватили ее наиболее доходные и перспективные направления и сферы; приписки, система ведомственного "подкармливания" — многие министерства и управления создают кооперативы за счет государственных и часто неубыточных предприятий для того, чтобы их продукцию засчитывать в общий объем производства. И так как кооперативные цены значительно выше государственных, то существенно улучшаются показатели выполнения ими плана. При таком отношении советских властей к К. сомнительно, что стране удастся совершить прыжок из кооперативного варварства в кооперативную "цивилизацию". И лозунг "отношение к кооперации определяет отношение к перестройке" остается лишенным смысла.

"Не секрет, что кооперации у нас, как говорят, не повезло. Мало сказать, что путь ее был нелегок и тернист, что по этой причине наше общество много потеряло в материальных благах". ("Агитатор", № 9, 1988, с. 8.)

КОРРУПЦИЯ — подкуп, взяточничество и продажность должностных лиц.

Это советское определение К. целиком вписывается в общепринятое его понятие и достаточно полно и точно вскрывало бы суть явления, если бы не одно дополнение, которое неизменно при этом делается, — "имеет место в буржуазных странах". В свободных государствах, несомненно, К. весьма развита, но проявляется она как отклонение от общепринятых социальных и нравственных норм. В социалистическом же обществе К. есть естественное и необходимое продолжение его политики и экономического уклада жизни, она по-

рождена однопартийной его структурой, неполной гласностью, усеченной и ущербной демократией. И главное — существом и характером господствующего в нем класса.

Коммунизм институционализировал двойной стандарт жизни: один — для народа, другой — для правящего класса. И его права и возможности нельзя экстраполировать на все советское общество — в нем действует не обычная, а сословная арифметика, в соответствии с которой треть национального дохода распределяется между 10 процентами его привилегированных жителей, которые покупают четвертую часть находящихся в продаже автомашин, получают половину строящихся квартир и треть путевок в санатории и дома отдыха. А то, что остается за ненадобностью, распределяется народу в соответствии с его игрушечными правами — тот, кто стоит ближе к власти, получает лучшее и большее.

Поначалу казалось, что рост зарплаты и увеличение привилегий правящего класса удержат его от К. Надежды, однако, оказались напрасными — только еще больше разжигались его страсти и аппетиты. Он смотрел на государство, как на биржу: чем выше были его ставки (социальный статус), тем большего он требовал выигрыша. Так что было бы ошибочным рассматривать К. как нечто изолированное и исключительное в системе советской социальной жизни. Она — причудливый узор из зигзагов советской социальной жизни, где никто не ворует в одиночку, а только опираясь на хорошо организованную и сплоченную преступную систему.

Трудно сказать, что является основным побуждением советского правящего класса. Несомненно, в системе его ценностей определенное значение придается наслаждению жизнью, любви, семье. Но когда эти потребности удовлетворены, главным становится настойчивое, упорное, сметающее все преграды стремление добыть любыми средствами и путями деньги. И выявить размеры его прибыли совсем непросто. Его "черные" доходы складываются из различных подношений, постоянных или единовременных: податей из различных министерств, ведомств, которыми они управляют и курируют. При этом важное значение приобретает облик города и характер республики, в которых он действует. Во вся-

ком случае, суммы денег, которые советские руководители собирают, во много раз — в десятки (всегда) и сотни (часто) перекрывают их официальную заработную плату, которая тоже не мала. С прямыми и косвенными надбавками (за депутатство, сверхурочные часы, оплачиваемые поездки и т. д.) она приближается к 900 — 1000 рублям в месяц, что в пять-шесть раз превышает заработки высококвалифицированного специалиста.

Столь высокие суммы доходов советских руководителей выводятся на основе различных сведений. И прежде всего — поставляемых уголовной хроникой. В последние годы их стали наказывать и осуждать публично: взяли больше или, погрязнув в гордыне, не поделились прибылью с вышестоящими начальниками. С высоких постов стали снимать и попадать под следствие работники, скомпрометированные близостью к Брежневу. При выведении прибылей элиты необходимо принять во внимание и покупательно-продажную стоимость занимаемых ею постов. Должность директора завода или техникума оценивается четырехзначными цифрами, секретаря райкома партии, ректора университета — пятизначными, министра, секретаря горкома — шестизначными. И здесь было и остается правило: руководящая должность должна окупаться в течение года, самое большее — двух, а в несколько лет она обязана дать прибыль на вложенный в нее капитал минимум в 200 — 300 процентов. И это понятно — судьбу ответственного поста в СССР рискованно планировать на более длительный срок.

География К. в Советском Союзе сложна и неоднозначна: в южных и восточных республиках дают и берут взятки вместе с бумажником (столько, сколько он вместит — пятьдесят, сто тысяч). Такое правило считается вполне законным, пока, разумеется, не доходит дело до других законов — уголовных. На Украине, в Российской Федерации (кроме Москвы), в Прибалтике нет столь огромных подношений — ставки-взятки ограничиваются двадцатью — тридцатью тысячами.

К. в советской стране, таким образом, определяется характером режима, сущностью и системой его управления,

которое является привилегией только одного класса — коммунистического. Материальное благополучие в нем строго пропорционально тому, на какой ступеньке иерархической лестницы находится человек, и она определяет не только размер, но и источник дохода, не только возможность приобретения благ, но и возможность их распределения.

Один из важнейших результатов власти в СССР — использование и накопление капитала, который таит в себе возможность власти, то есть он обладает аккумулятивным свойством: чем больше денег имеет человек, тем более он может приобрести власть. Власть и тяга к власти и накопительству составляют сущность коммунистического класса, сущность, не позволяющую смешивать его ни с одним другим классом советского общества, система управления которого похожа на монархию, но монархию непросвещенную. В ней нет независимости ни для кого, ни для тех, кто обладает властью и тянется к капиталу, ни для тех, кто создает капитал и стремится к власти.

Было время, когда советские руководители получали причитающиеся им взятки — ренту за занимаемое ими положение — из рук в руки. Позднее технология усовершенствовалась, взятки стали собирать их секретари, помощники и советники, удерживавшие для себя соответствующий процент "за услуги". Доверенными лицами становились и их жены и дети. Они прикрывали крупные аферы — так, как делали зять и сын Брежнева. Один — в министерстве внешней торговли, работая первым заместителем министра, а другой — в министерстве внутренних дел, являясь также первым заместителем министра. Подпольными предприятиями заправляла и дочь генсека, а когда ей захотелось бриллиантов, которые невозможно было купить, она распорядилась их украсть.

С точностью определить нелегальные доходы республиканских, крайкомовских и обкомовских руководителей еще сложнее. Для этого необходимо обратиться ко всем четырем действиям арифметики. Сложение — городов и районов, подконтрольных им. Вычитание — изъятие из доходов сумм, переправляемых союзному начальству. Деление — распределение доходов между подчиненными. И умножение —

ставки подношений постоянно растут и увеличиваются. Руководители государственного уровня, секретари ЦК или министры, не довольствуются взятками меньше миллиона — именно в такую сумму оценивается в СССР звание Героя Социалистического Труда.

В процессе смены власти в Кремле и в результате интриг к руководству прорвалась клика молодых, энергичных партократов, начавшая теснить, отталкивая, сбрасывая с влиятельных и престижных постов, заскорузлую и замшелую в К. старую бюрократию. Начались разоблачения, и на лицемерном фасаде "социализма" обозначились трещины и разрывы, за которыми отчетливо стали выявляться черты государственной мафии. По обвинению во взяточничестве были сняты сотни видных деятелей, министров и партийных секретарей, они были уволены, выпровождены на пенсию или отправлены на научную работу. Чистки прошли по всем республикам и захватили Москву.

Таковы были издержки политической борьбы. Но не только. В опасности оказался сам режим, под сомнение было поставлено право коммунистической элиты на власть. Это выявилось, однако, не сразу, разрушительный процесс захватывал ее постепенно. И что самое неожиданное — накапливался и проявлялся от попыток еще более укрепить и усилить ее власть.

В Советском Союзе происходило формирование коммунистической элиты как класса, пожизненные привилегии превращались в наследственные, хрупкая социалистическая оболочка государства разрушалась, и к руководству проталкивалось второе поколение элиты — ее дети. Это происходило не так быстро, как ей хотелось, но вполне успешно: на различных ступенях политической системы утверждались отпрыски советских правителей.

Привязывался к власти и капитал, советские руководители обростали имуществом и средствами. И решили его "отбелить". В этом они обнаружили общность своих интересов с мафией — с различными социальными группами, стоящими вне рамок официальной стратификации общества: с "цеховиками", составившими состояния в системе "второй эконо-

номики”, и уголовными преступниками. У них было в избытке то, чего так хотелось элите — деньги. А элита обладала тем, в чем остро нуждалась мафия для того, чтобы получить официальное признание — имела статус и привилегии.

Взаимодействие советской элиты и мафии наблюдалось в СССР все годы: продавались привилегии и покупалось социальное положение. Но новым было то, что из покровителей ”второй экономики” элита становилась ее организатором и руководителем, а мафия постепенно проталкивалась в элиту.

Мафия оказалась настолько мобильной, что очень скоро заполнила большинство руководящих мест в государственном управлении, а инертная элита все глубже увязала в подпольном бизнесе. Она, по существу, властвовала, а управляла страной мафия, которая сосредоточила в своих руках столько влияния и силы, что вполне могла обходиться без элиты. Для этого ей оставалось только сломать коммунистическую оболочку и создать собственную — для освящения ее уже фактически имеющейся власти. Произойди это, и коммунистический режим взорвался бы. Горбачев пытается его спасти — спасти коммунистическую систему от нее самой. Этим объясняется его жестокое отношение к К. Здесь действуют не соображения морали, а политический расчет и целесообразность, так как вопрос поставлен однозначно и неумолимо: кто кого одолеет — режим К. или К. — режим. И ответ на этот вопрос пока не просматривается. К. в СССР достигла такой степени и размаха, что меры, направленные против нее, ведут к ее усилению. В этом — причина неэффективности борьбы с ней. Другая причина ее живучести имеет меркантильный характер: новые руководители хотят сохранить возможность эксплуатации К. — для себя.

”Да, в борьбе с коррупцией, с расхитителями наступил момент, подобно заставившему в первую мировую войну маршала Гоше дать знаменитую депешу: ”Наш левый фланг прорван, правый смят, перехожу в наступление”. (”Московские новости”, № 11, 13 марта 1988, с. 15.)

КРЕСТЬЯНИН — земледелец.

Слово К. многие годы настойчиво вытеснялось из советского языка и заменялось понятием "колхозник" (а во множественном числе — "колхозники" или "колхозное крестьянство"). Однако понятие "колхозник" по своему объему уже и беднее К., оно искусственно исключает из своей среды земледельцев, работающих в совхозах или занимающихся индивидуальным сельским трудом. И если в Советском Союзе стремились дать более широкое представление о людях, работающих на земле, употреблялось другое, безличное понятие — "сельский труженик". Или использовали любые слова и выражения, но только не К. — понятие емкое, точное и выразительное. В нем властям слышался отзвук неуправляемого и неорганизованного мужика, не раз поднимавшегося на борьбу с режимом.

В своем отношении к К. советские власти проявляли двойственность и непоследовательность. Несомненно, они понимают, что К. представляет народ, в его истинном и подлинном проявлении — гордый, свободный и независимый. Но он же представляется им темным, отсталым, упрямым, тупым, стоящим на пути прогресса. Такое его восприятие во многом восходит к истокам русской культуры. Многие ее видные представители — Пушкин, Тургенев, Горький, — с похвалой отзываясь о трудолюбии, настойчивости, терпении К., высмеивали и бичевали его пороки и недостатки — пьянство, убожество, инертность. Правда, при этом они неизменно добавляли, что К. по своим нравственным качествам, отзывчивости и доброте выше интеллигента, благороднее его. Но в таком подходе к К. проявлялась не столько искренность их суждений, сколько чувство социальной неполноценности (Пушкин, Тургенев) или классовый характер их мировоззрения (Горький).

Народники-утописты в России пытались преодолеть и переступить в своем отношении к К. ограниченность своих предшественников. Тысячами они шли "в народ", жили в деревнях, учили и воспитывали крестьян, заботились и лечили их. Но народников постигло разочарование: К. не понял и не оценил их благие порывы. И они, а вместе с ними и общество в

целом, стали испытывать разочарование К. Вера в него заколебалась и погасла. И Россия легко и охотно восприняла марксистские оценки крестьянства: Маркс и Энгельс отмечали "идиотизм" крестьянской жизни, а их последователь Плеханов видел в К. "вьючное" и "дикое" "животное". Ленин высмеивал и критиковал его "подлую душу индивидуалиста", а для Сталина он являлся "отбросами человечества".

Коммунисты не ограничивались оскорбительными определениями К. Они стремились понять и выявить его место в истории и особенно — в социалистической революции. В общем виде их социологическая схема сводилась к убеждению, что общество в своем развитии распадается на два основных класса — пролетариат и буржуазию. Крестьянство, по их мнению, не имеет самостоятельного значения: если оно разоряется, то пополняет рабочий класс, а обогащаясь, вливается в буржуазию.

Восприятие крестьянства как промежуточного класса определило и их политику. Ленина не волновали потребности и нужды крестьян, а интересовало только, с кем они окажутся в революции. Для него К. являлся двойственным существом — частично "собственником", частично "тружеником". Как труженик он терпел невзгоды, подвергался эксплуатации, а как собственник — воссоздавал капитализм "ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе". Такова была навязчивая идея Ленина, и она легла в основу разработанной им тактики использования крестьянства в социалистическом переустройстве общества, по завершении которого оно должно было полностью сойти с исторической сцены. Утверждалось, что К. — это особый класс, который не только не соответствует социалистическому обществу, но и в капиталистическом находится временно и является пережитком прошлых эпох. Истинное его место — феодальное общество, там он естественно и необходимо встроен в социальную структуру: с одной стороны имеются помещики, с другой — их антипод, крестьяне. И пускать его в социализм опасно и нежелательно, ибо он собой будет порождать и воссоздавать феодальные отношения. И если не принять срочных мер, то К. в такой отсталой стране, как Россия, низвергнет социа-

листическую революцию и обратит общество назад — к капитализму.

Марксистская теория вынесла крестьянству смертный приговор, а привели его в исполнение коммунисты — в стране, где оно составляло 80 процентов населения.

Поначалу они объявили врагом партии и пролетариата наиболее дееспособных, зажиточных крестьян — "кулаков", на которых они направили ненависть и ярость деревенской бедноты. И на какое-то время у обездоленных, обнищавших людей возникло ощущение: достаточно сломить кулака, и наступит утопия — социализм. Кулаков обложили налогами и объявили "лишенцами" — поставили вне закона. Но обещанный рай не наступил. И тогда фронт наступления на К. расширили. И если Ленин в борьбе с К. был переменчив, то его сподвижники в своей ненависти к К. не знали сомнений. Зиновьев, один из руководителей советского государства, заявлял: "Мы должны повести за собой девяносто из ста миллионов человек... Остальным нам нечего сказать. Их нужно ликвидировать". Цифра "десять миллионов" оказалась недостаточной для Сталина, и он уничтожил более 20 миллионов крестьян.

Антикрестьянский террор был вполне "нормальным" для социализма явлением, он повторялся в каждой стране, когда она приступала к построению "бесклассового общества" — в Европе, в Азии, в Америке. А в Советском Союзе он протянулся чуть ли не через треть его истории и распался на три этапа. Первый — его пролог — охватил 1918 — 1922 годы. Он обошелся крестьянству в пять-шесть миллионов жертв. Второй — его кульминация — вторая половина 20-х годов. Он нанес по К. двойной удар. Крестьянство было сломлено — проведена коллективизация и уничтожена лучшая его часть — кулаки. "Стоимость" этой операции измеряется в четыре-пять миллионов. Третьим актом трагедии, его развязкой, был спровоцированный властями голод, унесший в 30-е годы около 10 миллионов крестьянских жизней. А оставшиеся 110 — 120 миллионов крестьян экспроприировали — превратили в наемных работников на земле, которая была у них насильственно отобрана и передана колхозам и совхозам.

Социалистическое сельскохозяйственное производство, опирающееся на наемный труд К., однако, оказалось неэффективным — сократилось производство продовольствия и страна оказалась в тисках экономического кризиса. Это стало очевидно, как только завершилась коллективизация, в 30-х годах. Но прошло еще 50 лет, прежде чем советское руководство посмело пересмотреть свое отношение к К.

В середине 80-х годов начался поиск форм организации сельскохозяйственного производства, при которой К. должен был стать хозяином земли. Но новая форма труда — арендный подряд — не внушает К. доверия: над ним довлеет страх еще одной, повторной экспроприации. Он понимает, что семейные фермы, к созданию которых сегодня зовут в Советском Союзе, по числу лошадиных сил, по площади земли, поголовью скота, стоимости недвижимого имущества во много раз превзойдут ликвидированные кулацкие хозяйства. И боится, что через несколько лет, когда семейные фермы окрепнут и разовьются, вновь будет партией брошен лозунг "раскулачивания".

Не способствует взаимопониманию между К. и властями и проводимая в стране социальная политика. К. в колхозах и совхозах зарабатывает меньше рабочего или ремесленника, хотя его труд тяжелее; меньше, чем они, он получает и благ из общественных фондов. Государство выделяет 90 миллиардов рублей на субсидирование цен на мясо, молоко, хлеб. И почти вся эта сумма денег оседает в кармане городского жителя. А К. в колхозе и совхозе платит за эти продукты — без дотаций — вдвое дороже. Из сельской местности вывозится до 90 процентов производимой там продукции, и чтобы приобрести ее ("достать"), К. вынужден ехать в город.

К. в СССР постоянно чувствует свою неполноценность, второсортность. И чтобы подбодрить его, вызвать в нем трудовой энтузиазм, в котором в период перестройки так остро нуждается страна, новые советские руководители решили (посмели) польстить ему — они признали, что теоретики марксизма ошиблись, и К. не представляет опасности для социализма. К. был прощен, но не оправдан. Для полной его гражданской реабилитации необходимо признать ошибочность

(и преступность) политики коллективизации и раскулачивания и поименно назвать все жертвы антикрестьянского террора. Пойти на это в Советском Союзе не готовы. Пока.

"...и после статьи Сталина крестьян репрессировали председатели колхозов и сельсоветов, члены правления". ("Комсомольская правда", 21 августа 1988, с. 2.)

КУЛАК — сельский предприниматель, владеющий земельной собственностью или торговым заведением.

Этимология понятия "К." восходит к определению "крепко сжатой руки", которая порой воспринимается как символ корыстолюбия, алчности и скупости. Такое толкование К. не случайно — народному сознанию на самом низком уровне казалось, что именно благодаря этим качествам, а не трудолюбию и настойчивости, создавались в деревне крупные и развитые земельные хозяйства.

Так был создан стереотип К. — богатого, безжалостного и сильного сельского эксплуататора. Сперва образ К. ассоциировался с ростовщиком и залогодержателем, разбогатевшим не своим трудом, а посредничеством и выдачей ссуд, а затем, уже после коммунистического переворота, это понятие стали переносить на любого зажиточного крестьянина. В таком значении слово осело и осталось в официальной литературе и вошло в разговорную речь. А в пропагандистском обращении оно продолжало расширяться и развиваться, и к 1930 году, к началу коллективизации, К. стали называть любого крестьянина, не угодившего властям. В итоге оформилась идея существования в деревне богатого и злонамеренного меньшинства, естественным образом угнетающего трудолюбивых сельских жителей.

Как социальное явление кулачество (в его историческом смысле — значении зажиточного крестьянства) возникло в России сравнительно поздно из-за существования в стране до середины 19-го века крепостнических отношений. Но проявилось оно уже в рамках феодализма в связи с развитием товарного производства и получило широкое развитие с утверждением в государстве капитализма. Наибольший рост его наблюдался в тех сельскохозяйственных районах, в которых

стали широко создаваться предприятия с наемной рабочей силой. И постепенно удельный вес кулаков в общей массе населения стал весьма значительным: к 1913 году их было 20 миллионов человек, что составляло около 13 процентов всех жителей государства. Однако экономический вес К. был значительно большим. В дореволюционной России он производил 50 процентов всего товарного хлеба.

К коммунистическому перевороту К. отнесся вполне лояльно: он дал ему (и всему крестьянству) то, что от него ждали — декрет о земле (25 октября 1917 года), ликвидировавший помещичье землевладение. Однако то, что для К. (и для всего крестьянства) было целью и концом революции, для коммунистов оказалось ее средством и началом. Они захватили власть не для того, чтобы освободить народ, а для того, чтобы построить новое общество для себя и создать, тоже для себя, нового человека. И повели себя в поверженной ими стране как иноземцы — силой и насилием стали тащить общество в коммунизм.

Конфликт между К. и советской властью стал неизбежным: она потребовала от него бесплатного хлеба — сперва для обеспечения пролетариата, а затем — для содержания многочисленной армии. И в 1918 году в стране вспыхнули восстания. Против большевиков выступили не только (и даже не столько) кулаки, но и все крестьянство, не желавшее, терпя голод и самоуправство, поставлять революции солдат. Крестьянские бунты захватили значительную часть сельских жителей, в отдельных районах в них участвовало от 40 до 60 процентов мужского населения, то есть их число было во много раз больше, чем могли поставить контрреволюции кулацкие семьи. Признать, однако, войну крестьянской деревни, которая требовала установления власти без большевиков, созыва Учредительного собрания, прекращения красного террора, против пролетарского города коммунисты не решились. Это означало бы конец мифа о народной революции, и они каждое выступление против своей власти, любое недовольство коммунистической политикой стали квалифицировать как "борьбу кулачества". Вот почему понятие К. в Советском Союзе никогда — ни в прошлом и не сейчас — точ-

но не определялось, что позволяло властям произвольно его расширять и манипулировать им.

В периоды гражданской войны (1918 – 1920 гг.) и коллективизации (1927 – 1930 гг.) говорилось о 10 – 12 миллионах кулаков (два-три миллиона крестьянских хозяйств), а когда накал классово-борьбы спадал, в годы нэпа, оказывалось, что кулаков в стране едва насчитывалось 6 – 8 миллионов (чуть больше миллиона хозяйств).

Неизменным, однако, оставался принцип: *"Враг – это кулак"*. Впрочем, когда коммунисты в 20-х годах приступили к проведению новой, более либеральной экономической политики, эта формула была несколько смягчена: *"Кулак – это враг"*. Инверсия оказалась не просто семантической, она имела важный политический смысл: раньше каждое выступление против коммунистического режима изображали и представляли диверсией К., теперь же – выборочно и только в случае особой необходимости.

К. по-прежнему оставался "лишенцем" – не имел политических прав и, не участвуя в общественной жизни, жил, не уверенный в завтрашнем дне. Но, выплатив государству продовольственный налог, он был вправе распоряжаться оставшимися продуктами по своему усмотрению – оставлять их в семье или продавать на рынке. Результат такой политики тут же сказался. 1922 год стал первым годом, когда страна впервые не только удовлетворила свои внутренние потребности в хлебе, однако стала его экспортировать, как до революции. Но не к возвращению к дореволюционным временам стремилась большевистская партия. Она не была создана для мира с народом, ее существование (и благоденствие) могло происходить и развиваться только за счет народа.

Система требовала жертв, и судьба К. была предрешена. В нем власть видела ненавистный признак старого мира – мира благополучного предпринимательства, и его было решено принести в жертву революции – во имя народного блага. В конце 1929 года советское руководство перешло от политики ограничения кулачества к его ликвидации как класса. В течение нескольких месяцев была сломлена и растоптана жизнь десятков миллионов людей. Поток гонений и унич-

тожения К. захватил и затянул в себя человеческие массы, к К. не имеющие никакого отношения, — добросовестно работавших крестьян, тяжелым трудом достигших некоторого благосостояния, и просто бедняков, имевших исправную избу и какую-то скотину на дворе. Для их социальной дискредитации и политического избиения нашли идеологический предлог — объявили пособниками кулаков. С этой целью изобрели новое, совершенно абсурдное понятие — "подкулачник". А поскольку у власти не было четкого представления, кто такой "кулак" и что такое "подкулачник", было решено ликвидацию К. проводить "не взирая на лица" — с помощью спускаемых сверху норм. Каждая республика, область, район получали проценты "раскулачивания", они колебались между пятью и семью процентами сельского населения, однако порой доходили до десяти и более процентов — это партийные активисты на местах проявляли свою революционную сознательность.

С конца 1929 года до середины 1930-го в стране было сослано и расстреляно более 300 тысяч крестьянских семей (полтора миллиона человек). В последующие месяцы, с появлением специальных инструкций (30 января и 1 февраля 1930 года), процесс "раскулачивания" стал нарастать. Тех, кто противодействовал социалистическим реформам в деревне, арестовывали и уничтожали в тюрьмах или отправляли в концлагеря. Крестьян, не оказавших активного сопротивления насильственному обобществлению хозяйств, ссылали в отдаленные районы страны на вечное поселение.

Их везли в нетопленных вагонах для скота и выбрасывали за тысячи километров от родных мест, в глухую степь или дикую тайгу, без пищи, средств и орудий производства. Одни, вгрызаясь в землю, добывали руду и уголь, другие — рубили лес и возводили электростанции, и все вместе — "строили коммунизм". Умирали сотнями тысяч, и в первую очередь — дети, женщины и старики. Это был первый в человеческой истории геноцид, обращенный не на чужой, а на свой собственный народ. Геноцид в условиях мирного времени, но он осуществлялся военными средствами — велся специальными подразделениями армии, силами мобилизованных

коммунистов и комсомольцев и по строгому стратегическому плану и с определенной целью. Вернее, целей было несколько.

Первая состояла в том, чтобы конфискацией кулацкого имущества создать материальную базу для организации колхозов — оно составило около 40 процентов их неделимых фондов. Вторая и, может быть, самая важная — была в том, чтобы, репрессируя наиболее предприимчивых сельских жителей, сломить бунтарский дух крестьян. Имелась и третья цель — уничтожение К. должно было служить предостережением для тех, кто проявлял независимость, не разделяя и не принимая политику властей, противодействовал им вообще, а в том конкретном контексте истории — отказывался вступать в колхоз.

Сталин сказал: ликвидировать кулачество как класс, и партия, понимая коммунистическую новоречь, восприняла слова своего вождя как указание физически уничтожить К. И он был уничтожен. Число жертв коллективизации составило 10 миллионов замученных или умерших от голода. Эта цифра точная — ее назвал Сталин в беседе с Черчиллем. Он не стыдился в этом признаться, ибо в социальном отношении ликвидации К. была успехом советского руководителя и системы — он смог утвердиться в Кремле, а она — успешно развиваться и осуществлять свои планы, только подорвав и сломив сопротивление крестьянства и монополизировав власть — не только политическую, но и экономическую.

“Государственное клеймо — “кулак” — повлечет многие беды: повышенное налогообложение, а может быть, даже и конфискацию имущества в порядке применения статьи 107 Уголовного кодекса РСФСР”. (“Литературная газета”, 13 июля 1988, с. 12.)

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ — в широком значении — слепое преклонение перед авторитетом, в узком — возвеличивание и обоготворение Сталина.

Исторически К. л. сложился в Советском Союзе в процессе перерастания советского режима из диктатуры партийного аппарата в диктатуру его правителей. Идеи К. л. и его черты — беззаконие, насилие, террор — были заложены в

эмбрионе коммунистической системы. Ленин уже у истоков ее становления утверждал: "Одна постановка вопроса — диктатура партии или диктатура масс — свидетельствует о невероятной путанице мыслей... Договориться до противоположности диктатуры массы диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость". (В.И. Ленин. Собр. соч., изд. 3-е, т. 25, с. 188.) А утвердившись у власти, он закрепил идею К. л. решением партийного (10-го — март 1921 г.) съезда, принявшего резолюцию, поставившую вне закона любую фракционную деятельность.

При Ленине (и Лениным) в стране стало откровенно насаждаться и распространяться раболепное отношение к коммунистическим вождям, прославлялись и возвеличивались их мудрость, прозорливость, принципиальность и твердость. Отсюда совсем недалеко было до образа человекобога Сталина. Такое представление о нем насаждали и утверждали многие из его окружения, друзья и враги: первые — из угодничества и тщеславия, вторые — из страха, из стремления удержать и сохранить ускользающую из их рук власть. Способствовал созданию культа исключительности и он сам — всемерно подчеркивал и проявлял свой авторитет, опыт, знания. Но то, что называют К. л. Сталина, не сводилось к действиям отдельных людей или его самого.

Это действовала история, советская история, которой для объяснения и оправдания ее цели — социализма — и бесчеловечных средств его построения необходим был авторитет высшего, абсолютного и совершенного разума. К. л. создавал и обслуживал такое мировосприятие — веру в реальное бытие сверхъестественного существа, великого (чуть ли не бессмертного), всеильного, всемогущего и всезнающего. Пустующее место свергнутого и попранного бога заняла не новая божественная личность — для этого ей не хватало трансцендентной сущности, а забытое тысячелетия назад языческое божество, которое вправе было безжалостно и беспощадно карать, наказывать и убивать. Произошла подмена содержания веры (христианскую религию сменила коммунистическая) и ее объекта. Новый бог (Сталин) в отличие от старого не проявлял любви и всепрощения, он был жесток, неми-

лосерден и недостижим в своем величии и неприступности. Он воскрес из диалектического материализма, как феникс из мглы забвения, и вместо христианских храмов, разрушенных им, воздвиг марксистские — мавзолей с мумией Ленина-отца на Красной площади и устрашающие монументы из бронзы и гранита ему и себе — его духовному сыну.

В развитых обществах христианство обогащалось философией освобождения личности, принципами справедливости, правды и любви. Это мироощущение не устраивало Сталина — советское божество, объявившее войну всем конкурирующим богам и попутно — всему человечеству. Извращена была вся ценностная система, понятия добра и порядочности — они оказались слишком абстрактны для Сталина. Основой его нравственного отсчета стала мораль, оправдывающая преступление и насилие, клевету и ложь. Ей были свойственны черты и дух агрессивности и противоборства. Человек, с его самобытностью, духовным богатством, исчез, осталась его функция — друг или враг, вплетенная в цепь "классовой борьбы с империализмом", за которой с высоты языческого тоталитаризма невозмутимо наблюдало верховное божество — Сталин.

Его боялись, почитали, боготворили, перед ним слепо преклонялись, ему внимали, но сам он оставался недоступным, был окружен ореолом таинственности, неопределенности, не входил в общение с массами, оставляя тем самым широкий простор для домысливания его образа. Стена недоговоренности вокруг Сталина, воздвигнутая для того, чтобы скрыть его интеллектуальную второсортность и несостоятельность, неожиданно стала предпосылкой и условием создания удивительного культа его личности. Недостаток сведений о нем порождал легенды и мифы, необычные, невиданные и неслыханные. Ему приписывались способности и дарования во всех мыслимых сферах человеческой деятельности — в политике, в военной стратегии, в промышленности, в сельском хозяйстве, в науках, искусстве и поэзии. В его честь писались и складывались музыкальные кантаты, симфонии, поэмы и стихи, которые открывались верноподданническими посвящениями, подобострастными до самозабвения — такими как это:

”Единственному другу — предводителю народов... от ничтожного поэта, преданного народу” (Избранные страницы армянской литературы. Госиздат, 1946, с. 1004).

И предметом возвеличивания становился не реально существовавший Сталин, а его образ, запечатленный в бюстах и изображениях, дававший безграничный простор для фантазии и воображения, в которых человеческая неудовлетворенность искала и находила веру в лучшую и более справедливую, чем советская, жизнь. Отсюда, из этих истоков, вытекали каскады бурного и необузданного прославления Сталина. Он рисовался гением всех времен и народов и пламенным защитником и спасителем ”угнетенных”. Под стать образу подбирались и краски. Их семантическое поле передавали такие слова, как ”вождь”, ”отец”, ”брат”, которые дополняли выпренные определения: немеркнущий, лучезарный, мудрый, светлый, могучий, храбрый и т. д. И официальной пропаганде оставалось лишь ”подкармливать” этот идеал, внося в него время от времени дополнения и изменения.

В Советском Союзе существовала социальная потребность, некая витальная необходимость в Сталине: он, осязаемый и ощутимый в граните и на холстах, был более жизненен, чем усердно и безуспешно прививаемое представление о ”светлом будущем”. Он, единственный, казалось, излучал свет во мраке безысходного настоящего и неопределенного будущего, и он один в состоянии был указать правильную дорогу к коммунизму.

К. л. Сталина стал строго разработанным ритуалом советского общества: здания, парки, шоссе, площади городов украшались портретами ”отца народов”. Партийные конференции, пленумы начинались и заканчивались приветствием Сталина, выражением любви, преданности и почтения к нему. Под бурные и ”долго не смолкающие” аплодисменты Сталина избирали в президиум совещаний, собраний и митингов.

Скачок советского народа (а с ним и всего человечества), однако, из ”царства” необходимости в ”царство” свободы так и не состоялся. Слепая необходимость в облике Сталина оказалась чуждой и враждебной людям силой, она обошлась им в десятки миллионов жертв. А оставшихся в жи-

вых стремилась низвести до животного состояния. И не только тем, что закабалила и намертво привязала их к земле и производству. К. л. разлагал и разрушал их изнутри. Нарекая Сталина "великим" и "всесильным", советский человек признавал свою убогость и слабость; провозглашая его "отцом", он становился "сыном", безгласным и покорным; считая его гением, он отводил себе участь ничтожного винтика. Признавая его предводительство, он показывал духовную и нравственную зависимость от него, в которой неожиданно обнаружил для себя известное удобство — удобство раба: чувство безопасности и внутреннего спокойствия. Заданность поведения освобождала его, лично неразвитого, от ответственности. И он становился соучастником преступлений: преодолевая неполноценность, писал доносы и вливался в шеренги борцов с "врагами народа".

Живительным К. л. оказался и психологически. Он действовал как незримый призрак, который выступал и проявлялся многочисленными подсознательными страхами человека — не говорить лишнего, не доверять ближнему, не проявлять инициативы.

После смерти Сталина борьба за власть в СССР потребовала отказа от К. л. и привела к восстановлению некоторых форм коллективного руководства. Хрущеву для утверждения в Кремле потребовалось место в партийном пантеоне, занятое его предшественниками. Потеснить Ленина было опасно, так как могла пошатнуться и рухнуть вся социальная конструкция государства. И наступление повелось им на Сталина, оно началось с призыва вернуться назад, к подлинному социализму, и завершилось обещанием соблюдать нормы демократии и справедливости. Попутно, в ходе разоблачения К. л. и выявления его преступлений, была сметена и разгромлена оппозиция. Но социальные причины К. л. не были ликвидированы, и режим партийного аппарата остался нетронутым.

Коллективное руководство выявилось как переходная форма правления и лишь для того, чтобы выделить из среды партюкратии правителя с той или иной степенью единовластия. Периоды "коллективного руководства" в Советском

Союзе никогда не были длительными, они продолжались несколько лет и сменялись декадами К. л. Хрущева, Брежнева и теперь Горбачева. Так что ограничивать понимание К. л. критикой личности Сталина — значит подменять сущность советского режима его видимостью.

Сталинщина — не производное от Сталина, а естественное следствие коммунистической системы, и К. л. — одна из разновидностей (и кульминация) безличного идеологического культа коммунизма. Советские руководители являются средоточием, но не источником культового напряжения. Культ может проявлять себя и без личности — в виде вечно живущей идеи, "изменяющей и преобразующей" мир. Ее метаморфозы в условиях социалистического общества безграничны, и сталинская персонификация — одна из возможных, а никак — не единственная. Существовал маоистский К. л., успешно утвердил себя К. л. Ким Ир Сена, Чаушеску, оказалась возможной интермедия К. л. Андропова и Черненко, не исключены и даже вероятны зигзаги К. л. Горбачева.

К. л. питается советской действительностью, ее традициями и нравами. И находясь под постоянным официальным давлением, общество, взращенное этой действительностью, руководствуется не разумом, а инстинктами. Весь его мир, явления реальные и кажущиеся, пропитываются идеологией, питающей одинаковый набор окостеневших шаблонов и штампов — таким образом, что его руководители (при жизни) представляются "великими", "стойкими", "непоколебимыми", "принципиальными", "мужественными". Они надеются "революционным опытом", "гениальным предвидением", "мудростью", утверждается, что их имена и дела будут "вечно жить" в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества" (из некролога Брежневу, Андропову, Черненко).

Эти выражения, однажды вошедшие в политическую лексику, живут долго. И очередной советский правитель, поначалу избегающий напыщенного словословия, укрепившись и утвердившись у власти, отдает дань собственному восхвалению и восславлению. Пропагандистская машина тщеславия и лицемерия, в первые годы его правления работающая на ма-

лых оборотах, постепенно запускается на полную мощность. И в различных публикациях начинает расти количество цитат "вождя", увеличивается продолжительность оваций, которыми его встречают и провожают, множится число наград и размер его портретов. И советская история в очередной раз возвращается к К. л., всесильному и непреодолимо-му, так как он является (и всегда остается) мистическим обоснованием права коммунистов на власть.

К. л. — это социально-психологический облик советской государственности: наделение партийного руководителя сверхъестественными способностями есть одна из форм существования и проявления мифа о безграничных возможностях социализма. Неудивительно поэтому, что тень Сталина, мрачная и тяжелая, нависла и над горбачевской эпохой. И совсем не как история, которую хотят преодолеть, а как воплощение структуры власти, которую стремятся утвердить. И поэтому не случайно в политическую реформу, проводимую в настоящее время в СССР, была искусно вмонтирована идея режима личной власти, она выявилась в формуле совмещения партийных и государственных должностей — от генсека до секретаря райкома. Политико-генетический код К. л. не меняется, он лишь пристраивается к образу нового советского руководителя. А извечная советская проблема "что делать?" оказывается в очередной раз подмененной вопросом — "кто виноват?". Виноватым за распад общества оказался Сталин, без его разоблачения оказалось невозможным преодолеть застой и стагнацию системы. Но советские власти не решаются увидеть в личности и преступлениях Сталина ее отражение и ее порочную сущность.

Половинчатость такого подхода к К. л. делает очевидной половинчатость предпринимаемых Горбачевым реформ, в них отчетливо проявляется стремление сохранить презумпцию непогрешимости партии и попытка заложить фундамент для нового культа — собственного. Первые его идеологические блоки уже монтируются в советском языке: перестройка определяется как горбачевская и указывается, что она цементируется разработанным им "новым политическим мышлением". С "просветительства" начинался и К. л. Сталина. Но

он проявлял и утверждал себя более однозначно и прямолинейно — по уставу караульной службы: шаг влево, шаг вправо — стреляем.

”Бесспорно, в прошлом было немало идеологов, которые помогали утверждаться культу личности Сталина... Подкладывали разного рода ”аргументы” для практики самовосхваления квасного патриотизма”. (“Дружба народов”, № 6, 1988, с. 195.)

”Л”

”ЛИШЕНЕЦ” – человек, ограниченный в гражданских и политических правах.

Понятие отражало закрепленное в первой советской конституции, принятой в 1918 году, неравенство людей перед законом. И формула была настолько широка и неконкретна, что позволяла подводить под категорию Л. всех лиц, ”живших на нетрудовые доходы или прибегающих к наемному труду”: частных предпринимателей и торговцев, служителей религиозного культа, дворян, крестьян, имевших в своем хозяйстве хотя бы одного помощника или нанимавших его на сезонные работы.

Ограничения касались не только самого ”Л.”, но распространялись и на членов его семьи, которые теряли возможность учиться в высших учебных заведениях, лишались продовольственных карточек и ограничивались в избирательных правах. В результате многие сословия советского общества на долгие годы, вплоть до 1936 года, утрачивали социальную мобильность и не в состоянии были вырваться из унижающих классовых отношений.

”Лишенец – до принятия Конституции 1936 года – человек, принадлежащий к эксплуататорским классам, политический противник советской власти, лишенный избирательных и других гражданских прав”. (С.И.Ожегов. Словарь русского языка. М., 1960, с. 318.)

”М”

МАФИЯ – тайная преступная организация, использующая в своей деятельности шантаж, насилие и убийства и тесно связанная с руководством государства, прокуратурой и судебными органами.

В советском представлении М. существует только в странах Запада, главным образом – в Италии и Соединенных Штатах. Подобное восприятие М. до такой степениросло и утвердилось в советском сознании, что при ее упоминании в нем сразу же возникает капиталистическая система – в том виде, как она понимается и рисуется коммунистической пропагандой: коррумпированная и террористическая. По отношению к советской действительности допускается использование понятия М. только в переносном значении, при изобличении ее частных пороков и недостатков – протекционизма, корпоративных интересов и т. д.

М., однако, не выразительный образ, а широко распространенная реальность советской жизни. Ей в Советском Союзе присущи и свойственны те же черты, что и в свободном мире. С одной только особенностью – советское общество в отличие от западного не имеет внутреннего защитного иммунитета против М. Религия находится в состоянии глубокого упадка и разложения, нравственность глушится и размывается идеологическим релятивизмом, ставящим коммунистические средства выше общечеловеческих ценностей. Механизмы социального контроля парализованы тоталитарным характером режима, основанном на произволе и насилии. И параллельно политической пирамиде власти возникает и ос-

новательно монтируется пирамида М. — по ее модели и подобию.

М. в СССР сложилась и сформировалась в последние десятилетия, так что она вполне может рассматриваться как специфически советское явление — продукт социалистической эпохи. Ее не было до революции. Царская Россия сумела "подняться" только до профессиональной преступности — не больше. Она дала обществу яркие фигуры колоритных мошенников, квартирных воров, шулеров, казнокрадов. Но преступность в ней не сочеталась с государственной коррупцией. Не было ее и в первые годы советской власти. Воровские шайки и разбойничьи банды создавали ряд захватывающих социальных (и литературных) сюжетов, но до уровня организованной преступности не дотянулись, не сумели проникнуть в государственный аппарат. Имели место лишь разрозненные случаи подкупа советских чиновников, которых удерживала от коррупции не революционная сознательность, ее не было, а неразвитость производственных отношений социализма. Создаваемый им прибавочный продукт был столь немог и убог, что не в состоянии был подкармливать и питать М.

Удерживал ее развитие и сталинский режим. Массовый террор и всепроникающий страх не способствовали возникновению коррупции "белых воротничков", хотя они не препятствовали развитию и распространению профессиональной преступности, по отношению к которой они были весьма терпимы, а порою — снисходительны. Существовала некая общность интересов политической преступности с уголовной. Это, в частности, выразилось в особом, привилегированном положении воров в тюрьмах и колониях. Им позволили взять на себя внутреннее управление бурно развивающейся лагерной системой, которой они охотно и с удовольствием служили: работали охранниками и воспитателями. Они советской власти были ближе, чем неугодившие ей рабочие, крестьяне и ее собственные руководители.

Уголовники чутко улавливали веяние советского времени: не вмешивались в политику и в своей среде копировали и устанавливали его неумолимые законы. Жестоко расправ-

лялись с "инакомыслящими" и создавали видимость коллективизма — собирались на воровские сходки и открывали кассы взаимопомощи. Уголовники в Советском Союзе, в сущности, — самые независимые люди в государстве. Они не испытывали тех трудностей, что выпадали на долю простых людей; им неведома была безработица, они не ощущали голода, лишений, и им не грозила, по крайней мере, в своей среде, опасность пострадать за неосторожно сказанное слово. Был более терпим к ним и уголовный кодекс — они редко приговаривались к расстрелу и чаще других подпадали под амнистию.

С произволом, разумеется, невозможно было смириться, но к нему можно было приспособиться. И как только хозяйственная жизнь в стране начала налаживаться и выправляться, появились первые признаки М. Это произошло после Второй мировой войны — таков был "опыт" первого соприкосновения советского общества с внешним миром. Способствовало развитию М. и изменение в направленности государственного террора. Ему с трудом удавалось перемалывать многомиллионные новые жертвы — сперва народы (хотя и "малые" — ингушей, балкарцев, крымских татар, калмыков и других), а затем солдат, возвращавшихся из фашистского плена. До хозяйственных преступников не дотягивались "государственные руки", и М. отважилась выйти из подполья. Она еще была молода и несовершенно, слабо организована, примитивно сколочена, ее отдельные звенья самопроизвольно создавались и стихийно распадались, а годовой оборот измерялся смехотворно малой (по сегодняшним понятиям) суммой — в несколько сотен миллионов рублей. Окрепла, возмужала и стала социальным явлением она уже после смерти Сталина. И тогда у нее впервые появились известные (хотя еще не общепризнанные) авторитеты — Рокотов и Файбищенко.

Еще через десять лет М. окончательно поднялась и вышла на поверхность жизни и заявила о себе открыто. Награбленных миллионов перестали стыдиться и прятать, их смело вкладывали в многоэтажные особняки, роскошные дачи, заграничные автомашины, ценности. Деньги из общественного

бюджета свободно перемещались и переправлялись в частные руки — в подпольные цеха и фабрики. В них перекачивались значительные сырьевые ресурсы. Так появилась в Советском Союзе новая элита, миллионеры советской формации — "цеховики", руководители и организаторы "второй экономики".

Своеобразно среагировал на них уголовный мир — он активизировал преступность. Подпольные миллионеры стали объектом нападений организованных гангстерских групп, которые поджигали принадлежавшие им дома, дачи, автомашины, их шантажировали, пытали, похищали. Пока не заставили делиться доходами. С тех пор огромные суммы денег начали перетекать в уголовную среду — в таких размерах, каких она за всю свою советскую историю никогда не знала. И они сразу изменили ее облик — сделали утонченным, изысканным, у нее появились общепризнанные руководители, содержащие многочисленный штат охранников и боевиков.

"Черный" бизнес и гангстеры встретились в противоборстве и в противоречии, но сошлись они, в конечном итоге, в мире. Взаимопонимание между ними было достигнуто в середине 70-х годов на съезде, состоявшемся на Северном Кавказе: "цеховики" согласились платить "блатным" десять процентов своих доходов, а те — их охранять и подстраховывать. И преступный мир, сплотившись, повел совместное наступление на бюрократию — стал покупать и развращать ее, требуя взамен защиты от закона и нелегального сырья для подпольного производства. Так в Советском Союзе завершилось формирование М., вобравшей в себя три пласта организованной преступности. Ее производственную сферу — основу, в которой делались многомиллионные состояния, составлял "черный" бизнес, тысячи цехов "второй экономики"; снизу ее защищали гангстеры — специальные бандитские формирования, а сверху — прикрывал партийный и государственный аппарат.

Соотношения и функции различных "этажей" М., однако, не оставались неизменными. "Верхи", не довольствуясь статусом пассивного покровителя преступности, часто выступали ее инициаторами и организаторами. Создавали подполь-

ные предприятия и сбивали банды, искусно скрытые и замаскированные в аппарате власти, хищные, алчные, которые занимались куплей-продажей государственных назначений, собирали и передавали взятки, распределяли подношения. Не желали замыкаться в себе и "низы" — блатной мир, которого явно не устраивала участь "сторожа" М. Он требовал и добивался "перераспределения ролей": отодвигал от рычагов управления экономикой "цеховиков" и подчинял своей воле и диктату правительственную элиту.

Продажные государственные чиновники (а продажными они были почти все), даже самые высокопоставленные из них, члены и кандидаты в члены Политбюро — Алиев, Кунаев, Рашидов или даже министр внутренних дел Щелоков — не были главарями М., они имели вес и пользовались влиянием только в своем кругу, среди своих подчиненных. Руководители же М. не считали их равными себе. Их услуги щедро оплачивались — счет здесь шел на миллионы, — но их заставляли выполнять сомнительные и унижительные поручения — уводить от наказания или вытаскивать из тюрем "цеховиков" и мафиозников. Кнут и пряник, подкуп и шантаж используются М. успешно и умело: она, не считая денег и не скупясь на расходы, подсылает своих людей и проституток к отпрыскам самых высших руководителей, приучает их к наркотикам и картам, соблазняет и искушает их жен. И "улов" М. всегда оказывался успешным — самыми крупными "рыбками" в нем были дети и зять Брежнева, и не исключено, что и он сам.

Сила и влияние М. в Советском Союзе во многом основывается на блатном мире, главные орудия которого не убийства и запугивания (хотя они ими отнюдь не гнушаются и смело устраняют тех, кто ему мешают), а власть денег. Они в огромных размерах из "второй экономики" стекаются и скапливаются в его кассе — "общаке". Ими оплачиваются милиция и прокуратура, подкармливаются партийные и советские работники. Они рассчитаны и на внутренние нужды — на взятки администрации тюрем и лагерей, снабжение наркотиками и водкой заключенных, поддержание их семей. Идут они щедро и на лечение и отдых освободившихся уголовни-

ков, на приобретение для них одежды, квартир, подыскиваемые работы. И, конечно же, они предназначены для капитальных вложений, вкладываются в подпольные производства, а в последнее время — в кооперативы.

Изменился не только характер деятельности блатного мира, но и облик его представителей. Сегодня они не имеют ничего общего с "героями" 20 — 30-х годов, подозрительными ворами "в законе" — неопрятными, небритыми, с надвинутыми на глаза кепками и с зажатыми в уголках губ сигаретами и финкой за голенищем хромовых сапог. Теперь "блатные" ничем не отличаются от добропорядочных интеллигентов, инженеров или ученых, разве что они более модно и с большим вкусом одеты, учтивы, корректны и исполнены достоинства.

Под стать им вся М., которая отстроилась как вполне советское учреждение. Ее характеризует прочная структура, четкая организация и жесткая иерархия: руководители (их насчитывается в М. от двух до трех тысяч), хранители кассы и боевики. Прекрасно налажена в ней агентурная сеть, простирающаяся на различные уровни власти — в прокуратуру, в милицию, в суд, в систему государственно-партийного и хозяйственного управления. Ее щупальцами опутана наука и захвачено искусство. И в этом она ничем не отличается от М. на Западе. Уступает она ей, пожалуй, только в одном — ее интернациональные связи недостаточно развиты и налажены (из-за закрытости советских границ), и имеются некоторые трудности с "отбеливанием" капитала, так как банковское дело в Советском Союзе монополизировано государством. Но в последнее время и здесь наметился "прогресс". Политика перестройки позволила советской М. принять участие в международной торговле наркотиками и создала возможности для легализации ее средств через кооперативные производства.

В настоящее время организованная преступность в СССР находится на трех стадиях развития. На первой, низшей, — действуют группы, еще не вышедшие к этапам власти. На второй — уже налаживаются контакты с государственным аппаратом, но еще не носят регулярного характера. На треть-

ей — сложились формирования, вобравшие в себя преступные структуры, действующие и в сфере власти, и в экономике, и в уголовном мире.

Это мощные организации, действующие по сетевой системе: сильные и развитые руководят деятельностью менее сплоченных и влиятельных — их число в стране колеблется между тремя и четырьмя тысячами. И в каждой существует сложный характер соподчинения, имеется определенный "табель о рангах". Каждый клан имеет свою территорию и контролирует определенную сферу деятельности — "вторую экономику" или проституцию, рэкет или азартные игры и т. д. Стремления к их слиянию пока что не наблюдается, хотя между ними отмечаются постоянная координация и взаимодействие. Отчетливо заметно также втягивание их в политическую борьбу. Они все более настойчиво отодвигают номенклатуру от рычагов управления страной. И помогает им в этом, как это ни парадоксально, она сама, тщеславная и алчная.

Для ее ублажения и подкупа М. постоянно содержит номера-люксы в лучших гостиницах, в которых "угощают" не только дорогими блюдами, но разлагают дармовыми кокотками, "случайными" выигрышами в преферанс и откровенными взятками — всегда многотысячными. Удовольствие, роскошь, нега для номенклатуры становятся важнее власти. М. же, отъевшуюся на черном капитале, все больше волнует и интересует власть. Но не столько как самоцель, сколько ее возможности — почет, влияние и слава. И в этом она не терпит ущемлений.

По итогам состоявшихся в СССР несколько лет назад Олимпийских игр, большую группу ответственных работников, и среди них видных и активных деятелей М., награждали орденами. В последний момент выяснилось, что вручение наград состоится в Моссовете. М. возмутилась — это не соответствовало ее представлениям о достоинстве и чести, и награждение состоялось в Кремле. Решение об этом принималось на самом верху — в Политбюро и основывалось на известном принципе М.: "За все нужно платить". И М. не поскупилась — сумма взяток исчислялась многими миллионами, ко-

торые осели в карманах секретарей ЦК (они поступали к ним прямо или через их ненасытных домохозяек).

Пока номенклатура имела возможность свободно эксплуатировать "вторую экономику", извлекая из нее многомиллионную прибыль, она могла позволить себе не смешиваться с уголовным миром. Положение изменилось с приходом к власти Горбачева. Развернутая им борьба с коррупцией захлопнула перед нею многие двери обогащения. Необходимо было искать новые каналы подкармливания (и подпития), и она нашла их, встав непосредственно на службу М.

Она оказалась еще более зависимой от нее, когда новым генсеком было снято табу с ее неприкосновенности. Это подтолкнуло ее искать поддержку и защиту у М., которая не скупилась на средства, в том числе и убийства, чтобы удержать ее влиятельных (и верных ей) представителей у власти. В благодарность номенклатура одаривала руководителей М. почетными степенями и званиями, удостоивала высокими наградами и проталкивала к управлению государством. В итоге во многих регионах страны — Азербайджане, Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, Краснодарском крае — исполнительная власть оказалась в руках М.

Преступное перерождение захватило все слои советского общества — его успешно питали различные социальные проблемы: безработица, скудность и безысходность жизни. Каждый день тысячи людей в Советском Союзе делают шаг навстречу М., проворачивают незаконные операции, запускают руки в государственный карман, начинают играть в карты, становятся сутенерами, проститутками. Самые способные, динамичные из них, осмотревшись и освоившись, очень скоро находят себя в преступном мире. И если повезет, начинают подниматься по его ступенькам. А хватит ума, силы, жестокости, то со временем начнут управлять различными узлами М., хозяйственными или политическими, будут откровенно глушить механизмы социального контроля, наслаждаться влиянием и богатством.

М. идет навстречу советской жизни уверенно, не стесняясь и не таясь. В мозаику советской жизни стали вписываться многочисленные демонстрации М., пышные, торжественные свадь-

бы, шумные загулы в ресторанах. И еще — самое необычное — похороны ее боевиков. Они стали своеобразными зрелищами ее сил. Улицы и площади заполняют тысячи людей, которые съезжаются из многих городов. Мужчины в светлых шляпах, в наглухо застегнутых черных пальто и в белых сапогах на высоких каблуках, на манер чикагских гангстеров 20-х годов, и женщины, затянутые в кожу или облаченные в норковые шубы. Напоказ выставляются сотни венков, а красные гвоздики разбрасываются на каждом повороте дороги — по пути шествия похоронной процессии.

Наблюдая за этими шествиями, происходящими в полном презрении к органам правопорядка, советский человек не может не задуматься — сумеют ли власти одолеть М. Полвека назад сомнения бы не существовало — расстреляли бы тысячи людей, связанных с М. (и столько же к ней не имеющих отношения), и сняли проблему. Сегодня же ее решение не кажется столь бесспорным: для того, чтобы одолеть М., советским руководителям необходимо демонтировать многие блоки социальной системы социализма, питающие и поддерживающие ее.

“Всего пять лет назад... вопрос о существовании мафии в нашей стране заставлял руководителей МВД в СССР удивленно поднимать брови и покровительственно усмехаться: “Что, детективов начитались?”” (“Литературная газета”, 20 июля 1988, с. 13.)

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ — принцип отказа от войны как средства решения международных проблем.

В идее М. с., выдвинутой Лениным в качестве альтернативы мировой коммунистической революции, проявилась непоследовательность и двойственность советской политики. С одной стороны, М. с. признает за народом право самостоятельно решать свою судьбу и свидетельствует об уважении к суверенитету и территориальной целостности государства, с другой — оно многие годы считалось в Советском Союзе одной из форм классовой борьбы. Противоречие, заключенное в концепции М. с., преодолевалось и диалектически. Расширением понятия М. с. принципом “интернационализма”, который, оправдывая вмешательство Советского Сою-

за во внутренние дела различных государств, инспирировал "освободительные" войны. И одновременно — ограничением содержания М. с.: оно не распространялось на идеологию, сферу, в которой "вправе" было вести психологические войны.

Лицемерный характер М. с. раскрыт в известной формуле "ленинской веревки", которую вождь русской революции завещал своим наследникам: в политике необходимо лавировать и маневрировать таким образом, чтобы заставить капиталистов свить и дать коммунистам веревку, на которой коммунисты их повесят или на которой они повесятся сами. "Капиталисты всего мира и их правительства в погоне за завоеванием советского рынка закроют глаза на указанную выше действительность и превратятся, таким образом, в глухонемых слепцов. Они откроют кредиты, которые послужат нам для поддержки коммунистической партии в их странах и, снабжая нас недостающими у нас материалами и техникой, восстановят нашу военную промышленность, необходимую для наших будущих победоносных атак против наших поставщиков. Иначе говоря, они будут трудиться по подготовке их собственного самоубийства" (Ленин).

Наследники Ленина оказались хорошими учениками: расширяя экономические связи с Западом, развивая с ним торговлю и получая от него огромные кредиты, они "сплели" для свободного мира мощную ракетно-ядерную "веревку". Но вот подтянуть ее и подвесить на ней "мировой капитализм" они оказались не в состоянии. В процессе длительной холодной войны с ним была подорвана экономика советской страны и пришла в упадок его социальная и духовная жизнь. Коммунисты не сумели "переварить" даже страны, попавшие в сферу их влияния и притяжения. И совсем не под силу оказалась им гонка вооружения в космосе: она таила опасность отбросить технически отсталый, экономически неразвитый Советский Союз в разряд второстепенных держав. И тогда решили в Москве вновь оживить политику М. с.

Советские руководители учли, что для Запада не прошел бесследно трагический опыт прошлого М. с., насыщенный кровопролитными войнами и "урегулированием" во Вьетнаме, Камбодже, Эфиопии, Анголе, Никарагуа и Афганистане.

И подготовили необычную версию М. с., упакованную в оболочку нового политического мышления. Прежде всего они освободили его от идеологической нетерпимости — был выдвинут лозунг "Интерес выживания — общий для всего мира", и в нем явно просматривается отход от классического ленинизма, ставившего классовые цели выше общечеловеческих. Затем они предложили рассматривать планету и ее население как нечто единое и неделимое и призывали государства в их внешней политике не замыкаться и не ограничиваться национальными задачами.

Следующим шагом от Ленина был их отказ от образа врага. Переосмыслено было ими и учение о постоянном противоборстве социальных систем, которое подводило их к мысли о неизбежности победы социализма над капитализмом. Более того, самая формулировка "победы социализма" была признана несовершенной — в ней усмотрели оттенок непримиримости и фанатичности. И призывали относиться к политическому разнообразию мира как к богатству всего человечества. Отсюда следовал вывод — войны не могут и не должны рассматриваться средством насаждения революции.

Это, возможно, самое глубокое отступление от ленинского толкования М. с., выводится — и это весьма примечательно — не из теории "научного коммунизма", а из философии великих мыслителей 18-го века. Симбиоз марксизма с просветительством неожиданный, но он может оказаться благотворным для человечества, если не приведет Горбачева и его последователей к такой борьбе за мир, в результате которой от него не останется камня на камне.

"Депутаты высшего органа власти во время личных контактов с парламентариями других стран, делегации Верховного Совета на международной арене последовательно защищали идею мирного сосуществования государств, разоблачали устремления агрессивных кругов США и их союзников". ("Известия", 19 декабря 1983, с. 1.)

МОЛОДЕЖЬ (советская) — социально-демографическая группа людей, находящаяся в промежуточном возрасте между юностью и зрелостью, обладающая определенным общественным статусом и занимающаяся конкретной деятельностью.

М. до самого последнего времени в Советском Союзе не признавалась самостоятельным общественным слоем, в ней видели группу людей переходного возраста — и не более. Ее не определяли и в социальных понятиях, ограничиваясь поверхностными психологическими характеристиками: быстро нарастают индивидуальные различия, появляется потребность в близости с другими людьми. И старались не замечать то, что для М. характерна особая мотивация поведения, склонность к самоанализу, стремление к быстрым и оптимальным действиям и реакциям. Не замечали, что ее меньше, чем взрослых, заботит материальная, экономическая сторона жизни, комфорт, безопасность.

Не было в советской стране и все еще нет целостной и достоверной картины молодого поколения. И причин тому было, по крайней мере, две. Первая и объективная. Совсем не просто измерить, описать, объяснить огромное множество процессов и явлений жизни 64 миллионов юношей и девушек в возрасте от 14 до 30 лет, различных профессий и более чем 100 национальностей. Вторая причина — власти не заинтересованы в глубоком понимании М. Они догадываются, что эта проблема вынесет на поверхность жизни вопросы, на которые у них нет убедительного ответа, — о смысле жизни, о будущем облике страны. И сложилось положение, при котором нельзя сказать, что в СССР ничего не знают о М., но невозможно утверждать и обратное — что знают о ней достаточно много.

Разговор о М. в Советском Союзе сводится к стереотипу: "молодежь у нас хорошая", а в последнее время, в связи с перестройкой, стереотип этот перевернули и выяснилось, что "молодежь у нас плохая". Первого, оптимистического мнения придерживаются 84 процента советских людей ("Агитатор", № 7, 1988, с. 8). На первый взгляд кажется — совсем не мало. Но в действительности примечательно другое, что 16 процентов населения нашло в себе смелость заявить, что разочарованы М. Этот ответ отражает недовольство ее идеализацией, когда вокруг нее создается обширная зона умолчания — не замечается ее наркомания (10 процентов), умалчивается проституция (15 процентов), аполитичность (30 про-

центров), национализм (35 процентов), эгоизм (36 процентов), отсутствие цели в жизни (40 процентов), пассивность (46 процентов), потребительство (51 процент) и т. д. (См.: "Агитатор", № 7, 1988, с. 9.)

Советское общество постепенно и с трудом расстается с иллюзорным видением М. и начинает понимать ее противоречивый и сложный характер. Это происходит с большим опозданием, на пороге 21-го века, хотя молодежные противоречия в стране стали проявляться и нарастать значительно раньше — в 50-е годы. Тогда, как и сейчас, полагали, что советская М. "бесится от сытости" — оттого, что ей нет необходимости рано идти на работу и зарабатывать на хлеб: "оттого пьют водку и скупают вещи" — еще один советский стереотип. Советская М. действительно бунтует ("бесится"), но не от сытости (ее особенно нет и не было в советском обществе), а от духовного, интеллектуального и эмоционального голода, она не находит целей и идеалов, ради которых стоило бы жить и умирать. И выход видится ей в бегстве от общества.

Власти пытаются обуздать ее устрашениями, ограничениями и запретами — бессмысленно: во все времена М. была в порыве к риску, к остроте и свежести ощущений. Стремится к этому и советская М., но проявляет и утверждает себя весьма своеобразно и уродливо.

Молодые люди объединяются в банды, терроризирующие жизнь городов. Дрались в СССР всегда — двор с двором, квартал с кварталом, дрались без особой вражды, до первой крови и скоро замирялись. За долгие годы драки стали неотъемлемой чертой советской жизни, ее традицией, достопримечательностью. Через драки в известной степени проходило возмужание не одного советского поколения. И города в общем могли спать спокойно. "Пробуждение" наступило в 70-х годах, когда в рабочих районах, а затем и во всех остальных, стали создаваться вооруженные банды, блокирующие улицы и расправляющиеся с прохожими, жестоко, безжалостно, а иногда — зверски избивали железной арматурой, калечили цепями, умело и профессионально манипулируя ножами и штыками.

В каждом городе расправляются по-своему: одни — орудут ночью, под покровом темноты, другие — при свете дня, натянув на лица капроновые чулки-маски. И для всех характерна дисциплина, организованность, сплоченность и необъяснимая ненависть к чужим. И еще — преданность членов банд друг другу. Они придерживаются старого мушкетерского принципа: "Один за всех, все за одного". И в нем, возможно, лежит объяснение их поведения. В советском обществе при социальной незащищенности каждого в этом девизе молодые люди стремятся найти себя, выразить и утвердить.

Советское общество на вызов М. ответило в полном соответствии со своими принципами — стало создавать "альтернативные" оперативные отряды комсомольцев. Они были задуманы для защиты граждан, но скоро сами стали попираť закон. Для подростков многих городов был введен комендантский час, и после девяти вечера они стали загоняться в дома. Оперативные отряды следили за порядком, патрулировали по улицам и параллельно устраивали обыски, составляли списки подозрительных, то есть, вырождаясь, они выполняли задачи милиции. Противясь М. с позиции силы, они, превратившись в силу, чуждую ей, потеряли ее поддержку.

Молодежные банды в СССР пока что не сомкнулись с организованной преступностью, но явно испытывают ее влияние. Воры в законе, уголовники-рецидивисты пытаются подчинить себе различные молодежные образования и очень часто воспроизводят и создают себя в них. М. же привлекает в них показная романтика их жизни, ее кажущаяся независимость и солидарность. И по мере того, как в советском обществе распадаются традиционные социальные связи, возникают и формируются группировки — они проявляют и утверждают себя на обочинах социалистического общества и внутри его.

Их размах и сила зависят от процессов, происходящих в государстве. Так, по мере усиления в нем центробежных традиций и выброса многомиллионного сельского населения в города, часть М., оказавшись вне социального контроля, начала искать выражения в преступных шайках. Общество же было не в состоянии предложить ей достойной альтер-

нативы и стало еще больше ограничивать ее свободное время занятиями, сокращать число освобожденных от воинской службы и в "добровольно-принудительном" порядке привлекать к работам, которыми "взрослые" заниматься не желали. Такое поприще личностной свободы представляется в СССР "трудовым воспитанием", но воспитывает оно не любовь к обществу, а отчуждение от него.

Советская М. не видит связи труда с характером жизни — хорошо зарабатывают совсем не те, кто много и тяжело работают. И "вкальвает" она от безысходности, серости существования, отчаяния или для того, чтобы заработать стаж для поступления в вуз. Власти пытаются переключить ее энергию на "периферию" общественной деятельности — на защиту окружающей среды и охрану памятников старины. М. идет на "приманку", но бросает им вызов — требует социальных изменений, на которые они не готовы и не способны пойти. И власти прибегают к защитной реакции — позволяют М. больше и дольше учиться, задерживают ее гражданское созревание, усиливают инфантильность.

В советском обществе последнее время насаждают демократизацию, но само оно по отношению к М. по-прежнему остается антидемократическим, диктует ей, как и в чем ей необходимо "перестроиться", продлевает сроки обязательного обучения, насильственно рекрутирует в армию, посылает на "стройки коммунизма". М. усваивает лицемерие общества и щедро возвращает ему свои долги в виде "молодежных проблем", развивая в себе двуличие, ханжество, фарисейство, безответственность. Короче — советское общество получает такую М., которую оно делает, но не такую, которую хотело бы сделать. Отсюда — его претензии к ней и недовольство ею.

Стремясь завоевать расположение М., власти заигрывают с ней, задабривают ничего не стоящими комплиментами — такими как: "Роль М. в советском обществе увеличивается". Утверждение это совершенно необоснованно. В советском обществе падает не только численность М. — в связи с сокращением ее рождаемости, но и доля и значение ее в социальной деятельности. Значительно "постарела" советская наука,

количество в ней молодых людей за последние десятилетия сократилось в три раза. Сдала свои позиции М. и в сфере государственного управления – состав его руководящих кадров одряхлел и постарел за то время, что она работала на производстве. И единственно, в чем выразилось "увеличение" ее роли, так это в численности комсомола. Он рос, расширялся и развивался только потому, что не вступать в него для М. означало бросить вызов обществу. В итоге ущемленными оказались оба – М. и комсомол. М. поставила себя в еще более унижительное и уязвимое положение, а комсомол, поглотив 40 миллионов молодых людей, задохнулся под тяжестью своего веса, стал неуправляемым, потерял мобильность. "Мотор" его деятельности – интересы общества – распался и развалился. М., заведенная в социальный тупик, стала в рамках советского общества вырождаться.

"Молодежь – сложный объект познания, важнейший предмет теории и практики. Заниматься молодежью – значит заниматься "живым", а не абстрактным будущим". ("Агитатор", № 7, 1988, с. 8.)

”Н”

НАЛОГИ — обязательные платежи, взимаемые государством с граждан и предприятий.

Различают Н. прямые, которыми облагаются доходы и имущество, и косвенные, увеличивающие цены товаров. Н. в советском обществе — один из главных источников пополнения государственного бюджета, и основная их тяжесть ложится на народные массы. Искать какие-либо объективные или научные объяснения или критерии советской системы налогообложения совершенно бесполезно. Считается, что Н. в Советском Союзе самые низкие в мире. Действительно, прямые Н., или, как их еще называют, подоходные, приносят в бюджет страны всего семь с половиной процентов. Но взимаются они с населения неравномерно и платят их не все граждане.

Система различных социальных льгот, принятая в советском обществе, распространяется и на выплату Н. Не облагаются Н. сельские партийные работники и различные специалисты, работающие в деревне, — агрономы, зоотехники, председатели колхозов, директора совхозов. От всех видов прямых Н. освобождены Герои Советского Союза, кавалеры трех орденов Славы. Неодинаковые шкалы налогообложения существуют и для многих категорий служащих — по принципу: чем ближе они находятся к власти и чем ценнее для нее, тем меньше платят Н. Так, для рабочих не облагаемый Н. минимум зарплаты составляет 70 рублей, а для военных он в пять раз выше — 350 рублей. Городские и районные власти также по своему усмотрению могут полностью или частично осво-

бождать от Н. угодных им граждан. И основная тяжесть прямых Н. ложится на простой народ.

Советское законодательство устанавливает величину Н., исходя не из дохода своих граждан, а в зависимости от характера их деятельности. И здесь Н. колеблются от 13 до 69 процентов. Власти борются не с высокими доходами вообще, а с высокими доходами определенной категории граждан. Композиторы, писатели, художники, чьего расположения они всемерно добиваются, платят при многотысячных гонорах 13 процентов Н., а инженеры и рабочие-новаторы вынуждены отдавать в бюджет страны до 69 процентов денег, получаемых за свои открытия.

Иначе устанавливаются и косвенные Н. — здесь государство одинаково безжалостно грабит все общество. В 1988 году они составили 59,1 процента национального бюджета. И если прямые Н. уменьшают доход семьи на 8,5 процента, то косвенные — на 60. При этом значительную их часть правительство получает с оборота торговли, иначе говоря, они взимаются опять-таки из кармана трудящихся.

Розничная цена товаров в Советском Союзе совершенно не соответствует их стоимости. На многие изделия она дает наценку на 300 — 500 процентов. К примеру, Горьковский автозавод продает государству автомашину "Волга" за 3400 рублей, а в магазинах она предлагается населению за 16 000. Та же "игра" цен наблюдается на продукцию бытовой техники. Налог с оборота делает холодильники, стиральные машины, пылесосы, телевизоры, музыкальные инструменты дороже в два-три раза. Что же касается пищевой и легкой промышленности, то здесь производственная стоимость диктует лишь нижнюю границу цен, верхняя же полностью определяется спросом и предложением. Торговые организации вообще устанавливают цены совершенно произвольно. Впрочем, не для всех граждан. Элита имеет возможность приобретать продукты и товары по заниженным ценам в специальных магазинах.

Н. с оборота торговли при его явной завышенности, однако, составляет лишь незначительную часть косвенных налогов. Значительно большие суммы входят в цены товаров, которые вычисляются из прибыли предприятий, то есть, в ко-

нечном счете, удерживаются из зарплаты работающих. Легкая промышленность отдает в национальный бюджет 72, а тяжелая — до 90 процентов своих доходов. В этом причина постоянного недостатка средств в государственном фонде зарплаты и истоки мизерных вложений в жилищное строительство и социальное развитие. Так что совершенно не обосновано утверждение о больших суммах, получаемых советскими людьми из общественных фондов. Дотации на продукты питания, расходы на бесплатное образование, здравоохранение и социальное обеспечение возвращают народу лишь малую часть тех средств (и при этом неравномерно), которые удерживаются у него через прямые и косвенные Н.

”Прямые налоги уменьшают бюджет семьи рабочего на 8,6 процента, и еще более 60 процентов он, по моим подсчетам, недобирает благодаря косвенным налогам”. (“Московские новости”, 16 октября 1988, с. 8.)

НАРОДНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ — граждане, принимающие участие в рассмотрении уголовных и гражданских дел в суде.

Н. з. районных и городских судов выбираются на собраниях по месту работы и жительства советских граждан открытым голосованием на два с половиной года, а военных трибуналов — собранием военнослужащих. Н. з. высших судов — областного, республиканского и Верховного — избираются на сессиях соответствующих советов на пять лет. Выборы Н. з. — формальность. Их кандидатуры подбираются партийными комитетами и выбираются, по существу, без выборов — на одно место выдвигается всего лишь один кандидат. Столь же формальны и их права — номинальное равенство с судьями.

Судья всегда способен навязать Н. з. свою волю и мнение, а Н. з., не способные самостоятельно составить грамотное решение суда, с анализом доказательств и оценкой выступлений, вынуждены безропотно следовать указаниям судей. Но главное — за судьями стоит власть, авторитет и сила государственного аппарата. Н. з. же не представляют никого, кроме себя и чей-то милости ”свыше”, позволившей им принимать участие в судебных разбирательствах.

Пассивность Н. з. породила их обидное и горькое прозвище — "кивалы". Она же, их безучастность и безгласность, явилась одной из причин самоуправства советского суда. Он часто карает невиновных и под давлением "телефонного права" (властей) милует преступников. И в угоду политической моде, проявляя обвинительный энтузиазм, стремится как можно скорее "проштамповать" заранее готовое решение.

Трагический опыт многих лет судебного произвола побудил советских людей искать барьеры на пути попрания закона. В социалистической юридической практике их не обнаружили и обратились к истории, к суду присяжных, который был введен в стране более столетия назад, в 1864 году. Оказалось, что духу демократических реформ в Советском Союзе вполне отвечает старый российский суд. Конечно, нельзя было не отдать дань и социалистической демагогии, и присяжных предложили называть "народными представителями". Это был несомненный прогресс. Народные представители в отличие от Н. з. должны быть полностью независимыми от судей. Зависимость, напротив, прочерчивается в обратном направлении — от судьи к ним. Предполагается, что они смогут самостоятельно принимать и выносить решение. И лишь на его основе судья будет подготавливать и формулировать окончательный приговор.

Разумеется, всех проблем правосудия народные представители решить не смогут. Для демократизации советского суда необходимо прежде всего перестроить систему дознания таким образом, чтобы прокуратура не имела возможности сама себя контролировать, то есть вести следствие и одновременно надзирать за его законностью.

Но и замена Н. з. народными представителями и наделение их правами "присяжных заседателей" весьма важны. Под их влиянием все звенья суда в Советском Союзе претерпят существенные изменения, и суд перестанет быть заранее подготовленным спектаклем. Он станет тем, чем он был когда-то в России, пока его не извратила советская действительность.

"Именно поэтому в состав суда, кроме судьи, входят два народных заседателя — представителей народа, и права всех троих по зако-

ну совершенно равны". ("Московские новости", 23 октября 1988, с. 12.)

НАРОДНЫЕ ИЗБРАННИКИ — пропагандистское представление депутатов местных и высших Советов.

В отличие от семантически близкого ему понятия "депутаты", словосочетание Н. и. носит оценочный характер — оно четко проявляется в обеих его частях. Первое слово подчеркивает наличие народовластия в советском обществе, общенациональную направленность его деятельности. Второе — создает видимость существования в нем демократических выборов, равенства людей перед законом. В действительности Н. и. не столько выбираются, сколько назначаются, они не обладают реальной властью и правом контроля за деятельностью государственных организаций.

Со времени принятия первой советской конституции депутаты Советов допускались к обсуждению лишь второстепенных вопросов и непременно — с разрешения партии. До самого последнего времени, а точнее — до политических реформ Горбачева, не было случая, чтобы Верховный Совет отклонил бы законопроект или вернул его на доработку. Это, разумеется, не свидетельствовало о совершенстве издаваемых в СССР законов. Многие из них с течением времени признавались ошибочными и отменялись, но не по предложению Н. и., а в соответствии с волей партийного аппарата.

Ленин считал Советы высшей формой демократии, и в этом вопросе он расходился с Марксом, видевшим прообраз будущего государства в парламентской республике. Формула "власти Советов" была разработана большевиками в начале века, в процессе революции 1905 года, и в 20-х годах она была включена в программы многих коммунистических партий.

С тех пор Советы как органы государственного управления прошли долгую и сложную эволюцию. Исчезла такая важная их особенность, как представительство по производственному принципу, ликвидирована была связь между местными и верховными Советами и, наконец, многоступенчатые выборы заменены прямыми. В результате Советы превратились в формальный придаток партийной машины.

Первоначально Н. и. избирались только в местные Советы, а те уже предлагали депутатов в высшие Советы. Выборы проводились на предприятиях, и существовала возможность широкого обсуждения кандидатур. На прямых выборах население было лишено выбора — ему предлагалось определенное количество кандидатур (а до последнего времени — одна кандидатура), за которые предлагалось голосовать. Тем самым исчезала ответственность депутатов перед конкретными людьми, и они отчитывались только перед коллективами и организациями, которые их выдвигали. Так, утратив первоначальную свою специфику, Советы не приобрели взамен тех качеств, которые присущи парламентским формам управления. В результате популярность Советов в качестве представительных органов стала падать не только в СССР, но и за рубежом, и рабочие партии многих стран стали избегать в своих политических программах лозунга "Власть — Советам".

Выдвижение (вернее, подбор) кандидатов в Советы осуществляется в СССР в полном соответствии с социальной иерархией общества. Каждая более или менее важная должность имеет свое депутатское выражение: ответственные сотрудники районного масштаба "завязываются" на районных Советах, городского — на городских. В Верховные Советы посылалась партийная элита — секретари ЦК, министры, главные редакторы газет, видные военачальники, президенты академий и т. д. И конечно же, на всех этажах пирамиды Советов представлены статисты — рабочие и крестьяне, демонстрирующие "народную" природу власти. Их единственная роль и назначение состоит в том, чтобы единодушно штамповать директивы партии и решения правительства. А для того, чтобы у Н. и. не возникло ощущения общественной неполноценности, недостатка власти (точнее, полного ее отсутствия), им предлагаются различные привилегии.

Депутаты различных Советов в дополнение к зарплате по месту своей работы получают немалые (по советским понятиям) блага и преимущества: в период съездов Советов они бесплатно пользуются городским и железнодорожным транспортом, к их услугам закрытые магазины, им гаранти-

рованы льготы при приобретении путевок в санатории и дома отдыха, их обслуживают врачи специального медицинского управления. Конечно, объем и качество привилегий Н. и снижаются с падением уровня Совета. Но что-то обязательно перепадает депутатам и местных Советов.

Депутатство дает право на существенный в советской системе символ социального отличия и престижа — депутатский значок. На нем изображен государственный флаг (существует целая градация значков — в зависимости от того, какой Совет они представляют). Суть общественной значимости депутатского значка — флага под красной эмалью — станет понятна, если учесть, что он конкретно и зримо обозначает место человека на социальной лестнице и обеспечивает его обладателю определенные возможности. Одному он дает право на приобретение власти, другому — на получение квартиры, третьему — без очереди пробиться в ресторан или приобрести билет в театр. Социальное неравенство в советском обществе настолько глубоко, что человек, лишенный внешних атрибутов своего положения, лишается индивидуальности, и его не возвышают ни ум, ни знания, ни образование. И одаривая Н. и значками и удостоверениями, партийный аппарат программирует необходимый ему стереотип социального поведения.

Что же касается советского избирателя, то его до 1987 года вообще не принимали всерьез. Он получал бюллетень, в котором было сказано: "Оставьте одного депутата, за которого вы голосуете, — остальных вычеркните". Но вычеркивать было некого — в бюллетене было проставлено всего одно и единственное имя. И избиратель, собравшийся было направиться в кабину для голосования, останавливался под настороженными взглядами избирательной комиссии. Понимал, что стоит ему зайти в кабину, как сразу же подумают, что он хочет вычеркнуть из списка кандидата. И он бросал бюллетень в урну, не заглядывая в него.

Не проявляли интереса к выборам и кандидаты. Знали, при любом исходе выборов они будут избраны. Таким образом, выборы становились бессмысленными и для избирателей, и избираемых. И тем не менее многие годы в СССР де-

лались попытки привлечь население к выборам: красочно оформлялись избирательные участки, бесплатно раздавалось угощение — закуски, напитки. Это было хлопотно и дорого. И с инертностью населения решили бороться, рассылая агитаторов с избирательными урнами по домам. Пока не распустили: пусть голосует кто хочет, а в отчетах указывать 99,9 процента голосовавших. Так в Советском Союзе стали выбирать депутатов не только не из народа, но и без народа.

В Советах в большинстве своем оказывались руководящие работники, чья власть основывалась не на их депутатских полномочиях, а на положении в партийно-государственном аппарате. Такая структура Советов просуществовала в СССР без значительных изменений 70 лет, и она успешно обслуживала политические амбиции Ленина, приспособивалась к режиму правления от Сталина до Черненко. Трещины на ее фасаде обозначились только в период правления Горбачева. Он вновь, как у истоков коммунистической революции, выдвинул лозунг "Вся власть Советам", однако истолковал его по-своему — "Вся его власть в Советах".

На первый взгляд может показаться, что в этой идее нет ничего нового — все советские руководители, и каждый по-своему, навязывали Советам свою волю и диктат. Но до Горбачева это делалось неофициально и извне — через партийный аппарат. Он же решил обуздать Советы на законном основании и изнутри — подчинить их власти, данной ему как генсеку. Для этого ему было недостаточно решением Политбюро провести себя в Председатели Верховного Совета, как это делали его предшественники. Необходимо было растворить этот пост в должности генсека, сделать его одной из его функций. Так появился в Советском Союзе Закон о совмещении обязанностей генсека и председателя Верховного Совета. И теперь Горбачев мог не опасаться вывести Советы из-под контроля и опеки партии, что не только не угрожало монопольной его власти, а, напротив, делало ее менее уязвимой от интриг и заговоров.

Он передал Советам многие управленческие и контрольные прерогативы, разрешил им заниматься важнейшими вопросами хозяйственного и социально-культурного строитель-

ства и восстановил их руководящее положение по отношению к правительству.

Предусмотрел он и освобождение депутатов местных Советов от службы и производственных обязанностей в период проведения сессий, а Верховных — на все время их избрания. Существенно обновлена была избирательная система, она обеспечивала выдвижение нескольких кандидатур и широкое их обсуждение и включала в избирательный бюллетень большее число кандидатов, чем было предусмотрено мандатов. Осуществлена была реконструкция и самих Советов. Высшим государственным органом стал съезд народных депутатов, который образовывал сравнительно небольшой по численности, постоянно действующий двухпалатный Верховный Совет, тайным голосованием избирающий своего председателя и руководителей постоянных комиссий.

Съезд народных депутатов СССР представляют 2250 депутатов. Две трети из них выдвигаются от территориальных и национально-территориальных избирательных округов и одна треть — от различных организаций: по 100 человек от партии, профсоюза и кооперативов и 75 — от комсомола и общественных объединений (женщин, ветеранов войны и труда, творческих союзов и т. д.).

Такой принцип представительства в Советах никак не может считаться демократическим. В избрании кандидатов от общественных организаций принимают участие не все организации, а лишь небольшая их часть — активисты, которые фактически голосуют дважды — на своих избирательных участках и в общественных организациях. В итоге появляются избиратели разных "весовых категорий". Одних — членов партии, профсоюза, творческих союзов, научных объединений — представляют шесть и более депутатов — двое от территориального и национального округов и по одному от различных общественных организаций. Других же, не состоящих в партии и не занимающихся общественной деятельностью, представляют только двое, выдвинутых по месту их жительства.

Принцип равенства не выдерживается и при определении норм выдвижения депутатов и в самих общественных организациях. Никак не обосновывается различие в представитель-

стве партии и комсомола, профсоюза и творческих объединений. Нет пояснений, каким образом должны распределяться мандаты и в пределах установленных норм в рамках каждой организации: союзов писателей, архитекторов, журналистов, композиторов и т. д. — поровну или исходя из их численности, или из социальной значимости. И еще: при выборах депутатов от различных общественных организаций совершенно не учитываются интересы многонационального советского населения, так как в высших органах власти представлены только общесоюзные организации, то есть имеющие свое правление и центры в Москве. И поэтому малозначительные общества — такие, как охотников или филателистов, получают возможность посылать своих представителей на съезды народных депутатов и сессии Верховного Совета, а объединения и организации республиканского или местного значения, имеющие нередко явно выраженную политическую или национальную направленность ("Народный фронт", например) — нет.

Таковы наиболее серьезные изъяны нового советского Закона об изменении и дополнении конституции. Имеются в нем и разночтения различных его статей. Одно из них (оно и важнейшее) — положение о том, что выборы депутатов являются прямыми: "депутаты всех Советов народных депутатов избираются гражданами непосредственно" (ст. 98-я Конституции СССР). Действительно, выборы в СССР, не являясь ни всеобщими, ни равными, много десятилетий оставались прямыми. Не вполне, конечно, так как у депутатов власть была отобрана и передана Исполкомам Советов, которых не выбирали, а назначали, но номинально в СССР осуществлялся принцип непосредственных выборов — от поселкового до Верховного Советов. Этот принцип стал первой жертвой политической реформы, установившей, что отныне съезд народных депутатов СССР будет образовывать Верховный Совет страны.

В этой поправке к конституции изначально заложена программа косвенного, двухступенчатого, а что касается главы государства, то и трехступенчатого избрания. С позиции демократии и даже с точки зрения проводимой в СССР умерен-

ной демократизации общества невозможно обосновать причины, по которым избирателю отказывают в праве самому, без посредников решать, кто должен представлять его в Верховном Совете и кому надлежит исполнять обязанности главы государства. Однако мотивы такого решения легко просматриваются с позиции власти — о них откровенно говорится в новых статьях Закона об изменении советской конституции.

Председатель Верховного Совета избирается на съезде народных депутатов СССР, а не на сессии Верховного Совета, как было раньше. Поправка на первый взгляд незначительная, но исполненная большого значения и смысла: Председатель отрывается от Верховного Совета и становится над ним. И его не может сместить ни Президиум Верховного Совета (он в отличие от прошлого называется Председателем не Президиума, а Верховного Совета), ни сам Верховный Совет. Он сосредотачивает в своих руках столь необъятную власть, что в значительной мере становится неподотчетным и всесильному Политбюро — ареопагу высшей власти в СССР. И теперь он в качестве Председателя Верховного Совета (а не генсека, как раньше) считается "высшим должностным лицом советского государства и представляет Союз Советских Социалистических Республик внутри страны и в международных отношениях" (ст. 120-я), осуществляет общее руководство внешней политикой, принимает дипломатических представителей других государств, координирует деятельность постоянных комиссий, палат и комитетов Верховного Совета, ведет переговоры и подписывает международные договоры и законы и возглавляет Совет Обороны.

Вопрос о том, под силу ли одному человеку совмещать широкие полномочия Председателя Верховного Совета с многосложными обязанностями главы (генсека) партии, в Советском Союзе деликатно обходится. На личность высшего советского руководителя не распространяется гласность — она стоит над критикой. Под сомнение лишь робко ставится право партийных руководителей республик и областей возглавить Советы. При этом вопрос ставится не столько о принципиальной возможности такого соединения власти, сколько

ко о ее конкретной реализации. Иначе говоря, готовы и способны ли по складу своего характера и знаниям "отдельные" партийные деятели, привыкшие к авторитарным методам управления, заниматься советской работой. И совершенно обходится проблема конституционной неприемлемости совмещения власти.

Первый секретарь (а теоретически и генеральный секретарь) партийного комитета может быть, как и любой депутат, избирателями отозван из Совета. Тогда его председатель перестанет быть депутатом. Может произойти обратное: партийный руководитель не будет избран на пост председателя Совета. И в таком случае появится необходимость предложить нового кандидата на эту должность, но выдвинуть его будет невозможно, так как председателем Совета должен избираться секретарь партийного комитета.

Многие либеральные идеи политической реформы размываются ее деталями и процедурами. В Законе об изменении конституции сказано, что следует стремиться к неограниченному выдвижению депутатов, и вместе с тем уточняется (ст. 37-я) необходимость кворума в 500 человек для их выдвижения. Тем самым, декларируя право каждого гражданина быть избранным в Совет, Закон отрицает возможность организаций, не набравших требуемого количества голосов, выдвигать своих кандидатов.

Или другое противоречие: в статье 56-й Закона говорится: "Избранным считается кандидат в депутаты, получивший на выборах более половины голосов всех избирателей округа". Но далее сказано нечто такое, что зачеркивает это положение: "Выборы признаются несостоявшимися, если в них приняло участие менее половины избирателей, внесенных в списки избирателей..." Очевидно, те, кто писали и принимали этот пункт Закона, исходили из идеи обязательной явки на выборы каждого советского человека, по принципу: я существую, следовательно, голосую. Теперь становится понятным, почему в канун смерти был доставлен на избирательный участок Константин Черненко — для выполнения своего гражданского долга. Во имя этого ему разжали сведенные судорогой пальцы, вложили бюллетень и предложили голосовать.

Конституционное право выбора в Советском Союзе трансформировалось в конституционную обязанность. Советским руководителям не приходит в голову мысль, что право выбора предполагает не две возможности — голосовать "за" или "против", а три — воздержаться от выражения своего мнения, то есть предусматривает право "голосовать ногами", которое реализуется отказом идти на избирательный участок.

При в своем несовершенстве и непоследовательности проводимая в Советском Союзе политическая реформа существенным образом сузила и ограничила исполнительную власть, в том числе и партийную. Выдвинуто предложение не избирать в Советы руководителей его отделов и управлений, а со временем предлагается не избирать в них и членов правительства. Однако роль партии, как руководящей и направляющей силы советского общества, не уменьшилась и не ослабла. Она в некоторой мере даже возросла, ибо увеличились права и влияние ее генсека: он в обязательном порядке (так что тайное голосование ничего уже не могло изменить) обязан избираться председателем Верховного Совета (а первые секретари партийных комитетов — председателями соответствующих Советов). И тем самым авторитет, представительная мощь и сила обновленного Совета распространились на партийных руководителей — в этом был главный (и скрытый) замысел политической реформы.

Порок же ее состоял в однопартийном характере советского режима. Только политический плюрализм (в частности, наличие оппозиции) способен дать советскому обществу социальную альтернативу, в том числе альтернативных депутатов и возможность заставить правящую партию (при известных условиях и коммунистическую) проводить политику, учитывающую запросы и потребности народа. Естественно, в этом случае речь пойдет уже не о восстановлении форм власти, существовавших при Ленине, а о принципиальном изменении системы советской власти. Только тогда Советы станут действительно представительным органом, и советских депутатов можно было бы рассматривать как Н. и.

”Алексей Стаханов и Мария Демченко, Александр Покрышкин и Иван Кожедуб, Иван Папанин и Юрий Гагарин, а также многие другие замечательные люди страны Советов были удостоены высокой чести народных избранников”. (“Агитатор”, № 20, 1983, с. 26.)

НАУЧНЫЕ СТЕПЕНИ И ЗВАНИЯ — звания, определяющие социальный престиж, служебное положение и квалификацию ученых.

В советской научной иерархии существует двойная система степеней и званий: кандидат — доктор наук и доцент — профессор. В свободном мире научные степени присваиваются университетом на основе трех рекомендаций ученых, ознакомившихся с диссертацией. В Советском Союзе научные степени присваиваются Учеными Советами учебных заведений или научных институтов формально. Фактически они утверждаются и выдаются правительством — Высшей Аттестационной Комиссией, находящейся в ведении Совета Министров СССР. Их присвоение осуществляется путем сложной, продолжительной и многоступенчатой процедуры. Для получения степени кандидата наук необходимо сдать три экзамена. ”Кандидатский минимум” по философии, состоящий из набора цитат основоположников ”научного коммунизма” и высказываний живущего советского правителя — овладение ими свидетельствует об идейной подготовке соискателя и его лояльности режиму. Затем идет испытание по иностранному языку. Его глубокое изучение не требуется — оно вызывает удивление, достаточно уметь со словарем прочитать и понять страницу текста. И, наконец, следует проверка по специальности. Все, что для нее требуется, — способность уверенно пересказать положения учебника.

Оформление ”кандидатского минимума” — начальная стадия движения к научной степени. Его следующий этап — написание научной работы (диссертации). По объему она представляет фолиант в несколько сотен страниц (но никак не меньше ста), лишенный свежих идей и новых результатов, и должна отвечать одному требованию — быть ”диссертабельной”. За этим понятием скрываются определенные требования — диссертация должна быть умеренно грамотной, не за-

девать авторитетов и не порождать дискуссии. Возможна и полная ее безграмотность, но тогда необходим руководитель, обладающий широкими связями.

После написания диссертации начинается ее движение к защите, которое проходит через ряд этапов. Первый — предзащита: работа рассматривается и утверждается на заседании отдела или кафедры, где она готовилась. Может быть одна предзащита, если защита диссертации состоится по месту работы соискателя. Или две — в том случае, если защита работы происходит в другом научном учреждении. Но в любом случае предзащита важнее защиты. На ней определяется состав оппонентов (важно, чтобы они были покладисты и управляемы) и определяется отдел или кафедра, которой предстоит дать внешний отзыв на диссертацию — он выражает официальную оценку. Далее происходит утверждение оппонентов. Их требуется двое — доктор и кандидат наук — для кандидатской, и три доктора наук для докторской диссертации. Их назначение — выступление на защите.

Сама же защита — спектакль. Она проходит по стандартному сценарию: зачитывается биография соискателя, его научная и производственная характеристики, и выступает он сам — излагает содержание диссертации. Затем речь держат оппоненты, оглашаются отзывы и проводится голосование. Оно — простая формальность: решение Ученого Совета оглашается заранее. И пухлое дело с документами, обросшее многочисленными анкетами, протоколами, справками, поступает в ВАК — мрачную организацию, в которой в великой тайне обсуждаются прошедшие защиту научные работы. Их оценка производится за закрытыми дверями, неизвестно кто входит в экспертную комиссию и каким образом и по какому принципу выбираются рецензенты.

ВАК — типично советское учреждение с обычными для него атрибутами, сложной иерархией, четкой субординацией и многочисленными подразделениями и отделами. Многие годы это учреждение входило в министерство высшего и среднего специального образования и его председателем был министр, а с 1974 года оно перешло в Совет Министров СССР и его возглавляет один из заместителей премьера. Он же фор-

мирует пленумы ВАКа — по одному по каждой специальности, в них входят 40 — 60 ученых, из которых комплектуются экспертные комиссии для непосредственного рассмотрения и оценки диссертации.

Важная бюрократическая надстройка ВАКа — его президиум. Он координирует деятельность Секретариата ВАКа, осуществляющего повседневную его работу, и созывает раз в несколько месяцев общий (еще говорят "большой") пленум ВАКа, куда входят представители отраслевых ("малых") пленумов. Его задача — процедурные вопросы: утверждение инструкций, принятие новых положений, изменение порядка защиты. И еще — контроль за деятельностью экспертных комиссий, в которые поступают диссертации.

Порядок и характер рассмотрения диссертации в экспертных комиссиях совершенно произвольны и не подчинены никаким правилам. Они вправе послать кандидатскую диссертацию на оценку одному из своих рецензентов, так называемому черному оппоненту, и могут сразу же рекомендовать ее к утверждению. В этом случае пленум автоматически отштамповывает положительные решения и соискатель становится кандидатом наук.

Утверждение докторской диссертации происходит несколько иначе — ее обязательно представляют на отзыв. Но и здесь много зависит от воли экспертной комиссии: если у диссертанта нет недоброжелателей, то выбирают покладистые оппоненты, а если защита его работы была сопряжена с конфликтами, кляузами, то рецензент подбирается с таким расчетом, чтобы завалить диссертацию. Для провала диссертации достаточно оказывается и намек сверху. Привычное к подчинению и подобострастие уху членов экспертной комиссии чутко улавливает и другое "мнение" (если оно достаточно влиятельно) — ускорить прохождение диссертации.

Система ученых степеней дополняется и подкрепляется в Советском Союзе научными званиями: кандидат наук привязывается к доценту или старшему научному сотруднику, а доктор — к профессору. Они утверждаются ВАКом по представлению Ученых Советов. И здесь также не существует ни-

каких норм и объективных критериев, все определяется благосклонностью и расположением руководства, что открывает простор для произвола, шантажа и давления на ученых.

Нелепость ВАКа для развития науки очевидна — в том числе и в Советском Союзе. Но он существует и процветает потому, что в этой стране есть цели более важные и значительные, чем прогресс и процветание общества. Это — интерес власти. Получение степеней и званий связано с приобретением существенных привилегий. Подъем по ступеням научной иерархии предполагает восхождение и в общественном статусе — кандидаты и доктора, доценты и профессора заполняют нижние этажи правящего класса, а отдельные их представители, прошедшие в Академию наук, принимают непосредственное участие в составлении важных государственных решений. И в столь ответственном деле, как распределение благ и управление страной, в Советском Союзе не допускается отбор по принципу таланта и знаний. Селекция производится по признаку лояльности и преданности режиму. В этом — главный смысл и назначение ВАКа: быть фильтром, преграждающим путь наверх одним, независимым, гордым и мыслящим, и служить ускорителем для вывода на политическую орбиту других — находящихся на подхвате властей и готовых исполнять любой социальный заказ.

”Для ученых, имеющих ученую степень доктора наук, еще существует возможность стать ”консультантом” с минимальной оплатой... Для научных сотрудников, имеющих степень кандидата и тоже подчас являющихся крупными специалистами, такого пути нет”. (“Огонек”, № 34, август 1988, с. 5.)

НАХАЛСТРОЙ — самодеятельные жилые дома и бараки, незаконно построенные на окраинах городов.

Н. — слово резкое, грубое и встречается главным образом в разговорной речи. Пресса, официальные организации обращаются к нему неохотно, заменяя его более нейтральным понятием, не имеющим столь ярко выраженной оценки, — ”самостроем”. Н. акцентирует внимание на отсутствии разрешения на самодеятельное возведение жилища, выставя его непропорциональность и бесцеремонность.

”Самострой” же выхватывает одну и единственную черту Н. — строительство собственными силами.

”Нахалстрой”, ”самострой” часто встречаются в одном и том же тексте, взаимодействуют и дополняют друг друга — в зависимости от целей, которые стремятся выявить и подчеркнуть. Но суть явления, которое они выражают, не меняется.

Слово Н. образовано по аналогии с официальными сокращениями, такими как ”Госстрой”, ”Техстрой” и т. д. Понятие возникло сразу же после революции, когда в города, спасаясь от голода и безработицы, хлынуло население, которому негде было жить. И окраины городов и поселков стали быстро обрастать самодеятельными строениями, кое-как сложенными из глины, дерева и старых кусков железа. Типичные трущобы, убогие, утопающие в грязи. Но поскольку при социализме трущоб быть не может, Н. никем не санкционируется. И участки под них считаются пустующими. Его словно нет. Он официально нигде не зарегистрирован, хотя в самодеятельных постройках каждого советского города (за исключением, возможно, Москвы — показательной политической витрины государства) живут многие тысячи человек — где-то около четырех-пяти процентов жителей. И если ограничиться даже меньшей цифрой — в три процента — то, учитывая число городского населения — 200 миллионов, окажется, что в Н. живут (если это, конечно, можно назвать жизнью) по крайней мере 6 миллионов человек. Это в основном многодетные молодые семьи, отделившиеся от родителей, или новые жители, не желающие жить в убогих, плохо оборудованных рабочих общежитиях (не путать с партийными общежитиями — светлыми, благоустроенными, с максимальным комфортом).

Н., как правило, — не единичные постройки, разбросанные по всему городу, они концентрируются в самостоятельные поселки и целые микрорайоны, без больниц и школ. Поэтому в больницах и школах вне их черты всегда наблюдается ”перенаселение” — туда устремляются не только учтенные жители, но и из кварталов Н., неучтенные, хотя вполне живые души. В Н. нет магазинов, туда не идут автобусы и не за-

езжают таксисты — не рискуют ломать машины в ухабистых и путаных переулках. Невозможно вызвать врача и скорую помощь — нет телефонов. Здесь постоянно разыгрываются трагедии, непонятные официальному городу, — нельзя отвезти роженицу в больницу, оказать помощь умирающему и даже похоронить покойника — без прописки (а в Н., конечно же, не прописывают) не выделяют места на кладбище. Нет почты, и тысячи писем и срочных телеграмм не находят адресата. Невозможно выписать газеты и журналы — их не принесут. Но люди терпят. Они усвоили, что им нельзя возмущаться и жаловаться — они вне закона, и в любое время их могут выгнать и дом их сломать. Их уродливые строения не имеют права портить панораму социалистических городов. Случайный и редкий прохожий, оказавшийся в этом районе, постоянно ловит настороженные взгляды жителей — не инспектор ли пришел выселять.

Иногда жители Н., осмелев, подводят воду к своим строениям и добиваются права платить за свет — слабая иллюзорная гарантия их легитимации. Власти относятся к Н. противоречиво и непоследовательно: иногда их не замечают (значит, они вроде бы и не существуют), а порой предпринимают активные набеги на них — сгоняют бульдозеры и разрушают дом за домом. А в перерывах между такой государственной активностью вырастают новые "самоделки" Н., тянутся нитки электрических проводов, дороги посыпаются щебнем — чтобы можно было как-то пройти в непогоду.

Проблема Н., как и другие проблемы, если их долго не решать, обретает право на существование. Снос "временных" строений становится менее вероятным, они органически вкрапливаются в структуру города и начинают определять его жизнь. Это не означает, что ликвидирована раз и навсегда опасность их сноса. Их разрушение становится неизбежным, как только генеральный план развития города дотягивается до пустырей. И хотя они давно заставлены Н., да так плотно, что на нескольких квадратных метрах ютится семья, формально они считаются необитаемыми. Наступают дни, когда милиция при поддержке бульдозеров накатывается на Н. и сметает его. И государство не обязано выгнанным на улицу

жителям предоставлять жилплощадь или выплачивать компенсацию. И уж, конечно, оно не станет медлить с разрушением Н. до тех пор, пока у его обитателей подойдет очередь на получение квартиры. Таковы светлые перспективы и последствия благоустройства советских городов.

”По его обочинам криво, резкими изломами идет узкая улица... Трудно поверить, что это тоже столица. Окраина ее, чуть ли не сплошь – такие вот улочки. Их называют в городах образно, точно, хотя и грубовато – ”нахалстроем”. (”Труд”, 19 августа 1988, с. 2.)

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ – общественные организации, сформировавшиеся и действующие вне традиционных советских институтов.

Определение (название) ”неформальные” данные объединения получили из-за отсутствия у них официального статуса и благодаря независимому, юридически нерегулируемому характеру их деятельности. Свобода от правового регламентирования делает Н. о. притягательными для различных слоев общества: в них находит выход и выражение ”социальная энергия” советских людей, здесь они испытывают свои способности и вкусы, отстаивают убеждения, обкатывают идеи, воспитывают взгляды и проявляют порывы, которые заглушаются и подавляются государством. Но статус ”вне” и ”без” закона делает Н. о. уязвимыми и ранимыми в столкновении с официальным обществом, его организациями и союзами, стремящимися сковать и ограничить их независимость – угрозами или подкупом. Наступление государства на Н. о. может оказаться для них смертельным или же им придется расстаться со своей самостоятельностью и стихийностью, со всем тем, что составляет их сущность и привлекательность для широких масс. Но может произойти и другое – окружающему их обществу, возможно, придется приспособиться к ним, научиться вести с ними диалог, воспитать в себе терпимость к компромиссам.

Социальный взрыв Н. о. в Советском Союзе, их широкое распространение в различных сферах общественной жизни, несомненно, является знаком времени ”перестройки”. В сущности, они представляют собой разновидность коопера-

тивного движения — еще одна черта горбачевских реформ — с той только разницей, что производят они не материальные, а духовные ценности.

Даже в тех случаях, когда Н. о. организуются и создаются вокруг таких проблем, как сохранение памятников старины или протеста против проекта переброски части оттока северных рек на юг, чисто предметная, вещественная сторона их деятельности уходит на второй план, главным остается формирование и поддержание единомыслия, приверженность определенной идее, заложенной в Н. о.

Первый (послевоенный) опыт возникновения Н. о. в Советском Союзе относится к концу 50-х годов. Тогда на волне хрущевской "оттепели" заметно оживилась общественная жизнь и стало очевидным, что искусственно сформированные властями объединения — такие, как пионерская организация, комсомол, партия, профсоюзы и другие, — не в состоянии создать в своих рамках условия для удовлетворения социальных и психологических запросов масс. Их диапазон был ограничен узок, завязан на интеграции человека в коммунистическом обществе и совершенно не учитывал изменившиеся исторические условия. Самореализация людей осуществлялась стихийно, на основе противопоставления "мы" (и "я") отчужденному "они" — тем, кто насильственно навязывал индивидууму чуждый ему строй мыслей и взглядов. Личность искала общности с единомышленниками — таков был порыв времени, требование пробуждающихся гражданственных чувств.

Власти попытались формализовать стихийно возникавшие в обществе объединения и, снабжая их соответствующими уставами и инструкциями, направить их деятельность в русло "новой романтики": дальних дорог, открытий, борьбы за совершенство, гармоническое, всестороннее развитие и т. д. И под покровительством комсомола создаются псевдонформальные объединения — молодежные кафе и различные клубы — "Веселых и находчивых", "Интересных встреч", "Самодеятельной песни" и другие.

Но уже тогда советскими людьми делается попытка выйти за их рамки в неформальные объединения — такие, как поклонников "поющих поэтов" (Б.Окуджавы, Ю.Висбора,

Ю.Кима, В.Высоцкого) или "любителей старины", где изучалось культурное и философское наследие прошлого. Эти объединения не могли решать большинства проблем социальной жизни, но они положили начало духовному раскрепощению советского человека за пределами официальной идеологии.

Власти, пытаясь обуздать незапланированную самодеятельность народных масс, инспирируют в начале 60-х годов движение "коммунаров" — объединения старшекласников и рабочих, призванных (вернее — призываемых) бороться с теми, кто "мешает строительству социалистического общества". Советское общество в своем большинстве осталось равнодушным к их деятельности. Для него были более привлекательными идеи всеобщей (а не классовой) любви, простоты, естественности и искренности в человеческих отношениях, то есть все то, что составляло альтернативу официальному мышлению, с его парадной партийностью и крикливой демагогией. Это стремление выразилось в движении "хиппи", возникшем в Советском Союзе в конце 60-х годов по аналогии с подобными группами на Западе; в нем преобладали студенты и школьники, то есть советское подрастающее интеллектуальное поколение.

Движение хиппи у своих истоков не носило массового характера и распространилось поначалу на небольшие группы молодых людей. Но хиппи сумели захватить своими идеями, вкусами, взглядами молодежь — на них появилась мода. Им стали подражать даже в одежде и в поведении, популярными становятся длинные волосы, раскованные манеры, подчеркнутая небрежность. И власти всполошились, и за внешний вид, в котором усматривалось влияние хиппи, стали преследовать — забирали в милицию, выгоняли из школы, увольняли с работы. Повели против них пропагандистскую кампанию в прессе, обвинили в нравственном растлении и подверженности западной культуре, представляли тунеядцами.

Идеология советских хиппи во многом была похожа на западную, но были в ней и собственный колорит, и свои мысли. Такие лозунги, как "свободная любовь", "делайте любовь, а не войну", "будьте реалистами — требуйте невозможного", у них причудливо сочетались и совмещались с запове-

дями Магомета, Христа, Будды, Бакунина и Кропоткина. В их мировоззрение были вплетены и некоторые идеи построения справедливого общества, без ядерной угрозы, с правом выезда из страны, с требованием свободной критики социальных устоев.

В лоне движения хиппи или под их влиянием формируется еще одно неформальное объединение – любителей "рок-музыки". Нетрадиционная, но доступная и эмоциональная, несущая интонации протеста, она и в наши дни является важным элементом советской молодежной субкультуры. Для многих советских людей Н. о. служили средством духовного исхода, они избавляли их от постоянной необходимости лгать, делая то, что требуется обществу, и позволяли на какое-то время уединиться с людьми, близкими им по вкусам, устремлениям, взглядам.

Двойственность поведения: одно на работе, в студенческой аудитории, на комсомольском или партийном собрании, и совершенно другое в кругу единомышленников – вела к двойственности мысли (к двоемыслию), к двойным поведенческим стандартам. В условиях жестокого социального контроля советские граждане вели себя "как положено", были вполне добропорядочными и даже образцовыми людьми, а в среде себе подобных возвращали (насколько это было возможно) утраченную в обществе свою человеческую сущность. Одно и то же явление или событие оценивалось в двух измерениях – в зависимости от того, где находился советский человек: в группе своих друзей или вне ее.

Начиная с 80-х годов Н. о. хиппи начали интенсивно расширяться и принимать формы более активного протеста. У них возникает свое искусство – самодеятельные группы рок-музыки, театры поп-арта, самиздатские журналы, появляется и некий всесоюзный центр встреч, куда хиппи съезжаются со всей страны для дискуссий и обмена взглядами – в Таллин, в котором власти, в отличие от других советских городов, проявляли к ним некоторую терпимость.

В эти годы общественный застой в советском обществе привел к становлению и других Н. о., различных и многочисленных. Они возникали, как правило, в крупных городах и

сразу же приобретали свои особые черты и характеристики, легко уловимые по их внешнему облику, жаргону и программе. Их особенность — наднациональный характер (разумеется, в наложении на специфическую советскую почву), который проявлялся уже в самом названии Н. о. Это — "система", "пацифисты", "рокеры", "брейкеры", "металлисты" и т. д. Общность советских "копий" с зарубежными "оригиналами" была весьма относительна — в каждом из Н. о. преобладают черты, порожденные условиями советской действительности.

Структура большинства Н. о., как правило, одинакова: немногочисленное ядро, в которое входят "истинные" почитатели, более широкий слой "активистов", отстаивающих идеи и принципы "объединения", соблюдающих его нормы и ритуалы, и основная масса — те, кто причисляет себя к той или иной группе (они меньше интересуются ее идеологией и больше — внешними атрибутами). Число подобных объединений в СССР трудно поддается учету. Говорится о 30 тысячах неформальных организаций, называется и цифра значительно большая — 50 тысяч; в фарватере перестройки они создаются и распадаются в огромном количестве. Попытаемся выделить основные из них.

В последние годы получило широкое развитие движение "фанатов" (фанатических поклонников спортивных клубов, отсюда и их название). Цель объединения — "боление" за любимую команду и попутно — эмоциональная разрядка. Его основной контингент — молодежь и подростки. Их характеризует стремление выделиться, они заявляют о себе с помощью шумных шествий (до и после матчей), стилизованной одежды — под стать цвету "своего" клуба, украшают себя особыми эмблемами и знаками. Однако спорт очень часто оказывается лишь поводом для совместных действий "фанатов", главным является стремление обрести интересный и по возможности яркий досуг.

Весьма популярным является Н. о. "рокеров" — поклонников рок-музыки. Оно распадается на ряд подтечений: "битломаны" (поклонники ансамбля "Битлз"), "хардрокеры" (почитатели "тяжелого рока"), "металлисты" (любители

”тяжелого металла” в рок-музыке). Среди сторонников этого движения преобладает молодежь: школьники, студенты, учащиеся ПТУ (профессионально-технических училищ, готовящих профессиональных рабочих), но встречаются и люди более зрелого возраста — начинающие инженеры, молодые учителя, художники и т. д. Их особенность, внешняя, выявляется в стиле ”панк”: взбитая, многоцветная прическа и обилие металлических изделий в одежде — булавки, цепи, браслеты с шипами, собачьи ошейники.

Модификацией ”рокеров” является объединение ”брейк-роверов” — сподвижников ”брейк-данса”, по-русски — изломанного танца с элементами акробатики и гимнастики. Его сторонники также весьма чувствительны к своему облику. Одни, те, что преклоняются перед ”верхним брейком”, носят темные очки, перчатки, другие — поборники ”нижнего брейка” — предпочитают спортивную одежду. Основная их масса — учащиеся ПТУ, которые мало интересуются идейными вопросами. Для них важно дать выход своей эмоциональной и физической энергии.

Иное мироощущение у групп ”нонконформистов”. Им свойствен острый интерес к духовной проблематике. Но проявляется он в каждой из этих групп по-своему и своеобразно. Кредо ”старой генерации”, объединяющей творческую интеллигенцию, является убеждение в том, что в обществе, лишенном свободы, обрести ее можно в собственной душе, в ее совершенствовании и развитии. Поборников этого движения объединяет отказ от официальной социальной активности и поиск самовыявления в мистицизме, религии и наркотиках. Их легко узнать по длинным волосам, бороде, налобным повязкам и самодельным украшениям с причудливой символикой. Они склонны к бродяжничеству и любят путешествовать — особенно в Среднюю Азию, на Алтай, Тянь-Шань, где занимаются медитацией. Своеобразная система ценностей (обязательно система — и не меньше) у другой группы нонконформистов — они так и называют себя: ”люди системы”. Декларируемые ею цели — поиски самореализации через духовное раскрепощение. Они высоко ценят искусство, литературу, что делает их весьма привлекательными для мо-

лодежи. Молодых людей в эти объединения влечет и царящая в них доброжелательность, терпимость к чужому мнению. Среди них — немало людей среднего возраста и пожилых, в том числе и членов партии, которых тяготит убогая и серая общественная работа, которую они вынуждены выполнять.

Н. о. "системы", не имея определенной структуры (оно вобрало в себя разношерстные группы людей из различных организаций и объединений), четко разрабатывают свои цели: обновление общественных отношений в стране (и на планете) через распространение примера бескорыстия, доброты и любви к ближнему.

На первый взгляд эти идеи близки к христианству — с утверждением подобных норм и веры начиналось нравственное обновление человечества две тысячи лет назад. Но существуют и более современные истоки мировоззрения "системы" — это философия Берга с ее призывами к свободной любви, отказом от современных благ и комфорта жизни.

С "системниками" смыкаются "пацифисты". Их программное требование — отказ от насилия в международных отношениях — основано на убежденности в том, что существует равная ответственность США и СССР за напряженность в мире. "Пацифисты" считают, что любой политический режим покоится на насилии. По отношению к Западу такой взгляд вполне соответствует советской идеологии, но вот по отношению к СССР он уже лежит на границе диссидентства. Неудивительно поэтому, что "пацифисты" являются весьма питательной средой для выращивания и выражения оппозиционных взглядов и настроений. Они выступают за участие в антивоенных демонстрациях — параллельно и независимо от тех, что организуются властями. А наиболее радикальные и последовательные представители этого объединения заявляют об отказе служить в армии, что по советским понятиям является уголовным преступлением.

Стиль одежды "пацифистов", как и "системников", мало чем отличается от стиля других нонконформистов: те же длинные волосы, налобные ленты, самодельные украшения и обязательные джинсы — с вышивкой и заплатами. Свой собственный атрибут — брезентовая сумка или рюкзак.

”Наше единственное правило, — не без гордости заявляют они, — это жить вне общества”. Они протестуют против советской действительности и авторитарной власти, насилия и принуждения. Избегают связей и контактов с правительственными кругами, общаются, а порой и живут группами и колониями. Принцип и девиз их поведения — ”делай только то, что ты считаешь нужным и правильным”. И еще они придерживаются философии: ”Наш протест заключается в том, что мы против всякого протеста”. Но протест, стихийный и неосознанный, в их деятельности тем не менее проступает и просматривается. Официальному коллективизму, выраженному в призыве: ”Один за всех и все за одного”, они противопоставляют лозунг: ”Если не я за себя, и только за себя, то кто же за меня?” Циничные и духовно опустошенные, они зовут общество к прошлому — простоте и незатейливости старой патриархальной России. И подражают ей покроем одежды, характером пищи, грубой и простой. Они пытаются жить так, как, по их представлениям, жили первые христиане — быть гордыми, неприязательными и независимыми.

Полной противоположностью нонконформистам являются ”люберы”. Они так сильно вросли в советское общество и настолько восприняли его социопсихологию, что стали доставлять ему определенное неудобство, когда оно стало понемногу перестраиваться. ”Люберы” — ”нормальные” советские люди: они воинственны, жестоки и нетерпимы ко всему, что находится за пределами их понимания, и склонны к абсолютизации собственных ценностей. Истоки такого мироощущения — советская действительность, с ее претензией на универсальность собственного опыта. По советским понятиям они даже добропорядочны: занимаются спортом в созданных своими руками залах, не курят, не пьют.

Вполне ”чисты” они и идеологически: их цель — очистить города от чуждых коммунистическому обществу элементов: хиппи, панков, брейкеров, металлистов и прочих, короче — от всех, кто позорит (в их представлении) звание советского человека. Наконец, они ведут себя по-советски: находятся в состоянии превентивной борьбы со всеми, кто не разделяет их представлений и взглядов. Но вот методы их дейст-

вий в последнее время стали казаться властям чересчур грубыми, прямолинейными.

По вечерам и выходным дням они съезжаются из Люберец, пригорода Москвы (отсюда их название — "люберы") в столицу. Отлично натренированные, мускулистые, сильные (в соответствии с подбором спорта, которым они занимаются, — атлетическая гимнастика, карате, бокс, самбо), крикливо одетые — в клетчатых клоунских штанах и узких черных галстуках, — они приезжают, чтобы бить тех, кто наряжается в браслеты и цепи, кто ходит с раскрашенными прядями и волосами до плеч. Дерутся, всегда используя свое численное преимущество: трое — на одного, пятеро — на двоих, что вполне отвечает советской традиции "политики с позиции силы". Чисто советским приемом является и апелляция "люберов" к общественному мнению. Они любят, изувечив "панка" или "хиппи", пригласить прохожих полюбоваться результатами их "воспитания". И их поступки, как правило, находят сочувствие и поддержку. Советская логика рассуждений при этом предельно проста: а что плохого, если сверстники "посвойски" разберутся между собой, и "идейные" наставят на путь истины "неидейных".

"Люберы" хорошо и четко (кем-то) организованы. Делятся на группы, и в каждой есть свой предводитель. Тщательно проводится и отбор в "люберы" — обязательно нужно побывать в крупной драке, и право на "посвящение" предоставляется лишь самым безжалостным и жестоким (и, конечно же, физически развитым). Есть у них и собственный гимн:

Родились мы и выросли в Люберцах,
Центре грубой физической силы,
И мы верим — мечта наша сбудется,
Станут Люберцы центром России.

Что-то удивительно знакомое есть в этой песне — из прошлого, известного прошлого — фашизма. И "люберов" можно было бы смело назвать фашистами, если бы у фашистов в Советском Союзе не было бы собственного неформального объединения.

Сведений о существовании в Советском Союзе Н. о. людей, исповедующих идеалы национал-социализма, отмечающих день рождения Гитлера демонстрациями и актами насилия, немного. Тем не менее, можно очертить их состав и деятельность.

Для проведения своих сборищ они выбирают места, как-то связанные с русской историей (Казанский собор в Ленинграде, например), где они появляются в куртках (как правило, куртках учащихся ПТУ, из которых рекрутируется большинство "фашистов"), украшенных черепахи. Их деятельность (пока) сводится к осквернению еврейских могил, к ночным вылазкам в ларьки, в которых ломают скульптуры, к рисованию свастик на автомобилях, стенах домов и издевательствам над детьми и пожилыми людьми. Они присваивают себе клички — имена нацистских бонз: Гесс, Рем и т. д. Пишут друг на друга характеристики — на фашистский манер: отмечают чистоту крови, происхождение, вероисповедание. Их конечной целью является установление в СССР диктатуры, которую они обосновывают философией Ницше и взглядами Гитлера. Интересная деталь: многие члены фашистского объединения являются правочерными комсомольцами, что не мешает им совершать откровенно хулиганские акции: вылавливать одиноких прохожих и заставлять их выкрикивать "Хайль, Гитлер!" и целовать им руки. Учатся они насилию по строгой системе, что не оставляет сомнения в том, что за спиной фашиствующих подростков стоят вполне взрослые люди. Возможно, из числа тех, кто причисляет себя к обществу "Память" — еще одному весьма известному в Советском Союзе Н. о.

"Память", или, как называют эту организацию ее члены, "Общество охраны исторических памятников", первоначально отстаивала идею сохранения русской национальной культуры — памятников старины, зодчества, наименований городов, улиц, районов. Словом, защищала национальное достоинство, широкое использование ценностей прошлого. В активе этого объединения — спасение сооружений, так или иначе сопричастных с русской историей, — Щербаковских палат, пикеты на строительстве автотрассы в районе Лефортово, ма-

нифестации по поводу сноса гостиницы "Англетер" и против возведения памятника "Победы" на Поклонной горе. Но очень скоро "Память" перешла на позиции откровенного национализма, шовинизма и антисемитизма — идей, которые находят поддержку у определенной части советских людей: творческой и научной интеллигенции, в партийной среде, в кругах армии и госбезопасности. Находят потому, что эта организация очень ловко и умело умеет подстраиваться под соответствующие витки советской истории. И сегодня она целиком поддерживает демократизацию, помогает, как утверждают ее сторонники, вскрывать истинные причины и трудности перестройки и объявляет поход — "самый воинственный и непримиримый" — против "бюрократов" и "других врагов", которые разрушают демократизацию.

Такая позиция никак не соответствует гласности, как ее понимают в другом объединении — организации советских "неформальных изданий", требующей отмены цензуры и облегчения допуска к копировальной технике. Эта организация находится под покровительством большого числа различных политических групп (все они — Н. о.) — от обществ охраны природы, выступающих под общим названием "Эпицентр", до молодежных групп "Оптимистов" и "Попперов", ратующих за свободу дискуссии во внутри- и внешнеполитических вопросах. Философия всех этих Н. о. выражается в девизе: все, что не запрещено законом, должно быть позволено.

Деятельность Н. о. независимых издателей вытолкнула на поверхность политической жизни десятки других организаций, которые бросились "выбивать пыль" из советского политического устройства. Наибольшую активность при этом проявляют социалистические Н. о., вбирающие бесчисленное количество клубов — дискуссионных, межотраслевых, исторических, политических и прочих. Далеко не все они являются социалистическими по убеждению, но каждое из них в совершенстве пользуется социалистической демагогией для критики социалистических порядков и нравов. Наиболее известная их акция — намерение провести митинг в защиту смещенного руководителя партийной организации Москвы Б. Ельцина. Демонстрация не состоялась, но самая идея

ее получила широкий резонанс в кругах столичной интеллигенции. И, чувствуя поддержку общественности, активисты социалистических клубов вышли на улицы Москвы собирать подписи в поддержку Ельцина.

Деятельность социалистических Н. о. балансирует на грани закона: они признают руководящую роль партии, но в любую минуту рискуют сорваться с конституционного "каната" на требование "социалистического" плюрализма. Так что название "социалистический" на десятках Н. о. не должно вводить в заблуждение. Оно ничего, кроме как обращения к властям ("Мы такие, как вы, но только чуть-чуть иные"), не выражает. Вместе с тем их деятельность создает важный социальный прецедент: проводится проверка возможностей (и рамок) гласности.

Первое испытание гласность, вернее, горбачевский либерализм – выдержала: в августе 1987 года в Москве состоялась встреча-диалог представителей различных неформальных объединений. Они собрались под общей платформой трех "нет": нет – насилию, нет – национальной и расовой исключительности, нет – на монополию обладания истиной. Принцип звучал красиво и привлекательно. Но за ним вскрылись и проявились глубокие противоречия. И не только философские – это было естественно на форуме, собравшем сотни участников. А психологические, спродуцированные "эпохой застоя", а по существу всей системой советской социализации, против которой они выступают.

"Мои идеи (проекты, взгляды, принципы) единственно правильны и справедливы, и других не дано" – таковы были дилеммы и лейтмотив конференции, работа которой характеризовалась нетерпимостью взглядов, нежеланием находить компромиссы, неумением говорить и неспособностью выслушивать, то есть теми чертами, которые в течение десятилетий откладывались в советском человеке под воздействием пропаганды и под влиянием воспитания. Оказалось, что люди, расходясь с коммунистической властью во взглядах и нравственных принципах, невольно, несознательно, стихийно с ней сходятся.

Между различными Н. о. с разной политической ориента-

цией неожиданно появляются возможности сотрудничества, и столь же внезапно они исчезают — они не проходят через испытание на духовную совместимость. Московский клуб "Перестройка" выступает против близкого ему по взглядам ленинградского объединения под тем же названием и ищет контактов, забыв свои убеждения, с чуждым ему по духу клубом "Община". Странники проекта "Гражданское достоинство" ведут борьбу с "Фондом борьбы", отстаивая те же идеи. Привыкнув выражать и защищать свое право на отрицание несвободы, неравенства, бюрократизма, "неформалы" нередко испытывают шок "синдрома исчезнувших баррикад". Не будучи в состоянии предложить конструктивной программы переустройства общества, они бездумно плетутся в хвосте официальных лозунгов.

В советском обществе времен перестройки не оказывается механизма преобразования социальных желаний в социальные действия. Не существует (все еще) законодательной платформы для деятельности Н. о., не определены их возможности и обязанности. И они, выйдя из тьмы подполья, все еще не пришли к свету легальной деятельности и находятся в промежуточном состоянии полусвета и полутьмы. Раньше они хотели действовать, но не могли, сейчас могут, но не знают как.

Выжидают и государственные организации и не торопятся поднять добротной сколоченный шлагбаум запретов. Ушли в прошлое (но все еще неизвестно — безвозвратно ли) времена, когда на любое проявление несанкционированной сверху общественной жизни реагировали жестко и однозначно: "Стой!", и уж затем интересовались: "Кто идет?" В настоящее время власти стали вначале спрашивать: "Кто идет?" и "Куда идут?". А до получения ответа по-прежнему предлагают стоять на месте.

Стоять на месте, однако, советские люди больше не желают. Они рискнули заговорить своими словами и пытаются выражать собственное мнение и не желают вещать хором — по указке властей. Вот как это делает ленинградское "Объединение" — оно предложило правительству пересмотреть положение конституции о руководящей и направляющей ро-

ли компартии, приняв закон, согласно которому Советы провозглашаются единственным полномочным органом государства. Многие Н. о. решили (решились) использовать узкую полосу демократизации для выражения и защиты гуманистических принципов. И, переосмыслив официальные мирные лозунги, они повели пропаганду за вывод советских войск из Афганистана, требуя от властей отказа от принудительного набора в армию.

С призывом бороться за гражданские и политические права, за освобождение народов выступают многие самиздатские журналы. И совсем уникальным явлением в пестром калейдоскопе Н. о. является московское отделение НТС, эмигрантской организации, выступающей за свержение коммунистического правительства. Оно организует демонстрации в защиту политзаключенных, проводит на улицах опросы общественного мнения, раздает и рассылает листовки. Вслед за ним и другие Н. о. все чаще начинают поднимать политические проблемы, а некоторые из них сделали попытку (пока безуспешную) выдвинуть своих кандидатов на выборах в Верховный Совет в марте 1989 года. В Н. о., как и во всем обществе, вызревает мысль о необходимости создания "Народного фронта", способного стать альтернативой коммунистической партии. И прецедент уже есть — такая организация уже сформирована и получила права гражданственности в прибалтийских республиках, и подобные создаются на Украине и в Закавказье.

Н. о., даже на первый взгляд далекие от социальных проблем, приобретают политическую окраску. В спорах и столкновениях мнений ищутся пути переосмысления прошлого и средств преобразования действительности. И неожиданно даже самые реакционные Н. о. проявляют рациональное существо: в обществе "Память" просматривается идея возрождения национального достоинства русского народа, а в фашиствующих группах молодежи звучит в изуродованной форме протест и неудовлетворенность существующими устоями и условиями жизни.

Н. о. становятся социальными нишами, в которых сверхмеры "социализированные" советские люди ищут эмоцио-

нальной или духовной эмансипации от официального лицемерия и ханжества. Очень часто — и для многих из них — выход видится, в конечном счете, в добропорядочном советском существовании — конформизме или карьере. Но некоторые Н. о. проявляют и утверждают себя на путях социального протеста и политической борьбы.

“Страсти вокруг так называемых неформальных объединений накаляются. Дело не только и не столько в их внешней экстравагантности. С нею мы если не примирились, то свыклись. Постепенно осознается и то обстоятельство, что необычное поведение “детей” в немалой степени связано с недостатками в деятельности “отцов”, просчетами в воспитании...” (Сундиев И. Ю. Неформальные молодежные объединения: опыт экспозиции. Социологические исследования, сентябрь — октябрь, 1987, с. 56).

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА — совокупность аграрно-промышленных реформ, проводимых в Советском Союзе в 20-е годы.

Провозглашение и принятие нэпа (на 10-м съезде партии 15 марта 1921 года) свидетельствовало об отказе советских властей от немедленного построения коммунизма. Программа “большого прыжка” в новое общество не состоялась: народ не удалось заставить работать ни с помощью милитаризации хозяйства, ни созданием концентрационных лагерей — “школ труда”. Социальная утопия обернулась голодом, крестьянскими бунтами, недовольством рабочих. И безысходность положения подтолкнула Ленина к признанию ошибочности проводимой им политики — ее опыт оказался весьма продолжительным (четыре года) и обошелся стране в миллион человеческих жизней.

Переход к нэпу свидетельствовал о непроизводительности принудительного труда, и власти попытались нащупать новые пути в бесклассовое общество, теперь уже с помощью материального стимулирования и введения дифференцированной зарплаты — в соответствии с мерой и качеством труда.

Нэп прежде всего был политикой аграрной, он заменил продовольственную разверстку (насильственное изъятие у

крестьян сельскохозяйственной продукции) продовольственным налогом. Речь, собственно, шла не об облегчении податей (величина продналога приблизительно соответствовала размеру продразверстки — 240 миллионов пудов хлеба в год), а об ограничении государственного произвола. Декрет устанавливал норму налога, а все, что оставалось сверх него, было разрешено крестьянам продавать или использовать в своем хозяйстве.

Введение нэпа было политическим маневром, необходимым и вынужденным. Невозможность существования в условиях военного коммунизма заставила Ленина сделать шаг назад и вернуться к реальности. Коммунистические идеи, безраздельно господствовавшие в советской республике с 1917 года, приглушаются и притупляются. Новая политика открывает возможности для капиталистических форм экономики — денационализируется мелкая и средняя промышленность, разрешается и восстанавливается частная торговля. У советских людей появляется возможность сравнения и выбора: покупать у государства или у частника.

Возвращаются в широкий оборот деньги и восстанавливается (частично и в изуродованном виде) старая иерархия общества: капиталисты ("нэпманы"), торговцы ("купцы"), крестьяне-богатые ("кулаки"), зажиточные ("средняки"), бедняки ("батраки"), рабочие, служащие (советской формации), интеллигенция (состоявшая из старых сословий и создаваемая вновь). В советских городах открываются игорные дома, аукционы, кабаре, на улицах появляются автомашины и конные упряжки с выездом богачей, в мехах и драгоценностях.

Рабочие по еще неизжитой привычке пытаются бастовать, и волны брожения и недовольства, прокатываясь по стране, захватывают крестьян. Короче, в обществе наблюдалась реставрация плюрализма. С одной только особенностью — пролетариат, как будто стоявший у истоков революции, в силу ее перипетий начинает исчезать, его аннигилирует разрушенная и все больше приходящая в упадок крупная промышленность. Коммунистическая партия, превращаясь в авангард несуществующего класса, перерождается в авангард создан-

ного ею партаппарата. Но экономика развивается, в 1922 – 1926 гг. впервые после коммунистического переворота в стране не только были удовлетворены внутренние потребности в хлебе, но начался экспорт зерна, на прилавках магазинов в изобилии появляются продукты и товары.

И еще одна печать времени – либерализация экономики происходит и проводится под сенью страха и террора: нэп и ЧК являются ее полярными сторонами. Предприниматели имеют деньги и возможность их приобретать и тратить, но живут в неуверенности в будущем дне и лишены (отсюда – понятие "лишенцы") важнейших гражданских прав. Теплится надежда, что наступающая (и кажется – уже наступившая) стадия общественного развития пройдет в осуществлении двух начал – коммунистического и капиталистического. И будет отмечена их сосуществованием, возможно, болезненным, но без смертельной борьбы.

В 1923 году промышленные предприятия, стремясь увеличить свои прибыли, поднимают расценки на свои товары. И возникают "ножницы" (разница) между их ценами и стоимостью сельскохозяйственной продукции. Противоречие преодолевается призывом властей – еще один лозунг той эпохи – к крестьянам: обогащайтесь. И в стране стремительно расширяется посевная площадь – в 1924 году она достигает 80 процентов довоенной. Развивается и промышленность, не так успешно, как хотелось бы властям, но вполне удовлетворительно, особенно мелкая, которая не требовала крупных капиталовложений. Результатом явилось еще одно противоречие – безработица. Она в течение нэпа увеличилась в восемь раз: со 150 тысяч в 1921 году до 1200 тысяч в 1927 году.

На волне нэпа в Советской России был отменен сухой закон и введена монополия государства на производство и продажу спиртных напитков. Сталин рассуждал так: если нельзя вдоволь накормить людей, то следует, по крайней мере, их напоить. В таком подходе к алкоголю была одна причина его реабилитации. Но существовала и другая – государство остро нуждалось в деньгах, накопившихся у населения. Логика властей и здесь (по Сталину) была вполне революционной: лучше кабала у водки, чем у иностранного капитала.

Таким образом, при всех издержках, успехи нэпа были несомненны, он позволил полностью восстановить народное хозяйство, разрушенное войной и революцией, и накормить массы.

Но не к этому стремились коммунисты, не во имя этого они ввергли страну в революцию — им требовалось общество, целиком им подвластное. Им нужен был народ — оправдывающий их доверие, податливый, послушный и управляемый. Партия, совершив переворот от имени революционного класса, которого в действительности не существовало, стремилась создать и сформировать класс бесцветных и безликих роботов. И для этого следовало отказаться от нэпа: он сделал свое дело и должен был быть уничтожен. В 1926 году нэп стал задыхаться — он оказался обреченным. Система, созданная насилием, была не приспособлена и не готова для развития в условиях социального мира. Формами ее правления неизменно оставались устрашение и террор. В периоды кризиса они на какое-то время угасали. И государственный аппарат, лишенный представления о честности и порядочности, быстро оказался захваченным и парализованным коррупцией и нравственным разложением. А чтобы спасти себя в нем, коммунистическое правительство было вынуждено реабилитировать "силовую политику" — на нее вновь была сделана ставка в игре за коммунистическое общество. Время заигрывания с народными массами закончилось.

Для ускорения движения к социализму партия решила послать в деревню тысячи коммунистов. Их задача была загнать крестьян в колхозы и попутно — изъять у них зерно. Хлеб стали искать и изымать так же, как у истоков революции — разрушали стены, выламывали подполья, разоряли и сжигали избы. Происходило это в 1929 году. И в том же году, в декабре, официально было объявлено о конце нэпа. Советская история возвращалась на "круги своя": к террору и насилию — до следующего своего поворота к либерализации.

"...новая экономическая политика — особая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. Она рассчитана на укрепление экономического союза рабочего класса с крестьянством, на создание материальной заинтересованности их

в развитии хозяйства, как известное допущение капитализма при сохранении командных высот народного хозяйства в руках пролетарского государства". (Краткая история СССР, ч. 2-я. М., изд-во "Наука", 1978, с. 142.)

НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ — внешнеполитическая концепция советского правительства, исходящая из понимания единого, целостного и неделимого мира.

Н. п. м. основано на критическом переосмыслении и переоценке роли Советского Союза в современном мире и понимании пределов его возможностей. Оно пересматривает многие, казавшиеся незыблемыми, коммунистические воззрения: возможность ядерного устрашения, теорию насильственной революции, проблему сосуществования государств. И предлагает положить в основу международной политики принцип, весьма близкий христианской идее (нравственному императиву Канта): относиться к потребностям и интересам других государств (и к его гражданам) как к своим собственным.

На основе такого мироощущения выстраивается система Н. п. м., стройная и противоречивая. Это — понимание того, что в современном обществе не существует проблем, политических или идеологических, которые невозможно было бы решать мирными средствами. Утверждается, что нет таких международных конфликтов, социальных или экономических, которые бы оправдывали применение военной силы. Отстаиваются открытость политического мышления, его поисковый, творческий характер, реализм, трезвая оценка динамики глобальных отношений. Предлагается рационализировать внешнюю политику — найти "основное звено" противоречий и, постигая и решая их, преодолеть "конфронтацию и гонку вооружений".

Вместе с тем широкий подход к международным проблемам не подводит советских руководителей к изменению содержания их внешнеполитической деятельности — меняется только ее стиль и характер. Н. п. м. — это не новая советская политика, а лишь новое ее философское оформление, по-прежнему отягощенное идеей классовой борьбы, для ко-

торой отныне подыскиваются более безобидные и "цивилизованные" формы.

Большинство понятий, которыми оперирует Н. п. м., абстрактны и до конца, по-видимому, не понятны их создателям, советским руководителям. История иронизирует над их честолюбивым стремлением управлять мировым процессом. И им приходится, нехотя, отказываться от многих своих представлений. Они вынуждены пересмотреть свою оценку капиталистической системы — оказалось, она все еще не исчерпала своих социальных возможностей. Отодвинулась на неопределенный срок и перспектива мировой революции — Третий мир совсем не торопится осваивать советский опыт.

Не внушают Советскому Союзу доверия (и оптимизма) и социалистические страны — в них царит неустроенность и разногласия. И советским руководителям во второй половине 80-х годов пришлось срочно пересматривать свою внешнеполитическую доктрину — искать новые "лозунги действия", которые были выражены в Н. п. м. в виде лаконичных и доступных идей и афоризмов: невозможно выиграть ядерную войну, следует отказаться от намерения проводить внешнюю политику с позиции силы, образ мысли и образ действия политических деятелей должны быть основаны на принципах сосуществования, мир не может быть сохранен военными средствами, безопасность человечества неделима, развитые страны обязаны выдвинуть совместные программы помощи отсталым государствам, военные доктрины должны быть оборонительными, политические позиции правительств следует освободить от идеологической нетерпимости и, наконец, общий вывод — вступив в ядерный век, человечество лишилось бессмертия.

Новое советское политическое мышление, однако, не исчерпывается этими обтекаемыми "десятью заповедями". В нем присутствует надсоциальное восприятие современного мира, проявляемое в принципе приоритета общечеловеческих интересов над классовыми, и которое пересматривает известную марксистскую формулу о необратимости и неизбежности классовой борьбы: указывается, что она не выдержала испытания ядерной эпохи. За пределами марксизма ока-

зывается и учение о перерастании мировой войны в социалистическую революцию. Н. п. м. разрывает существующую между этими понятиями причинно-следственную связь (война — детонатор революции) и стремится соединить перспективу социального прогресса с возможностью установления всеобщего мира. Этим, однако, проблемы войны и революции не исчерпаны. Они не преодолены, а всего лишь разведены на время — до тех пор, пока Советский Союз не ликвидирует свое экономическое отставание от Запада. Тогда они вновь сойдутся и уже сойдутся.

Н. п. м. не распространяет свое действие на отсталые и развивающиеся регионы мира. Они, по мнению советского руководства, выпадают из общих правил — указывается, что в них революция может (а порой и обязана) сопровождаться насилием. Иное дело Западная Европа и Америка — здесь революционное брожение может перерасти в мировую войну. И по отношению к странам этого региона Советский Союз готов отказаться (на время) от использования "образа" врага, который успешно эксплуатировался им в течение многих лет, списывая за его счет огромные военные расходы и собственное социальное неустройство.

Однако без силовой политики советская система существовать не может, и очень скоро ей придется изыскивать "врага". На какое-то время им может оказаться "внутренний враг" — коррупция, наркомания, алкоголь, короче — тот самый механизм торможения, который оказался на пути перестройки. Но по ту сторону горбачевских реформ, когда (и если) выявится их несостоятельность, виновных придется искать "вовне". И претендентом на эту роль вполне (и даже — вероятно) может вновь оказаться Запад.

Это произойдет в будущем. А пока что советское руководство испытывает по отношению к нему комплекс неполноценности — ищет в его поддержке и одобрении подтверждение правильности избранного им политического курса. И, желая ему угодить, Горбачев предлагает и обещает обратиться в своей политике к принципам нового мышления. Не понимая, что принципы мышления не могут быть ни старыми, ни новыми — они давно установлены и опробированы че-

ловечеством. Новым может и должно быть восприятие и оценка современного мира, который советские руководители все еще осмысливают в старых понятиях и формулах. Новым у них оказывается не подход к миру, а его освоение — в полном соответствии с их политическими интересами.

”Основной, исходный принцип нового политического мышления прост: ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей”. (Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., Изд. политической литературы, 1987, с. 143.)

НОМЕНКЛАТУРА — список высших должностных лиц, в соответствии с которым определяются место и права человека в Советском Союзе; правящая прослойка советского общества.

Многочисленные исследователи неоднократно пытались постичь сущность Н., осмыслить ее структуру и динамику. Закрытость советского общества, негласность происходящих в нем социальных процессов привели к тому, что это понятие породило бесчисленные домыслы: ”нервная система советского режима”, ”секретная сеть тех, кто удерживает наиболее влиятельные позиции и определяет стиль советской жизни”. Определения такого рода дают лишь эмоционально-описательную характеристику явления Н., выхватывая отдельные его черты, не вскрывая его сути и механизмов.

Между тем в Н. нет ничего таинственного. В сущности — это сеть ключевых должностей, назначение на которые производится по решению партийных организаций. И только с их согласия и одобрения люди, занимающие эти посты, освобождаются и перемещаются по работе. В зависимости от характера должности, ее социального веса и общественного значения (иными словами, от объема ее власти) различают Н. районного, городского, областного, краевого, республиканского и центрального комитетов партии.

Внутри каждой Н. существует дополнительная градация. Н. ЦК КПСС распадается на Н. Секретариата и его отделов. Аналогичное деление имеет место в Н. республиканских, областных, городских и районных комитетов партии.

Все сколько-нибудь значительные должности, партийные, общественные, государственные, хозяйственные, научные, подпадают под тот или иной вид Н., что позволяет партии (а точнее, господствующей коммунистической бюрократии, выступающей от ее имени) контролировать все области социальной и политической жизни страны. Н. стала важнейшим средством материализации права советской элиты на власть, маскирующей свои честолюбивые устремления волей партии, которую она любит изображать "движущей силой советского общества".

Понятие Н. возникло в процессе уничтожения Сталиным "ленинской" партии и формирования нового коммунистического класса. Сталин не обладал качествами, необходимыми вождю партии, — не был ни крупным теоретиком, ни ярким оратором, но, в совершенстве овладев искусством политического манипулирования, он стал постепенно отрывать партийную массу от ее руководителей — незаурядных сподвижников Ленина. Власть идей в партии была подменена им идеей власти, и ей он подчинил свой ум, природную хитрость, великолепную память. Но главным инструментом консолидации им власти стала изобретенная им система номенклатурного назначения: она принципиально меняла характер взаимоотношений в высших эшелонах партии, которые стали заполняться не избираемыми на съездах и пленумах руководителями, независимыми и свободными в своих суждениях, а людьми, выдвинутыми Сталиным и ему преданными.

Созданный в ЦК еще при Ленине Организационно-распределительный отдел был превращен им в кузницу Н. В 1923 году этот отдел по указанию Сталина послал более десяти тысяч партийцев на периферию и внедрил их на ответственную работу. Через этот отдел происходило движение партийных кадров и в обратном направлении — в центр. Механизм работы Орграспредотдела был прост и надежен: он утверждал и отправлял в различные районы страны секретарей партийных комитетов, которые на местах подбирали требуемых Сталину делегатов съезда; те, в свою очередь, выбирали необходимый ему ЦК, ЦК создавал управляемое им Политбюро, и оно приступало к штамповке новых пар-

тийных кадров, подвластных его и только его — Сталина — воле.

Круг номенклатурных назначений, таким образом, расширяясь, замыкался. И принцип преданности коммунистов партии подменялся требованием преданности их генсеку. В 1924 году и сама партия как организация революционеров перестала существовать. Она была взорвана изнутри — была растворена в многомиллионной массе новых ее членов, темных, невежественных, хлынувшей в нее по призыву Сталина. И доля тонкого профессионального слоя стала в ней стремительно таять: в 1925 году он составлял в ней менее пяти процентов, а к 1929 году упал до одного процента. Облик и характер партии стали определять сталинские кадры, деклассированные рабочие и крестьяне-батраки. В 1930 году они составили 90 процентов ее членов — 70 процентов из них закончили лишь начальную школу, а образование 20 процентов определялось как "незаконченное среднее".

Партийный "молодняк", податливый и беспринципный, стал жадно поедать остов партии — его ленинскую гвардию. На него сделал Сталин свою ставку в борьбе за власть, но он понимал, что голодный союзник — ненадежный союзник. И старательно, обласкивая его почестями и должностями, откармливал его на особых, так называемых кремлевских пайках. Миллионы пухли от голода и вымирали, а зарождающаяся Н. баловалась бутербродами с икрой и семгой, одаривалась меховыми шапками и утепленными полушубками — их щедро раздавали делегатам партийных пленумов и съездов.

Сталину недостаточно было поднять Н. над народом, необходимо было ее оторвать от него — с тем, чтобы намертво и навсегда завязать на системе и на нем. Отменяется установленный у истоков революции партмаксимум (потолок зарплаты партийных работников), и Н. помещается в искусственный "спец. мир" — мир специальных, то есть доступных и открытых только для нее магазинов, санаториев, больниц и даже кладбищ, в который простой советский человек не мог проникнуть ни живым, ни мертвым.

Закрывая и зажатая в этом сюрреалистическом мире Н.

очень плохо представляла себе, как и чем живет народ, ибо общению с ним предпочитала встречи со "спец. массами" на различных партийных и хозяйственных форумах. Отсюда — ее неспособность управлять страной. И чтобы скрыть свою несостоятельность, искала и находила козлов отпущения — выискивала "врагов народа". Так что репрессии оказались необходимыми не только Сталину — чтобы сокрушить оппозицию, но и Н. И жертвами первых политических процессов стали хозяйственные работники — им вменялась непродуманность, завышенность или, напротив, заниженность государственных планов и развал промышленности.

Поиск виновных за экономические провалы постоянно расширялся, захватывал и заглатывал новые жертвы — крестьян, рабочих, интеллигенцию. Общество, задуманное когда-то как "светлое будущее", превратилось в гигантский концлагерь с миллионами заключенных — строителей социализма. Они возводили важнейшие сооружения "сталинских пятилеток": Беломоро-Балтийский канал, ДнепрогЭС, Магнитогорский металлургический комбинат.

Карточки, очереди становились неотъемлемой принадлежностью советского пейзажа. И чтобы отвлечь от разрухи и нищеты народные массы, Сталин их пытался купить лестью и показным вниманием. Н. жила, купаясь в роскоши, за глухими заборами дач, а рабочие люди голодали, бедствовали, вымирали, но о них писали в газетах, публично славил, называли почетными садоводами, доярками, трактористами, свиноводами. Из обездоленной толпы вырывали единицы и провозглашали их ударниками, стахановцами, одаривали орденами и званиями. Но к реальному участию в политической жизни не допускали. Управление страной было и оставалось прерогативой Н. Она образовывалась и складывалась в строгой иерархии на основе жесткой, чуть ли ни воинской дисциплины.

"Необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие принять эти директивы", — поучал Сталин. И разъяснял: "В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется три-четыре тысячи высших руководителей.

Это, я бы сказал, — генералитет партии. Дальше идут 30 — 40 тысяч средних руководителей. Это наше партийное офицерство. Далее идут около 100 — 150 тысяч низшего партийного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство”.

Признание прямое и откровенное. Сделано оно было Сталиным в 1927 году. И за истекшие 60 лет ”построение” Н. практически не изменилось, она по-прежнему организована по законам армии, иной только стала ее численность. Она разрослась, разбухла и давно перевалила за миллион и еще стала богаче и вальяжнее. И вся ее деятельность, как и раньше, направлена не на реальную работу, а на ”имитацию” ее. Главное для нее — проявление активности, быть на виду. Этим вызваны многочисленные инициативы, обязательства, рапорты. И — горящие по ночам окна кабинетов, ночные бдения и высидки Н. у телефонов — начальство должно знать, что она находится в состоянии готовности.

Н. не интересуется кропотливой работой, она — временщик с потребительским отношением к делу. Ее воображение занято поиском лозунгов и идеологическими парадами. И как только обнаруживается нестандартная ситуация, требующая инициативы, творческого подхода, сообразительности, Н. оказывается в тупике. И скрыть ее замешательство (а если шире — комплекс неполноценности) призваны спесивость, надменность, грубость и неприступность. Она постоянно ищет подтверждения своей самооценки. И утверждает ее богатством, роскошью и поездками за границу — там, а не у себя дома, она ищет признания и уважения. Осуждая капиталистический мир, заискивает перед ним и подражает ему.

Н. не предусмотрена конституцией СССР, ее существование регулируется и определяется негласной инструкцией ЦК КПСС ”О порядке подбора руководящих кадров”. Систематически обновляемая, эта инструкция жестко определяет порядок назначения на важные посты в системе управления государством. Н. приводит в движение весь механизм советской власти, предусматривающий прямую и обратную связь между Политбюро, Центральным Комитетом, военным командованием и госбезопасностью.

При всем различии своих уровней Н. является единой

иерархией, определяющей социальное положение представителей правящего класса советского общества, его привилегии, права и обязанности. Входящие в высшую Н. (члены Политбюро, Секретариата ЦК, министры) наряду с высокой заработной платой обеспечиваются расходами на представительство, приемы, одежду и т. д. Все номенклатурные группы поставлены над обществом и в своей совокупности образуют правящий класс, внутри которого есть свои сословия и элиты: партийная и правительственная, комсомольская и профсоюзная, военная, производственная, от литературы и искусства.

Партийная Н., или, как ее еще называют, "партократия", не только держит в своих руках всю систему должностных назначений, но и заполняет собой наиболее престижные и высокооплачиваемые посты, за которые постоянно идет скрытая и ожесточенная борьба.

Кадры Н. формируются в особых привилегированных учебных заведениях: в Высшей партийной школе, в Дипломатической академии, в Академии народного хозяйства, в академиях МИДа и МВД, в военных академиях, в высших школах КГБ и МВД, в институтах Международных отношений и Внешней торговли. Номенклатурный работник всегда находит вокруг себя поддержку и понимание, и пока он числится в ее системе, в системе Н., он стоит над законом и правом. Так было до последнего времени. Он мог растрачивать и пропивать общественные средства, быть соучастником преступлений или их организатором. Самое большее, что ему грозило, — переход из одной Н. в другую, с низшим статусом и меньшими благами. Плавая в номенклатурном "море", он при соответствующей политической конъюнктуре вновь выныривал к берегам власти, и перед ним открывались неограниченные возможности, от него же требовались исполнительность, угодливость и изворотливость.

Права и положение Н. пошатнулись при Горбачеве; предметом острой общественной критики стали привилегии Н., раскрылись и просочились на страницы газет наиболее зловещие ее преступления. Видные номенклатурные деятели, которые совсем недавно считались неприкосновенными, —

стоящие над законом секретари республиканских и областных комитетов партии, министры — неожиданно оказались под следствием. Но вскоре выяснилось, что огонь критики ведется не по Н. как общественной группе, а только по тем ее представителям, которые вышли в политический тираж, скомпрометировали себя тесной связью с Брежневым или не проявили угодливой лояльности по отношению к новому руководству. И по мере очищения и обновления Н. волны ее разоблачения начнут спадать. Уже спадают, ибо Горбачев не может подорвать престиж и социальное положение Н., не подорвав основу и сущность своей собственной власти. Ему необходимо сохранить за Н. способность к воспроизводству. Тогда сложившийся и утвердившийся в СССР порядок назначения и перемещения ответственных работников даст возможность партийному аппарату полностью контролировать общество, скрывая антинародный характер государственного режима. В таком случае кризис власти, вызванный просчетами и преступлениями Н., Советскому Союзу не грозит.

”Едва ли ни каждый день в том или ином разговоре, особенно если в центре страны, нам приходится слышать вполне привычные для уха фразы: ”Иван Иванович попал в номенклатуру”, ”Это номенклатурная должность”, ”номенклатурный список”. (”Огонек”, № 3, январь 1989, с. 12.)

НОРМА ВЫРАБОТКИ — установленная государством норма сменной выработки, а также — объем производимой работы.

На основе Н. в. в советской промышленности трудятся более половины, а в строительстве — четыре пятых рабочих. Их называют ”сдельщиками”, так как зарплата им начисляется в зависимости от проделанной (сделанной) работы. Размер зарплаты рабочих, однако, не обязательно совпадает с Н. в. — она может быть выше ее (если перевыполняются Н. в.) или ниже (при невыполнении Н. в.). Для рабочих-повременщиков вместо Н. в. устанавливаются нормированные задания, которые определяют степень их загруженности и меру интенсивности труда в течение смены.

Суть явления Н. в. советский человек воспринимает с

первых дней своей трудовой деятельности — она обязательна для выполнения. В ней сходятся, переплетаются его интересы и интересы предприятия (а если шире — общества), но переплетаются уродливо и противоречиво. Теоретически Н. в. должны быть экономически обоснованы, отвечать уровню развития технологии и организации производства, быть реально доступны квалифицированному рабочему, требуя от него достаточно высокой напряженности и усилий. Но в действительности советская индустрия (за малым исключением) функционирует и трудится по заниженным Н. в., которые легко перевыполняются на 120 — 150 и более процентов не только кадровыми специалистами, но и начинающими.

Часть этих, установленных на глаз, так называемых опытно-статистических норм были занижены уже при своем рождении, а другие устарели в процессе совершенствования технологии и повышения производительности труда. И они создают в промышленности видимость благополучия. Если судить по проценту выполнения Н. в., то окажется, что чуть ли ни большинство рабочих на советском производстве являются ударниками и передовиками, досрочно выполняющими личные квартальные, годовые и пятилетние планы, в то время как предприятия, находясь в глухом застое, проваливают одно за другим производственные задания.

Искусственно заниженные Н. в. разрушают дисциплину и трудовую мораль: доходы рабочих растут не за счет улучшения их работы, а благодаря развитию техники производства. Так что получаемая ими заработная плата даже без прямых и явных приписок перестает быть заработанной. Любое предприятие при таком размахе нетрудового дохода неизбежно бы разорилось, но только не социалистическое. Оно изначально недоплачивает своим работникам 80 — 90 процентов за их труд. И в той прибавочной стоимости с надежным запасом прочности запрограммирован неэффективный, малопродуктивный труд.

Скрытая форма эксплуатации рабочих, однако, не является единственной причиной сравнительно небольших Н. в. Их "питает" сама структура советского производства, которое многие годы развивалось экстенсивно — не улучшая и

не реконструируя существующие предприятия, а создавая и строя новые. Из-за этого число рабочих мест в промышленности стало "отрываться" от имеющихся трудовых ресурсов. У людей появилась возможность широкого выбора трудоустройства, и они перестали дорожить местом работы. Возникла и обострилась проблема привлечения и закрепления кадров на предприятиях. Решать ее улучшением условий труда и быта трудящихся было сложно и хлопотно, и советские предприятия пошли по пути "выводиловки" — выписывания рабочим незаработанных денег.

Большое количество заниженных Н. в. — причина того, что в промышленности рост производительности труда практически не опережает увеличение зарплаты. Отсюда — накопление у населения денег, не обеспеченных товарами, продуктами и платными услугами. Есть в такой организации труда и другая сторона — наличие на многих предприятиях различных Н. в., резко отличающихся по своей напряженности. В рабочей среде их называют хорошими (выгодными) и нехорошими (невыгодными). Первые — явно заниженные, вторые — более обоснованные или завышенные. Их распределение среди рабочих вызывает трения, а иной раз — трудовые конфликты.

Появление на общем фоне заниженных нормативов нереально высоких Н. в. является результатом двух причин. Первая — некомпетентность руководителей, стремящихся достичь увеличения производительности труда с помощью пониженных расценок. Вторая — вызвана тактическими соображениями: "ножницы" в Н. в. создают возможности для манипулирования трудовым коллективом: покладистым и покорным рабочим предоставляются удобные для выполнения нормативы, строптивым — трудновыполнимые. В результате — всякая идущая снизу самостоятельная инициатива осаживается и гасится, и у работников воспитывается стремление "не высовываться", не проявлять и не выкладывать своих резервов.

Осуществляя перестройку, новое советское руководство поставило цель ввести и внедрить в производство технически обоснованные Н. в. Но старается это сделать осторож-

но, ненавязчиво, не вызывая сопротивления и протеста: соответствующим образом подготовленные (обработанные) рабочие и целые бригады, не дожидаясь пересмотра оставших от фактической выработки норм, "сами" предлагают их увеличить и поднять. Расценки понижаются, но инициаторы предложений остаются не внакладе, они одариваются щедрыми премиями — из расчета ожидаемой экономии средств, а основная масса трудящихся еще больше и болезненнее стискивается рычагами эксплуатации.

"Переход на новые условия оплаты труда нередко осуществляется лишь путем понижения всем рабочим тарифных разрядов, пересмотра норм выработки без учета возможностей техники и организации труда". ("Агитатор", № 2, 1988, с. 7.)

”О”

ОППОРТУНИЗМ — пересмотр философских основ коммунистического учения; политическая деятельность, несовместимая с советскими интересами.

В Советском Союзе различаются два вида О.: правый и левый. Правый О. определяется как система политических взглядов, основанных на идеях естественной трансформации капитализма в социализм. Его теоретические истоки выводятся из идей, отстаивающих возможность сотрудничества классов, отхода от принципа диктатуры пролетариата и отказа от классовой борьбы. Левый О. представляется как авантюристическая политика, отстаивающая и насаждающая террор в революционной деятельности. Его основные принципы сводятся к стремлению перескочить через непройденные этапы исторического развития с помощью насилия.

Появление и распространение О. связывается с особенностями социальной и классовой структуры капиталистического общества. Считается, что пролетариат постоянно испытывает духовное давление буржуазных идей, их вносит в его среду мелкобуржуазная стихия — привилегированная рабочая прослойка и профсоюзные деятели. При этом правый и левый О. выражают мировоззрение различных социальных групп буржуазного общества. Правый — соответствует умонастроениям среднего класса, опасющегося утраты своих привилегий в революции. Левый — отражает психологию разорившихся собственников, не способных к участию в организованной (коммунистами) классовой борьбе. Массы этих людей ищут, утверждает марксизм, спасения от постоянно-

го угнетения в "крайней" революционности, которая не укладывается в рамки коммунистической идеологии.

Борьба с О. проходит через всю историю коммунизма. Ее отголоски звучат уже в трудах Маркса и Энгельса, но особенно отчетливо она прослеживается в ленинизме на фоне Первой мировой войны и последовавшего за ней коммунистического переворота в России. С этого времени большевики вели непрерывные и изнурительные сражения с бесчисленными оппортунистическими течениями.

С образованием Коминтерна (1919 г.) главным врагом рабочего движения объявляется правый О. — идеология социал-демократии, — считающий, что пролетарская революция и обобществление собственности не обязательны для построения социализма, и основное внимание уделяющий нравственному совершенствованию и свободе личности. В процессе большевизации партий, входивших в Коминтерн, из них изгонялись и репрессировались сторонники правого О.

В процессе перехода к социализму в СССР велась ожесточенная и никогда не затухающая борьба с левым О. Проводилась она теми же средствами и методами, что и борьба с правым О.: от изгнания из партии до публичных политических процессов. Травля левых оппортунистов была организована и в международном масштабе — в коммунистических партиях. Ленинско-сталинская трактовка О. создала питательную среду для кровавых чисток: малейшее отклонение от "генерального курса" каралось смертной казнью.

После смерти Сталина оценка О. подверглась пересмотру. В частности, было снято определение правого О. как врага более опасного, чем империализм и фашизм. А на 20-м съезде КПСС (1956 г.) была выдвинута идея о целесообразности сближения коммунистов с правыми социалистическими партиями и профсоюзами. Тем не менее принципиальное отношение советского руководства к демократическим партиям и свободным профсоюзам долгие годы не изменялось, а их характеристика как оппортунистических сохранялась вплоть до настоящего времени.

В 60-е годы основной опасностью для коммунистического движения провозглашался левый О., сторонники которо-

го в руководстве ряда "социалистических стран" (Китая, Албании, Северной Кореи) отказались слепо следовать советской политике. Теперь уже им, а не правым оппортунистам, стало вменяться в вину расшатывание коммунистического движения и стремление к политическому размежеванию с Советским Союзом. Левых оппортунистов упрекали в том, что они отошли от международного коммунизма и провозгласили курс, в котором "мелкий авантюризм" сочетался с "великодержавным шовинизмом".

Понятия "правый" и "левый" О. в советском политическом лексиконе отличались идеологической неопределенностью. Разновидностями О. объявлялись взгляды, в недавнем прошлом считавшиеся вполне марксистско-ленинскими и отличавшиеся не существом, а лишь терминологией от тех, которые проповедовало кремлевское руководство. Левооппортунистические идеи о революционном перевороте как универсальном средстве захвата власти были, хотя и с некоторыми оговорками, одобрены 20-м съездом КПСС. В то время теории, допускающие возможность перехода к социализму через традиционные буржуазно-демократические институты, объявлялись правооппортунистическими, несмотря на то, что и они в завуалированном виде вошли в программу советской компартии.

В соответствии с учением "классиков" советская идеология и сегодня на уровне массовой пропаганды продолжает утверждать, что развитие международного коммунистического движения, укрепление мировой социалистической системы предполагает борьбу против всяких проявлений О., что не мешая ей негласно "обогащаться" за счет тех же правооппортунистических идей, которые она впитывает и перерабатывает.

В Советском Союзе все чаще используются и канонизируются философские установки, которые в недавнем прошлом определялись как буржуазные. Так, слегка перекроенная теория государственного капитализма Каутского легла в основу советской социологии, а идея использования парламентаризма для захвата власти была заимствована у социал-демократических партий. Перекочевала в коммунистиче-

скую пропаганду и концепция общенародного государства, рожденная в недрах западного общества. Пересадка буржуазных воззрений на советскую почву, однако, всегда сопровождалась фразеологическим жонглированием — утверждалось, что они, в их первоначальном выражении, были и остаются глубоко ошибочными.

Таким образом, идейный поиск в советском обществе никогда не приостанавливался. Он проявлялся робко, осторожно, непоследовательно и, как правило, в марксистском обрамлении, пока ему в связи с перестройкой и проведением политики гласности не разрешили заявить о себе открыто и откровенно. И сразу обнаружилось: социализм по своей природе может быть многоликим и по-разному вращаться в социальные структуры, а в деятельности социал-демократических партий, стоящих на позиции явного оппортунизма, есть немало социалистического содержания.

Признание многообразия форм социализма не могло не сказаться и на оценке явления О. Он, хотя и продолжает по инерции подаваться в традиционно-ленинской упаковке, изменил свое содержание — сегодня единственным обоснованием для обвинения в О. служит противодействие советской политике — и не существенно, с каких позиций оно проявляется.

“Вся борьба нашей партии (и рабочего движения в Европе вообще) должна быть направлена против оппортунизма. Это не течение, не направление, это теперь стало организованным орудием буржуазии внутри рабочего движения”. (Ленин В.И. Собр. соч., изд. 4-е, т. 35, с. 152.)

ОТТЕПЕЛЬ — эпоха относительного свободомыслия (“попеления”), наступившая в СССР после смерти Сталина.

Впервые период послабления культурно-политической жизни в Советском Союзе назвал О. поэт Н. Заболоцкий, опубликовавший в октябре 1953 года в журнале “Новый мир” стихотворение, в котором это понятие впервые дается в переносном, социальном значении. Спустя год под таким названием появляется повесть И. Эренбурга. И очень скоро слово О. с его новым смыслом внедряется в общественное созна-

ние и начинает характеризовать политику властей — переход от террора к сосуществованию с народом. То была политика непоследовательная, в ней проявлялись и заявляли о себе противоречивые тенденции — консерватизм и либерализм, стремление к переосмысливанию прошлого и к критическому его восприятию и желание уберечь его от глубокой идеологической ревизии и нравственной переоценки.

В эпохе О., продолжавшейся десять лет — с 1953-го по 1964 год, выявляется несколько этапов: подъем, развитие и спад. Наступление О., ее становление отличается большими (и часто преувеличенными) ожиданиями демократизации и гуманизации советского общества. Эти надежды поддержал 20-й съезд КПСС. Острое выступление Хрущева против Сталина открыло возможность для критики различных, ранее скрываемых сторон и особенностей советской жизни: бедственного положения крестьянства, отсталости промышленности и застоя сельского хозяйства, неустроенности быта. Была пересмотрена и воинственная концепция советской внешней политики и заложены основы детанта. Это были годы наибольшего развития и проявления О., которая протекала непоследовательно и зигзагообразно.

Под давлением обстоятельств и политической конъюнктуры Хрущев маневрировал, отступал, а затем неожиданно делал рывок вперед, проводил реформы и вновь тревожил тень своего предшественника — на 22-м съезде КПСС (1961 г.) он позволил себе самую острую и беспощадную критику Сталина. После нее, однако, наступило сворачивание О. И Хрущев стал отстраивать свой собственный культ, со всеми свойственными ему признаками и чертами — догматизмом, непогрешимостью, произволом и беззаконием.

Закончилась О. с падением самого Хрущева. Новое советское правительство увидело в ней проявление "волюнтаризма" — тогда самого опасного политического преступления.

"Прививка хрущевской "оттепели" оказалась сильной: она держалась даже у тех, кто тосковал по сталинским временам". ("Московские новости", № 36, 4 сентября 1988, с. 8.)

ОЧЕРЕДЬ — группа людей, выстроившихся друг за другом или расположившихся по списку.

Советские граждане тратят на О. в магазинах, ресторанах, больницах, мастерских бытового обслуживания, прачечных, на почте, вокзалах и т. д. более 80 миллиардов часов в год, что соответствует времени, которое расходуют 40 — 45 миллионов человек в год на свою работу.

Количество О., ежечасно и ежедневно возникающих в советской стране, не поддается полному учету или определенной классификации. В самом общем виде они могут быть разделены на четыре типа: естественные или добровольные, административные, дефицитные и скрытые. Причем каждая из них распадается в свою очередь на две категории: живые О. и по спискам.

Живая О. может состоять из нескольких человек и многих тысяч, растянутых на сотни метров через жилой квартал или район. О. по записи ("по списку") составляется и ведется энтузиастами или учреждениями — предприятиями торговли и государственными организациями. Она включает в себя также десятки или тысячи людей.

Естественные О. — явление не специфически советское, они традиционны для современного общества. Это О. на различные зрелища: спортивные состязания, театральные постановки, в кино, на концерты и т. д. Они не являются жизненно необходимыми и добровольны (отсюда — их второе название) и зависят от энтузиазма, вкусов и предпочтений людей.

Административные очереди выстраиваются в Советском Союзе на получение квартир, места в больнице, на прием к ответственному работнику и т. д. Ведутся они, как правило, по записи, то есть гражданам не приходится дышать друг другу в затылок, простаивать в лютый мороз или под проливным дождем на улицах или в подворотнях. В этом их преимущество, но и недостаток. Люди не видят своей О., им только известно их место (номер) в ней. Но оно лишено смысла, абстрактно, так как те, кто имеет протекцию или готов дать взятку, их постоянно обходят и опережают. Стояние в такой О. может оказаться ожиданием в "никуда" или растянуться

на многие месяцы и годы. Такая О. — типична на приобретение квартир, получение разрешения на установку телефона, на покупку автомашины, мебели.

Самое уникальное и в то же время самое характерное и обычное для советской жизни — это О. за квартирой. Стать в нее можно в горисполкоме (райисполкоме) или по месту работы. Слово "стать" в данном случае относительно — чтобы оказаться в ней, недостаточно одного желания. Советскому человеку необходимо доказать свое право на эту О., которое складывается из ряда условий: на каждого проживающего в его квартире жилья должно приходиться меньше шести квадратных метров. Или его жилплощадь должна не соответствовать санитарно-гигиеническим нормам (протекают потолки, разваливаются стены), или подлежать сносу. В таком случае у человека появляется возможность стать в О. на квартиру. Но чтобы реализовать свое право на эту О., ему надлежит пройти через новые О.: для сбора соответствующих документов и справок он должен простоять в живой О. или в О. по записи на прием к начальнику ЖЭКа, санитарному врачу, архитектору, прождать недели и месяцы. И при этом неизвестно, удастся ли ему их собрать и получить.

Впрочем, путь выхода из этой проблемы скрыт в понятии "пойти на прием". За кажущейся абсурдностью выражения — на прием не ходят, а приглашают, — в нем имеется определенный смысл. Советские руководители *принимают* не столько посетителей, сколько их подношения и подаяния — наличными или подарками. Без них прием не только не удастся, но на него нельзя даже попасть. Именно попасть — это слово выражает сложность и трудность оказаться у нужного, влиятельного человека в нужное время. Для этого необходимо его помощника убедить (убедить, как правило, без взятки невозможно) в важности и необходимости дела, о котором собираются просить. И только тогда проситель сможет оказаться в О. на прием. И здесь вновь его ждет неизвестность. Прием может быть прекращен за несколько человек до него, и тогда неизбежно новое ожидание в О. — это обычная процедура, характерная для всех административных О. в Советском Союзе.

Дефицитные О. иные, они отличаются от административных. Это О., если и не за хлебом насущным (последние годы в СССР нет О. за хлебом), то за продуктами и товарами, жизненно необходимыми: от мяса, масла, сыра, фруктов до одежды и обуви. Выстраиваются дефицитные О. и за престижными, модными изделиями и предметами роскоши.

Дефицитные О. возникают в Советском Союзе не обязательно за действительно дефицитными товарами. Они образуются и за вещами, которые имеются в продаже в достатке, — потому что в советском обществе постоянно если не чего-то, то кого-то не хватает: продавцов, кассиров, грузчиков и т. д. И в такой организации труда просматривается определенный смысл, вернее — умысел: О. позволяет извлечь работникам дополнительную прибыль, дает возможность сорвать незаконный куш — например, обвесив покупателя.

Так что О. в Советском Союзе не сдают своих позиций, ибо образовалось огромное количество людей, заинтересованных в том, чтобы они никогда не кончались. На них они не только сколачивают состояния, но и строят благополучную жизнь: помогая влиятельным лицам доставать дефицитные товары и недоступные услуги, предприимчивые дельцы от торговли, завязывая знакомства и связи, приобретают уважение и почет. И здесь мы подходим к еще одной категории О. — невидимой. Это — как бы несуществующая О., ибо в нее нельзя встать или записаться. А между тем в такой О. оказывается чуть ли ни вся страна. Каждому советскому человеку, по крайней мере раз в жизни, предстоит поездка в командировку, и ему необходимо позаботиться о месте в гостинице. Или для того, чтобы подлечить здоровье, ему требуется путевка в санаторий. Но мест в гостиницах, так же как и путевок в санатории, никогда не бывает в свободной продаже, как, впрочем, нет и явных очередей за ними: живут в гостиницах и отдыхают в санаториях в Советском Союзе те, кто ни в каких очередях никогда не стоит. Прохождение через такие "невидимые" О. узаконивает система различных привилегий: если Герои Советского Союза и депутаты Верховного Совета обслуживаются вне О., это означает, что все другие советские граждане обязаны в них стоять.

Советская О. обладает внутренней динамикой, скрытой подвижностью, в ней постоянно образуются подводные течения, идет борьба и действуют свои законы. Покупатель в живой О., если ему повезет и он доберется до прилавка, имеет возможность получить в "одни руки" ограниченное количество товара: 400 граммов масла, один килограмм мяса, крупы или сахара, литр молока, пару перчаток, два билета на концерт или в театр, один костюм, пальто и т. д. Но чтобы приобрести покупку, ему надо выстоять в трех других О.: чтобы увидеть и выбрать товар, чтобы его оплатить и, наконец, чтобы получить.

О., таким образом, усложняется, удлиняется, растягивается, и в ней появляются энтузиасты, составляющие списки стоящих, выдают им номера или наносят их чернильным карандашом на ладони. Периодически проводятся переклички, так что невозможно надолго отойти от О. И от долгого стояния, напряжения в О. вспыхивают ссоры, перебранки, драки. Они спадают только с приближением к прилавку — тогда внимание людей целиком сосредотачивается на покупке.

О. стала для советского человека не только необходимостью, традицией, но и потребностью. Он не купит товар, если за ним нет О., — это верный признак того, что он некачественный. Он же поспешит встать в нее, еще не зная, что дают, — срабатывает стадное сознание: другие стоят, значит, стоит встать и ему, он занимает О. и лишь затем узнает, "что дают".

Социальный состав и структура О. отражают характер и особенности советского общества: за продуктами питания и товарами первой необходимости стоят люди, находящиеся на самых низких ступенях социальной лестницы: рабочие и служащие, те, кто лишен возможности "отовариваться" в закрытых магазинах. Здесь же занимают места и сельские жители, приезжающие за дефицитом в города за сотни километров — поодиночке или организованно в служебных автобусах.

О. несет также и общественно-продуманную функцию: умело организованный товарный недостаток глушит и гасит недовольство успешнее и надежнее, чем надзор и административный контроль. Он помогает создать эрзацы социально-

го удовлетворения: ущемленность граждан искусно компенсируется удовлетворенностью от сознания достигнутой цели — приобретения "дефицита". Покупка становится подвигом, выделяющим обездоленного человека среди других, еще более обездоленных.

О. выработала специфический тип человека, стоящего в ней, — усталого, раздраженного, с потухшими глазами и всегда агрессивного. В О. люди усредняются, их характеры и вкусы стираются, индивидуальность подавляется. Если удастся приобрести желанную вещь, все в одинаковой мере радуются, если нет — кончился товар или закрыли магазин, — в равной степени испытывают обиду и разочарование.

В О. вырабатывается и свой специфический язык общения: "выбросили" — означает поступило в продажу; "досталось" — "не досталось" — хватило или не хватило; "выстоять очередь" — приобрести покупку; "оторвать" — купить; "занять очередь" — определить свое место в ней. О. вызвала к жизни и многие афоризмы: "отсутствие очереди означает отсутствие товаров", "очередь — основная форма распределения", "неживая очередь живет дольше живой", "очередь — эффективная форма рекламы", "чем дольше стоит человек в очереди, тем больше он покупает". И совсем новое крылатое выражение, навеянное горбачевскими временами, — "очередь есть одна из разновидностей неформальных объединений по интересам".

На базе слова О. возникают новообразования. Одно из последних (его еще нет в советских словарях) — "очередник" — так называют человека, ожидающего получения квартиры. Говорят "кто крайний?" — вместо того, чтобы сказать "кто последний?". Существуют и другие специфические вопросы: "Что дают?", "Какая норма в одни руки?", "Сколько впереди вас?". О. питают и советскую культуру — им посвящаются сотни сюжетов, зарисовок и анекдотов. Исчезни они вдруг, и социалистическое искусство сразу же опустеет, станет беднее. Но, по-видимому, эта опасность ему не грозит — О. верный и надежный спутник советского образа жизни.

"И все-таки самые страшные не эти обычные очереди, в которых, по крайней мере, знаешь, кто последний, а совсем другие, невиди-

мые, в которых можно простоять всю жизнь, но так и ничего и не получишь". (Л. Великанова. Кто последний? "Литературная газета", 20 апреля 1988, с. 14.)

”П”

ПАРАДОКС — неожиданное мнение, суждение, заключение, расходящееся с устоявшимися общепринятыми понятиями.

Слово П. возникло в античные времена для обозначения и определения необычных явлений, но не в одну эпоху П. не являлся столь явным отрицанием здравого смысла, как в советскую. И не только в области коммунистического мышления, где он часто приобретал неожиданный характер абсурдных высказываний: ”высшая ступень демократии — диктатура пролетариата”, ”демократический централизм”, ”мирное сосуществование — форма идеологической борьбы”, в которых начало утверждения не соответствует его завершению, но и в реальной жизни, с ее противоречивыми ”развязками”. Социальная однородность советского общества была достигнута через ликвидацию ”антисоциальных” сословий — дворянства, духовенства, кулачества. ”Смычка” (ленинский термин) ”дружественных” классов — пролетариата с крестьянством — понималась и осуществлялась в виде тотального подавления и уничтожения крестьянства. Каждый советский руководитель, и каждый по-своему, создавал в общественной жизни новые П. Хрущев подверг критике культ личности Сталина для того, чтобы отстроить свой собственный культ, а Горбачев стремится достичь разъединения партийных и государственных организаций с помощью объединения и совмещения функции их руководителей. Здравый смысл противится всем этим П. Но обязан их воспринять, ибо вся советская действительность есть П.: мир в ней вос-

принимается как война, дружба часто оборачивается ненавистью, интернационализм оказывается национализмом и т. д.

”Однако забывается, что теперь осуществить поворот государственного корабля на идеологию продналога существенно сложнее, чем в начале двадцатых годов. Казалось бы, парадоксальное утверждение. Ведь тогда – нищета, разруха... Сейчас этого нет”. (“Огонек”, № 34, август 1988, с. 7.)

ПАРТИЕЦ – в переносном значении – деятельный, инициативный коммунист, в прямом смысле – член партии.

Появление в 20-х годах слова П. было связано с усилением в СССР социального расслоения. К официально признанным сословиям советского общества – сочувствующим режиму рабочим и батракам, недовольным им крестьянам, отчужденной от него интеллигенции и враждебному ему духовенству – добавилась привилегированная прослойка – партийцы, из которых формировался и складывался новый правящий класс.

Раскрывая как будто одно и то же понятие, слово П. и выражение ”член партии” оказались неадекватными по значению. П. в 20-е – 30-е годы означало не только членство в партии, но предполагало и нечто большее – принадлежность к избранному, высшему слою, являлось свидетельством благонадежности человека.

В ходе развития советского общества отношение к П. меняется: по мере того, как партия становилась массовой, из нее выделялся правящий класс, образовавший особую, замкнутую социальную группу. В результате рядовой П. теряет свое привилегированное положение, а слово – первоначальную окраску; оно начинает обозначать принадлежность к коммунистической партии, с некоторыми оттенками, указывающими на социальную активность и динамику. Постепенно П. вытесняется из устного языка словосочетанием ”член партии” и сохранилось лишь в пропагандистском обращении.

Членство в коммунистической партии само по себе еще не вводит человека в правящий круг, не дает ему ни благ, ни привилегий, хотя и служит свидетельством его лояльности режиму. Многие члены партии столь же бесправны, как и

советские граждане вне ее. Разные обстоятельства приводят их в партийную организацию. Одни попадают в нее в соответствии с разрядкой, спускаемой сверху и предписывающей, какое количество необходимо принять в партию, рабочих и крестьян — советское руководство строго следит за социальным составом КПСС. Отказаться от вступления в партию опасно — тотчас же возникает вопрос: почему? И если человек не находит вразумительного ответа, он навсегда теряет доверие властей и вместе с ним возможность продвигаться по службе. Так что советские люди очень часто вступают в партию без желания и энтузиазма, нехотя долгие часы просиживают на скучных и утомительных собраниях и, страдая, выполняют различные поручения и нагрузки.

Есть, разумеется, и другая категория людей в партии, которые оказываются в ней добровольно, по свободному выбору или в силу своего служебного положения. Каждая руководящая должность в СССР привязана к определенному месту в партийной иерархии: министру надлежит быть членом или кандидатом ЦК, начальнику крупного управления, директору института — членом городского или районного комитета партии, а ведущему инженеру, конструктору, ученому — как минимум, членом партии. И не всегда для того, чтобы делать карьеру, хотя принадлежность к партии является непременным ее условием, а для того, чтобы удержаться на должности.

Среди членов партии есть немало и таких людей, которые вступили в нее, движимые честолюбием, однако они скоро убеждаются, что одного пребывания в партии явно недостаточно, чтобы сделать карьеру, — необходимы связи, требуемое социальное происхождение, чистая анкета. Важно, разумеется, и пребывание в партии, она — своеобразное чистилище по дороге, ведущей в высшее общество. Напряженная работа в различных организациях, испытания на безличность, безропотность и угодничество поднимают социальный шлагбаум, и наиболее удачливые П. проталкиваются или протискиваются в элитарный круг.

“Самокритично обсуждали партийцы вопросы организационной партийной работы”. (“Партийная жизнь”, 1983, № 21, с. 43.)

ПАРТИЙНОСТЬ — классовая обусловленность социальной деятельности и творчества.

Понятие П., выдвинутое и обоснованное Лениным в 1905 году в статье "Партийная организация и партийная литература", использовалось вначале достаточно узко — для оценки литературы. Требовалось, чтобы она была "подконтрольна партийным организациям и сохраняла верность партийной программе" (Ленин. Собр. соч., т. 16, с. 293). Позже, уже после революции, идея П. была перенесена на все искусство — современное и прошлое, пока не стала трактоваться как универсальный способ и средство оценки любых социальных явлений (1932 г. — статья Луначарского "Ленин и литературоведение").

П. требует восприятия и осмысливания действительности сквозь призму коммунистических интересов. В ее ракурсе мир предстает не таким, как он есть, — многообразным и противоречивым, а в том виде, как он видится коммунистам, — лишенным свободы и духовного поиска. Создается система мифов: личность замыкается в искусственной реальности, выраженной в партийных призывах и лозунгах и в которой происходят стерилизация и утрата общечеловеческих ценностей. Явления, лежащие вне рамок П., остаются ей неизвестными и непонятными, ибо они не укладываются в систему коммунистического мировоззрения.

Объективно, вне коммунистического мировосприятия, П. не существует. Но в Советском Союзе она действительнее действительности и проявляется в самых различных сферах советской жизни через определенные и отработанные идеологические рефлексy, которые широко использовались для объяснения и оправдания политических репрессий.

В науке насаждение П. привело к тому, что о ценности исследовательской работы стали судить не по ее вкладу в развитие общества, не по смелости выдвинутых в ней гипотез и обоснованности идеи, а по соответствию ее выводов марксистской идеологии. Борьба за П. в биологии, истории, языкознании, развернувшаяся в Советском Союзе после Второй мировой войны, привела к разгрому многих научных школ и изгнанию из них виднейших ученых. Опустошения во

имя П. затронули экономику, философию, психологию, социологию. Менее разрушительными они оказались в физике, ибо интересы обороны страны оказались для властей важнее политической целесообразности, и естествоиспытателям была предоставлена некоторая свобода творчества. Но и в этой области П. не сдала позиции. Целому ряду научных направлений было предъявлено обвинение в идеализме, и теория относительности, квантовая физика и кибернетика были провозглашены лженаукой.

Экстрapolияция П. на художественное творчество привела к появлению сложной системы идеологических запретов. Правда в искусстве была отчуждена и противопоставлена истине. Было объявлено, что истина отражает единичные, случайные факты жизни, тогда как правда — дает их целостное и полное ("типическое") изображение. Иначе говоря, правдой становилась истина, возведенная в ранг коммунистической идеи. Правдой провозглашается в СССР только то, что признавалось таковой газетой "Правда", — все, чего в ней не оказывалось, объявлялось, в лучшем случае, мелкой, случайной, преходящей истиной.

В результате такого утилитарного подхода к искусству, механического перенесения в эстетику категорий исторического материализма художественное творчество стало рассматриваться и восприниматься как часть партийной работы. И своеобразно со спецификой такой "партийной работы" для него были выработаны свои особые правила — принципы социалистического реализма, вне которых (а значит, за пределами официального искусства) оказались лирика, сатира, абстрактная живопись и конкретная музыка.

Произведения многих советских художников, пытавшихся мыслить вне категории П., были осуждены, преданы забвению и растоптаны. Среди жертв П., принужденных к изгнанию или молчанию, оказались самые выдающиеся деятели советского искусства — Ахматова, Цветаева, Зощенко, Солженицын, Галич, Тарковский, Бродский, Шнидтке и сотни других, известных всему миру поэтов, писателей, режиссеров, музыкантов.

Требование П. лишает художника права на индивидуаль-

ность, оставляя ему единственный выбор — служить (вернее, прислуживать) партии или отказаться от творчества. Существовал и третий путь — многие советские писателя, спасаясь от "партизации" их творчества, уходили в жанры, где воздействие партийно-правительственных директив проявлялось менее заметно и разрушительно, — в переводы, национальный эпос, фольклор. Но тщетно: история в советском искусстве имеет право на существование только как повернутое в прошлое коммунистическое настоящее. За этим "бдительно" следят сотни советских организаций и, прежде всего, отделы пропаганды и агитации и науки ЦК КПСС. Без их одобрения и рекомендации ни одно произведение в Советском Союзе не будет напечатано и ни один спектакль (симфония, опера, фильм) не выйдет в свет.

Горбачевская гласность, вызволившая из советского небытия многие выдающиеся имена, не аннигилировала П. Но П. стала другой — вровень с веком: менее прямолинейной и более утонченной. Новые советские руководители оказались великодушными и к художникам, но только — к мертвым художникам: они были уже не опасны режиму, а их известность и слава придавали ему известный оттенок гуманизма и либерализма. Так Гумилев, Пастернак, Гроссман, Шагал были призваны на службу перестройке. Но основная идея П. — утверждение права партии руководить духовной деятельностью — осталась неизменной.

В международной жизни принцип П. выразился в универсализации опыта Октябрьской революции. Догматизация этого опыта, насильственное насаждение его в государствах Восточной Европы (в странах с другой, чем Россия, социальной структурой и с иным историческим опытом) привели к массовым судебным процессам: Костова — в Болгарии, Гомулки — в Польше, Райка — в Венгрии, Патраскяну — в Румынии, Сланского — в Чехословакии и к чудовищному экономическому застою.

П. в политике выразилась в отлучении от коммунизма Югославии — ее руководители были объявлены фашистами. Во имя сохранения и святости П. Брежнев в 1968 году танками давил чехословацких коммунистов, искавших для сво-

ей страны собственную "модель социализма", а спустя десять лет вторгся в Афганистан, принуждая народ, находившийся вне коммунистического лагеря, принять нормы советской политической жизни.

П., таким образом, есть диктатура коммунистической партии, перенесенная в духовную сферу, диктатура, охватывающая все ее сферы и проводимая любыми средствами.

"Эта победа – результат утверждения и развития демократических принципов партийной и государственной жизни; значительной перестройки идеологической работы на основе принципов партийности, классовости, научности, гласности..." ("Агитатор", 1983, № 14, с. 12.)

ПАРТИЙНЫЙ РАБОТНИК – человек, сделавший партийную работу основной формой своей трудовой деятельности.

Партийная работа – удобный и надежный способ сделать карьеру. Перед П. р. раскрываются широкие возможности: ему обеспечена высокая зарплата, права и привилегии и гарантирована возможность со временем перейти в любую другую сферу деятельности – дипломатическую, научную, производственную и т. д.

Такая передислокация имеет ряд достоинств, но связана и с определенными издержками. Приближение П. р. к сфере производства (а стало быть, к материальным благам и источникам перераспределения капитала) открывает возможности к обогащению. Издержки такого перемещения – П. р. оказывается вне привилегированной элиты, и ему приходится заниматься и нести ответственность за конкретную работу.

Однако, если сохраняются связи, у П. р. остается шанс при следующей раскладке номенклатуры вернуться в парт-аппарат. И, перейдя на следующий виток партийной спирали и закрепившись на ней, он может со временем вернуться вновь на партийную работу, но уже более ответственную. Весьма престижным считается секретарство в обкоме партии. Эта должность предполагает членство в ЦК и депутатство в Верховном Совете. И если он сумеет на ней удержаться, если ему удастся представить в выгодном для него свете работу, если

он, наконец, проявит исполнительность, научится предугадывать "высокие" желания, то его ждет в будущем центральный партийный аппарат. И тогда он из удельного князька, губернатора края, вполне может подняться в "подмонархи" — стать секретарем ЦК. И если не увязнет в рискованных интригах, дорастет он со временем до кандидата, а, может быть, и члена Политбюро, что обеспечит ему прижизненное бессмертие: почетные президиумы, долго не смолкающие, переходящие в овацию аплодисменты.

Конечно, такова лишь общая и идеальная схема движения П. р., абстрагированная от массы частных. И нередко именно частности — неспособность сработаться с начальством, неумело выбранная политическая конъюнктура — сбрасывают П. р. с государственных подмостков в неизвестность. И поэтому те из П. р., кто поумнее, не рискуют искушать судьбу. Наученные ошибками своих коллег, они вовремя сходят с партийной дистанции. К этому шагу готовятся долго и тщательно. Используя связи и власть, они обзаводятся кандидатской и докторской степенями. И выждав, когда откроется выгодная и почетная вакансия, становятся директорами академических институтов.

Через некоторое время срабатывает их новый академический статус (и старые партийные связи), и они становятся членами Академии наук. Избрание в Академию весьма престижно, и очень часто новоиспеченных академиков, выросших на партийной работе, призывают вновь в ЦК. И тогда их ждет секретарство. Таковы комбинации пасьянса, выводящего П. р. на вершину власти в Советском Союзе.

Партийная карьера, как правило, привлекает людей тщеславных, падких до лести и не склонных к систематическому упорному труду. В нее устремляются неудавшиеся инженеры, бесталанные журналисты, несостоявшиеся ученые. И дело здесь не только в исходных качествах недоброкачественного человеческого материала, как бы специально скроенного для партийной работы, но и в особенностях процесса вхождения в нее. Она открывается перед теми, кто готов отказаться от своих профессиональных навыков.

Разумеется, случается, что на ней оказываются грамот-

ные и умные люди. Но ее специфика и характер состоят в том, что она отчуждает человека от специальности. С того момента, как он становится П. р., все его внимание и активность начинают вращаться вокруг одного стержня — постановлений, лозунгов и призывов. Он всегда вынужден пребывать в состоянии искусственной активности, постоянно к чему-то призывать, за что-то неизменно бороться, кого-то убеждать и разоблачать, много и умело выступать на различных совещаниях, митингах, слетах, пересказывая передовицы газет и партийные инструкции.

У П. р., загнанного в текучку, постоянно мчащегося с одного совещания на другое, нет времени углублять знания и продолжать образование. И постепенно даже неплохой специалист на партийной работе дисквалифицируется, и через несколько лет он уже держится за нее как за единственную возможность утвердить и выразить себя в обществе. Если он сорвется с нее, то путь его в производство, в науку будет мучительным, болезненным и трудным. Забылось и выветрилось, пока он переползал с одной партийной ступеньки на другую, то, что он когда-то учил и знал. И он поэтому готов пойти на любые жертвы, чтобы не выпасть из круга партийной работы. И во имя этого он готов не высказывать самостоятельных мыслей, жертвовать принципами во имя директив, убеждениями — ради циркуляров.

В результате все, что составляло некогда суть и ценность его личности, теряется и должно быть потеряно — на пути к власти. Но П. р. не терпит пустоты. И он тешит свое тщеславие тем, что ему единственно доступно, — карьерой. В жертву ей приносятся остатки чести и совести. И когда П. р. наконец поднимается до уровня, на котором принимаются решения, уровня, определяющего жизнь других людей, он уже окончательно закаменел в ограниченности и догматизме.

Теперь он просто не в состоянии здраво воспринимать и верно оценивать все, что находится за пределами его честолюбивых устремлений. Ум его полностью поглощен интригами, попытками сохранить иллюзорное равновесие в системе ниже- и вышестоящих, он вынужден постоянно балансировать, чтобы не сорваться с партийной работы, что-то в ней не

упустить, не сделать ложного шага. Этим заняты все его мысли и чувства.

Что касается его плоти, то и она не остается внакладе — к его услугам закрытые магазины, больницы и санатории. И об обычной жизни он судит лишь по обрывкам воспоминаний да статьям в газетах. И если вдруг к нему пробивается неискаженная информация, он торопится избавиться от нее как можно скорее, ибо она может ненароком привести к пробуждению совести, что в системе тех социальных переменных, в которых вращается П. р., чревато риском и опасностью.

Вот почему надо крайне осторожно относиться к сведениям о пробуждении в П. р. личности. Апелляции к добру, справедливости для него ничего не значат, даже национальные интересы не затрагивают его чувств и сознания. В понимании П. р. эти понятия бессмысленны и опасны. Его логика действия — это логика человека, руководствующегося в жизни совсем иными ценностями, опирающегося не на разум и даже не на здравый смысл, а на иррациональные категории — такие, как идеология, партийность и социалистический реализм.

От недостатка знаний и узости кругозора П. р. самонадеян. Единственный авторитет для него (кроме, разумеется, мнения начальства) его собственное "я". Он не забывает обид и таит в душе злость на каждого, кто когда-то посмел задеть его самолюбие или потревожить гордость. Мстить он умеет тонко и элегантно, хитро и коварно. Расставив западню, он останется предельно любезным и обходительным. Как истинный дипломат, он не раскрывает до конца в политической игре свои карты, а подлинная его суть остается неизвестна даже ему самому.

Он всегда сумеет оправдаться за любой совершенный им поступок, что позволяет ему постоянно находиться в абсолютном согласии со своим внутренним миром. И эта его гармония не только никогда не поколеблется, но и не замутнелет сомнениями от чувства вины или неправоты. Актер в нем настолько сильно развит, что он затрудняется отделить маску от лица. Он неподотчетен общественному мнению и руководствуется только мнением начальства. П. р. действует и

выступает, словно находится в театре одного актера. Он один решает, все прочие для него — исполнители, статисты — присутствуют безмолвно на социальной сцене или находятся за ее кулисами. Он — солист, другие — толпа. Так что политика в СССР весьма часто подменяется психологией, а общественные явления — процессами, продиктованными побуждениями и инстинктами П. р.

”Женщина — министр, женщина — космонавт, женщина — депутат, директор, руководитель, партийный работник”. (“Бакинский рабочий”, 28 февраля 1984, с. 3.)

ПАРТИЯ — коммунистическая партия Советского Союза.

В этом значении слово стало использоваться с тех пор, как были ликвидированы все другие партии, существовавшие в Советской России. С установлением в стране в 1918 году однопартийной системы отпала надобность называть правящую партию ее полным именем, так как других, некоммунистических партий, в обществе не осталось, и ее лаконично (и емко) стали определять и представлять “партия”.

В процессе формирования советского языка из него постепенно вытеснились и все другие значения слова П. — “группа людей, собранных вместе”, “определенное количество товара”, “игра в шахматы”, “отдельно выписанная роль в оркестровом или оперном произведении”, “женитьба” и т. д. Теперь эти понятия выявляются только в контексте: шахматная партия, оркестровая партия, партия товаров и пр. Отдельно, вне контекста, П. обрела только один и единый смысл — КПСС. И произошло это совсем не случайно: советская пропаганда стремилась элиминировать из сознания народа самую мысль о том, что в Советском Союзе могут существовать (или когда-то существовали) другие партии, что КПСС — лишь одна из возможных политических организаций.

КПСС — не просто правящая партия, а партия совершенно нового типа. Она существует и действует в СССР по законам подполья, сохраняя организационные формы, выработанные еще Лениным для нелегальной политической организации слаборазвитой страны, только начавшей освобождаться от оков самодержавия. П. и сейчас напоминает масонскую

ложу, действующую на основе тайных инструкций — ”закрытых писем”, постановлений и распоряжений, ”не подлежащих оглашению”, но имеющих куда большее значение, чем ее устав и программа.

Совершенно необычно и пропагандистское оформление П. О ней говорится исключительно в восторженных тонах и в превосходной степени. Она обеспечивает мир во всем мире, владеет тайной глубокого понимания объективных законов развития природы и общества. Она отождествляется со всем прогрессивным и передовым, что сделано, делается или может быть сделано в будущем в советском обществе. Постоянно подчеркиваются такие необычные для П. качества, как всезнание, всевидение, всемогущество. П. наделяется ”животворной” силой, особыми нравственными свойствами. Она передовая, ведущая, правдивая, требовательная, самоотверженная, закаленная в боях.

В таком понимании П. выходит за рамки политической организации и становится силой, стоящей над обществом. Она не идентифицируется с ее членами — они приходят и уходят, допускают просчеты и ошибки, П. же — бессмертна, она феномен особого, высшего порядка, абсолютный разум — ”ум, честь и совесть нашей эпохи”. И в этом своем качестве она отбрасывает блеск божественного величия на своих руководителей, обещая и гарантируя им правоту и непогрешимость.

С утверждением социализма религия в советской стране была объявлена опиумом народа. Бог был свергнут и повергнут, и с ним была уничтожена вера в сверхъестественные силы. Казалось, наступила эра материализма — управления обществом на основе объективных законов, без участия чудес. Но этого не произошло. Коммунисты убедились в своей неспособности управлять обществом без ”опиума”. И им потребовался абсолют, который освящал бы их власть и методы правления. Новым теократам оказался необходимым культ, обосновывающий их претензии на власть. И священной фигурой этого культа, его верховным божеством должна была стать и стала П. А когда ее культа оказалось недостаточно, был создан культ ее вождя — Сталина, который спер-

ва поднялся над П., а затем подавил ее. И тут же обнаружилось, что без П., без выступающего от ее имени огромного и могучего бюрократического аппарата управлять тоталитарным государством личность, даже самая великая, не в состоянии. За Сталиным всегда стояла мистическая тень П., и Сталин мог стать Сталиным лишь потому, что П. создавала в советском обществе людей, целый класс людей, со сталинскими социальными инстинктами. Культ личности Сталина оказался, в сущности, формой безличного культа П. И необходимость освящения власти тех, кто пришел на смену ему, заставила вновь возродить культ П.

Правда, новые советские правители стали осторожнее. Допуская, что "отдельные" партийные руководители (они говорили "личности") могут ошибаться, они стремились направить народную веру на нечто безличное, но всесильное — П., воплощением которой они старались себя представить. И тем самым закладывали основу еще одной религии, заменившей веру в потусторонний мир верой в П., которая творит сверхъестественное в мире реального ("мы рождены, чтоб сказку сделать былью"). В этой религии появилась и своя "непорочная" троица — Маркс, Энгельс, Ленин, сочинения которых были признаны Библией П.

Освященные величием этой "троицы" и ее учением, приходили к власти ее "апостолы" — Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко и теперь Горбачев; "ангелов" — служителей представлял разветвленный и развращенный партаппарат. Незаполненным местом в коммунистической религии остается пока только преисподняя. Коммунистические руководители никак не могут решить, отдать ли ее "грешному" Сталину, или вообще изъять из вероучения, как несоответствующую марксистским представлениям, или сохранить в наизидание и устрашение будущим вождям.

В отличие от христианских апостолов, новым, коммунистическим, ничто человеческое не чуждо. Им дозволено совершать ошибки и преступления, и П. всегда выступала в роли их спасителя и покровителя. В новой "религии" марксизм уподобляется старому завету, ленинизм — новому, а оба вместе объявлены "великим достижением человеческого ду-

ха". П. — наследница "троицы" — наделена высшей мудростью и выступает как выразитель интересов и чаяний трудящихся, то есть той части человечества, которая якобы стремится вырваться из дьявольской власти капитала и вступить в божественное царство коммунизма.

С первых дней прихода П. к власти у нее появились своя инквизиция и свои инквизиторы: КГБ и гебисты (раньше — ЧК и чекисты) и свои миссионеры — идеологи, которым доверено решать, что дозволено и правильно и что ошибочно или преступно в мыслях и действиях советских людей. За служителями госбезопасности, как когда-то за отцами церкви, закреплено право отлучения и расправы.

Согласно уставу П., из ее рядов можно выйти. Однако добровольное членство в П. — фикция. Уход из партии — преступление, влекущее за собой гражданскую казнь — изгнание из социалистического общества. Тем самым страшный грех становится смертным грехом. Право решать, кому быть и не быть в П., принадлежит самой партии. Это право реализуется с помощью "чисток": за последние 70 лет пребывания КПСС у власти из нее были изгнаны миллионы ее членов — в десятки раз больше, чем она насчитывала в канун Октябрьского переворота.

П. создала и свои "храмы", богатые, величественные, — партийные комитеты. Самый почитаемый ее алтарь — ленинский мавзолей в Москве. На поклонение ему стекаются сотни тысячи обманутых (а чаще — любопытных и скучающих) людей. Они давно не испытывают ни уважения, ни почтения к П. — восторг перед ней вытеснен страхом отступить от ее "заветов".

"Как писал Сталин в своих заметках в 1921 году, партия представляет "своего рода орден меченосцев внутри государства советского, направляющий орган последнего и одухотворяющий их деятельность". ("Огонек", № 12, март 1988, с. 5.)

ПЕНСИЯ — форма материального обеспечения людей по старости, инвалидности или в связи с утратой, смертью или гибелью единственного кормильца в семье.

Средний размер П. в Советском Союзе 87 рублей в ме-

сяц, и он, едва превышая официальный уровень бедности — 70 рублей, — не позволяет советскому человеку свести концы с концами. Чтобы обеспечить себя питанием, ему требуется, как минимум, 70 — 80 рублей (и это при условии, что он в состоянии приобрести продукты по твердым ценам в государственных магазинах). Ему необходимо не менее 20 рублей для содержания своей жилплощади — однокомнатной квартиры, не менее 5 рублей уходит на транспорт, 10 рублей требуют хозяйственные нужды — ремонт, починка имущества, еще 10 рублей — одежда и не менее 10 рублей забирают лекарства и развлечения. Итого в месяц получается 125 — 130 рублей.

Есть, разумеется, в Советском Союзе пожилое население, которое живет в условиях определенного достатка. Это 500 тысяч персональных пенсионеров. Им, бывшим партийным и государственным работникам, устанавливается особая П.: 240 рублей для деятелей общесоюзного масштаба, 160 — республиканского и 140 — местного. В привилегированном положении находятся и 100 тысяч отставников — получателей военных П. (размер ее превышает 50 процентов их окладов) и несколько десятков тысяч докторов наук и профессоров, получающих не менее 160 рублей. Но они все вместе, и ушедшие от дел партийные и государственные деятели, и отставные офицеры и ученые, составляют менее двух процентов в 38-миллионной армии советских пенсионеров. Остальные — живут в нужде и недоедании: 29 миллионов получают П. менее 90 рублей, а 8 миллионов — между 90 и 120 рублями. При этом стандарт их жизни постоянно падает из-за инфляции, составляющей 4 — 5 процентов в год: в отличие от многих стран мира, размер П. в Советском Союзе никак не привязан ни к стоимости жизни, ни к индексу потребительских цен.

Размер П. в СССР составляет менее половины средней заработной платы, а точнее — 42 процента, в то время как на Западе он составляет от 50 до 80 процентов дохода работника. И он явно недостаточен для того, чтобы советские люди могли сохранить предпенсионный уровень жизни, уровень, который в ряду развитых стран находится на 49-м месте. Но

в совершенно безысходном положении в советской стране находятся инвалиды — их П. колеблется от 26 до 41 рубля, и колхозники, имеющие П. в 40 рублей, а также семьи, которые получают П. за умершего кормильца, — она составляет 31 рубль.

“Так, пенсия инвалидов третьей группы по общему заболеванию, не имеющих полного трудового стажа, составляет 20 рублей в месяц”. (“Московские новости”, № 2, 8 января 1989 г.)

ПЕРЕЖИТКИ ПРОШЛОГО — взгляды и традиции, противоречащие укладу и нормам советского общества.

П. п., унаследованными от буржуазно-феодалного общества, объявляется в СССР широкий спектр поступков и мотивов: антисоциальных — жестокость, насилие, цинизм, хулиганство и т. д. или антисоветских — безыдейность, аполитичность, карьеризм и пр. При этом к П. п. относят не явления, действительно изжившие или исчерпавшие себя в советском обществе, а противоречащие его идеологии и морали.

Такое понимание П. п. вытекает из парадоксальности коммунистического сознания. В его построениях демократический, индустриально развитый и социально высокоорганизованный Запад рассматривается как “прошлое”, “отжившее” и его идеи и принципы объявляются “пережитками”, а неповоротливая, консервативная советская общественная система и ее идеология, базирующаяся на архаичной, созданной более ста лет назад философии, объявляется “будущим”. Такое перевернутое мировоззрение позволило Маяковскому сказать об Америке — родине научно-технической революции 20-го века: “Я стремился на семь тысяч верст вперед, а приехал на семь лет назад”. Это же мироощущение оценивает изжившую себя марксистско-ленинскую теорию как учение, способное “определить главные направления социально-экономического и политического развития на долгие годы вперед” (Горбачев).

Манипуляции с понятием П. п. необходимы советской пропаганде для объяснения и оправдания явлений, не укладывающихся в типовые идеологические построения со-

циализма, противоречащих его философии: коррупцию, ханжество, лицемерие, беспринципность, аморальность и т. д.

П. п. связываются, как правило, с существованием "капиталистического окружения" и его влиянием на сознание и поведение "отдельных" (следует читать — недостаточно советизированных) людей. Многие годы семантическим эквивалентом П. п. служило выражение "родимые пятна капитализма", объясняющее пороки советского общества его происхождением — тем, что оно вышло из "мира капитала". В действительности П. п. имеют мало отношения к прошлому. Они порождены либо человеческой природой (такие, как стремление к материальному достатку), либо советской системой: пренебрежением к человеку, попранием принципов демократии, отказом от гуманизма, неравенством, отсутствием свободы.

В последние годы советская пропаганда стала реже ссылаться на "родимые пятна", от которых советское "прошлое" отделено уже несколькими поколениями, и на "окружение", поскольку советские люди почти 70 лет были ограждены от него жесткой цензурой и наглухо закрытыми государственными границами.

Пришедшее им на смену толкование П. п. отставанием индивидуального сознания от общественного бытия также не удовлетворяет сегодня тех, кто ведает в Советском Союзе идеологическим воспитанием (партийный аппарат), и тех, на кого оно направлено (народные массы). Первых оно не устраивает, поскольку не дает рецептов искоренения П. п., вторых — потому что не убеждает.

И коммунистическая идеология вынуждена последнее время обращаться к путаным аргументам, в которых нет ни всей правды, ни полной неправды. П. п. связываются с противоречивыми тенденциями в развитии советского общества (что, несомненно, справедливо), которые будто бы не имеют ничего общего с его природой и сущностью (что, разумеется, неверно). Социальные причины П. п. усматриваются в экономических трудностях, в недостатках идейно-политической работы, в нарушениях социалистической законности и отступлениях от партийной линии.

Из такого объяснения П. п. не вполне ясно, при чем тут "прошлое" и о каких конкретно "пережитках" идет речь, но для советских властей это не существенно, для них главное — доказать, что П. п. не вытекают из сущности системы. Это тем более важно, что именно она, говоря словами Ленина, воспроизводит их "ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе".

"Систематически, целеустремленно и непримиримо следует вести борьбу всеми средствами пропаганды и воспитания... за искоренение бытующих еще в нашей жизни враждебных социализму уродливых пережитков прошлого..." ("Агитатор", 1979, № 10, с. 4.)

ПЕРЕСТРОЙКА — в широком смысле: качественные изменения социалистической системы, введение и использование в ней новых форм и методов управления с целью улучшения ее функционирования и деятельности, в более узком значении — преобразование советского общества, его государственной структуры, политики и экономики.

В русскую лексику слово вошло в начале 18-го века, оно было смоделировано с латинского термина (*re* — пере, *constructio* — строение), и его смысл полностью совпадал со значением оригинала: переоборудование, пересоздание. Спустя два столетия, во второй половине 80-х годов, в период проводимых Горбачевым реформ, значение понятия П. в Советском Союзе было существенно расширено. Оно стало использоваться для представления процессов, происходящих в советской экономике, а затем было перенесено на социальную жизнь и приобрело неожиданное и не свойственное ему содержание — значение революционного переустройства общества.

Такое переосмысливание понятия П. оказалось в глубоком противоречии с традиционным его смыслом, предполагающим переустройство при обязательном сохранении основы и сущности явления. Революционное же преобразование общества ведет неизменно к коренному, *сверху донизу* изменению всей социальной системы — ее надстройки и фундамента. Не соответствует новое значение П. и существу тех процессов, которые в настоящее время происходят в СССР:

политическая ткань советского общества, социализм, в процессе перестройки — проводимых Горбачевым преобразований — остается нетронутой и неизменной.

По своему характеру и сути понятие П. близко слову "реформа" — переустройству какой-то одной стороны действительности (порядков, учреждений) при сохранении ее структуры и сущности. П., как и реформа, осуществляется в обществе тогда, когда его руководство, стремясь удержать власть, проводит (как правило, под давлением масс) различные преобразования: совершенствует структуру государства, его экономику, идеологию, культуру и т. д.

При этом П. не тождественна "реформе" — уже и беднее ее: она не является основательным и коренным преобразованием общества. Это — скорее эволюция, скольжение коммунистической системы в сторону ее некоторой модернизации и совершенствования ее старых механизмов — без частной собственности, однопартийного правления, централизованного планирования. Для П. характерны постепенные, осторожные и плановые изменения, совершаемые социалистическим государством по его собственной инициативе и под руководством партийного аппарата. И если она в чем-то и сближается с революцией, то только с революцией, совершаемой сверху, но и в этом ее общность с ней чисто условная, внешняя: власть в Советском Союзе в процессе П. остается коммунистической. Не происходит даже ее перераспределения внутри правящего класса, она по-прежнему находится под полным и монопольным контролем ее высшей элиты — партократии.

И тем не менее, нечто революционное в П. есть — если она и является революцией, то только революцией слов. Она выявляет и отражает определенную девальвацию понятия революции, важнейшего для марксизма, и свидетельствует о размывании его некогда радикального смысла. Благодаря П. значение слова революция расширяется: отныне это — не только и не обязательно классовая борьба, но и — классовое сотрудничество, проводимое и осуществляемое в пределах одной и той же общественной формации для придания ей динамичности и жизнеспособности.

Ревизия коммунистической идеологии произошла в СССР

не внезапно и возникла не случайно. Между 70-ми и 80-ми годами советское общество оказалось в новом и необычном состоянии — оно стало терять темпы экономического развития. В нем нарастали и обострялись многообразные проблемы, подтачивались и утрачивались духовные ценности, усилилась коррупция, распространились алкоголизм и наркомания — настолько, что стали представлять угрозу национальному существованию. Партийное руководство утрачивало контроль над социальными процессами, в общественной жизни наблюдались инерция и застой. Была разорвана связь между мерой труда и потребления, и прирост национального дохода стал стремительно уменьшаться, пока не дошел до уровня, означавшего почти полную стагнацию.

На каком-то этапе общественную деградацию попытались задержать и приостановить увеличением материальных затрат на развитие производства и наращивание новых промышленных мощностей. Экстенсивные методы развития экономики, однако, натолкнулись на бюрократическую инертность и некомпетентность руководителей. Выявились и пределы возможностей эксплуатации — советские люди, многократно обманутые государством, не желали добросовестно трудиться. Попытка подкупить некоторых тружеников незаслуженными привилегиями и наградами привела к еще большему усилению и углублению социального расслоения. Советское общество оказалось в тупике.

Это не был первый его кризис. В своем развитии оно постоянно проходило через различные социальные потрясения. Первым из них был период, известный под названием "военного коммунизма". Тогда власти пытались с помощью репрессий насадить и утвердить в обществе элементы бесклассовых отношений — уравниловки в оплате труда и коммунистическое самоуправление. Выйти из кризиса удалось благодаря новой экономической политике — нэпу, для которого был характерен определенный либерализм и демократичность. Противоречия вновь обострились в Советском Союзе, когда Сталин в 30-е годы насильственно стал проводить индустриализацию и коллективизацию. Политика экстремальных ситуаций продержалась в СССР до начала 50-х годов.

После Сталина советские правители стали поворачивать общество на путь перемен, но не радикальных, ведущих к преобразованию системы, а к изменениям робким, непоследовательным. Это был поворот не от социализма, а к социализму, к выявлению в нем все тех же традиционных противоречий и проблем, со всеми его принципами, чертами и характеристиками. Поэтому советскому обществу в 60-х годах не удалось преодолеть неблагоприятные тенденции в своем развитии. И суть была не в просчетах его руководителей, а в характере общественного торможения, который с неизбежностью порождал и порождает социализм, — оно обнаруживалось в сфере политики, экономики, проявлялось в нарушении принципа справедливости и социального равенства.

Важнейшим законом самосохранения общественной системы является ее способность к самовоспроизведению. Эта возможность (и требование) была утрачена социализмом. Он стал разлагаться и распадаться изнутри — сперва экономически, а затем и социально. Социализм оказался неспособным "работать" на своем идеологическом "топливе". И оставалась только одна возможность спасти его — оживить с помощью трансплантации на него элементов свободного общества, подсадки к нему принципов рынка, хозрасчета, законов стоимости и т. д. Эта операция в Советском Союзе получила кодовое (и стыдливое — чтобы не обесценивать коммунистический идеал) название — перестройка.

П. в том виде, как она задумана Горбачевым, не сводится только к совершенствованию государственного механизма управления или ускорению общественного развития, хотя она глубоко связана с этими процессами. П. — это существенное преобразование всего организма, всей структуры советского общества, его политической жизни и культуры. Она предполагает наведение порядка в хозяйстве, укрепление дисциплины, повышение организованности и ответственности, раскрывает пути к реорганизации экономики и материальной базы производства.

Различные реформы, проводимые в Советском Союзе в прошлом, разбивались об окаменевшие производственные отношения, наталкивались на неподвижность и неповоротли-

вость социальных институтов и конструкций. Дважды заканчивались неудачей в Советском Союзе перестройки: реформы Хрущева в 1956 году и Косыгина в 1966 году; они пытались изменить советское общество, когда оно к нему еще не было готово политически. Иная судьба была уготована П. Горбачева, она стала проводиться, когда в советском обществе остро испытывалась потребность в коренных изменениях. Они должны были произойти в Советском Союзе с Горбачевым или без него. Вне этих перемен у советской страны не было будущего — так же как и у тех, кто пытается встать на их пути.

И сразу же П. из сферы экономических отношений распространяется на социальную жизнь — именно там находились ключи к ее успеху. Она потребовала глубоких изменений и перемен в мышлении и психологии людей, в стиле и методах работы, восстановления некоторых конституционных прав и проведения курса на гласность. В "котле" П. предусматривается переплавка и переделка организационных запретов, активизация людей, учет интересов коллективов и социальных групп. П. ставит под сомнение и пересматривает принцип социальной защищенности, которым Советский Союз неизменно гордился. Она выводит из относительного покоя и бездействия (и мнимой удовлетворенности) миллионы людей, которые были как-то защищены от стихии жизни: недостаточно или неумело работая, они тем не менее могли сводить концы с концами. Им было гарантировано право на труд, точно так же, как было гарантировано и право на нищенское существование, на мизерную зарплату тем, кто трудился добросовестно.

Реформы, вытекающие из П., предусматривают постепенный переход от административных методов управления производством к экономическим, переход на полный хозяйственный расчет и самофинансирование и устанавливает зависимость доходов от результатов и эффективности труда. Осуществить П. предполагается в течение 10 — 12 лет — до конца текущего столетия. Значительно менее определено в СССР представляются ее цели, то общественное здание, которое появится в процессе ее реализации. Здесь нет четкой кон-

струкции, присутствуют только общие контуры. Назначение П. усматривается в обновлении различных сторон общественной жизни, в создании современного социализма, более эффективного и динамичного. Короче, П. — это одна из альтернатив существующей политической системе, которую новое советское руководство предполагает эксплуатировать весь период своего нахождения у власти.

А пока Горбачева волнует вопрос необратимости процесса П. Он говорит о необходимости проведения П., как минимум, в течение пяти лет, тогда, ему кажется, возвращение к прошлому станет невозможным, будут преодолены "застойные" политические явления, произойдет интенсификация экономики, создадутся надежные и эффективные механизмы социального ускорения, разовьются самоуправление и самодеятельность, укрепится дисциплина и общественный порядок. Но при этом забывается, что П. не предусматривает демонтаж тоталитарной системы. Ее задача — подновление здания социализма, его экономических перекрытий и идеологического каркаса, фундамент же оставляется неизменным — однопартийная система. А это значит, что власть в советской стране по-прежнему будет находиться под контролем партийного аппарата, и он распорядится ею в соответствии со своими интересами, во имя перестройки или за ее счет. Так что судьба П. весьма проблематична. И не только по отношению к советскому будущему, но и к его настоящему, в котором у нее есть сильная и разветвленная оппозиция.

Самая активная ее часть — несколько тысяч видных партийных деятелей, которые получили власть при предшественниках Горбачева. Для них проведение П. равносильно политической гибели — это за их счет будут создавать места для сторонников и приверженцев нового советского руководителя. Не менее опасно для П. и партийное бюрократическое сословие в целом — сотни тысяч влиятельных функционеров. Они были вскормлены плодами коррупции, выросли в нее и сроднились с ней. И для них П. означает утрату их привилегий и главной из них — работать бесконтрольно и находиться вне критики. Они не окажутся у истоков государственного переворота — для этого они слишком разобщены и подавле-

ны силой и авторитетом высшей власти, но с удовольствием примкнут к нему и поддержат его, если (и когда) он возникнет.

Серьезное препятствие для П. представляет аппарат государственного и хозяйственного управления — еще несколько миллионов человек: он отвык от инициативы, неспособен к самостоятельному мышлению, переучиваться же трудно, а для многих — поздно. На словах он за П., но как взяться за нее не знает, а поэтому подменяет ее прожектерством, необоснованными обещаниями и традиционной системой приписок.

Сложные отношения к П. у миллионов рабочих и крестьян. Они относятся к ней с настороженностью и недоверием, они привыкли не верить обещаниям и призывам властей и выжидают. И к их сомнениям примешивается страх — без водки жить стало трудно, а при жесткой дисциплине и постоянном контроле может стать невозможно.

Нет полного единодушия по отношению к П. и среди высших партийных деятелей — в Политбюро и Секретариате ЦК КПСС. Они ее поддерживают не безусловно, а до тех пор, пока она работает социально и отвечает их собственным политическим амбициям и интересам. При первом же ее изломе — в случае ее неэффективности или при возникновении кризиса власти — они всегда будут готовы выступить против нее.

А пока что в Советском Союзе совершается серьезная операция общества. Из него удаляются злокачественные пласты зрелого и уже перезрелого социализма: политическая прямолинейность, духовная окаменелость, догматизм и восстанавливаются простейшие социальные движения — советские люди учатся общественным порывам и чувствам. К ним возвращается способность без страха говорить и мыслить. Процесс этот происходит медленно, постепенно, неуверенно. И — противоречиво. Цель П. — не изменение системы, а изменения в системе, ее задача не преобразование режима, а его оживление. Но уже в своей реконструкции общества Горбачев зашел дальше и сделал больше, чем все его предшественники, в том числе и Хрущев. Деятельность Хрущева была на-

правлена на субъект системы — сталинский культ личности. П. Горбачева обращена на ее объект — саму социалистическую систему. И в этом просматривается известное противоречие между замыслами Горбачева и их проявлением, между мотивами и результатами его деятельности. Субъективно П. — это починка системы. С ее помощью советский руководитель стремится привести советское общество в соответствие со временем, придать ему гибкость и ускорение. Но объективно П. расшатывает систему — ее политическую основу и социальный уклад. И это противоречие — субъективного замысла и объективного результата П. — должно поставить советского правителя в недалеком будущем перед сложной дилеммой.

Остановить П., когда он осознает ее опасность для режима, — в таком случае он окажется у истоков новой политической реакции, или же углубить ее — тогда он может подойти сам и подвести общество к действительно революционным преобразованиям. Такая эволюция советского общества (и личности Горбачева) представляется маловероятной, ибо социальная структура государства, мораль, психология, философия в процессе П. остаются нетронутыми. Меняются нюансы в системе, а не она сама. Ее тоталитарно-репрессивная сущность начинает работать на меньших оборотах, более умеренно, но сама конструкция не меняется. И в любое время она способна набрать скорость.

Иначе говоря, качественные характеристики системы в процессе П. остаются неизменными, меняются только ее количественные показатели. Но количество способно перейти в качество, и у П. по мере ее проведения могут появиться свои собственные, независимые цели, не уместяющиеся в коммунистической оболочке. И в однородном советском обществе возникнут трещины, которые станут необратимыми. Настолько, что сами советские руководители будут вынуждены перестраиваться.

”Перестройка — это решительное преодоление застойных процессов и слом механизмов торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития общества, придание ему большего динамизма”. (Горбачев М. С. Перест-

ройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., Изд. политической литературы, 1987, с. 20.)

ПОДРЯД — договор, заключаемый между производителем работы (подрядчиком) и ее заказчиком; работа, осуществляемая на основе такого договора.

П. подразумевает различные формы и виды договорных связей, в соответствии с которыми различают коллективный, семейный, индивидуальный и арендный П.

Коллективный П. — явление в Советском Союзе не новое: впервые он был опробован в начале 60-х годов в деятельности безнарядных звеньев бригад. Система, по которой строилась их работа, существенно отличалась тогда от общепринятой — она осуществлялась не на основе обязательных и жестких распоряжений начальства — нарядов (отсюда и их название — ”безнарядные”), а на базе заключенных трудовых соглашений и договоров. Коллектив обязывался произвести определенное количество работ или продукции, а администрация должна была предоставить ему необходимые средства и ресурсы. Работники, таким образом, становились подрядчиками, а руководство предприятий превращалось в заказчика. При этом заработок трудящихся начислялся не по количеству затраченного ими труда (и времени), а по конечному его результату.

Выборочный эксперимент, однако, не в состоянии был решить многочисленных проблем советского хозяйства. Возникало противоречие между общей структурой советской промышленности и предприятиями, работавшими в условиях П. Для его развития и утверждения недостаточно было преодолеть и сломить коллективизм бюрократического мышления — в советском производстве не оказалось для него необходимых социальных предпосылок: хозяйственного расчета, самофинансирования и — главное — государственных гарантий для защиты новых форм труда. А без них невозможно было провести в жизнь и утвердить важнейшие требования и принципы коллективного П. — объединить трудовой коллектив единой производственной целью, создать общую материальную заинтересованность и ответственность

за результат труда и допустить участие работников в процессе управления производством.

Модель коллективного П., воскресившая на советской почве давние традиции и мораль артельного труда, не вписывалась в идеологическую модель общества, как ее представляли Хрущев и Брежнев. И на "безнарядный труд" более двадцати лет смотрели с опасением и подозрительностью — то ли чудачество, то ли попытка воссоздать и реставрировать буржуазный способ хозяйствования. И только реформы Горбачева признали за коллективным П. право на существование. Он был одобрен в государственном масштабе и изданы указы и постановления о его повсеместном насаждении. Его внедрение тем не менее растянулось на многие годы, так как на его пути встала советская экономика с ее централизованным, плановым, директивным укладом хозяйства.

Если судить по официальным данным, то в советской промышленности из миллиона существовавших в 1988 году бригад более 20 процентов (а в строительстве чуть ли не все 85 процентов) перешли на коллективный П. Но массовость его охвата на поверку оказалась иллюзией, ибо большинство предприятий, формально приняв его, продолжало работать по-старому.

Более широкое распространение он получил в сельском хозяйстве. В 1987 году на него перешли свыше 500 тысяч бригад и звеньев, за которыми закрепили три четверти пашни и более половины поголовья крупного и среднего скота. Здесь, однако, следует говорить не просто о коллективном П., а о его развитии — о подрядах семейном и индивидуальном.

Существует несколько форм семейного и индивидуального П. Во-первых, это подряды, объединяющие работников сельскохозяйственных предприятий, работающих индивидуально или семьей по договору с администрацией производства — как правило, во вне рабочее время. Во-вторых, П. как форма труда на договорных условиях семей, привлеченных колхозом или совхозом со стороны — из ближайших поселков и сел. В-третьих, П. как совместный труд крестьян на кооперативной основе.

К работе по семейному П. привлекаются и лица, не

связанные родственными узами, однако главной ячейкой семейного П. все-таки (и пока) остается семья. В мотивации ее труда срабатывает "родственный" фактор — труженики близко знают друг друга и у них, как правило, не возникает трудностей с дисциплиной труда и распределением дохода. Семейный П. является своеобразной и вынужденной уступкой властей частнособственнической психологии человека, его потребности, тщательно скрываемой в прошлом, но никогда не угасавшей, быть не просто исполнителем воли отчужденного от него производства, но его хозяином и творцом.

Вместе с тем государство совсем не склонно отказываться от направляющего контроля за деятельностью семейных коллективов. Важнейшие средства производства продолжают принадлежать государству, что позволяет ему устанавливать и определять нормы выработки и степень дохода подрядных коллективов. И когда они переступают установленный властями уровень, расценки труда понижаются — их начинают устанавливать вне зависимости от урожая текущего года, а с учетом его за последние несколько лет. Если среднеарифметическая шкала дохода тем не менее остается высокой, то с семейного коллектива снимается дополнительный налог — за "повышенное плодородие земли", учитывающий внесенные удобрения и амортизацию использованной техники.

Иначе говоря, семейный и индивидуальный П. очень часто оказывается новой "рубашкой" на старом и порочном колхозном теле. Отсюда проистекают и их "болезни" — экономическая немощность и общественная несостоятельность. Имеются у семейного и индивидуального П. и собственно свои "недуги". Малочисленный родственный коллектив более однороден и сплочен, чем большой и трудноуправляемый, — в этом его достоинство, но он же оказывается в постоянной зависимости от изменения семейного положения своих членов (замужества, женитьбы, родов, переезда на новое место жительства и т. д.). В этом его недостаток. Незаметный и незначительный в жизнедеятельности большого коллектива, он существенно нарушает работу семейного П. Но главной бедой его все-таки остается отсутствие хозрас-

четной самостоятельности: учет производственных затрат никак не привязан к доходу и к оплате труда — он может быть выше, но, как правило, оказывается ниже их. Руководители хозяйства постоянно нарушают подрядные договоры, отказываются выплачивать работникам семейных П. заработанные ими деньги: они представляются им чересчур большими.

С подрядами власти "играют" в одни ворота: их создают и сколачивают с единственной целью — для обеспечения интересов государства, а потребности работников учитываются неохотно и в последнюю очередь. Широкому освоению семейных и трудовых индивидуальных коллективов мешает и отсутствие у его членов убежденности, что П. имеют надежную основу и длительную перспективу. Советские труженики не исключают возможности, что когда-нибудь придут руководители (после Горбачева или он сам) и скажут: "Хватит окулачиваться — поделитесь богатством с государством". И эти опасения не лишены основания. И не только если рассматривать их в ретроспективе прошлого, но и в контексте современности. Семейные и индивидуальные П. существенно "осложняют" жизнь советским руководителям, которым приходится под них подстраиваться и налаживать в соответствии с их требованиями материально-техническое снабжение. К тому же семейные и индивидуальные трудовые коллективы, противясь необоснованному вмешательству со стороны в их деятельность, ставят под сомнение направляющую роль партии.

Но альтернативы изменениям в аграрной политике нет: советским правителям, чтобы сохранить власть у себя и себя у власти, нужно было вдоволь накормить народ. И не по свободному выбору, а по необходимости они начали поддерживать подряды. И вынуждены были их, насаждая, развивать. В 1988 году крестьянам наконец-то предоставили право арендовать землю. И вот в советской действительности появилось новое явление (а в советском языке — новое понятие) — арендный П.

Бригады и звенья получили возможность арендовать у колхозов и совхозов не только землю, но и необходимые

средства труда. А производимую продукцию они стали не сдавать, а продавать хозяйству по внутренним расчетам — денежным или натуральным. Таким образом, орудия и средства труда — земля, техника, постройки — приблизились к труженику, он стал временным их хозяином. И тем самым можно было бы преодолеть отчуждение труженика от земли и от общественной собственности.

В Советском Союзе может произойти демонтаж социалистической кооперации в деревне. Для подрядов ее громоздкий и некомпетентный аппарат управления является не только бесполезным, но становится вредным: мешает им самостоятельно выбирать вид производимой продукции и каналы ее реализации. Но разбор и разложение колхозно-совхозного уклада жизни пока что происходит скрытно, робко и непоследовательно, ибо на нем завязано не только прошлое советской системы, но и ее будущее. Возникновение и укрепление частного сектора в деревне неизбежно приведет к ослаблению монополии партии в экономике. В результате — появится демократия, не та, регламентированная, управляемая и контролируемая, что зовется демократизацией, а подлинная, предполагающая глубокие социальные права и свободы. Появление еще одного, помимо социалистического и силового, частнособственнического экономического фактора возможно найдет отражение и в структуре общества, в котором должна будет появиться новая партия, выражающая и защищающая его интересы. Это хорошо понимал Ленин, постоянно предупреждавший коммунистов: "Мелкое производство рождает капитализм — постоянно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе".

Совсем иное дело П. — так, как они насаждаются в Советском Союзе. В рамках и под опекой колхозов и совхозов они не опасны коммунистическому режиму — в любое время он может отказаться от них и упразднить. И крестьяне вновь превратятся в поденщиков. И тем самым движение советского хозяйства, начавшееся с созданием подрядных коллективов, к его главной творческой и производительной силе — к хозяину и работнику — окажется приостановленным.

"Основные принципы, на которых сегодня строится коллектив-

ный подряд, — это самофинансирование, самокупаемость и самоуправление”. (“Агитатор”, 1987, № 16, с. 20.)

ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО — личное — хозяйство, ведущееся на приусадебном участке земли, находящемся в частном пользовании сельских жителей; предприятия — сельскохозяйственное подразделение государственных учреждений.

П. х. рассматриваются объективно необходимыми при социализме. Однако понимание этой необходимости на различных этапах развития советского государства было неодинаковым. Их воспринимали как вынужденную уступку частнособственническим наклонностям крестьян и подвергали многочисленным притеснениям и ограничениям. Особенно жестокими они были при Сталине, который насильственно насаждал в сельском хозяйстве единую общественную форму производства. Не обошел их гонениями и Хрущев — в преддверии реализации своей утопии коммунизма он стремился таким образом преодолеть противоположность и различия между городом и деревней.

Позднее власти стали проявлять некоторую терпимость к П. х. — когда выяснилось, что основа социалистического сельского хозяйства — колхозы и совхозы — не в состоянии прокормить народ. Брежнев обнаружил, что они могут быть существенным подспорьем в производстве молока, мяса и овощей. Он загорелся идеей поручить предприятиям и объединениям снабжение рабочих и служащих продуктами питания, освободив государство от этой ответственной, но непосильной для него задачи. И опыт П. х. переносится в промышленность — при заводах, фабриках и учреждениях создаются подсобные хозяйства. Специальным постановлением правительства (декабрь 1978 г.) был разработан порядок, по которому им предоставлялись земля и выделялись посадочные материалы, скот и оборудование. И к началу 1981 года в стране уже насчитывалось около 80 тысяч П. х. предприятий, которые дали 450 тысяч тонн мяса, свыше миллиона тонн молока, 810 миллионов штук яиц, сотни тысяч тонн овощей и фруктов.

П. х. предприятий оказались тем новшеством Брежнева,

от которого не решился отказаться Горбачев, подвергнувший беспощадной критике деятельность своего предшественника. Он даже в чем-то развил и обогатил его изобретение — перед этими хозяйствами ставится задача производить не менее 20 килограммов мяса на каждого работника. И в дополнение к уже существующим П. х. создаются новые — садово-огородные товарищества. На начало 1987 года их насчитывалось 47 тысяч, которые, объединяя около 7 миллионов городских семей, вырастили три с половиной миллиона тонн картофеля и овощей, 700 тысяч тонн фруктов.

В стране, по существу, был брошен клич — обеспечение граждан есть дело самих граждан. И государственное внимание было направлено на развитие и укрепление личных П. х. (их даже стали любовно, на старый лад, называть подворьем), на которые в 1987 году пришлось четвертая часть всей продукции сельского хозяйства — 4,8 миллиона тонн мяса, 22 миллиона тонн молока, 48 миллионов тонн картофеля, 15 миллионов тонн плодов и овощей. А общий объем произведенной ими продукции выразился в сумме 53,4 миллиарда рублей. Но цель, поставленная советским правительством — обеспечение населения основными продуктами питания, — еще далека от реализации. И прежде всего потому, что П. х. рассматриваются как побочный, второстепенный сектор социалистического хозяйства, в котором безраздельно властвует мощная (хотя и нерентабельная) общественно-государственная собственность, представленная многими тысячами колхозов и совхозов. Естественный ее результат — постоянное сокращение трудоспособного сельского населения: за последние 20 лет оно уменьшилось более чем на три миллиона человек и составляло к 1988 году почти 49 миллионов человек, что является примерно половиной всех деревенских жителей.

Падение производственных мощностей в колхозах и совхозах власти вполне могли предвидеть. Неожиданностью для них явилось свертывание П. х. — их удельный вес в производстве сельскохозяйственной продукции сократился с 26 до 24 процентов. Ситуация еще более стала тревожной, когда выяснилось, что в них резко упало поголовье скота и птицы,

в результате чего каждая третья семья на селе оказалась не в состоянии вести товарное хозяйство. Обстановка сложилась явно парадоксальная: сельское население — производитель продовольствия — превращалось в его потребителя. Среднеарифметическая сельская семья в Советском Союзе в 1986 году была вынуждена приобретать в государственной или кооперативной торговле 31 килограмм мяса (против 20 килограммов в 1981 году) и десятки килограммов овощей и фруктов.

Причина такого положения — низкая производительность труда в П. х. В них в больших масштабах используется физический труд, в незначительной степени применяется техника (на ее долю приходится менее десятой доли всего объема работы). В итоге — в расчете на один человеко-час в П. х. производится продукции на 1,15 рубля, что существенно ниже, чем в колхозах и совхозах, отличающихся своей экономической беспомощностью. Другая причина свертывания П. х. — трудности реализации ими продукции. Через систему кооперации продается незначительное количество зерна, меньше половины производимого ими картофеля, 46 процентов овощей и всего 28 процентов фруктов.

Власти пытаются в настоящее время как-то выправить положение в П. х. — отменены предельные нормы содержания в них птицы и скота и увеличены их размеры. Но меры послабления по отношению к этим хозяйствам проводятся непоследовательно и призваны стимулировать развитие колхозов и совхозов: размеры приусадебных участков и нормы содержания скота и птицы определяются с учетом участия крестьян в общественном производстве. Те же самые условия ставятся при продаже сельским жителям лошадей и выдаче им ссуд на строительство домов и построек. Короче — П. х. по замыслу властей должны стать приводным ремнем — в этом и вся их сегодняшняя новизна — к старому (и устаревшему) механизму социалистического хозяйства.

“...Как отмечалось на Четвертом Всесоюзном съезде колхозников, в условиях дальнейшего развития кооперации на селе ни в коем случае не снижается значение личных подсобных хозяйств”. (“Агитатор”, № 13, 1988, с. 44.)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АВАНГАРДИЗМ — деятельность, проводимая без понимания существующих потребностей общественного развития и игнорирующая действительность.

Возникновение понятия П. а. явилось философско-семантическим отзвуком борьбы за власть в Кремле, развернувшейся на исходе 1987 года, когда столкнулись две концепции перестройки — робкая и противоречивая Горбачева и радикальная, которую представлял Ельцин, руководитель партийной организации Москвы. Ельцин видел в перестройке возможность глубокой демократизации советского общества, рассматривая ее как средство для переплавки и переделки всего механизма социальной жизни. Для Горбачева же перестройка являлась рычагом укрепления собственной власти. Он рассматривал ее как орудие, способ смены и обновления партийных кадров. Его подход к перестройке основывался на вере в силу и всемогущество государственного аппарата, он уповал на его могущество и свою способность решать любые проблемы, не отрываясь от письменного стола, не сходя с трибуны. Ельцин же попытался пойти "в народ" — поездкам и партийным пленумам предпочитал встречи с трудящимися массами на улицах города, в заводских цехах, стремясь склонить их к активному и деятельному участию в социальных преобразованиях.

Горбачев — убежденный партаппаратчик: на своем политическом пути он так долго распоряжался создаваемыми массами материальными ценностями, что стал представлять заботу о народе только в одной форме — как благотворительную опеку над ним в виде попечительства и филантропии.

Мировоззрение Горбачева основывалось на консервативных настроениях партийной бюрократии, которую пугает перспектива перехода к народовластию, его развратила ленинская психология небольших политических уступок, выразившаяся в формуле — "шаг вперед, два шага назад". Его страшит возможность потерять контроль над процессом экономической реорганизации общества, в ней ему слышатся отголоски революции. И он попытался сбавить скорость проводимых им реформ, стремясь ввести их в медленное, безопасное — для него и системы — русло развития.

Такая политическая тактика совершенно неожиданно (для общества, но не для Горбачева) обернулась чисткой кадров, им самим выдвинутых и поднятых к управлению. И главной ее жертвой оказался Ельцин. Но недостаточно было его осудить и сместить. Необходимо было идеологически изобличить его взгляды — чтобы пресечь возможность появления новых ельциных. В советской стране никому не позволено быть более мудрым, смелым и последовательным, чем генсек, тем более недопустимо, чтобы кто-то из его ближайшего окружения посягнул на его право (и лавры) создателя и вдохновителя "перестройки", — только он один ее творец, все прочие должны быть ее прорабами (и его помощниками). "Социалистический реализм" предусматривает на политических подмостках спектакли только с одним героем — генсеком, всем остальным отводится роль статистов или зрителей (обязательно восхищенных).

Этого не понял и не учел Ельцин, он захотел стать героем в "пьесе" Горбачева и стал им — превратился в одного из главных борцов за проведение реформ, ударивших по наиболее мощному и опасному отряду партийной номенклатуры, окопавшейся в столичных партийных комитетах и министерствах. Он посмел создать и организовать движение населения за перестройку общества, превращая народные массы из пассивной созерцательной толпы в сочувствующую, сознательную, движущую силу реформ. И генсек (и вместе с ним партийный аппарат) оказались в тени.

Таковы социальные и психологические истоки появления понятия П. а. Что же касается его идеологического обоснования, то оно было выдержано и выстроено в традиционных для коммунистического сознания выражениях. Во-первых, его представили как авторитарную (и конечно же — противоречащую марксизму) тенденцию — потому что она будто бы проводилась средствами силовой политики. А самого Ельцина (его постоянное апеллирование к общественности предпочли не замечать) объявили авангардистом — на том основании, что он стремился достичь целей перестройки "в один-два прыжка", игнорируя множество проблем, требующих постепенного разрешения. Во-вторых, на П. а. навеси-

ли ярлык консерватизма – поскольку его методы, заведомо обреченные на бесплодность, дискредитируют идею реформ, что оказывается в интересах тех, кто противится переменам.

Соответственно было отработано и политическое обрамление П. а. – его сторонников представили поборниками "избиения партийных кадров" и проводилась недвусмысленная аналогия между их взглядами и мировоззрением Сталина и Троцкого. В услужливом воображении советских людей оживали (и оживлялись) тени насилия. И чтобы в этих миражах не оставалось сомнения, указывалось, что в перспективе П. а., распространившись и захватив всю страну, неизбежно привел бы к политическому террору – к постоянному и беспрерывному выявлению тех, кто мешает перестройке.

Сложность положения, однако, состояла в том, что П. а. как политическое течение возник и сложился в недрах и в плоти новой политики Горбачева. Ельцин был ее "дитем", хотя и "незаконнорожденным". Отсюда – половинчатость, неполнота и недоговоренность критики П. а. – указывалась его опасность для "дела социализма", и тут же отмечалось, что среди его последователей немало "искренних коммунистов" и "умелых руководителей". Так что, запуская в широкое теоретическое обращение понятие "П. а.", советские руководители совсем не стремились деперсонифицировать политику перестройки, их цель состоит в том, чтобы подвести под нее вместо одного лица – Ельцина, другое – Горбачева.

"И чем более я думаю над такой ситуацией, тем яснее становится, что здесь мы сталкиваемся с одним из опаснейших феноменов перестройки, с тем, что авангардизм среди части трудящихся имеет оплот... Подобные настроения образуют собой питательную среду для политического авангардизма". (Попов Гавриил. Какая перестройка нам нужна. "Московские новости", № 51, 20 декабря 1987, с. 15.)

"ПОТЕРЯННЫЙ" (или **"БИЧ"**) – человек с неудавшейся жизнью, отторженный обществом.

Логика падения человека, превращения его в бича общества (отсюда – второе название понятия) – в пьяницу, наркомана, преступника – спродуцирована противоречиями и проблемами советского существования, его незащищенно-

стью, системой каторжного труда, низким уровнем жизни. И среди Б., людей, выпавших из общепринятых социальных отношений, семейных, бытовых и производственных, встречаются представители всех пластов советского общества: рабочие и крестьяне, врачи, инженеры, ученые, журналисты.

Потеряв квартиру из-за развода или смены работы, отказавшись от своей профессии (или вынужденные от нее отказаться по причине малого заработка или конфликта с начальством), они подражаются на временные (сезонные) работы на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке — в надежде начать новую жизнь. Сезонный труд на морских промыслах, на золотых приисках, в урановых шахтах позволяет людям за несколько месяцев заработать две-три тысячи рублей — среднегодовой советский заработок (поэтому и называют их "длинными рублями"). Но он же и калечит их физически и духовно, надрывает и разлагает. Трудиться приходится на износ, по 13 — 14 часов в сутки, в условиях постоянного риска — радиации или обвалов на шахтах, штормов на море, жить скученно, по несколько человек в убогом бараке или в тесной каюте и без каких бы то ни было социальных гарантий на будущее.

Собрав, скопив таким образом немалую сумму денег для того, чтобы поправить свое материальное положение или осуществить заветное желание — купить автомашину или построить кооперативную квартиру, человек, однако, очень часто не знает, как ими распорядиться. Вернуться в родной город он, как правило, не может — потерял прописку, а в оставленный им колхоз или совхоз, где его ждет убогое существование, он, развращенный высокими заработками, не хочет. Так, при деньгах, он оказывается без дома, без семьи и без будущего. Но, утратив социальные связи, он ищет другие — антисоциальные, находит и утверждает себя вне официального общества, в неформальной среде — в обществе таких же бедолаг, как он, потерянных и циничных. Тяжелый труд отложился в его душе горечью, унижением и обидой, темными инстинктами. И он уходит в непробудное пьянство, загулы, пока, оставшись без средств к существованию, не попадает в воровские шайки, втягивается в грабежи. И становится Б.,

мства обществу за несостоявшуюся, потерянную жизнь (отсюда первое название понятия).

Таких людей в Советском Союзе сотни тысяч. Они рекрутируются в Б. не обязательно из неудачников. Их армию пополняют бывшие заключенные, не нашедшие себя на свободе, сельские жители, оторванные от своих корней обнищанием деревни. Но главный их резерв — миллионы молодых людей, мобилизованных по комсомольским путевкам на гигантские стройки на Востоке страны ("стройки коммунизма"). На них они сжигают свои силы и молодость. И в итоге оказываются вне общества, неустроенные, опустошенные и деморализованные, совершенно иначе — трагично — высвечивая своей судьбой пресловутый лозунг: "Мы строим БАМ, БАМ строит нас". За их жестокий труд (и поломанную жизнь) общество расплачивается деньгами — пока у них есть силы работать. А затем отворачивается и забывает их. И они превращаются в изгоев, людей без определенных занятий и места жительства, за которыми охотится милиция, вылавливающая их в притонах и на вокзалах.

"Для меня важнее было узнать, как "бич" становится "бичом", выявить логику явления". ("Московские новости", № 10, 5 марта 1989, с. 15.)

ПРИВИЛЕГИИ — преимущества и льготы, предоставляемые определенным категориям работников, сверх оплаты труда.

П. в Советском Союзе почти всегда носят скрытый, не контролируемый общественностью характер — настолько, что словари не раскрывают это понятие или объясняют его превратно, связывают, например, со льготами инвалидов и ветеранов войны (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1977, с. 540). Тем самым создается видимость социального равенства: ответственный работник получает зарплату всего в два-три раза превышающую заработок квалифицированного рабочего. О том, что оплата труда такого работника включает П., которые в пересчете на материальные блага дают приращение к его доходу сумм, во много раз превышающих жалование, благоразумно умалчивалось. И суть

даже не в деньгах — вполне естественно, чтобы человек, наделенный властью и влиянием, оплачивался лучше, чем его подчиненные, а в том, в какой форме это различие проявляется. П. обусловлены (и сопоставимы) не трудом, а связаны с местом и ролью человека в общественной иерархии, они носят сословный характер, дают преимущества, недоступные остальным. П. подчеркивают исключительность личности, ее особые права и широкие возможности.

В советском обществе вызывают почтение и благоговение персональные машины, квартиры в домах с особой планировкой и в престижных районах, государственные дачи, больницы, поликлиники, предназначенные для элиты. Высоко котируется приобретение товаров из "закрытых" (для других) магазинов и буфетов, спецобслуживание в ресторанах, вокзалах, приобретение книг, театральных билетов "по списку" и т. д. Чей-то влиятельный ум, наделенный непростым воображением, постоянно придумывает для советской элиты новые и новые П. — особые кладбища, огражденные зоны отдыха и пляжи и даже — спецдиффы для высокого начальства.

Засекреченность — одна из особенностей П. — позволяет скрывать злоупотребления вокруг них. П., как и ответственные должности, почетные звания, научные степени, продаются и покупаются. Правительственный номер автомашины, ставящий водителя над автоинспекцией, путевка в престижный дом отдыха, прикрепление к "распределителю" стоит денег, и немалых. И те, кто их имеет — дельцы подпольного бизнеса, главари мафии, — готовы платить за них, а руководители страны — их продавать.

В эпоху гласности с П. был снят покров таинственности — страна стремилась выглядеть правовым государством. И в обществе развернулась острая и неожиданно смелая дискуссия о П. Так была достигнута Горбачевым первая цель — он предстал в облике разумного правителя, поборника справедливости и равенства. Вторая задача состояла в том, чтобы, столкнув инертную, плотоядную бюрократию с народом, сломить ее гордость, заставить испытывать страх и неуверенность, сделать ее податливой и послушной. И поэтому наступ-

ление на П. велось в четко очерченных рамках — исходя из принципа, что "перестройку необходимо начинать с себя". В П. увидели пережиток феодализма, что позволило поставить под сомнение принцип натурального распределения в стране, при котором важными оказывались не деньги сами по себе, а возможность их отоварить.

Критика, расширяясь, стала переноситься на малоподвижный, инертный и вязкий партийно-административный строй. И сразу возник вопрос: почему те, кто плохо работает, хорошо зарабатывает, а те, кто тяжело, в поте лица трудится, практически ничего не имеет? Но тут выяснилось, что дать П. легче, чем их забрать: их "держатели" представляют собой важную и значительную силу в стране, со своей идеологией и корпоративными интересами. И власти ограничились полумерами: у нескольких тысяч мелких руководителей отобрали персональные машины, в некоторых районах закрыли правительственные магазины и дома отдыха. Но сами П. остались, более того — их попытались вывести на поверхность социальной жизни, легализировать. В общественное сознание была запущена идея, что в П. нет ничего предосудительного или особенного, ибо столы заказов имеются повсюду: и на заводах, и в правительственных учреждениях (о том, что на заводах распределяются картошка и лук, а в правительственных учреждениях предлагаются изысканные деликатесы, предпочли не уточнять). Точно так же доказывается необходимость правительственных больниц и санаториев — отмечается, что оздоровительные центры имеются и у колхозников, и у рабочих. Так что представляется вполне естественным, что их имеют и ответственные работники, тем более, что их здоровью угрожает постоянная опасность — они, как утверждают в Советском Союзе, больше чем другие служащие, подвержены инфарктам и кровоизлияниям.

Поэтому нет никаких оснований полагать, что Горбачев откажет советской элите в ее П. Для того, чтобы покончить с П., необходимо ликвидировать дефицит, что можно сделать не иначе, как изменив социалистическую структуру распределения и предоставив свободу хозяйствования труженикам. На это советский руководитель не пойдет, ибо вопрос о важ-

нейшей П. коммунистов — праве их на власть — пока в СССР не ставится.

”Очень показательно, что практически все категории опрошенных в целом одинаково оценивают справедливость и несправедливость одних и тех же привилегий”. (“Московские новости”, № 27, 3 июля 1988.)

ПРИПИСКИ — искаженные, ложные сведения.

В советских словарях понятие П. объясняется и толкуется в его первоначальном и традиционном смысле — как дополнение к написанному. Его социальный оттенок — представление извращенных сведений и отчетов — упоминается лишь вскользь или обходится. Между тем именно в этом значении слово (и явление) П. широко распространено в советском обществе. И здесь оно сближается с понятием ”очковтирательство”, но не сводится к нему. Слово ”очковтирательство” носит неформальный характер, оно присуще больше для устной, чем письменной речи. П. — это нечто более официальное, они вызывают ассоциации с подложными документами, с обманом с заранее обдуманым намерением. Особенность обоих слов тонко и точно отражается в советском языке — он выражает различие между ”очковтирательством” и ”припиской” тем, что соединяет их союзом или разделяет запятой.

Завышение данных о выполнении планов, росте производства, развитии благосостояния потребовалось для того, чтобы продемонстрировать несуществующие успехи советского общества, подчеркнуть правильность ”генеральной линии” партии и отметить и выразить энтузиазм масс. Отсюда же шел напыщенно-оптимистический, бравурный тон различных отчетов и сведений, составляемых различными организациями, — касались ли они числа лекций или говорили об объеме выпускаемой промышленной продукции, или собранного урожая. За счет П. шли рапорты о сэкономленном сырье, высоких темпах развития строительства, успехах в космосе. Миллионными тиражами выпускались плакаты, повествующие о всеобщем изобилии и беспредельном трудовом энтузиазме.

П. прочно вписались в советскую социальную жизнь и играют в ней важную роль. С их помощью руководители предприятий стремятся избежать ответственности за срыв планов и низкую производительность труда, скрыть хищения, добиться благоволения вышестоящего начальства и получить премии. П. вызваны к жизни, однако, не пороками "отдельных" директоров, хотя и они изрядно развращены советской действительностью, а системой и характером принятого в социалистическом обществе планирования, которое охватывает и подчиняет себе все области советской жизни — производственную, общественную, политическую действительность.

В систему П. вовлечена не только администрация предприятий, но втянуты и рядовые работники, "рапортующие" об изготовлении несуществующих изделий, о необработанных гектарах земли, невыращенном и несобранном урожае. П. подняты до уровня национальной политики. Это целая и цельная система, в которой участвует целый комплекс учреждений и организаций. Одни подтверждают поставку произведенных товаров, другие — получение непременных денег. И все эти сведения, включаясь в различные документы — отчеты, накладные, платежные ведомости, — обретают бумажную жизнь.

В начале 60-х годов П. приняли настолько массовый характер, что утаивать их больше стало невозможно. И правительство было вынуждено принять специальное постановление "О мерах по предотвращению фактов обмана государства". Проведенная вслед за тем кампания борьбы с П. привела к снятию с работы и привлечению к ответственности нескольких сотен хозяйственников. Однако кампания кончилась, а практика П. продолжилась и дожила до времен Горбачева, когда против них вновь развернулась борьба. Она вряд ли приведет к успеху, ибо П., являясь должностным преступлением, вызваны государственной необходимостью. Они жизненно нужны режиму — на всех уровнях его бюрократии, идя от заведующего цеха до генерального секретаря, поднимаясь снизу вверх, П. создают иллюзию благополучия советского общества.

"Только копнул народный контроль Батецкое объединение, и

пошло-полезло: 22 тысячи рублей приписок, 49 якобы отремонтированных тракторов, документы на фиктивный ремонт, которые подписывались в обмен на дефицитные детали". ("Литературная газета", 22 октября 1980, с. 11.)

ПРОПАГАНДА — распространение и насаждение коммунистических идей и взглядов.

Основное содержание советской П. составляют марксистская философия, анализ и переосмысливание политических и социальных процессов и явлений в современном мире. Цель ее сводится к унификации и стандартизации людей. Она располагает огромным арсеналом средств, форм и методов воздействия и широко использует для идеологической манипуляции человеком печать, радио, кино, телевидение и партийную учебу.

П. — мощное и эффективное изобретение советского режима: она монопольна и всесильна, ей многие годы не противостояла никакая неидеологизированная информация, у нее не было серьезных противников, что позволяет ей с успехом выражать и утверждать себя в закрытом обществе.

Ее декларируемые принципы без труда вводили в заблуждение. Это — заманчивые идеалы разумного ("светлого") будущего, верность свободе и равенству, право на труд, на бесплатное образование и материальное обеспечение в старости. П. проповедует защиту интересов семьи и детей, осуждает ("клеймит позором") взяточничество, стяжательство, пьянство, хулиганство.

И совсем не просто было понять, что эти высокие понятия — лишь внешняя оболочка, упаковка советской П. Истинное назначение ее — массивное насаждение взглядов и представлений, жестко пригнанных к "генеральной линии" партии, для освящения которой создана многообразная и изощренная система мифов.

Один из них — восхваление советского строя как наиболее современного и передового. Не менее широко были распространены красивые легенды о партии и святочные рассказы о ее вождях, которые, однако, оказывались менее долговечными и умирали вместе с ними. И с каждым новым

вождем вызывались к жизни в одном и том же образе: добродетельные, благородные, преданные народу и бескорыстно служащие ему. Они оказывались (при их жизни) продолжателями "дела Ленина", простыми и скромными, настойчивыми, неутомимыми, бескомпромиссными. Советский человек всегда мог рассчитывать на их защиту, если "случайно" попирались или нарушались его права.

Среди других популярных "истин" долгие годы жила иллюзия непрерывного прогресса советского общества, его экономики и науки, культуры. Эти мистификации, подкрепляемые искусственными сравнениями, надуманными цифрами и отчетами, призваны были внушить, что советская страна победоносно движется вперед — "от победы к победе". Последние годы, однако, стали говорить скромнее — отмечают уже не торжество развитого социализма, а призывают к созданию социализма демократического. Такая "самокритичность" имела свои причины: при переосмыслении прошлого оказалось, что Сталин является политическим преступником, Хрущев — непоследователен, Брежнев и Черненко повинны за общественный застой. Переосмысление и переоценка прошлого не случайны — они позволили подвести Горбачева к Ленину, к истокам и идеалам революции. Так что от мифов в СССР отнюдь не отказываются, они, как и раньше, вводятся и вживляются в сознание в форме емких и коротких императивов: "Партия и народ — едины!", "Партия — наш рулевой!"

Советский пропагандистский аппарат ловок и гибок, он тонко улавливает и учитывает социальную конъюнктуру. Популярный в 20-е годы лозунг "Даешь мировую революцию!" был заменен идеей мирного сосуществования. Призыв смириться с лишениями и трудностями во имя будущего сменился обещаниями социального расцвета и материального благополучия, которое предполагалось обрести сначала — в 80-е (идея Хрущева), затем — 90-е ("продовольственная программа" Брежнева) и, наконец, в 2000-е годы — в соответствии с планом горбачевской перестройки. Установка на ликвидацию личной собственности сменилась осторожным ее поощрением — необходимо было спасти разоренную экономику.

Отличительная черта (суть) советской П. — ханжество, позволяющее ей преодолеть пропасть между идеологическими миражами и реальностью. Оно настойчиво насаждается в сознание человека, а затем постепенно начинает определять его поведение. Он верил даже самым абсурдным построениям — тому, что борьба с "врагами народа" необходима была для спасения отечества, что индустриализация и коллективизация должны были предотвратить войну.

Ложь П. порождала раздвоенность и двоемыслие: на собраниях и митингах люди много лет пользовались лозунгами, а наедине с собой, в узком кругу друзей их высмеивали и презирали. Но пропагандистские стереотипы не проходили бесследно — они исподволь, накапливаясь, оседали в сознании человека, и он, не осознавая и часто не желая, сживается с ними и, не веря, следует им.

Не всегда, разумеется, удавалось П. приглушить сомнения, и на этот случай в ее распоряжении существовало испытанное средство снятия напряжения: подавалась осторожная, строго дозированная критика действительности. Создавалась видимость перемен, и общественное недовольство отводилось в безопасное и контролируемое русло. Другой путь снятия напряжения — выявление и разоблачение "виновников" трудностей. В разное время в этом образе представляли различные действующие лица — интервенты, фракционеры, вредители, шпионы, диверсанты, фашисты, империалисты ("бряцающие оружием"), космополиты, диссиденты, сионисты, а также разгильдяи, лодыри, тунеядцы и т. д. Последнее изобретение — "враги перестройки", на их счет списываются неудачи реформ и неэффективность новых методов управления.

Умелое и изощренное манипулирование этими стереотипами привело к появлению феномена века — "гомо советикуса". Легко управляемый, податливый, он оказался важнейшим достижением советской П., сумевшей, несмотря на серость и штампованность ее доводов (а может быть, именно благодаря им), заставить себе служить и прислуживать. И не только в собственном обществе. Советская П. перешагнула государственные границы и захватила и подчинила себе отдельных людей и целые народы И никогда она не была столь

эффективной и действенной, как в наши дни, — благодаря реформам Горбачева. С ними мир, давший еще раз себя обмануть, связывает надежды на переустройство планеты — без войны и противоречий.

”С большой отдачей, по-деловому, проходят открытые собрания коммунистов школ района по пропаганде советского образа жизни среди старшеклассников”. (“Агитатор”, 1984, № 4, с. 48.)

ПРОПИСКА — регистрация места проживания человека, ограничивающая возможность и право выбора жительства и работы.

П. была введена в Советском Союзе в 1932 году, когда в связи с коллективизацией начался массовый отток разоренных сельских жителей в города. Она была призвана оградить их от нашествия голодных и обездоленных крестьян и заодно усилить контроль над обществом, выявляя в нем лиц, скрывающихся от властей.

Система П. регулируется особыми положениями и инструкциями. Советским гражданам, достигшим шестнадцати лет, выдается паспорт, в котором ставится штамп о П. И покидая более чем на три дня место своего постоянного жительства, они обязаны получить разрешение на П. Проживание без нее считается преступлением, которое влечет штраф или лишение свободы до двух лет. Не получив разрешения на П., советский человек обязан покинуть город или деревню в течение 24 часов, обязательно имея при себе паспорт. Паспорта появились вместе и одновременно с П. — в 1932 году, но выдавались они только жителям городов, крестьяне — колхозники и работники совхозов — вплоть до 1974 года их не имели (исключение делалось лишь для проживавших в Московской, Калининградской областях и прибалтийских республиках), и без них они не вправе были переезжать в города и работать в них.

Паспортизация наложила тягостную печать на уклад жизни советского человека. Он вынужден работать не там, где он мог бы полнее и лучше использовать свои способности и знания, а там, где ему удастся получить П. И боясь потерять ее, избегает переезжать, на всю жизнь оказываясь привязан-

ным к месту, в котором у него имеется П. Она превратилась в право на жизнь — без нее нельзя получить работу, поступить в институт, устроить ребенка в детский сад и школу, приобрести квартиру, обратиться к врачу, попасть в больницу.

На протяжении многих лет ограничивается в Советском Союзе право на проживание в столичных и больших городах. Получить в них П. нельзя, не имея работы, а для того, чтобы ее получить, необходима П. или, по крайней мере, вызов на работу. Добиться ее чрезвычайно трудно — его вправе выдавать организации, обладающие "лимитом" на П.: партийные комитеты, военные заводы или предприятия, испытывающие нужду в квалифицированных рабочих. Так что советский человек вынужден искать и находить обходные средства для того, чтобы просочиться из деревни в город, а из малых городов — в крупные. Наиболее известный способ для этого — фиктивные браки (что ведет к неестественно высокому проценту разводов), взятки и связи, щедро питающие коррупцию.

Ограничения с П. обернулись для властей парадоксом, превратились в проблему выписки — в препятствие для выезда жителей из городов. Оказавшись в городах, советский человек всеми силами стремится в них остаться. В результате — в них оседают сотни тысяч ненужных им специалистов — агрономов, ветеринаров, зоотехников, мелиораторов, необходимых на селе. И это подталкивает правительство к совершенно абсурдным решениям — постановлениям о закреплении населения в районах, в которых существует скрытая безработица. И открытая — тоже: в Средней Азии и в Закавказье, где миллионы работоспособных людей не могут найти себя в сфере производства.

Административные ограничения и стеснение свободы передвижения — унижительный и отвратительный пережиток прошлого, но не капиталистического, а — советского, с его безжалостным и неотвратимым господством и всесилием государства-диктатора, привыкшего распоряжаться по своему усмотрению судьбами и жизнями людей — не разрешать им переезжать из города в город и селиться в закрытых или режимных городах (Севастополе, Североморске, Калинингра-

де и др.). К этому добавляются ограничения в праве на жительство для лиц, отбывших срок наказания: в течение нескольких лет им запрещено проживать в крупных городах. Ограничительный барьер устанавливается в 101 километр от Москвы и 50 – 70 километров – от столиц союзных республик.

Закон о П. открывает простор для произвола. И, возможно, поэтому он без каких-либо изменений сохранен в новом положении о паспортной системе (1975 г.). В соответствии с ним министерству внутренних дел предоставлено полномочие самостоятельно решать вопросы о праве на П. Введены и более совершенные паспорта, содержащие закодированную информацию о семейном положении, социальной мобильности, трудовой деятельности человека, что облегчает постоянный и упорядоченный контроль за его поведением и деятельностью.

27 декабря 1932 года был принят закон, который ввел единую паспортную систему с обязательной пропиской по всему Советскому Союзу". ("Новое время", бесплатное приложение для подписчиков, декабрь 1988, с. 24.)

ПРОСТИТУЦИЯ – продажа женщинами своего тела – профессия, долгое время считавшаяся в советской стране несуществующей.

А между тем П. в Советском Союзе существовала всегда. Однако власть, утвердившаяся в ней в 1917 году, наложила на нее как на явление и понятие свой особенный отпечаток. Поначалу ее объявили наследием и пережитком эксплуататорского общества, а затем посчитали, что в стране с "нею полностью покончено" – это случилось в конце 30-х годов, когда провозгласили СССР вступившим в эпоху бесклассового развития. Такова была точка зрения Ленина: в стране победившего социализма П. не могла иметь места. А раз не может, то и не должна. И из уголовного кодекса исключили статью, предусматривающую наказание за П., и перестали о ней говорить и писать, вплоть до середины 80-х годов, когда политика гласности и еще больше – страх перед распространением СПИДа (в 1987 году в Советском Союзе было

зарегистрировано 275 случаев заражения им) – заставили вспомнить о П. Другая причина оживления внимания к ней – эпидемия венерических болезней в стране (в 1987 году ее жертвами стали 350 тысяч человек), и ее моральные издержки (15 процентов занимающихся ею – школьницы, девочки не старше 17 лет).

Но, взявшись за эту деликатную проблему и немало смутив обывателя, советская пропаганда довольно скоро оказалась в затруднительном положении: как вести с нею борьбу? Изобличать П. в безнравственности? Но она не более аморальна, чем взятки и спекуляция. Представить в виде нетрудовых доходов? Но распродажа велась "своим товаром", а не государственным имуществом. Вызвать к ней общественное презрение? Невозможно. В советском понимании проститутка – не жертва общественного несовершенства, не "падшая сестра", какой она представлялась до революции и которую гуманисты поднимали на пьедестал мученицы. Советской проститутке самой впору сострадать обществу – несчастным, заматанным на работе труженикам, с их убогой зарплатой, вечными долгами, неудовлетворенными желаниями и несостоявшимися возможностями. Ее экстравагантности, нарядам, праздности, ресторанно-бездумной жизни завидуют миллионы людей. Быть проституткой считается в Советском Союзе не только респектабельным, но и престижным. В реестре самых уважаемых занятий она занимает девятое место – между должностью директора и продавца, опережая такие профессии, как дипломат, преподаватель, таксист, автослесарь и мясник ("Социологические исследования", № 6, 1987, с. 64).

П. не только профессия "завидная" в СССР, но и распространенная. Профессиональных проституток в стране насчитывается не меньше 100 тысяч, а число любителей древней профессии, предающихся этому занятию нерегулярно или в отдельные периоды жизни, не меньше миллиона. Понятие "профессиональная проститутка", однако, в Советском Союзе имеет свои особенности. Большинство из них вынуждено состоять на службе, по крайней мере, числиться на ней – такова специфика советского образа жизни. Но совмещение

профессий вызвано не экономическими причинами — удачливая проститутка в час зарабатывает столько, сколько средняя работница в месяц, — а социальными. Нигде не работающий человек и не находящийся на иждивении родителей или мужа выталкивается из общества, его выселяют из города и вынуждают ("в воспитательных целях") к тяжелой физической работе.

П. — профессия молодых. В основном это женщины в возрасте до тридцати лет (около 70 процентов), самого обычного (вернее — типично советского) происхождения — из рабочих или интеллигентных слоев, большинство (75 процентов) имеет среднее или выше среднего образование. Словом, они совсем не представители "низов" или преступного мира. И истоки их нравственного падения следует искать не в недостатках воспитания или в семейном неблагополучии, а в деформации ценностных ориентаций советского общества, в попрании им идей социальной справедливости.

Советская жизнь — это мизерная зарплата (120 — 130 рублей) или крохотная стипендия (40 — 50 рублей), неустроенный убогий быт в коммунальной квартире или угол в общежитии, а рядом безумная пляска цен: сапоги — 150 рублей, шерстяной костюм — 200, пальто — 250 — 300. И еще это — невозможность вырваться из провинции и получить прописку в большом городе. Так что становится понятным, почему каждая вторая студентка и каждая третья работница отдается за обед в ресторане или после случайного и короткого знакомства в парке. Удивительно другое — что П. в Советском Союзе не захватывает большее число женщин.

Совсем немного безысходности жизни может противопоставить женщина: религия — задавлена и попрана, морали — не верят, остается только карьера или успех у мужчин. А здесь престиж и самоутверждение ее зависят от того, как она выглядит, как подает себя, как одевается. Советское общественное сознание не жалуется неудачников, потребительская психология нетерпима к тем, кто не вписывается в модный стандарт.

И начинается постепенное сползание девушек к П. На первых порах они переходят из рук в руки в компании друзей и

избегают связей одновременно со многими людьми. Какое-то время они "работают" с подругами и вознаграждение получают подарками. Затем начинают брать деньги. И более откровенно и смело ищут клиентов в ресторанах, в гостиницах, пока не попадают в зависимость от сутенера. Конец их, как правило, печален — панель, если, конечно, они вовремя не выйдут замуж или не переменят профессию. Но доходы любой П., даже уличной или вокзальной, во много раз больше средней советской зарплаты.

И тем не менее на поприще П. совсем не просто разбогатеть. Только восемь процентов проституток живет отлично или хорошо (по самооценке). Среди них преобладают женщины, вступающие в связи с иностранцами, это так называемые "валютные проститутки" — шикарные дамы из баров крупных гостиниц. За ночь они зарабатывают 100 — 200 долларов. Чтобы оценить в должной степени этот доход, следует иметь в виду, что котируется доллар на черном рынке в Советском Союзе в шесть-семь раз выше номинальной стоимости. И самое важное — доллары открывают им возможности приобретать дефицитные товары в магазинах для иностранцев, спекуляция которыми увеличивает их доходы еще в два-три раза. За эту привилегию, разумеется, приходится платить — проститутки выполняют деликатные поручения госбезопасности. Но в этом имеется и определенное преимущество: до них не дотягиваются длинные руки милиции. И они без большого риска оставляют службу в учреждениях и подторговывают наркотиками — для пользы дела (чтобы иметь возможность кого следует одурманить и соблазнить) и с выгодой для себя. И немалой, так что у них есть возможность жить в кооперативных домах и ездить в роскошных машинах.

35 процентов советских проституток живут выше среднего уровня, имеют неплохие квартиры и не испытывают бытовых и материальных трудностей. 40 процентов из них находятся в худших условиях. Но и они не думают о хлебе насущном, хотя, не располагая накоплениями, вынуждены ютиться в коммуналках или в общежитиях. И только 17 процентов советских проституток нуждаются, однако не бедст-

вуют. Лишения, которые они испытывают, являются не следствием, а причиной сделанного ими выбора. Малосодержательный, бесцветный труд, отсутствие перспектив в жизни создают почву для общественной патологии.

Причина массовой П. в СССР — социальная деформация, при которой стандарты высокого потребления отрываются от характера и размера трудового вклада человека. В результате чего психология накопительства любой ценой, невзирая на средства, подменяет нравственность расчетом. И в этих условиях продажа тела не воспринимается как общественное падение. И пока проститутка держится "на плаву" — ведет беззаботную и безбедную жизнь, общество не предъявляет ей претензий. Оно отворачивается от нее, как только она опускается "на дно", тогда государство превращается в радетеля нравов. И предпринимает попытки противодействовать П. С 1988 года в Советском Союзе была введена ответственность за П.: занятие ею карается штрафом до 100 рублей, а при повторном задержании штраф увеличивается до 200 рублей. Таким робким наказанием П. в СССР не искоренить. Но знаменателен сам факт признания в СССР П. Он свидетельствует об известной деформации социалистических идеалов.

"Взявшись, наконец, за столь деликатную тему, как проституция, наделав среди обывателей немало шума, средства массовой информации довольно скоро выдохлись". ("Социологические исследования", № 6, 1987, с. 61.)

ПРОФСОЮЗЫ — организация советских рабочих и служащих, включенная в систему партийно-государственного управления.

П. в Советском Союзе были превращены в "приводные ремни" партийной политики вскоре после Октябрьского переворота, в период, называемый "военным коммунизмом". Тогда П., задуманные как органы управления трудящихся, сперва стали органами управления без трудящихся, а затем органами управления трудящимися.

Военный коммунизм закончился, как и начался, в обстановке общенационального кризиса. Предприятия не рабо-

тали, измученное голодом население городов бежало в деревни, а недовольство крестьян перерастало в восстания. И в 1920 – 1921 годы под угрозой полной катастрофы в СССР была предпринята попытка, первая и единственная, вернуть П. функции хозяйственного управления. В ходе развернувшейся в обществе дискуссии проявилось недовольство профсоюзных работников авторитарными и бюрократическими методами управления промышленностью. Было выдвинуто требование "профсоюзной демократии": независимости профсоюзных организаций от партийного диктата и государственного контроля.

Профсоюзные руководители, однако, предложили неподходящую (для большевиков) программу и в неподходящее время – в Советском Союзе начал осуществляться переход к новой экономической политике. И Ленин, поддержанный Троцким, потребовал решительного осуждения лидеров П. Оторванный от реальной ситуации, мыслящий абстрактными понятиями, он был озадачен проявлением профсоюзного инакомыслия. "Если профсоюзы, то есть на 0,9 беспартийные рабочие, будут назначать управляющих промышленностью, тогда к чему партия?" – испуганно вопрошал вождь русской революции. Но, вместе с тем, он был вынужден признать, что рабочих надо как-то защитить от государства – для того, чтобы они сами были способны защищать государство от контрреволюции.

Драма русской революции, однако, состояла в том, что она произошла в стране, где преобладало крестьянское население. Диктатура пролетариата поэтому осуществлялась в ней без пролетариата. И, стремясь удержать в своих руках оба конца социальной цепи – централизацию управления и стихийный энтузиазм масс, – советские руководители высказались за превращение П. в "приводные ремни партии к массам". "Огосударствление" П. (понятие Троцкого) превратило их в обычную бюрократическую организацию, освободившую государственный аппарат от малозначительных административных функций управления. П. стали механизмом манипуляции трудящимися и осуществления контроля над производством.

В настоящее время П. в Советском Союзе насчитывают 142 миллиона человек: 80 миллионов — рабочие, 40 миллионов — инженерно-технические работники и служащие, 22 миллиона — крестьяне. Они построены по производственному принципу и действуют на централизованной основе управления. Высшим их органом является ВЦСПС (Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов), он избирается на съезде и состоит из 30 отраслевых союзов, объединяющих местные организации, имеющиеся на всех советских предприятиях и в учреждениях.

Права и обязанности П. закреплены в специальном "Положении", согласно которому их основная задача видится в "проведении и руководстве социалистическим соревнованием и контроле за выполнением народно-хозяйственного плана". Члены П. призываются добросовестно трудиться, соблюдать государственную и трудовую дисциплину, повышать политическую сознательность, посещать собрания и т. д.

Внешне П. построены с учетом определенных демократических принципов: предусмотрены выборы руководящих органов, обжалование решений вышестоящих организаций нижестоящими и т. д. Но в силу общего бесправия П. и их полного подчинения партийному аппарату, эти положения имеют чисто формальный, декоративный характер и лишены какого бы то ни было реального содержания. П. в Советском Союзе не вправе организовывать забастовки, и, если они стихийно вспыхивают, то проводятся вопреки П. Советские граждане не рискуют выйти из П., так как, не являясь его членами, не могут получить работу, лишаются права на пособия по нетрудоспособности, не в состоянии приобрести путевки в дома отдыха или получить квартиру. Без рекомендации П. нельзя рассчитывать на продвижение по службе, на переход с одного места работы на другое.

Широко наделены П. и карательными функциями: в их ведении находятся производственные ("товарищеские") суды, они (вместе с администрацией) могут лишать работников премий, санкционировать дисциплинарные взыскания. Занимаются они и некоторыми видами воспитательной работы: организуют лекции, коллективные посещения театров, выс-

тавок и т. д. В связи с проводимой Горбачевым демократизацией советского общества П. получили возможность следить за соблюдением норм трудового законодательства и ставить вопрос об улучшении условий труда — но только в узких рамках, отведенных им политикой перестройки.

Но сами П. все еще не перестроились, они не сделали ничего для реальной защиты интересов своих членов, хотя и поспешили, в духе времени, принять в начале 1988 года постановление о "коренной перестройке". Но она коснулась не социальных проблем их деятельности, а ускоренного внедрения на предприятиях хозрасчета. А рабочие, их труд и образ жизни, были оттеснены на обочину деятельности П., и это при том, что они (по Ленину) считаются "школой коммунизма". Впрочем, данное утверждение справедливо, если считать, что коммунизм предполагает пассивность и отчуждение человека от производства и результатов его труда.

"Масштабность задач, стоящих перед советскими профсоюзами, требует дальнейшего совершенствования их организаторской и воспитательной деятельности". ("Комсомольская правда", 4 декабря 1982, с. 1.)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА — идеологическая обработка людей, широко использующая шантаж, провокации, запугивание и дезинформацию.

П. в., как и питающая ее политика, многие годы рассматривалась Советским Союзом одной из форм классовой борьбы. Считалось, что, поскольку капиталистическое общество разделено на враждебные классы, то рабочие вправе (и должны) вести идеологическую борьбу против буржуазии. Но вскоре выяснилось, что и внутри самого рабочего движения тоже идет борьба различных уклонов — "правого", "левого", догматизма, ревизионизма, оппортунизма и т. д. Классовые столкновения происходили и на международной арене, и находили они свое отражение в идеологическом противоборстве, выражающем себя в П. в.

В Советском Союзе принято различать эти понятия. Полагают, что идеологическая борьба обусловлена классовой структурой буржуазного общества. Следовательно, она не

может прекратиться и не противоречит политике мирного сосуществования государств с разным общественным строем: "Разрядка не отменяет и не может отменить или заменить законов классовой борьбы: никто не может рассчитывать на то, что в условиях разрядки коммунисты примирятся с капиталистической эксплуатацией и монополисты станут сторонниками революции". Отсюда делается вывод: идеологическая борьба не представляет угрозы независимости государств.

В отличие от идеологической борьбы, П. в. коммунисты считают порождением агрессивной политики империализма, духовной диверсией, служащей прелюдией к "горячей войне", и потому усматривают в ней нарушение общепринятых международных норм, вмешательство во внутренние дела государств, посягательство на их суверенитет и право народов распоряжаться собственной судьбой.

Несомненно, между идеологической борьбой и П. в. есть различия и по их существу, и в методах ведения. Борьба идеологий предполагает стремление утвердить конкретную систему ценностей и определенный характер социального поведения. Она носит характер столкновения идей, концепций и мировоззрений. П. в. гораздо агрессивнее. Ее назначение — создание среди населения ложных стереотипов, введение его в заблуждение, запугивание, обман, распространение паники. Конечная ее цель — провоцирование массового недовольства.

В Советской стране различие между двумя этими формами признавалось только тогда, когда речь шла о СССР и если они были направлены против него. По отношению к Западу грань между ними многие годы не проводилась и использовались любые формы и средства политической диверсии для его подрыва и разложения. В то же самое время любая, даже самая умеренная критика советской системы, даже ее объективное и непредвзятое исследование признавались П. в.

П. в., которую вел сам Советский Союз, отличалась цинизмом и изощренностью. Подрывалась политика разрядки и говорилось о миролюбии, он выступал за невмешательство и требовал для себя свободы сеять смуту и недовольство, при-

зывал к терпимости и выявлял идеологическую агрессивность.

Провоцировалось недовольство. В общественное сознание западных стран — через различные социальные каналы (компартии, либеральные и пацифистские круги) внедрялось представление о Советском Союзе как о государстве равенства и благополучия, на фоне которого жизнь в открытом обществе, с его реальными проблемами и противоречиями, начинала казаться тяжелой и безрадостной. Распределение политического света и тени должно было подготовить демократические государства к восприятию коммунистических идей, и вместе с тем оно было рассчитано и на внутреннее потребление. Его скрытый смысл состоял в том, чтобы внушить советским людям, что, как ни трудна жизнь в их собственной стране, там, за кордоном, она еще хуже. Такая "лакировка действительности" от обратного призвана была оправдать глубокие политические и экономические контрасты в социалистическом обществе, бесправие и нищету его граждан.

Использовалось *информационное манипулирование*. Осуществлялось переключение социального интереса с главных событий на второстепенные. Внимание общественности переносилось с явлений существенных на мелкие их детали и частности. С этой целью производилось восхваление бесплатного обучения и медицинского обслуживания в СССР (в действительности они обходятся советским людям в десятки миллиардов рублей, отчисляемых государством с их доходов) и осуществлялась критика высоких затрат, в которые они обходились гражданам западных стран. Советская пропаганда полагала, и не без основания, что западный обыватель не разберется в тонкостях пропаганды и поверит в мифы о счастливой жизни при социализме.

Насаждалась *стереотипизация сознания*. Создавались устойчивые представления (стереотипы) различных явлений, которые, откладываясь в памяти, регулировали восприятие информации, придавая ей однозначный (и нужный советской пропаганде) смысл. Чаще всего использовались при этом весьма примитивные идеологические модели: социализм есть свобода, капитализм — безработица и т. д.

Разрабатывались в СССР и более сложные многоступенчатые пропагандистские схемы, запускаемые в общественное сознание — такие, как комбинация словесных сочетаний, каждое из которых в отдельности имело нейтральное значение, но в совокупности они вызывали определенное общественное настроение. Например, в газетную полосу с рутинными заметками о наращивании вооружения на Западе вкрапливались рассказы о жертвах атомных бомбардировок в Японии. Результат — у читателя появлялись нужные Москве ассоциации и страхи.

Другой прием — воздействие на подсознание человека через его зрительное восприятие. Самое простейшее средство, которое при этом использовалось, — совмещение на одном газетном листе фотографий и текста, не имеющего на первый взгляд никакого к ним отношения: описание экономической депрессии в свободных странах и портретов преуспевающих бизнесменов, рассказа о богатстве и снимков отчаявшихся безработных и т. д.

Очень часто разоблачение буржуазного общества строилось и продолжает основываться на материалах его же прессы: единичные негативные факты собираются, суммируются и преподносятся как нечто типичное, вытекающее из самой сущности "капиталистического образа жизни". Цель — провоцирование неуверенности и недовольства у западного читателя, которые способны усилить в нем идейный разброд и вызвать поиски альтернативы.

СССР нередко провоцирует свободные страны на полемику по самым, казалось бы, невыгодным для него вопросам. Но поскольку открытому обществу противостоит закрытое, коммунистическое, то в ходе такой дискуссии Западу с его реальными проблемами и недостатками противопоставляется не реальная социалистическая жизнь, а ее мифологизированная, утопическая модель. Такие дискуссии — они получили широкое распространение в последнее время — позволяют советской пропаганде расширять плацдармы П. в., вовлекая в нее десятки и сотни миллионов людей, далеких от политики.

Перечисленные здесь методы и средства П. в. носят на-

ступательный характер. У нее, однако, есть и оборонительные задачи: приостановить и задержать распространение в советском обществе либеральных, демократических и гуманистических идей. И используется при этом совершенно иная тактика и стратегия, назначение которой — формирование мышления, не способного к самостоятельному анализу. Так, любая информация, обращенная к советскому человеку, подвергается идеологической обработке, делится на "белую" и "черную". Главное ее назначение — поиск выгодного для властей социального содержания.

Щупальцы советской П. в., наступательной и оборонительной, захватывали прессу, радио, телевидение, проникли в искусство и литературу и поглощали миллиарды рублей. В последнее время, однако, советское руководство начало сворачивать ряд ее "фронтов" — не по соображениям экономики: в СССР никогда не считали средств, когда речь шла о пропаганде. Идеологическое отступление оказалось вынужденным — платой за советскую политику разрядки. Но соединения П. в., ее полки и дивизии не расформированы, они всего лишь отведены на резервные позиции. И по необходимости они вновь будут развернуты для наступления на Запад. И бои будут вестись столь же ожесточенно и беспощадно, как и в прошлом, ибо мироощущение П. в. в Советском Союзе все еще не преодолено. И оно находит выражение в его политическом лексиконе. Средства массовой коммуникации определяются как "оружие воздействия на умы и души людей", а используемые в войне идей работники пропаганды именуется "бойцами агитационно-массового фронта", чье назначение видится в том, чтобы давать "решительный отпор" проискам врага.

"Важное место в ведении психологической войны отводится органам НАТО". ("Правда", 28 ноября 1983, с. 6.)

’Р”

РЕАБИЛИТАЦИЯ — из всех значений этого понятия — возвращение утраченных функций организма, восстановление доброго имени, восстановление по суду в прежних правах — в советском обществе более всего распространилось и утвердилось последнее. Но с одной особенностью: Р. предполагает прежде всего посмертное оправдание и связывается, как правило, с жертвами сталинского произвола.

Р. советских людей, незаконно осужденных в период сталинского правления, началась во второй половине 50-х годов. Тогда около 100 тысяч людей были освобождены из заключения и возвратились к своим семьям и работе. И еще около 200 тысяч были оправданы посмертно — из-за отсутствия в их делах ”состава преступления”. Но, учитывая размах сталинского террора, в результате которого в тюрьмы и лагеря были брошены более 20 миллионов человек, из которых не менее двух миллионов были расстреляны, Р. оказалась выборочной, и коснулась она, главным образом, функционеров и активистов партии.

Прошло целых тридцать лет, несколько раз сменилось в Кремле руководство, прежде чем в Советском Союзе признали, что следует справедливость восстанавливать не выборочно и говорить не об отдельных судебных ошибках и извращениях властей, а о массовом произволе. И тогда встала проблема: как пересмотреть приговоры десятков миллионов? Если обратиться к каждому делу, то на это уйдут многие годы. И постановили признать незаконными все решения внесудебных органов — ”троек” и ”особых совещаний” и

репрессированных по спискам. Решение удобное — благодаря ему не понадобилось отдельных заявлений для Р., но несправедливое. Оно не коснулось сотен тысяч расстрелянных без всякого приговора — в застенках ЧК. Не захватывает такая Р. и жертвы досталинских времен: 1917 — 1924 годов, которые исчисляются миллионами.

Несостоятельной остается и система материальных компенсаций по Р., принятая в 1956 году, — в размере двухмесячного оклада с последнего места работы и символическое (до пятисот рублей) возмещение ущерба за "конфискованное имущество". Советские руководители полагают, что нравственное вознаграждение важнее (и дешевле), и они поддержали идею установления в Москве памятника жертвам репрессий. Он должен искупить их вину (и вину режима) за миллионы безвинно загубленных человеческих жизней.

"Реабилитация советских людей, незаконно осужденных в период сталинских репрессий, интенсивно началась после 20-го съезда партии". ("Московские новости", № 3, 15 января 1989, с. 2.)

РЭКЕТ — шантаж и вымогательство, осуществляемые с помощью угроз и насилия.

Понятие Р. получило право "советского гражданства" только в последнее время — в связи с перестройкой, а все годы до нее использовалось исключительно для изобличения буржуазного общества, особенно американского, его образа жизни и нравов. В таком виде оно осело и утвердилось в советских словарях: "Рэкет — в США шантаж, насилие, вымогательство с помощью насилия, вид гангстеризма" (Краткий политический словарь. М., Изд. политической литературы, 1978, с. 335).

В действительности Р. существовал в Советском Союзе всегда — с той самой поры, как появились и развились в нем наркомания и подпольный бизнес. Однако структура Р. менялась во времени, совершенствовалась. В пору становления советской власти Р. был молод. Он осуществлялся энтузиастами и любителями, каждый из которых выбирал и находил поле своей деятельности в соответствии с собственным вкусом и призванием: одни обирали проституток, другие выплы-

вали в черной экономике и занимались вымогательством, третьи эксплуатировали продажу наркотиков.

По мере развития и укрепления организованной преступности (в конце 50-х годов), стал организовываться и спланироваться и Р. У него появились признанные руководители и жесткая структура. Сколачивались крупные формирования, занимающиеся Р., с четким распределением обязанностей: хозяин (руководитель) планировал операцию, наводчики намечали и определяли цели, женщины-соблазнительницы выводили на них, оперативники (они же — боевики) занимались обработкой жертвы — запугивали или пытали ее. Привязанные страхом, дельцы подпольной экономики редко обращались в правоохранительные органы, и рэкетчики умело и ловко этим пользуются. Переодетые в форму милиции, они заявляются в их квартиры и, направляя на жертвы пистолеты и угрожая уголовной ответственностью, требуют показать, где спрятаны деньги и ценности. Если угроза не действует, "цеховиков" вывозят за город и там, на пустырях или в глухом лесу, избивают, пока они, сломленные, не указывают на тайники. С этой поры они навсегда оказываются в руках Р. Регулярно платят ему деньги и втягивают в его сеть своих знакомых и приятелей по "черному" бизнесу. Советский Р. по своей схеме, таким образом, мало чем отличается от того, что известен на Западе. Однако по сути он не похож на своих зарубежных собратьев. Он не только сам по себе преступен, преступна социальная среда, питающая его: любой, кто облагается в Советском Союзе "налогом", сам является нарушителем закона. И эта особенность советского Р. накладывает на него особый и неповторимый отпечаток. Рэкетчики внедряются в торговлю и, получив необходимые компрометирующие материалы, шантажируют начальников баз, директоров базаров и заведующих магазинами, в их власти оказываются и проститутки. И никто из них никогда не обращается с жалобами в административные органы — там их ждут не штрафы, а унижительные допросы и суровые наказания. Р. же, сдирая с них по семь шкур, при необходимости готов их защитить.

Отношение советского "делового" человека к Р. поэто-

му терпимее, чем к государству, — более благожелательное. Закона он не боится — он для него не писан и от него легко откупиться. Уйти же, уклониться от Р. труднее и опаснее. Он протянул свои щупальцы во все социальные ячейки — от "второй экономики" до правительства. В советском обществе не осталось белых пятен. Даже мелких мошенников он облагает податью. В том числе и самых безобидных среди них — "наперсточников", ловящих на оживленных уличных перекрестках наивных прохожих, стремящихся выиграть десятку, — угадать, под каким из трех наперстков она спрятана, или жуликов, обирающих у комиссионных магазинов простаков, потери которых оказываются более значительными: вместо денег они получают "куклу" — пачку бумаги, обложенную ассигнациями.

Положение с Р. осложнилось в 1987 году, когда стали закрываться магазины "Березка". Не у дел осталась масса спекулянтов и перекупщиков чеков Внешпосылторга, и вместе с ними — толпа жуликов-вымогателей, привыкших к спокойному и легкому заработку. Но затем стали создаваться кооперативы — кафе, рестораны, швейные мастерские, торговые лавочки, которые сразу же оказались под контролем Р. Под его пяту попали и индивидуалы-надомники, торговавшие на рынках, вокзалах и остановках метро: они были вынуждены платить дань Р. или их избивали и отбирали товар.

Рост кооперативного движения дал мощный импульс Р. Увеличились его доходы, они стали измеряться шести- и семизначными цифрами, и расширилась его социальная база. Еще совсем недавно руководители преступного мира с презрением относились к Р., полагая, что вымогательство несовместимо с понятием чести, дискредитирует и умаляет достоинство. Но когда в Р. запахло миллиардами, им пришлось пересмотреть свое отношение к нему. В результате изменился и сам характер Р., он стал тоньше, чище, без лишней крови и ненужного мордобоя. И вместе с тем — изощреннее: на учет была взята каждая кооперативная точка и каждая в зависимости от ее дохода обложена соответствующим "налогом". И кооперативы были вынуждены сами стать на путь преступления — утаивать доходы, скупать краденое оборудова-

ние, покупать левое сырье. И — вздуть цены на свою продукцию. Иначе им было не под силу выжить в обществе, в котором господствовал и повелевал Р.

На этой зыбкой и опасной линии балансирования между законом и беззаконием кооперативы породили специфически советский Р. — государственный. Кооперативы в социалистическом обществе не внушают уважения, у одних людей они вызывают неприязнь, у других — зависть, и всех не покидает ощущение, что они временны и преходящи. И никто, даже самый мелкий чиновник, не готов для них что-либо сделать без личной заинтересованности. Взятки с кооперативов настолько стали привычными и обыденными, что их перестали стесняться и бояться, — берут открыто, не таясь пересчитывают деньги. Так умерла в Советском Союзе, не успев родиться, идея свободного предпринимательства. А на поверхности, как следствие без причины, остался ее печальный след — рэкет.

”Вообще хочу подчеркнуть: в первую очередь от рэкета пострадали и будут страдать торговые и общепитовские кооперативы”. (“Огонек”, № 5, январь — февраль 1989, с. 18.)

”С”

САМИЗДАТ – литература, выпущенная частным, подпольным образом.

Слово С. возникло во второй половине 60-х годов, однако понятие С. – распространения литературных произведений, не разрешенных к печати цензурой, известно в России с давних времен, по крайней мере, с середины 18-го века. Широкий размах С. получил лишь после революции. А массовым явлением он стал в последние двадцать лет, когда произведения многих писателей и поэтов стали в сотнях экземпляров перепечатывать на машинке и переписывать от руки. Тогда же С. вышел за рамки художественной литературы, и появился публицистический и научный С. В С. начали выходить журналы, сборники и альманахи – ”Синтаксис”, ”Феникс”, ”Бумеранг”, ”Метрополь”, ”Каталог” и др.

В эти же годы появляется еще одна форма С. – ”магнитиздат”: романы, рассказы, очерки и стихи, записанные на магнитофонные кассеты и пластинки, распространяются в сотнях и тысячах экземпляров. Так стали известны и популярны Галич, Высоцкий, Окуджава.

Публикация на Западе работ, запрещенных в СССР, создала в советском языке новое словосочетание, образованное по аналогии с С., – ”тамиздат”. Он, оказав существенное влияние на развитие С., имел определенное воздействие и на советскую политику в области литературы: произведения многих писателей и ученых, которые поначалу запрещались в стране, в связи с возможностью появления в ”тамиздате” были разрешены к печати. Имело место и обратное влияние –

новая советская политика в области литературы, ее открытость и гласность "забрала" у "тамиздата" книги, которые, казалось, были написаны специально для него.

Существует взаимосвязь между официальной советской литературой и С. — он питает ее идеями и формами, а она "отбирает" для него произведения, не укладывающиеся (или укладывающиеся не вполне) в рамки литературной политики.

"Под заголовком "Директор и "самиздат" в "ЛГ" было опубликовано письмо из Минска, подписанное группой членов СП СССР, работающих в республике". ("Литературная газета", 27 августа 1988, с. 7.)

СЛУХИ — сообщения и сведения, не нашедшие подтверждения.

Природа зарождения и распространения С. в Советском Союзе на первый взгляд представляется чрезвычайно простой — в обществе постоянно ощущается недостаток правдивой информации. И порой кажется, что развитие гласности неизбежно приведет к сокращению слухов.

Несомненно, дефицит сведений создает широкую основу для циркулирования С., но он лишь является предпосылкой возникновения С. Мнение: нет информации — есть слухи, верно только частично. Более справедливо противоположное утверждение: есть слухи — нет информации. Ибо непосредственной причиной С. в СССР является не столько отсутствие информации как таковой, сколько наличие неудовлетворенного спроса на нее, нереализованной потребности в определенном роде сведениях.

В любом, даже в самом демократическом государстве всегда недостает бесспорной, полной и точной информации. Но ни в одном другом обществе ее нет так мало и она не настолько искажена и извращена, как в социалистическом. В нем из общественного обращения изъяты целые пласты социальной деятельности: процесс принятия решений, внешняя политика, частная жизнь, быт и нравы элиты. Короче говоря, легче перечислить, какие сведения становятся достоянием общест-венности, нежели определить и очертить, что от нее скрывает-

ется и утаивается. Отсюда — постоянный спрос и потребность на С. Массовое сознание, однако, реагирует не на всякие С., а лишь на те, что прямо или косвенно затрагивают его интересы, находятся в зоне его ожиданий.

Среди инспирируемых в Советском Союзе С. самый последний и, возможно, наиболее распространенный — молва о готовящейся девальвации и обмене денег. Это даже не слух, а мнение (иначе говоря — это С., нашедший частичное подтверждение). Он возник в ситуации, когда правительство готовит серьезную реформу цен, которая прежде всего ударит по низкооплачиваемым работникам. Или другой С.: в течение 1988 года намечалось массовое увольнение служащих — 8 миллионов человек. И за ним также стояло реальное явление — сокращение государственного аппарата. Поэтому, сколько ни пытаются власти опровергнуть эти С., им продолжают верить. Больше того, чем настойчивее они отрицались, тем большее доверие они приобретали.

С. в Советском Союзе редко появляются стихийно. Очень часто за ними стоит государственный аппарат. В обществе, лишенном свободного общественного мнения, С. выполняют роль некой обратной связи правительства с народом — они сообщают "наверх" о возможной реакции масс на предполагаемые его решения, позволяют прозондировать их общественную проходимость и последствия. Это в полной мере относится и к С. о девальвации и увольнении — и те и другие шаги не раз обсуждались в Москве на самом высоком уровне, их неоднократно анализировали видные ученые, размышляя об экономической реформе. И только боязнь широкого недовольства, страх утратить контроль за событиями заставили советское руководство отказаться от этих мер. Но недоверие осталось.

Определенная часть С. в Советском Союзе носит совершенно "бескорыстный" характер — так сказать, "искусство для искусства", удовлетворяющее общественную потребность. Так возникли С. о расточительстве жены Горбачева, о ее необузданной страсти к нарядам, к ценностям и подаркам. В Англии, сообщают С., она выпросила у английской королевы знаменитые бриллианты, а во Франции напросилась на по-

дарки от фирм "Диор" и "Картье". Эти С. интересны тем, что показывают образ жен советских руководителей — так, как их понимает и воспринимает человек с улицы. И нельзя сказать, что он — результат досужего воображения. Он скроен из материи советской реальности. Обыватель рассуждает следующим образом: неумным накопительством, корыстолюбием отличились жена и дочь Брежнева, так почему в этом качестве отказывать супруге нового руководителя, ведь она, как и ее предшественницы, поставлена вне критики и стоит над законом. Тем более, что факт ее жадности подтвердился — она выкроила себе зарплату, в два раза превышающую зарплату профессора, за обязанности секретаря советского фонда культуры.

Развиты и весьма распространены в СССР "целевые" слухи, назначение которых — оговорить человека, подорвать к нему доверие. Они возникают на различных уровнях советского общества: на самом низу социальной лестницы, где с их помощью легко компрометируется человек — удачливый соперник (соперница), нерасторопный начальник, талантливый сослуживец. Охотно к ним обращаются и советские руководители. И тогда это уже не просто С., а политика. Незадолго до падения секретаря ЦК КПСС Романова распространилась молва, что он со своей любовницей пытался сбежать на яхте в Швецию. В этот наговор можно было и поверить (советская элита с легкостью отказывается от идей и принципов, как только они приходят в противоречие с ее личными интересами), если бы точно такая легенда не рассказывалась перед снятием В. Толстикова, которого Романов сменил на должности первого секретаря Ленинградского обкома партии (и с теми же подробностями: "находился в нетрезвом состоянии", "в сомнительной компании девицы легкого поведения", "без документов"; так же разыгрывалось и место действия — яхта в Финском заливе, вне территориальных вод СССР).

Так что мнение, будто бы С. формируются в примитивной социальной среде и людьми простыми и необразованными, не является бесспорным и обязательным, хотя, конечно же, не критичность советского массового сознания, его не-

умение поставить под сомнение и самостоятельно (без партийных директив) оценить ситуацию, слепое доверие к авторитетам создает питательную среду для С. Серость советской жизни, ее монотонность и будничность создают благодатную аудиторию для сплетен и небылиц. За ними — целая история и судьба бесконечного количества самых невероятных С., таких, как выдумка о Нэнси Рейган, пытавшейся будто бы во время приема в Кремле ненароком спрятать золотую чайную ложечку из старинной коллекции. С. вздорный, но не бессмысленный: он — своеобразный "ответ" на сплетни о Горбачевой. И еще — он несет в себе определенный идеологический "заряд" — посеять недоверие к американскому президенту: можно ли ему доверять, если у него такая жена?!

Разумеется, в подобные небылицы верят немногие: сознание советских людей за последние годы изменилось, оно стало более критически относиться к С. и особенно к тем из них, которые, как они догадываются, инспирируются властями. Но при отсутствии подлинной демократии С. все еще являются органической частью социалистического общества.

"Казалось бы, в период гласности со слухами будет покончено. На практике, однако, их "список" по-прежнему широк — начиная с "денежной реформы" и кончая "ожидаемым разрушительным землетрясением в Молдавии". ("Московские новости", № 11, 13 марта 1988, с. 2.)

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ — высшая мера наказания, принятая в Советском Союзе.

С. к. номинально рассматривается исключительной мерой наказания, фактически же она является весьма распространенной и широко применяемой формой пресечения преступности. Она предусмотрена за семь уголовных, одиннадцать государственных и шестнадцать воинских преступлений. А при рассмотрении советского уголовного кодекса вместе с комментариями выясняется, что С. к. венчает и десяток других его статей.

Жестокость и неразборчивость государственного возмездия советские власти всегда стремились скрыть, совместить с утверждением, что человек человеку в социалистическом

обществе — ”друг, товарищ и брат”. И рождались различные формулы С. к. — для того, чтобы не представлять ее собственным именем, ее стыдливо называли ”исключительной мерой наказания”, или ”высшей мерой наказания” (отсюда ее сленговое определение — ”вышка”). Существовал многие годы и такой изуверский эвфемизм, маскирующий массовые расстрелы, как ”десять лет без права переписки”.

Лицемерие по отношению к С. к. проходит через всю советскую историю. До прихода к власти большевики неизменно выступали против С. к. Следствием такой позиции явилось решение о ее отмене, принятое сразу же после Октябрьского переворота (декрет Второго съезда Советов от 10 ноября 1917 года). Но уже тогда сразу же выявилась его несостоятельность — партия и Ленин предложили безжалостно расстреливать без суда и следствия за любое сопротивление режиму или трудовой саботаж.

По неполным данным, за короткий период гражданской войны с 1918 по 1920 год было ликвидировано в застенках ЧК более 50 тысяч человек, в то время как за последние сто лет императорской династии в России было казнено менее семи тысяч. В январе 1920 года еще раз был принят закон, отменявший С. к. А в мае появилась инструкция, разрешающая ее — сперва в местностях, объявленных на военном положении, а затем и по всей стране. Указ советского правительства от 26 мая 1947 года заменял С. к. 25 годами заключения. А между этими датами, 20-м и 47-м годами, в Советском Союзе тайно были уничтожены, под гул моторов грузовиков, заглушавших шум и стоны умирающих, миллионы людей. Кронштадские матросы (в 1921 г.) — 10 тысяч, верующие и священники (1921 — 1929 гг.) — 100 тысяч, ”контрреволюционеры” различных мастей — белогвардейцы, антоновцы, махновцы, басмачи и т. д. (1920 — 1927 гг.) — 100 тысяч, бастующие рабочие и восставшие крестьяне (1922 — 1930 гг.) — 110 тысяч; политзаключенные, сперва классовые противники — кадеты, меньшевики, а затем классовые единомышленники — эсеры, троцкисты (1922 — 1932 гг.) — 70 — 80 тысяч. Далее расстрелы в СССР стали массовыми. Кулаки (1930 — 1933 гг.) ”дали” около миллиона жертв. А в ”великую чи-

стку” с 1 января 1935 года до 1940 года по заведомо ложным обвинениям пало около 7 миллионов. Канун Второй мировой войны ознаменовался еще сотнями тысяч загубленных жизней: весна 1940 года насчитала 14 тысяч – польские офицеры, а осень прибавила к ним 10 тысяч прибалтийских националистов и 200 тысяч заключенных, уничтоженных в ”оперативном порядке” – когда в панике отступления их не удавалось эвакуировать. Разгром фашистской Германии вызвал к жизни новую волну расстрелянных – советских военнопленных, возвращающихся на родину.

Три года советская система смогла просуществовать без официальной С. к. Неофициально она не отменялась никогда: в 1948 году в Ашхабаде милиция окружила разрушенные землетрясением тюрьмы и расстреляла не успевших бежать заключенных. Немало арестованных полегли в лагерях в 1948 – 1949 годах при подавлении забастовок. И в 1950 году под давлением инспирированного властями ”требования” трудящихся С. к. была восстановлена. Машина террора оказалась готовой для репрессий. Однако развертывание репрессии остановила смерть Сталина, но ненадолго. Не прошло и десяти лет, как стихла непрекращавшаяся 50 лет трескотня выстрелов, унесшая многие миллионы жизней, как советское общество вновь ухватилось за дубинку С. к., ее стали широко применять за хозяйственные преступления – хищения, взяточничество, валютные махинации.

Парадокс: государство, уставшее от террора, обратилось к террору при согласии своих граждан, в сознании которых сработал рефлекс жестокости – взращенные на ней, они ею стремились воспитывать преступников. Измученные скудностью, безысходностью жизни, они испытывали циничное удовлетворение, когда к стенке ставились люди, относительно благополучные, – спекулянты, бизнесмены, жившие в достатке и, как им казалось, в удовольствии. Их не терзали угрызения совести – они полагали, что закон справедливо карает виновных. Кроме того, существовало и неверие в то, что С. к. действительно приводится в исполнение. Советский уголовный фольклор полон рассказов о выстрелах холостыми патронами и ссылкой смертников на урановые рудники.

Эти святочные истории, однако, были не из советской жизни. Только в прошлом правители устраивали эффектные зрелища — миловали заключенных у виселицы или гильотины. Советское правосудие не знало милости — как только отклонялась просьба о помиловании, приговор тут же приводился в исполнение. А до этого осужденному приходится мучительно, пока рассматривается его апелляция, несколько лет дожидаться С. к. Его обряжают в полосатую одежду, изолируют от других заключенных и переводят в специальную камеру — глухую, с забранным решетками окном, и лишают прогулок и информации. И самое страшное — в этих жутких камерах нередко оказывались невинные — жертвы произвола. У следственных органов, как и всех прочих советских органов, имеется свой план. Он требует стопроцентной раскрываемости преступлений, и людей очень часто заставляли сознаваться в поступках, которые они не совершали.

Били и шантажировали, разрушая психику, подавляли волю. Убеждали: покаются — сохранят жизнь, будут упорствовать, отрицать вину — не избегнут С. к. Чувство тоски и бессилия находило на арестованных. Одни, изолированные от всего мира, беспомощные, они начинали самим себе казаться нелепыми и жалкими. И мутнеющий разум оглушала отчаянная мысль: "А что если я и в самом деле совершил преступление?" И в отчаянии подписывалось "признание". И заключенные сразу же проваливались в царство кривых зеркал: каялись в поступках, в которых не были повинны, и следователь-мучитель начинал казаться благодетелем.

Суд — ему также необходимо было выполнять свой план по заслушиванию дел, — автоматически штамповал обвинения. Советские судьи, несмотря на декларируемую их независимость, — обычные государственные чиновники. Подневольные, они находятся в полной зависимости от партийного аппарата, он их назначает, выдвигает и перемещает. И для них искалеченная человеческая судьба, загубленная жизнь — это всего лишь возможность шагнуть на очередную служебную ступеньку. Они стремятся не выносить оправдательных приговоров, и в СССР до недавнего времени 99 процентов

дел заканчивались обвинением. Советский суд не ведет расследования, он лишь определяет размер наказания. Здесь также действует своя "плановая организация труда". Допускается и разрешается четко определенное число суровых мер "пресечения". Их должно быть не слишком много — чтобы не нарушалась гармония "развитого социализма", и не очень мало — чтобы не способствовать разгулу преступности. И в этой циничной бухгалтерии отмерен и допустимый размер С. к., о которых старались не говорить публично, кроме тех немногих случаев, когда это вызывается необходимостью пропаганды.

Правовая реформа сняла покров таинственности с вопроса о С. к. Впервые в СССР стали задумываться не о целесообразности казни конкретного преступника, а правомочности С. к. как таковой. С. к., однако, уготована в стране еще долгая жизнь: государство, игнорирующее в своем социальном устройстве милосердие, не в состоянии обнаружить и проявить его и к своим попавшим в беду гражданам.

"Глупо и лицемерно вести толки о гуманизации процедуры смертной казни (а такие слышатся), но смягчать режим в камерах смертников нужно непременно". ("Огонек", № 41, октябрь 1988, с. 21.)

СОВЕТСКИЙ НАРОД — искусственная (и умозрительная) общность наций, находящихся на различных стадиях социального и культурного развития.

Исторически возникновение С. н. связано с Октябрьским переворотом, социально — с утверждением социалистических отношений, а его географические рамки очерчиваются границами СССР — последней существующей империей и, кажется, единственной, в которой народы и народности исчезают, утрачивая свою культуру, обычаи, нравы, государственность и где унификация идей заглушает и разрушает национальное своеобразие.

В Советском Союзе становление С. н. объясняется сближением социалистических наций, а его духовное формирование завязывается на двух лозунгах: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" и "Униженные народы всех государств, объединяйтесь!" Лозунгах, в которых проявляется их полная

взаимная несовместимость. И заметил это не кто иной, как Ленин: "Никакого закрепления национализма пролетариат поддержать не может — напротив, он поддерживает все, помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок" (Ленин В.И. Собр. соч., т. 24, с. 133). "Закрепления" национального самосознания в советской России, действительно, не произошло — это стало очевидно в 1920 году. Не произошло, впрочем, и стирания национальных различий, хотя это обнаружилось значительно позже.

Чтобы закрепить революцию и сделать ее необратимой, советские руководители попытались вывести коммунистическую систему за пределы своего государства, однако мировой пролетариат их не поддержал. И после неудавшихся попыток экспортировать социализм в Европу решили, что у них не остается иного выбора, как обратить его в глубь собственной страны, использовать для его спасения динамизм угнетенных народов. И здесь они оказались перед непреодолимым противоречием своих же собственных идей: интернационализма (солидарности пролетариев всех стран) и национализма (признания права народов на самоопределение). Эта дилемма на многие годы обусловила (и все еще определяет) характер и развитие С. н.

Стремление укрепить государство и придать ему монолитность требовало сплочения распадавшихся наций старой России. Но чтобы побудить их к объединению, необходимо было предоставить им (или, как минимум, обещать) самостоятельность. И в качестве эксперимента осуществления "союза наций нового типа" была выбрана Российская Федерация, которой предстояло стать прообразом социалистического государства будущего. В ней последовательно (а нередко и параллельно) шли два процесса: "интернационализация" — стирание и уничтожение национальных обычаев и традиций (а заодно и их носителей — интеллигенции) и "национализация" — форсировалась подготовка местных кадров, создавались языки и письменность (даже если предполагалось, что говорить и писать на них будет несколько тысяч человек), изобретались культуры, объединялись и делились народы.

Очень скоро, однако, эта двойственность в развитии советских наций пришла в столкновение с устоями власти. И те немногие права, которые они получили в 20-е годы, к середине 30-х годов были у них отобраны. Сложилась новая колониальная империя, сцементированная насильственным единством, именуемым Союзом советских республик. Отныне решение национального вопроса осуществлялось через исчезновение наций – им на смену должна была прийти новая историческая общность людей, получившая название С. н.

Были сделаны и практические шаги к его становлению: подавлялась национальная культура и в принудительном порядке осуществлялась русификация. Советское государство все больше уподоблялось Московскому царству, антинациональному по своей сущности и многонациональному по своим притязаниям. По идее москвоцентризма (“Начинается земля, как известно, от Кремля”) осуществлялась и переплавка советских наций: русский народ был провозглашен “старшим братом”, а все прочие – наречены средними и младшими. Уклад их жизни, взгляды, мировоззрение стали определяться русским содержанием – его традициями, нравами и обычаями, национальной оставалась только форма и их выражение. С течением времени, однако, русское содержание начало ослабевать, гаснуть, превращаться в форму, а национальная форма развиваться, усиливаться, превращаясь в содержание. И С. н., не успев сложиться и оформиться, оказался расколотым. Из него стали выталкиваться и выпадать различные конструкции: прибалтийцы потребовали восстановления государственного суверенитета, армяне – новых границ и воссоединения с Нагорным Карабахом, грузины – выхода из СССР, на Украине и в Белоруссии выявилось недовольство подавлением национальной культуры. Брожение, охватив мусульманские окраины, передалось России. Оказалось, что и сами русские чувствуют себя неуютно в тисках С. н., он духовно обобрал их, лишил самобытности и исторических традиций. Таковой оказалась плата, которую были вынуждены заплатить народы Советского Союза за попытку создания “новой общности людей”.

“Советский народ – народ исключительного мужества, трудо-

любия, выносливости, душевной щедрости..." ("Агитатор", 1982, № 23, с. 14.)

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ — совокупность социальных и нравственных форм жизнедеятельности советских людей.

Понятие С. о. ж. не равнозначно выражению "образ жизни в советском государстве". В первом случае речь идет об отличительных чертах общественной жизни, единых для всех советских граждан, во втором — о положении человека в системе власти и производстве, определяющем его права, обязанности и привилегии, и в этом смысле было бы, пожалуй, правильнее говорить не об одном, а о многих образах или укладах жизни в Советском Союзе.

С. о. ж. — это прежде всего атмосфера, формирующая советского человека: его материалистическое мироощущение и политическую нетерпимость, нравственный дуализм и психологическое двоемыслие. И как естественное дополнение к этому — преклонение перед силой и культом государства и его руководителей. Типичные для советского человека черты характера вытачиваются и шлифуются на едином социалистическом станке, а потом собираются вместе на поточной коллективистской машине. Программа обработки определена жестко: "кто не с нами — тот против нас", "если враг не сдастся — его уничтожают", "правильно и справедливо все, что служит коммунизму", "великая цель оправдывает любые средства".

Хрущев обещал, что к 70-м годам в СССР наступит изобилие. Однако на пороге 90-х годов, при Горбачеве, обнаружилось, что по жизненному уровню Советский Союз находится на 24-м месте и отстает по этому показателю от царской России более чем вдвое. Если же сравнивать национальный доход на душу населения, то СССР в сообществе государств занимает еще менее почетное место — 29-е.

Чуть ли не половина государственного фонда зарплаты (а он составляет в СССР основной источник дохода) поступает в распоряжение 20 процентов населения: 10 процентов приходится на долю партийного и высшего управленческого

аппарата, три процента — на командный состав армии, три процента — на остепененных научных сотрудников, четыре процента — на руководителей промышленности.

Доход на человека среди этих людей составляет 240 рублей и более. А если принять во внимание различные косвенные доплаты к их зарплате, специальные продуктовые пайки, бесплатный проезд на транспорте, персональные машины, право приобретать товары в закрытых магазинах по заниженным ценам, то доход на человека здесь возрастет до 320 рублей.

Таким образом, создается впечатление, что советская элита зарабатывает больше, чем ей положено. Но такое суждение было бы не вполне справедливым — коммунистическое правительство не переплачивает никому. В СССР платят не за труд, а за услуги, вернее — за услужливость перед властью. И чем она больше, тем щедрее ее вознаграждение. При этом оценивается не ум, дарование или знания, а лояльность и преданность режиму и еще — приобщенность и приближенность к рычагам власти. А чем дальше отстоит человек от них, тем ниже его доходы, и отсюда — его возможности, социальная полезность его труда учитывается в самую последнюю очередь.

Доход 25 процентов населения (служащие и некоторые категории рабочих) находится в пределах 120 рублей на человека, а 35 процентов — ниже 100 рублей. Причем эта цифра весьма относительная, ибо у двадцати процентов из этих 35 — рабочих, части крестьянства — заработок едва дотягивает до 90 рублей. И, наконец, 20 процентов советского населения (в основном пенсионеры и студенты) довольствуются доходом менее 80 рублей.

Не следует, однако, полагать, что власти удовлетворены низкими доходами своих граждан. От них, от их отношения к труду, производственной дисциплины, прилежания зависит богатство страны, а значит — и их благополучие. И они не прочь повысить им зарплату, но не знают, как выбраться из заколдованного круга: низкая производительность труда ведет к низкой зарплате, а низкая зарплата создает низкую производительность труда. Вот и приходится им делать вид, что

они платят народу за труд, а народ делает вид, что он трудится.

И зная, насколько хрупко и ненадежно материальное положение трудящихся, власти вынуждены с ним мириться, ибо слишком шатко общее социальное равновесие в стране и слишком велик их страх перед народом, которому нечего терять. И дело здесь не в конкретном неповиновении и недовольстве, которое время от времени прорывается в стране, а в их собственной идеологии, которая предостерегает: в трудящихся массах заложен бродильный динамит, способный при их обнищании взорваться бунтом или революцией.

Пытаясь разрядить и ослабить социальную напряженность, коммунисты стремились обеспечить людям минимальную степень защищенности. Каждому предоставили рабочее место (гарантированное право на труд привело к созданию миллионов ненужных, бесполезных рабочих мест) и крышу над головой (где-то шесть-семь квадратных метров жилой площади на человека). Но сколько-нибудь приличного жизненного уровня народу создать не смогли. Так что, рассуждая в понятиях марксизма, они сами подвели страну к революции: производственные отношения в стране пришли в столкновение с производительными силами, низы более не желают жить по-старому, а верхи не в состоянии управлять по-новому. Определился и "могильщик" коммунистической системы. Это не один какой-то класс, а народ, обездоленный и измученный прелестями социалистической жизни.

В Советском Союзе ощущается постоянное напряжение: женщины задавлены тяжелой домашней работой, дети — абсурдными программами, мужчины — поиском дополнительного заработка. И все живут в неуверенности и страхе перед будущим. Утратила стабильность и власть, стала непоследовательной, нерешительной и беспокойной, ее преследуют тени сталинского прошлого и пугают блики горбачевских перемен.

Попраны идеалы, позабыта мораль. Единственная (она и самая надежная) социальная ценность — деньги, им в жертву приносятся принципы революции и обычная человеческая порядочность.

В результате С. о. ж. постепенно приобретает криминальные черты: государство обкрадывает граждан, а граждане обворовывают государство. Такова философия советской жизни (и ее психология). Она захватывает профессиональных преступников и распространяется на преступников от политики, а от них разливается по всему обществу, растлевая народ. Уголовные типы совмещаются с типами социальными, накладываются на них и сливаются с ними. В обществе еще остаются социальные группы (совсем немногочисленные), не затянутые коррупцией, но уже не осталось ни одной, способной и готовой ей противостоять.

Коррупцию в СССР можно рассматривать в двух измерениях: как следствие социальных причин (как порождение социалистического общества) и как причину следствия (влияния преступности на общество). И в обоих случаях ее камуфлирование осуществляется с помощью идеологической мистификации: в прошлом прикрывалось строительством развитого социализма, в настоящем — перестройкой.

Единственной реальностью в этом царстве фикций оказывается место человека в обществе. Оно определяет его возможности и престиж, и на его основе начинается обогащение. Положение в системе власти открывает возможности накопления денег, деньги — приобретение власти.

Официальная мораль, однако, стремится этого не замечать, она обещает совсем другие пути достижения успеха — это учеба, послушание, труд. Но поверивших ей ждет разочарование. Они скоро обнаруживают, что их обманывают. В результате в обществе рождается лицемерие, создающее условия, при которых законные, но неэффективные средства достижения жизненных целей вытесняются незаконными, но более действенными. Средства начинают оцениваться не по их нравственному смыслу и содержанию, а по их результативности. И в погоне за ними советские люди легко переходят границы закона, полагая (и не без основания), что именно здесь, в этой запретной зоне, их ждет карьера и богатство и вероятная выгода с лихвой окупит и оправдает маловероятные неприятности.

“Противник идет на коварство и клевету, на шантаж и подкуп,

пользуясь любой возможностью, чтобы малейшие наши просчеты, заблуждения и ошибки направить против советского образа жизни". ("Литературная газета", 1 июля 1981, с. 3.)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ — новая философская категория, стремящаяся интегрировать идею многообразия мира в марксистской системе общественного развития.

Появление и выдвижение концепции С. п. вызвано необходимостью идеологического объяснения и обеспечения реформ Горбачева, нуждающихся в новых, более смелых подходах к действительности. Длительное время понятие плюрализма употреблялось в Советском Союзе в словосочетании "буржуазный плюрализм" и использовалось только в качестве критики. Оно представлялось как идеалистическое учение, превратившееся в эпоху империализма в "господствующую методологию буржуазной философии и социологии" и противостоящее "диалектико-материалистическому монизму" (Философский словарь. М., Изд. политической литературы, 1968, с. 278).

Но на пороге 90-х годов в понятии плюрализма были найдены ранее неизвестные грани содержания, открылось новое его восприятие. Оказалось, что многовариантность духовного и общественного развития не противоречит природе социализма, его экономическому, политическому и социальному укладу (строю), его идеалам и целям. Так на свет появилось выражение С. п. — совершенно неестественное и несовместимое: одна его часть, "социализм", не способна ужиться и сосуществовать с другой — "плюрализмом". И это противоречие прослеживается во всем объеме понятия С. п., во всех его аспектах — мировоззренческом, социальном и экономическом.

Марксизм ориентируется на монистическое, монолитное сознание, а плюрализм предполагает разработку различных идеологий. Не имеет он реальной почвы и смысла и в области советской духовной жизни, в которой осуществляется запрет на выдвижение и обоснование антисоциалистических теорий и взглядов. Рамки С. п. поэтому искусственно сужаются, сдвигаются, они ограничиваются возможностью проявления различных мнений на социализм (поэтому и определяется поня-

тие не как плюрализм, а как С. п.), отстаиваемыми сторонниками консервативного развития советского общества и поборниками осторожного либерализма, выступающими за гласность и перестройку.

Не уместается С. п. и в структуре советской политики, основанной на принципе "демократического централизма"; управление общественной жизни может быть или демократическим или централизованным, но никак — "демоцентристским".

Плюрализм предполагает ненаказуемость инакомыслия, отстаивает презумпцию духовной невинности. В Советском же Союзе по-прежнему действует принцип — сперва наказывают, а лишь затем разбираются, и если человек вовремя не выкрикивает "ура", то ему очень часто приходится кричать "караул". Советское сознание инертно, неподвижно, оно основано не на П., а на двоемыслии.

Социальная основа П. — демократическая организация государств. Но множественность общественных институтов, их независимость и самостоятельность не укладываются в исторические традиции социализма. И поэтому С. п. даже в идеале не предполагает плюрализма власти, он не затрагивает сути социализма — однопартийной организации общества и не посягает на его изменение. Он подменяет П. социального действия П. мнений, суждений или сводит его к надуманной дилемме — борьбе правого и левого уклона в рамках социализма. Это позволяет ему обосновать возможность различных курсов политики в условиях советского общества.

Левая политика очерчивается как реализация специфических черт социализма — отстаивание общественной собственности на средства производства и увеличение роли и значения государства в руководстве экономикой и социальной жизнью.

Правая политика не отказывается от некоторых факторов капитализма (стыдливо представляемых как "общечеловеческие") — товарно-финансовых отношений и демократических форм управления. Иначе говоря, левая политика нацелена на чистый социализм, а правая — на смешанный, разбавленный капиталистическими элементами.

И здесь возникает вопрос, существует ли (или возможен) П. при социализме? Несомненно, но не в том виде, как он представляется сторонникам С. п.

Историческое развитие социализма проявило несколько различных режимов. Тиранический социализм, возникший в России в эпоху военного коммунизма и достигший наибольшего развития при власти красных кхмеров в Кампучии. Деспотический социализм сталинского правления. Тоталитарный социализм периода властвования Хрущева и Брежнева. Авторитарный социализм, развивающийся при Горбачеве. Возможен и авторитарно-демократический социализм, если проводимые в Советском Союзе либеральные реформы увенчаются успехом. Но невозможен социализм полностью демократический — он функционально несостоятелен. Историческая эволюция советского государства может происходить по одному из двух путей — социалистическому или демократическому, но не в состоянии пойти между ними.

Развитие по указанному "вееру" социализма, однако, не осуществляется однозначно и линейно. Даже крутой поворот советского общества к демократической экономике еще не означает такого же поворота в социальной политике. В определенных условиях вполне допустимо обратное — крен вправо в экономической деятельности приведет к движению влево в общественной жизни. При насаждении и развитии экономического П. может появиться необходимость — для стабилизации режима — в насаждении политического тоталитаризма. Нечто такое уже наблюдалось в советском обществе в прошлом, когда Ленин, проводя и отстаивая нэп, усилил репрессии и запретил фракционную деятельность в партии.

Модель С. п. не предполагает появление в советском обществе политической оппозиции, возникновение другой или других (кроме коммунистической) партий. Утверждается, что С. п. не отражает и не несет социального антагонизма, поэтому он находит и выражает себя в деятельности одной партии, в демократизации ее внутренней жизни. Такое понимание П. не только противоречит его внутренней сущности, но не соответствует происходящим в советском обществе явлениям. В нем начинают развиваться, кроме государствен-

ной, кооперативная, семейная и индивидуальная собственность, которые по мере их укрепления и утверждения будут искать способы и средства своего политического выражения. Различные группы населения, основывающие свою жизнь и доход на частном предпринимательстве, начнут заявлять о своих политических интересах. В результате появятся (и уже появляются) в общественной жизни различные политические течения, выражающие и утверждающие себя в различных организациях — пока неформальных. Этот процесс, если он не будет насильственно прерван, приведет к ликвидации в Советском Союзе монополии единственной партии.

В сущности, в советском обществе никогда и не было такой монополии. Власть свою партия всегда с кем-то делила: во времена Сталина — с госбезопасностью, при Хрущеве — с армией, в правление Брежнева — одновременно и с госбезопасностью, и с армией. И еще — с мафией, которая, разложив государственный аппарат, захватила важнейшие рычаги государственного управления.

Борьба за власть в советской стране обострилась при Горбачеве. В обществе образовались четыре силовых полюса. Первый. Руководство партии во главе с генсеком — сторонники реформ, стремящиеся вывести социализм из его "казарменной деформации". Второй. Партийный аппарат, сопротивляющийся переменам и неспособный их произвести. Третий. Многомиллионная партийная масса, инертная, лишённая инициативы, приученная долгими годами тоталитарного правления к послушанию и подчинению. Она ждет приказаний. Укажут ей следовать реформам, будет их, как умеет, осуществлять, позовут на баррикады против них, пойдет. И четвертая — народ. Он выжидает, присматривается, примеряется к перестройке, оценивает ее.

Исход этой борьбы, которая предопределит развитие советского общества на многие годы, в конечном итоге, зависит от того, кого поддержит народ — пойдет он за Горбачевым или отвернется от него. Вместе с тем имеет значение, и весьма существенное, позиция и трех других социальных сил, в которых постоянно происходит перегруппировка. Партийный аппарат, оказавшийся в растерянности с приходом Гор-

бачева, постепенно приходит в себя. В совершенстве владея искусством политического маневрирования, он активно подтачивает перестройку. Обозначилось расслоение и в партийной среде. Наиболее активная ее часть, состоящая из интеллигенции, поверила Горбачеву и поддерживает его, в то время как партийцы, рекрутированные из рабочего класса и крестьянства, видя, что уровень их жизни продолжает падать, испытывают и проявляют недоверие к перестройке.

Наибольшую поддержку реформы получили в высшем эшелоне партии, в который генсеку удалось провести своих людей. Но стабильности нет и там. Любой кризис, провалы в экономике, усиление национального брожения или проблемы во внешней политике могут подорвать власть Горбачева. Так что С. п. еще во многом остается плюрализмом мнения, а не действия. В советском обществе еще не сложился и не выявился механизм его утверждения и проведения в жизнь.

”Таким образом, можно говорить об историческом развитии социалистического плюрализма и даже об его определенной периодизации в соответствии с основными этапами переходного периода и строительства социализма в целом”. (“Социологические исследования”, № 5, сентябрь – октябрь 1988, с. 23.)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ — основной (и долгое время единственный) художественный метод советского искусства, выражающий его классовую и партийную направленность и сущность.

Понятие С. р. появилось в 1932 году. Советские руководители подыскивали определение для выражения историко-диалектического метода в литературе — формулировка должна была обязывать писателя следовать политике партии и в то же время содержать и выражать общеэстетическую направленность. Было выдвинуто несколько предложений: назвать новый метод революционным, монументальным, тенденциозным, социальным, пролетарским — пока не набрали на понятие ”социалистический реализм” (его изобрел И. Гронский, председатель Оргкомитета СП СССР). Термин соединял в себе все, что от него требовалось, — категории эстетическую (”реализм”) и политическую (”социалистический”).

В октябре 1932 года это понятие было принято и одобрено на самом высоком уровне — его на встрече с писателями упомянул Сталин, и оно сразу же утвердилось как универсальное определение художественного метода советской литературы, а затем — и всего искусства.

Основной принцип С. р. — отражение действительности в ее "революционном" развитии и коммунистической перспективе. Этот идеал воплощается в особом типе современного героя и формализуется в строгой системе требований: идейности, народности, партийности, исторического оптимизма, в решительном неприятии формализма, натурализма и субъективизма.

В основу формулы С. р., достаточно гибкой и эластичной, чтобы вместить в себя бесчисленное количество муз в Советском Союзе и за его пределами, положена была идея суперреализма: изображать настоящее (или прошлое) так, чтобы за ним просматривалось будущее — таким, каким его представляет (или хотело бы видеть) партийное руководство. Это должно быть страстное восхваление социализма. Прямое и откровенное, если произведение посвящено современности, опосредственное, если оно обращено к прошлому (так как прошлое и настоящее в марксистском мировоззрении — всего лишь этапы на пути к прекрасной цели, к коммунизму).

С. р. позволяет художественному воображению неограниченную возможность рисовать жизнь в категориях борьбы, в которой, однако, всегда побеждает добродетель. Трагедия непременно оказывается оптимистической — герой гибнет, но "светлые" идеалы торжествуют, сатира сокрушает отсталые нравы и пережитки, поэзия поставляет зарифмованные нравоучения в духе решений программы партии.

Искусство С. р. переносит атмосферу борьбы и во внутренний мир человека. Самый обычный производственный процесс — строительство завода, пуск шахты, сбор урожая — наполняется "глубоким духовным смыслом". Это не просто этапы на пути создания материально-технической базы коммунизма, но и важнейшее средство формирования нового человека, как об этом вещает лозунг БАМа: "Мы стро-

им БАМ, БАМ строит нас". В результате человек из темного становится светлым, из непросвещенного — образованным, из несознательного — высоконравственным и так далее, пока не завершается формирование положительного героя (изобретение Горького) — личности смелой, самоотверженной, с ясным умом и яркой жизненной целью. Ему, правда, могут быть свойственны и мелкие недостатки, но только для того, чтобы сохранить в нем возможность самоусовершенствования и саморазвития.

С позиции С. р. типичными признаются не характеры, представленные и распространенные в жизни, а образы, воплощающие коммунистический идеал. Сконструированные по умозрительным рецептам, они наводнили советскую литературу и живопись. И из произведений советских писателей и художников стали исчезать реальные конфликты: драматические коллизии выражались в борьбе хорошего с лучшим, в столкновении героев передовых с образцовыми, совершенными во всех отношениях.

Так строился и возводился принцип партийности художественного творчества, из-за которого оно теряло свою автономность и значение. Его назначение состояло в обслуживании текущих задач социалистического строительства, и писатели были объявлены "инженерами человеческих душ". Понятие искренности, непосредственности решительно отвергалось, искусство целиком было подчинено воспитательным целям, и выбор изобразительных средств диктовался "исторической" (иначе говоря, политической) необходимостью.

В период индустриализации советской экономики (30-е годы) насаждались производственные темы, в годы Второй мировой войны — патриотические, по ее завершении — нравственные проблемы. Творчество оказалось зажато между прошлым и будущим — без настоящего. Должное трактовалось как сущее, а под народностью понимали простоту (упрощенность) и доступность. Утверждалось право художника на "возвышенный обман" — извращение действительности, а стремление пробиться к истокам истины воспринималось и оценивалось как антигосударственная пропаганда.

Существовал, однако, парадокс, который С. р. никогда

не пытался объяснить: зачем приукрашивать советскую жизнь, если она столь прекрасна? И другое: если есть "реализм социалистический", стало быть, возможны реализм "феодальный", "буржуазный". Заключено было противоречие и в самом С. р.: реализм, становясь социалистическим, переставал быть реалистическим, и оставаясь реалистическим, он не мог быть социалистическим. Так возникало искусство и не социалистическое, и не реалистическое, которое не удовлетворяло ни художников, ни партию. Это отразилось на той полемике, которая в настоящее время развернулась в Советском Союзе. Она интересна не столько своей сутью, сколько стилем и формой: спор идет не об освобождении искусства от С. р. (а значит — от государственного руководства), а об его определении и уточнении — соответствует ли существующая его формула установкам гласности. Впрочем, одно достижение С. р. не вызывает сомнения — это создание им своего собственного языка — советского.

Они нашли друг друга: искусству С. р. так же необходим советский язык, как советскому языку — С. р.

"Большой вклад в обогащение духовной жизни трудящихся, в их воспитание на коммунистических началах вносят литература и искусство социалистического реализма". ("Вопросы философии", № 7, 1983, с. 45.)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ — средство подстегивания и развития советской экономики и метод коммунистического воспитания.

Назначение С. с. — использовать в производственной деятельности фактор состязательности. В этом замысле просматривается стремление найти замену капиталистической конкуренции, попытка искусственная и с самого начала бесплодная.

Два источника в разное время питали С. с.: энтузиазм и страх. Энтузиазм был порожден революцией. Люди жили в нищете и умирали от голода, искренне веря, что строят совершенное общество для потомков. Подвижничество подогревалось прессой и радио, возносившими первые ударнические подвиги. Энтузиазм, однако, постепенно падал, ему на

смену пришел страх. Под угрозой репрессий рабочие втягивались в С. с., которое утверждалось директивно, в приказном порядке. Искусственно конструировались и рекламировались его бесчисленные формы — "стахановские", "изотовские" и прочие движения.

В годы Второй мировой войны был брошен лозунг "Все для победы!", потребовавший от трудящихся круглосуточной работы. Их вынуждали во имя помощи фронту отказываться от скудного заработка и жертвовать выходными днями. После войны трудовой энтузиазм окончательно иссяк. Однако страх остался, хотя он стал несколько иным — главным образом экономическим, а госбезопасность стали не столько бояться, сколько ненавидеть. И в этих условиях экономическое давление превратилось в главную силу С. с. Каждые полгода на предприятиях стали повышаться производственные нормы и снижались расценки — в соответствии с "законом" (открыт Сталиным), утверждавшим, что производительность труда должна опережать рост заработной платы.

В 80-е годы С. с. стало вращаться вокруг новой проблемы — качества продукции. Но также без особых результатов. Призывам властей советский человек перестал верить, и раскрученный маховик С. с. крутится по инерции и на холостом ходу. И проводится оно чисто номинально — выражается, главным образом, в призывах — таком, как: "Встретим... (встречают годовщину революции, день 1 мая, партийный съезд и т. д.) ... новыми трудовыми успехами". Для таких "встреч" подбираются бригады, у которых не оказывается простоев и производительных потерь, и рапортуют: "Коллектив, вдохновленный "славной годовщиной", добился победы в С. с.". Единственно, где С. с. реально существует, — это в системе плановой дезинформации, там оно занимает почетное и важное место. И чем больше раздается слов о "достигнутых победах и взятых рубежах", тем выше размах такого С. с.

Подлинная (и тщательно скрываемая) цель С. с. — натравливание одних рабочих на других, что позволяет отводить их недовольство в удобное и безопасное для властей русло. Вот почему в С. с. имеются не только победители (их чествуют и награждают), но и побежденные, которых объявляют винов-

ными в провалах и срывах производства. Взаимная неприязнь рабочих подогревается плакатами, выполненными в традиционно советской манере: "Позор сорвавшим ("не обеспечившим") С. с."

С. с. имеет свой, четко разработанный сценарий. Первый его этап – выработка "обязательств". Ими занимается профсоюзная организация, устанавливающая форму, характер и сроки С. с. Это обычная рутина, в которую никто не вникает. Мистифицирован и второй этап С. с. – его проведение, о нем узнают лишь из официальных сообщений и из публикаций.

Третий этап – подведение результатов соревнования, ими интересуется только руководство предприятий, получающее премии, награды и прочие блага. А итоги С. с. подводятся на основе фальсифицированных отчетов, программируемых на уровне бригады и цеха и распространяемых затем на всю систему производства.

"Движение за коммунистическое отношение к труду – высокая степень социалистического соревнования". ("Агитатор", 1983, № 20, с. 15.)

СПЕКУЛЯЦИЯ – извлечение прибыли из различий между покупной и продажной ценой товаров.

В сущности, всякую торговую сделку можно рассматривать как С., так как она построена на принципе получения прибыли из "игры" цен – оптовых, розничных, сезонных и т. д. Доход, получаемый от такой операции, является своеобразной компенсацией за риск, за неизбежность потерь, если товары не найдут спроса. В широком смысле и производство не свободно от С. – оно стремится выбросить на рынок свою продукцию таким образом, чтобы извлечь из нее наибольшую прибыль, позволяющую быстрее и эффективнее оправдать производственные затраты и издержки.

Умело и широко использует возможности С. и само советское государство. Она для него является важным средством обогащения, поэтому постоянно, явно или скрыто взвинчивается стоимость реализуемой им продукции. Неплохо зарабатывает оно и на колебании цен на мировом рынке, ску-

пает и перепродает золото, нефть, сахар, хлопок. Спекулятивный характер присущ и многим его международным сделкам: Советский Союз за покупаемое им оборудование и технологию расплачивается не валютой (его собственные деньги не конвертируются на мировом рынке), а натурально — сырьем или вооружением, продаваемым по искусственно завышенным ценам. Все это, однако, не мешает ему утверждать, что С. как социальное явление присуща капиталистическим или слаборазвитым странам, а в советской стране она представлена лишь в виде "пережитков прошлого" или "временных издержек", с которыми ведется суровая и жесточайшая борьба.

Сразу же после революции правительство провозгласило С. главным врагом советской власти. Торговля была объявлена монополией государства. И всякий, кто посягал на нее, представлялся "экономическим диверсантом" и подлежал "расстрелу на месте" (формулировка Ленина). Это была беспощадная, но по-советски понятная политика. С. лишала коммунистическую систему части денег, которых ей всегда не хватало, и, что более существенно, — стихийно и более справедливо перекраивала классовое распределение, благодаря которому власть стремилась завоевать поддержку и симпатии масс.

Позднее у советских руководителей объявились новые и, как оказалось, более опасные враги — недобитые имущие классы, бастующие рабочие, бунтующее крестьянство, интеллигенция, партийная оппозиция и т. д. И С. на какое-то время стала менее актуальной проблемой. Вспоминали о ней — о том, что она грубо нарушает социалистическое хозяйство, вносит дезорганизацию в функционирование общественного производства, — в периоды относительного социального мира. Тогда на нее списывали недостатки и производства, и снабжения. Связь между ними действительно просматривается, но она совершенно иная — противоположная: не С. создает дефицит, а дефицит порождает С.

Подсчеты показывают, что доход от С. составил в 1988 году полтора миллиарда рублей. Это означает, что на указанную сумму уменьшились бюджеты советских семей без до-

полнительной товарной компенсации. Советский человек, получая мизерную зарплату, с трудом сводя концы с концами, вынужден платить за необходимые ему изделия намного выше их продажной стоимости.

Вместе с тем С. выполняет в советском обществе и полезную роль — смягчает товарный голод, делает его менее острым и болезненным. Так что нет никаких оснований представлять спекулянта "паразитом", живущим на нетрудовые доходы. Он работает, и работает напряженно, в поте лица и без всяких социальных гарантий: с ночи занимая очереди, простаивает в них многие часы, находится постоянно в поиске и в поездках. Комбинирует и изыскивает в трещинах советской системы возможности заработка и дохода.

Он совершенно не похож на тот образ, который создает для него советская пропаганда, — подозрительный, суетливый, отталкивающий. В действительности он — типичный советский человек, с мерой добрых и плохих чувств, но с рядом несомненных достоинств — неглупый, инициативный, изобретательный. Без этих качеств он никак не мог бы проворачивать сложные операции: скупать и перепродавать, и часто в большом количестве, товары, овощи и фрукты. Без изучения и понимания спроса и предложения он не смог бы со знанием дела и со значительной прибылью ворочать внушительными товарными массами: покупать тонны металла, тысячи кубометров леса и обменивать их на зерно или продавать его предприятиям. И в итоге получать сотни тысяч прибыли.

Конечно, наряду с такими крупными сделками, С. промышляет и мелким оборотом — на колхозных рынках, в магазинах, у театральнх касс. Мелкая С. — "мелочевка" — является, как правило, занятием людей с низкими доходами — пенсионеров, студентов, домохозяек, сезонных рабочих. Причем последних к С. подталкивает само государство. Они, как и другие сельские работники, получают за свой труд на уборке урожая в посевной кампании "натуральную" оплату. Это — чисто советское изобретение: вместо денег работникам выдается часть собранной ими продукции — зерно, овощи, фрукты. Так удобно колхозам и совхо-

зам, которым негде их хранить. И выгодно им — существует возможность с прибылью их продать.

Долгое время государство стояло перед проблемой: рассматривать ли как С. (а стало быть, привлекать или не привлекать за нее к уголовной ответственности) продажу на рынках заработанной сезонными рабочими сельскохозяйственной продукции. И решило в конце концов (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1985 г.), что, если ее продажа не преследует цель "наживы" и если реализуются честно заработанные "излишки", то это не является С. и такую деятельность можно рассматривать как "трудовую". Постановление отражает противоречие советской жизни. Злободневность и острота продовольственной проблемы подталкивает правительство стимулировать население на самодеятельность и на самоснабжение. Однако реализация продуктов по законам рынка, то есть по ценам, устанавливаемым между продавцом и покупателем, противоречит коммунистическому мировоззрению, делает бесполезным и ненужным (опасный прецедент) государственный контроль. Вместе с тем правительство не желает допустить, чтобы опустели прилавки колхозных рынков, оскудел товарный базар и население лишилось овощей, фруктов, мяса и птицы (доля их составляет до четверти всех потребляемых в стране продуктов). И одновременно боится хотя бы в мелочах поступиться монополией торговли.

И в мае 1986 года Советом Министров принимается решение об ужесточении правил торговли на рынках — усиливается учет и проверка лиц, занятых реализацией сельскохозяйственной продукции, повышается ответственность (увеличиваются штрафы и уголовные наказания) за С. В результате в 1988 году продажа на базарах продовольствия сократилась на девять процентов.

Следствие наступления на С. — развитие и усиление организованной преступности на колхозных рынках, угрозами и насилием терроризирующей продавцов и взвинчивающей цены. И если в торговых рядах появляется продавец, отказывающийся платить мафии, с ним сразу же расправляются — избивают или убивают, и жаловаться, по существу, некому и

бессмысленно: связи мафии простираются к государственному руководству и захватывают милицию.

Бороться со С. административными, принудительными средствами бесполезно — ее истоки и причины в структуре советского общества. И только с его изменениями (а не просто развитием), с появлением свободной торговли, с преодолением принудительного труда она естественно и неизбежно исчезнет — по крайней мере, в тех уродливых формах, которые существуют сегодня.

"Общественная опасность спекуляции очень велика. В свое время В.И. Ленин отозвался о спекулянтах весьма резко. "Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии, — писал он, — вот наш главный "внутренний" враг, враг экономических мероприятий советской власти". ("Агитатор", № 6, 1988, с. 21.)

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ — народы, за мнимое сотрудничество с врагом, как предатели, изгнанные со своих земель и лишенные родины.

До последнего времени на это понятие в Советском Союзе было наложено табу и репрессированные нации почти полностью выпадали из официальных статистических данных и отчетов, несмотря на то, что их число измерялось многими миллионами. И в общественное сознание целенаправленно, с помощью слухов и домыслов, внедрялось представление о них как врагах, предавших "социалистическое отечество". В недрах коммунистического режима была разработана строго продуманная, рассчитанная на многие годы вперед программа переселения советских народов — для создания однородных национальных образований, которыми проще и удобнее было бы управлять (и подавлять). Первый опыт репрессии (или, как говорил Солженицын, "изъятия") по крови был произведен в советской стране в 1937 году с корейцами.

Машина этнического террора тогда только налаживалась и отработывалась, и в ней еще отмечались прорывы и спады. О выселении с Дальнего Востока в Среднюю Азию двухсоттысячной корейской общины было объявлено заранее, и переселенцам разрешалось брать с собой необходимые вещи, ценности, семейные реликвии. Более того, власти вышлати-

ли им подъемные для устройства и обустройства на новом месте — 30 миллионов рублей (немалую по тем временам сумму). Но уже к переселению немцев в 1941 году механизм репрессии работал четко и безжалостно: три миллиона человек в одну ночь были сняты со своих мест и переброшены на многие тысячи километров — за Урал, в Сибирь, в прикаспийские степи, пустыни Узбекистана. Десятки тысяч погибли в пути от голода и болезней. Но даже в условиях военного времени струна национального насилия была натянута не вполне туго: немцам на сборы дали двадцать четыре часа и разрешили брать с собой теплую одежду и еду.

Опыт и размах этнического террора пришли с войной. Они были спланированы и проведены с мастерством (и безжалостностью) наступления на врага. Тысячи семей чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкар на Северном Кавказе, крымских татар на Крымском полуострове, месхов в Закавказье, калмыков в Поволжье были окружены войсками НКВД. И, поднятые с постелей, обезумевшие от страха люди, главным образом женщины и дети (их мужья и отцы сражались на войне), в десять минут были погружены в подогнанные машины, пересажены в вагоны для скота и отправлены на Восток умирать, надрываясь от непосильного труда, от голода и болезней.

В долгом пути, а затем на хлопковых плантациях, в тайге, на шахтах и рудниках погиб каждый третий из шести миллионов С. Это были самые страшные годы в судьбе их народов: изгнанные с земли, где они веками закладывали основы своей самобытности, они утрачивали культуру, традиции и язык. И несмотря ни на что верили, что злодеяния по отношению к ним — результат недоразумения или чьей-то преступной воли (возможно, Берии). И с мольбой и надеждой обращались к Сталину.

Вождь по-своему проявил "милосердие" и направил к ним второй поток С.: фронтовиков, офицеров и солдат, членов партии и беспартийных, вернувшихся с победой, выслал вслед за семьями.

И тут же стал "разыгрывать" новые этнические карты. Превратил в С. 100 тысяч греков — они были наказаны за то,

что на их исторической родине не удалась в 1945 году коммунистическая революция. И готовил к этой участи три миллиона евреев. Их переселение должно было начаться и развернуться в 1953 году по следующему сценарию. Предполагалось возложить на них коллективную вину за действия "убийц в белых халатах" — врачей, обвиненных в отравлении видных партийных деятелей. И как не оправдавших "советское доверие" (существовало и другое объяснение — убеждая от "справедливого" гнева народа) сослать их в Уссурийский край.

Смерть Сталина не позволила реализовать этот замысел. Но еще на протяжении долгих лет, вплоть до принятия особого Указа Верховного Совета СССР, курды, калмыки, карачаевцы, чеченцы, балкары, греки, месхи, немцы, крымские татары были привязаны к спецпоселениям. В 1956 году С. было разрешено вернуться на свои земли. Всем, кроме месхов, немцев и крымских татар. Они должны были навечно остаться там, куда их загнала воля тирана. Им несколько облегчили существование: отменили жесткий комендантский надзор и разрешили учиться, но каждого С. предупредили, что снятие с него ограничения на передвижение не влечет возвращения ему конфискованного имущества, и запретили возвращаться на место, откуда он был выслан.

Еще через год в СССР было принято решение о восстановлении автономных республик и областей чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, болгар. И опять немцы, крымские татары и месхи оказались обойденными. На трех народах оставалось навешенным клеймо преступников — на основании некоторых фактов сотрудничества с оккупантами. Впрочем, это абсурдное обвинение было предъявлено только крымским татарам, как будто бы не существовало других фактов: почти все взрослое население, 60 тысяч крымских татар, было призвано на фронт и каждый второй из них пал на войне. Месхи и немцы же не в состоянии были "сотрудничать" с противником, так как им просто физически не пришлось прийти с ним в соприкосновение. Вина (и беда) немцев состояла в том, что у них были общие предки (очень далекие — они жили в России более двухсот лет) с теми, кто напал на Совет-

ский Союз. И они могли бы — так казалось Сталину — сочувствовать им, а "преступление" месхов проистекало из того, что они когда-то, тоже очень давно, пришли из Турции, страны, которая, оставаясь нейтральной во Второй мировой войне, благоволила — так представлялось в Москве — Германии.

Шло время, минуло еще десять лет, советской власти становилось все труднее держать под подозрением три миллиона немцев, семьсот тысяч крымских татар и сто двадцать тысяч месхов. И в 1967 году появляется новый указ: "О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму", но касался он, по существу, и немцев, и месхов. Он снимал с этих народов огульное обвинение в предательстве, но не в силу того, что оно было признано несправедливым, а потому, говорилось в Указе, что "в трудовую и политическую жизнь общества вступило новое поколение". Иначе говоря, не ставились под сомнение совершенные ими преступления, а лишь разъяснялось, что выросло новое поколение, не несущее за них ответственность.

И власти по-прежнему всячески препятствовали возвращению их на родину. Под разными предлогами: в связи с крымскими татарами — "перенаселением Крымской области", по отношению к месхам — "отсутствием жилья и строгостью паспортного режима в пограничных районах", для немцев придумали "экономическую нецелесообразность": их было выгодно удерживать в колхозах и совхозах Сибири, в которых остро ощущался недостаток рабочей силы.

Указ 1967 года был половинчатым и непоследовательным. Он не предусматривал организованного переселения этих народов на их земли, с предоставлением им жилья и равных прав с другими национальностями. И проблема стала решаться стихийно и совсем не так, как этого хотелось бы властям. Немцы, внесшие огромный вклад в развитие российской государственности, потянулись на свою историческую Родину — в Германию. Месхи рассеялись по стране, и когда им наконец в 1989 году разрешили вернуться в Грузию, переезжать фактически было некому: в их поселениях оставались одни старики. И только крымские татары продол-

жали настойчиво бороться за свое возвращение. Самые отчаянные пробиваются в Крым, живут там без работы и прописки, под постоянной угрозой выселения. Устраивают демонстрации, голодовки протеста, манифестации. И пишут коллективные письма протеста, заявления для печати, повествующие о своей боли и страдании, под которыми стоят шесть миллионов подписей. Сегодня у них, как и у немцев, появилась надежда: новые руководители Кремля, осудившие идеологию и практику сталинизма, не смогут более игнорировать их национальные чаяния, и, возможно, 1990 год принесет конец их страданиям и бесправию.

“По некоторым данным, в “Хлопковом ГУЛАГе” погиб каждый третий из 400 тысяч спецпереселенцев”. (“Московские новости”, № 15, 9 апреля 1989, с. 13.)

СПЕЦХРАНЫ – архивы, содержащие тщательно скрываемую от широкой публики информацию.

С. стали создавать в советских учреждениях и организациях в начале 20-х годов. Они создавали атмосферу секретности, причастности избранных к тайнам политики и государственного управления. И главное – позволяли скрыть от широкой общественности информацию и сведения, которые можно было использовать (в настоящем или будущем) для критики системы и ее руководителей. Последнее обстоятельство было особенно важным: народ должен был видеть своих вождей, отлитых в светлый и совершенный образ. И все, что не укладывалось или выпадало из него, надлежало забыть – спрятать в С.

Атмосфера загадочности и таинственности была настолько изощренной и всеохватывающей, что и самого Сталина стали воспринимать мистически – как сверхчеловека. Таким бы он, очевидно, и остался в человеческой памяти, если бы не Хрущев. Он слишком резко, а главное – рано, когда еще были живы свидетели и жертвы его преступлений, стал развенчивать его культ. И тот оказался низвергнутым со священного пьедестала. Однако сам пьедестал – партия – остался нетронутым – она оказалась вне суда истории. И чтобы сохранить и сбереечь ее ореол, государственные архи-

вы, слегка высвеченные при Хрущеве, вновь были наглухо замурованы. И в дополнение к миллионам старых материалов, спрятанных в С., добавились новые, до недавнего времени считавшиеся открытыми, — протоколы и решения правительства.

Власть, потревоженная Хрущевым, стремилась оградить себя от возможного нового вмешательства. И масса различных документов переводится на "ограниченный доступ", с них запрещается делать копии и производить выписки. Мотивировалось это чисто по-советски: тем, что "не представляется возможным проследить за движением информации". И такого объяснения оказалось вполне достаточно, чтобы нарушить закон, разрешающий гражданам использовать архивы "в интересах развития народного хозяйства, науки и культуры". Впрочем, это был не первый закон, через который хранители архивов в Советском Союзе переступали, — так повелось еще со времен Ленина.

В 1918 году был принят декрет, в соответствии с которым все архивы передавались в единое государственное Управление и доступ к ним объявлялся открытым. Но спустя два года был установлен новый порядок допуска к архивам, ограничивающий возможность и право работать с ними. А еще через несколько лет различные ведомства стали отчуждать свою документацию из государственного архивного фонда и создавать собственные хранилища документации. В 1939 году все архивы, в том числе и архивы научно-исторических учреждений, были переданы в НКВД, из которого они были выведены только в 1961 году, когда на правах самостоятельного учреждения было создано Управление Архивов Совета Министров СССР. Однако распорядителем секретных архивов, в том числе и С., по-прежнему оставалась госбезопасность. И все так же заведуют ими кагебисты, не сумевшие сделать карьеру в своем ведомстве.

Каждая сколько-нибудь значительная (или влиятельная) государственная организация в Советском Союзе имеет свой архив, а в нем собственный С., доступ к которому открыт только для узкого круга людей. Что же касается таких могущественных учреждений, как КГБ, МИД, МВД, министер-

ство обороны, то их архивы окутаны такой глубочайшей тайной, что проникнуть в их С. не представляется возможным даже для их собственных руководителей. А для того, чтобы их раскрыть и обнародовать, необходима санкция Политбюро. И не потому, что скрывают они особые технические или оборонные секреты — за давностью лет многие из них утратили свой смысл и ценность. Утаивается в них совсем другое — произвол властей, инспирированные судебные процессы, международные провокации. Эти тайны для советской власти не имеют срока давности.

Завеса С. скрывает по меньшей мере пятьдесят процентов всех советских документов. И прорвать ее оказалась неспособной даже гласность. Несмотря на демократизацию общества и политические реформы, закон о государственных архивах готовился в Советском Союзе в глубокой тайне. И когда он был обнародован, выяснилось, что архивам по-прежнему предоставлено право самим решать вопрос о допуске к С. Вне структуры Главного архива оставлена документация двенадцати министерств и ведомств. И единственное его новшество — это срок давности секретности, который отныне очерчивается пятьюдесятью годами. Но и эта поправка лишена смысла, поскольку не разъясняется, кто, как и когда вправе устанавливать и определять секретность. Неясным остается и вопрос, почему она ограничивается пятьюдесятью годами. Такая недоговоренность, естественно, не случайна — советские власти понимают, что, управляя прошлым, они управляют настоящим и определяют будущее, которое в любой раскладке сил, при перестройке или без нее, должно принадлежать им.

”Для незнающих сообщу, что существовала и продолжает существовать широкая сеть ”спецхранов”, которые создавались в конце двадцатых годов не только в библиотеках, но и в каждом крупном архиве и куда на протяжении десятилетий отправлялась и продолжает отправляться огромная масса документов...” (“Огонек”, № 2, январь 1989, с. 10.)

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ — элитарные средние учебные заведения. Это — музыкальные, художественные, математиче-

ские, физические школы и школы с обучением на иностранных языках. Формально они доступны для всех желающих, но принимаются в них, главным образом, дети высокопоставленных родителей. Знания, которые даются в них, шире и основательнее, чем в других школах, а классы меньше, и обучение и воспитание ведется на высоком профессиональном уровне. Лучше подготовлены и их преподаватели и более совершенны дидактические пособия, имеются в них отлично оборудованные гимнастические залы, а порой — и бассейны.

Занимаясь отбором и специализированным обучением детей, С. ш. способствуют формированию господствующего класса и обеспечивают его преемственность. По отношению к детям они осуществляют те же функции, которые по отношению к их родителям играет политпросвещение. Однако С. ш. осуществляют эту роль основательнее и глубже. Здесь в сущности воспитывается и получает образование новая советская элита, в которой должны сгладиться различия между социальными пластами, образовавшими правящий класс старшего поколения.

Под влиянием этих школ дети разных элит вступают в жизнь членами одного господствующего класса советского общества. С. ш. формируют его единство и общность в еще большей степени, чем элитарные семьи, — они, захваченные нигилизмом и потребительством, очень часто перестают служить выразителями коммунистической идеологии и морали.

Учеба в С. ш. — это начало жизненного пути будущего представителя господствующего класса. В возрасте шести лет ребенок переходит из привилегированного детского сада, где он был предоставлен заботам услужливых нянек и чутких гувернанток, в мир, где ему предстоит постичь мудрость советской жизни. Первый, второй, следующие классы... любое его желание находит живое понимание учителей, предупреждается каждая его склонность, удовлетворяются различные виды его любознательности: хочет рисовать — на подхвате имеются художники, вздумалось играть на сцене — его приглашают в драматические кружки, руководимые именитыми артистами. К его услугам музыкальное обучение, спортивные секции — и тут и там его ждут хорошо подготов-

ленные специалисты. В С. ш. он получает горячие завтраки, а если захочет — и обеды, домой его доставляет семейный шофер. Существует великое множество жизненных вариантов и ситуаций, но биография элитарного ребенка неизменно раскручивается по принципу: везде — свои.

С самого раннего детства он постигает мораль, психологию и систему ценностей элиты. Жизнь, объясняют ему в С. ш., — это борьба за приобретение и сохранение благ и прав, собственности и общественного положения. Обществом управляет небольшая группа людей, и вести достойную жизнь можно только в ее рамках. Находиться на периметре недостаточно, цель — войти в их круг. В обществе много жестокости, несправедливости, и бороться с ними или сострадать им — напрасный труд, так как ничего нельзя изменить. Но зато с деньгами и при наличии высокого социального положения можно жить в собственное удовольствие.

Учителя осторожно намекают: товарищей следует выбирать среди себе подобных — среди детей видных партийно-правительственных работников, сотрудников КГБ, известных ученых. И не общаться с простонародьем — с детьми рядовых инженеров, врачей, рабочих. Ребенок быстро усваивает уроки, и, знакомясь, он прежде всего спрашивает: "А кто твой отец?"

Среди всего прочего его обучают и хорошим манерам: как разговаривать, как одеваться, как есть, как себя вести. И главное — как скрывать свои мысли, не обнаруживать чувств. Эти уроки сослужат ему добрую службу, когда он подрастет, они явятся тем ключом, который откроет ему доступ в правящий класс.

Но прежде ему предстоит шагнуть на следующую ступень — определиться в университет или институт. Для обычных учащихся, кончающих школу, это трудноразрешимая задача: желающих получить высшее образование в стране значительно больше, чем мест в высших учебных заведениях. Но для питомцев С. ш., связанных со многими (и лучшими) вузами, это не проблема. Они, как правило, попадают туда вне конкурса.

Впрочем, и конкурс для них не препятствие. В С. ш., и

только в них, преподавание иностранных языков поставлено на таком уровне, что их выпускников с готовностью принимают в институты Внешней торговли или Международных отношений, а если вздумается, то и в Высшую дипломатическую академию.

Цель С. ш. — воспитать человека, уверенного в своих силах и в твердом убеждении, что власть, малая или большая, принадлежит ему по праву, по праву социального происхождения. Тут формируются и нужные для будущего руководителя качества: надменность, самонадеянность, беспринципность... Короче, С. ш. готовит именно тех людей, которые необходимы власти. В будущем их свяжет единая выучка, мировоззрение, круговая порука. Они привыкнут считаться друг с другом, если не как люди во всем равные (полного равноправия нет и среди них), то, во всяком случае, как люди, имеющие много общего: в биографии другого каждый из них найдет черты своего собственного жизненного пути.

Постепенно они проникнутся сознанием, что всем им придется служить одним и тем же интересам, интересам правящего класса. И у них, вырастающих вместе, доверяющих друг другу, личная близость сольется с уважением к товарищу по кругу — человеку, принадлежащему к элите.

Молодой человек (или девушка) из элитарной семьи начинает свой путь, имея за спиной высокопоставленных, высокообеспеченных, высокопочитаемых родителей или родственников. Он (или она) слышит за семейным столом разговоры людей, делающих политику. Там они впитывают искусство вершить дела, проникаются стремлением войти в круг тех, кто творит историю. И входят, ибо уже с ранних лет в их жизни общественные проблемы, такие, как распределение руководящих постов в государстве, переплетаются с частными делами, текущими заботами: закулисное замещение престижных мест — важное средство негласной кооперации влиятельных семей.

В каждом виде деятельности молодой человек из элитарной семьи непременно встретит людей, с которыми у него имеются разные связи: через родственников или семьи школь-

ных товарищей. И поэтому в каждой из сфер, в которой он будет вращаться, он найдет доверие и поддержку, симпатию или желание ему помочь. К нему никто не повернется спиной, в любом уголке страны он найдет "своих".

Его внешность, привычки, обращение сразу отличат в нем человека, получившего воспитание в С. ш. Его знакомые и друзья служат порукой, что самые влиятельные люди сочтут его близким. Он живет в особом доме, в тщательно отделанной квартире. Его одежда, даже если она нарочито небрежна и грязна, отличается от одежды людей не его сословия своим покроем и стилем. Она сшита у лучших мастеров или куплена за границей. Он — желанный гость на пышных праздниках, устраиваемых элитой, на ее скромных и элегантных похоронах. Вместе с ней он участвует в веселых пикниках — там происходит обкатка его мыслей и чувств, его принципов и социальной ориентации.

Таким образом, выпускников С. ш. (а затем и привилегированных высших учебных заведений) связывает сознание причастности к единому социальному слою — к касте людей, привыкших подчинять и править. Кончив школу и вуз, они пойдут работать в партийные комитеты, министерства и органы безопасности, на дипломатическую службу. И при всех перемещениях они уже никогда не выпадут из глубоких кожаных кресел, не выйдут из общества фигур значительных и влиятельных. Их будут всегда окружать старые приятели, они будут вращаться в мире, где политику вершат их друзья или родственники. И они знают, что со временем эта нелегкая, но приятная обязанность перейдет к ним.

"Кинофильм "Последний побег" я обсуждал в Сланцевской спецшколе, где его снимали". ("Агитатор", № 3, 1984, с. 45.)

СПРАВКА — официальный документ, отпечатанный или написанный на бланке и подтверждающий определенные факты или сведения.

С. сопровождают советского человека всю жизнь и сопровождают ему после смерти. Появившись на свет, она функционирует самостоятельно, независимо от воли и желания тех, кто ее выдает и получает. Она определяется тысячами

указов, постановлений, циркуляров, удивительных и самых невероятных. Есть С., подтверждающая рождение человека, она, в общем, понятна: необходимо знать, когда и где человек появился на свет. Существует С., удостоверяющая состав семьи, и она вполне объяснима: важно иметь представление о его социальном положении.

Другие же С. бестактны и навязчивы, они назойливо вторгаются в личную жизнь, высвечивают самые интимные и сокровенные ее подробности, попирают достоинство и честь. Это — С. о величине зарплаты, размере квартиры (непонятно — скромные заработок и квартира — хорошо это или плохо?), о наличии доходов, о величине сбережений и т. д. В огромной коллекции советского бумаготворчества есть С. явно абсурдные — например, о праве ношения бороды. Они появились в 50-х годах, когда велась борьба со "стилягами". Во многих С. отчетливо проявляется оскорбительное недоверие к человеку. Нарушается основное его гражданское право — презумпция невиновности.

Советский человек не может без содрогания и отвращения слышать о С. — он вынужден многие дни и недели обивать пороги различных учреждений, выстаивать длинные очереди на прием, чтобы ее получить.

С. правит советской жизнью, ибо государственный аппарат, занятый составлением и разработкой очередного "предписания", постоянно озабочен проблемами делопроизводства, и его совершенно не волнуют чувства людей, вынужденных заполнять различные бумаги. Ему требуется как можно больше циркуляров и правил, подстраховывающих его на все случаи жизни, они образуют прочный частокोल "для пресечения злоупотреблений и наведения образцового порядка".

Стиль "кабы чего не вышло" — суть советского правления. И чем больше бумаг, тем легче демонстрировать его серьезность, солидность и деловитость. Стоит же отнять у него "бумажную власть", и сразу обнаруживаются его пустота и бессмысленность. И вот, помимо "главной" С. — паспорта, основного документа, подтверждающего личность, советского человека в повседневном бытии сопровождают сотни других "неосновных" бумаг — С. из домоуправления, из райис-

полкома, из милиции, с места работы, из партийной организации. В них — неотъемлемая и важная черта советского образа жизни, точно выраженная в формуле: "Без бумажки — люди букашки".

"Кстати, в моей пополнившейся коллекции есть даже справка "о праве на ношение бороды постоянно..." ("Правда", 7 августа 1988, с. 1.)

СТАХАНОВСКИЙ — понятие, используемое для представления и восхваления производственной активности.

Понятие появилось в 1935 году, когда администрация одной из донецких шахт, уловив требования "момента", то есть разгадав очередной зигзаг "генеральной линии" партии (Сталин в речи 4 мая 1935 года назвал кадры "самым ценным и решающим капиталом в производственном процессе"), инсценировала грандиозную мистификацию — "рекорд" шахтера Стаханова. Было объявлено, что в ночь с 30 на 31 августа Алексей Стаханов вместо положенных семи тонн угля вырубил за смену 102 тонны — в 14 с половиной раз больше нормы. А еще через пару недель он выдал на-гора (по сути — ему выдали) 227 тонн, перекрыв норму уже в 32 с половиной раза.

С. "начинание" было замечено и поддержано в Москве и широко использовано для наращивания эксплуатации рабочего труда. Трудящимся стали вменять в обязанность перевыполнять производственные нормы если не в тридцать два, то, по крайней мере, в три-четыре раза. Иначе их могли обвинить во вредительстве и саботаже. И взявших на себя повышенные обязательства стали называть С., а методы труда, применяемые ими, определяли как "стахановские".

Метастазы "С. движения" быстро расплозились по стране. "Стахановцы" отыскивались (точнее — создавались) повсеместно: на железнодорожном транспорте — Кривонос, Бусыгин — в автомобильной промышленности, Сметанин — в обувной, сестры Виноградовы — в текстильной (вместо двадцати шести ткацких станков они умудрились обслуживать двести шестнадцать), Демченко — в сельском хозяйстве. Появились и "С. дети": одна узбекская школьница решила со-

бирать хлопок не одной, а двумя руками (прежде человечество до этого не доходило). В результате она собрала больше целой взрослой бригады.

Волна "С. движения" – "штурмов", "досрочных пусков", "ударных вахт" – обрушилась на страну со страниц советской печати. 1936 год был объявлен С., и началось форсированное создание С. бригад и цехов, которые обязывались "решиительно" повышать производительность труда и обещали побуждать рабочих, не охваченных пока что С. почином, к социалистическому соревнованию.

Организатором С. рекордов выступала партийная организация. Ей в связи с реконструкцией промышленности было крайне необходимо поднять "трудовой энтузиазм". И, вовлекая рабочих в С. соревнование, она надеялась выполнить нереальные государственные планы. В этом ей помогали и средства массовой информации. Они всемерно прославляли С., которые в ее изображении становились тружениками нового типа, жертвующими личными интересами во имя общества и государства.

С. почин, как и все последующие "ударные" движения, был откровенным обманом. Рекорды ставились на бумаге, в тиши партийных кабинетов, в газетных редакциях. И лишь в редких случаях организовывались на производстве. И тогда для отдельных работников создавались особые условия. В подготовку их "подвигов" включались бригады и целые управления, расточалось столько средств и сил, что после их завершения производство (а часто и целая отрасль промышленности) попадало в глубокий кризис.

Тем не менее в 1935 году Пленум ЦК ВКП/б/ предписал предприятиям перейти от единичных рекордов С. к массовой интенсификации труда, освоению новых методов работы. Были открыты "стахановские школы" (названные в 50-е годы "школами передового опыта"), организовано шефство "передовиков" над рабочими, не выполняющими норм, на предприятиях создавались стахановские смены и участки (в 60-е – 70-е годы переименованные в "коммунистические"). И все это делалось с единственной целью – повысить производительность труда за счет более интенсивной эксплуатации

трудящихся. Под прикрытием стахановского движения повышались нормы выработки и снижались расценки. В итоге — материальное положение рабочих сильно ухудшилось, однако производительность труда выросла совсем незначительно. И через два года после "рекордов" Стаханова план по добыче угля по стране по-прежнему был не выполнен. Не наблюдалось роста производительности труда и в других отраслях промышленности.

Провал производственных планов в 30-х годах партийное руководство решило объяснить происками "врагов народа". Их разоблачение и выявление, однако, не вывело промышленность из застоя. И тогда (в 1938 г.) в СССР была введена система принудительного труда и запрещена перемена места работы. Опоздание более чем на двадцать минут или несколько меньших по времени опозданий в течение месяца расценивалось как уголовное преступление и наказывалось принудительными работами до шести месяцев, а при их повторении — ссылкой или заключением в лагерь.

Гигантская мясорубка стахановского движения перемолола жизни сотен тысяч трудящихся. Попав на страницы газет, они на какое-то время становились "знатными" людьми, затем возникало новое "начинание", и о них забывали. И вчерашние "герои" спивались и опускались. Были среди них и такие, кто, не сумев переориентироваться, не поддержали новую инициативу, за что заплатили свободой и жизнью. В 1975 году СССР торжественно отмечал юбилей "стахановского" почина. Проходил он при живом Стаханове, но без него: "основоположник" движения заканчивал жизненный путь в больнице, в состоянии распада психики и алкогольной депрессии.

В советском языке слово стахановец ("стахановка") близко по значению понятию "ударник" ("ударница"), но дополняет его конкретностью заложенного в нем социального содержания: "стахановец" не просто передовик производства — "ударник", активно участвующий в "социалистическом соревновании", он еще — и зачинатель "всемирного движения" за повышение производительности труда на основе овладения новой техникой. Так провозглашалось, а в действитель-

ности стахановский труд не стал источником подъема советской экономики. Нелепая система производственных рекордов, явно инспирированный характер стахановского движения, за которым скрывался казенный энтузиазм, сам образ стахановца, алкоголика, слепого орудия в руках администрации — все это настолько себя дискредитировало, что в 50-х — 60-х годах понятия С. — "С. бригады", "С. движение" практически исчезают из советского языка и заменяются новыми выражениями: "ударник коммунистического труда", "бригада коммунистического труда" и т. п. Но и новые названия не изменили мертворожденного по своей сути явления С., потому что процессы, его и их породившие — эксплуатация, отчуждение труда, — остались прежними. "Новые" С. движения, возникшие вслед за ним, ничем не отличались от старых — разве что их бесчеловечная сущность стала более очевидной. И в 70-х годах появился уже совершенно циничный "почин", названный "За себя и за того парня". Он рекомендовал включать в состав каждой производственной бригады погибшего на войне солдата. Трудящимся предлагалось работать за себя и за него — "того парня". А поскольку "он" не мог получать зарплату, то его, мертвого, эксплуатировало государство.

Трудовое подвижничество в советской стране давно и безвозвратно утратило привлекательность, но правительство все еще не отказывается от возможности искусственно подогреть трудовой энтузиазм. В ход идут любые лозунги, порой — самые невероятные. Например: "Отходы — в доходы!" Советских людей призывают перерабатывать и использовать помой. В этом и в других "новых" "движениях" новыми оказываются только цифры: к 19-й партийной конференции в 1988 году было создано 50 "ударных вахт", а к 20-й, если она состоится, по-видимому, будет их не менее ста. Коммунистическому режиму все труднее становится придумывать для них названия, и вполне возможно, что на гребне горбачевских реформ всплывет и вновь заявит о себе стахановское движение — оно предстанет или в собственном образе или в каком-либо другом облике.

"...Примером освоения нашими людьми новой техники и даль-

нейшего роста производительности труда явилось стахановское движение". (История ВКП/б/. Краткий курс. М., Госполитиздат, 1950, с. 323.)

СТИЛЯГИ — люди, модно и крикливо одевающиеся и подчеркнуто подражающие западным манерам — так, как они их воспринимают и понимают.

Явление и понятие С. возникли в 50-е годы с появлением в советском обществе, после глухого и мрачного сталинского периода, первых проблесков либерализации. В страну стали наезжать иностранцы — поначалу малыми группами, а затем, после проведения в Москве фестиваля молодежи и студентов (1957 г.), в большом количестве. И у советских людей, главным образом молодых, появилась возможность и желание им подражать — следовать их моде в одежде, причёске, стиле танца. Короче, быть не такими, "как все", выражая тем самым, часто стихийно и неосознанно, протест против существовавших устоев и нравов.

Стремление С. выдвинуться из общей массы привело к созданию у них особого словаря, нарочито огрубленного, небрежного, хамоватого, в котором откровенно проявлялось неприятие официальной речи, с ее омертвелыми штампами, лишёнными смысла и содержания. Этот язык, в сущности, был первым советским инакомыслящим и поэтому стал быстро и успешно развиваться. В нем сошлись и сплелись несколько различных лингвистических потоков. Первый пласт создавался путем переосмысливания ранее существовавших слов. "Кадр" или "фирменная девочка" означали понравившуюся женщину, "хата" — свободную квартиру, "предки" — родителей. Второй словарный пласт возник под влиянием блатного аргота: "доходить" — умирать с голоду, "фарцевать" — торговать, "телега" — донос, "блины" — фальшивые золотые монеты. Заметное влияние на разговор С. оказала и профессиональная лексика музыкантов. И не случайно — у советской молодежи не оказалось иной модели для подражания.

Жизнь партийно-государственной элиты была тайной за семью замками, ее прятали за высокими заборами и ограда-

ми. Заманчивыми, романтическими представлялись нравы ее услуги — писателей, художников, артистов, но и они также были далекими и недоступными, о них складывались легенды и сплетни, но не было знания и понимания. Единственным нестандартным и ненавязчивым образцом для подражания стали ресторанные музыканты. И почиталось большой честью познакомиться и иметь возможность при случае раскланяться с ними. Они обогатили жаргон С. многими выразительными словечками: "лабать" — играть, "башли" — деньги, "похилать" — пойти, "кирять" — напиться, "чувак" (и "чувиха") — парень (девушка), "качемай" — заканчивай. Из всех этих слов и выражений складывался своеобразный диалект, яркий, сочный и выразительный. Он помогал им опознавать друг друга, обмениваться сигналами — так, чтобы их не поняли непосвященные, подчеркивать свою особенность, принадлежность к избранному кругу. И еще он — отражал мировоззрение: неприятие советского образа жизни, что очень часто было связано с определенным риском и опасностью.

С. исключали из институтов, выгоняли из комсомола, высмеивали и бичевали на страницах газет (и тем самым невольно их популяризировали), избивали, унижали. Дружинники могли на улице схватить и насильно остричь длинные волосы или бороду, завести в парадное и порезать широкие брюки. И это еще больше усиливало притягательность С., толкало к ним волну за волной новые поколения молодежи.

Принято считать, что понятие и явление С. исчерпали себя, — советское общество с течением времени стало более терпимо к самовыражению (разумеется, только внешнему) своих граждан — и С. незаметно ушли из жизни. Слово С. действительно потеряло смысл — тот или иной стиль в одежде (отсюда — происхождение понятия) больше не считается крамольным и не преследуется (а только высмеивается). Но понятие С. по-прежнему существует, только выражается иначе — в духе времени. Теперь их называют на полуанглийском "центровыми менами".

Оказался частично измененным и их жаргон, в нем отразились современные формы общественной жизни и новое

миропонимание. Его питают два источника: "асфальт" (быт, обычаи, традиции) советских городов и английский язык в той мере, как его воспринимает и усваивает улица. Первый родник подарил ему такие слова, как "поплавок" — вузовский значок, "под газом" — во хмелю, "нахаловка" — самозастройка, "бормотуха" — плохое вино, "канарейка" — милицейская машина. И отложился выражениями, пародирующими чиновничий стиль: ЦУ — ценные указания, ЧП — чрезвычайное происшествие, "качать права" — не в меру настойчиво требовать, "закон подлости" — неизбежность, необходимость неприятностей, "афганские консервы" — металлические гробы с убитыми в Афганистане солдатами.

В современном диалекте С. ("центровых менов") широко используются иностранные (в основном английские) слова, приспособленные к грамматике и фонетической системе русской речи: воч — часы, траузеры — брюки, шузы — ботинки, гай — парень, гиф — шофер, олды, пэренты — родители, лайкать — нравиться, рингануть — позвонить. Исковерканных иностранных слов появилось в СССР так много и число их так быстро увеличивается благодаря массовому увлечению английским языком, что они становятся подспорьем для его изучения и понимания. Эти слова и понятия при всей своей грубости и вульгарности в определенном смысле обогащают идеологизированный русский язык, которому, как дистиллированной воде, не хватает солей и соринки для того, чтобы быть живым, недостает выразительных, емких выражений, рожденных в опыте народной жизни.

Многие "стильные" слова представляют собой слова-труденики, они, образные, эмоциональные, остроумные, стали не только функциональными, но и широко популярными. Особенно те из них, что содержат пародию и выражают иронию на советские обычаи. Так, слово "вибрировать" тонко подмечает поведение советского человека — нервного, волнующегося — перед лицом начальства. Оно не просто называет явление, но определяет его, описывает и показывает. Или другое понятие — "пахать" (работать) — образно передает характер и сущность труда советских людей: тяжелого, безрадостного, неблагодарного. Снижение, заземление многих выра-

жений языка С. отражает понижение социальной значимости социалистической действительности. С., а вместе с ними и советские люди, воспринявшие их язык, не хотят быть ни обманутыми, ни обманывать. За русский же язык можно не беспокоиться — он с преодолением режима очистится от проходящей и случайной словесной накипи.

“...Лет десять — пятнадцать тому назад про заметно одетого парня говорили: “стиляга”, а теперь на полуанглийском — “центральной мен”. (“Новый мир”, № 9, 1978, с. 73.)

СУББОТНИК — коллективная бесплатная работа.

Первый субботник был проведен по инициативе партийной организации депо Москва-Сортировочная 12 апреля 1919 года. В ночь на субботу (отсюда — название понятия) пятнадцать рабочих отремонтировали в неслужебное время три паровоза. Ленин увидел в этом начинании “ростки” коммунизма. Так возникло словосочетание “коммунистический С.” Через год Ленин сам участвовал в одном из таких С. в Кремле. С тех пор С. стали проводиться ежегодно, а иногда и по несколько раз в год. С 1979 года по решению Совета Министров СССР (в таких случаях принято писать “по инициативе трудящихся”) проводятся всесоюзные субботники или воскресники.

С. организуются в соответствии с указаниями партийных организаций. Обычно их приурочивают к “праздникам” или “знаменательным датам” — к годовщине первого С., дню рождения Ленина и т. д. Часто С. проводятся выборочно — на различных предприятиях для того, чтобы выйти из “прорыва” в плане, привести в порядок рабочие места, очистить территорию предприятия и т. п. И всегда их инициатором выступает руководство, а не рабочие.

Проведению С. предшествует их подготовка. Определяются цель и назначение С., разрабатывается план его проведения, подсчитываются средства, которые предполагается выручить от него, и решается, куда их направить. Обычно они перекачиваются в промышленность, в армию или в сельское хозяйство, хотя объявляется, что они пойдут на строительство больниц, школ, детских садов, озеленение городов.

Стремятся создать праздничное оформление С.: вывешиваются флаги, гремит музыка, произносятся речи и, конечно же, выдвигаются обязательства — получается имитация трудового порыва, подъема. Но никакого энтузиазма в действительности нет. Участие в С. обязательно, и уклонение от него рассматривается как прогул и квалифицируется в качестве антиобщественного проступка. И только благоразумие или страх вынуждают советских людей, усталых и измученных, жертвовать выходным днем и идти на С. Впрочем, от их участников не требуется особого трудолюбия или активности, он проходит формально и скучно. Важно лишь соблюдать видимость работы. Инициатива проявляется позднее, когда организуется пьянство, исподволь поощряемое начальством, и в водке тонут гнев и возмущение.

А после С. в советской печати появляется сообщение о миллиардных суммах, сэкономленных государством. Из газет люди узнают о проявленной ими "политической активности и сознательности". В действительности на С. выдают продукцию, как правило, не имеющую никакого отношения к реальным потребностям хозяйства. Экономятся только деньги (заработная плата), но и они не используются эффективно, так как при централизованной системе управления рост экономики зависит не столько от средств, сколько от сырья, материалов и оборудования, которых всегда не хватает. Так что польза от С. главным образом идеологическая — они создают видимость коммунистического отношения людей к труду и еще больше привязывают их к производству.

"Субботником, проведенным по инициативе коллективов коммунистического труда Москвы, завершилась ударная вахта в честь 25-летия патриотического движения". ("Правда", 16 октября 1983, с. 1.)

“Т”

ТОРМОЖЕНИЕ — иносказательное определение застойных явлений в советской экономике и социальной жизни.

Понятие Т. в качестве научной категории вошло в оборот в январе 1987 года — оно впервые прозвучало на Пленуме ЦК КПСС в докладе Горбачева.

При анализе социально-политических аспектов Т. возникает ряд вопросов: насколько широко в советской жизни получили распространение кризисные явления, почему традиционные объяснения негативных явлений в социалистическом обществе оказались несостоятельными и пришлось прибегнуть к столь жесткой формуле и, наконец, как далеко в глубь советской истории оно уходит и есть ли у него преемственность.

Советская действительность постоянно поставляла факты, события и поступки, которые не вписывались в представления о социализме, — такие, как черствость, бездушие и преступность. Долгие годы этот комплекс “антиподов социализма” объяснялся “пережитками прошлого” и считалось, что он отомрет по мере совершенствования и развития системы. Жизнь, однако, оказалась сложнее, выяснилось, что нет зависимости между техническим прогрессом и нравственностью, а высокий уровень формального образования не является гарантией против нарушения закона.

В советском обществе происходило нарастание недостатков и пороков, падала трудовая дисциплина, алкоголизм охватывал различные слои населения, получили широкое распространение взяточничество, протекционизм. Ослабли иде-

ологические связи, регулирующие отношения между обществом и человеком, люди стали забывать о порядочности, долге и чести. А власти по-прежнему сообщали об успехах и достижениях социализма — жизнь не совпадала и не отражалась в их искусственных пропагандистских картинах и схемах.

Признать несостоятельность режима новые советские руководители во главе с Горбачевым оказались не в состоянии — на его тоталитарной основе строится их правление. Но и игнорировать разложение государства были также не в состоянии: в любой момент мог произойти взрыв народного недовольства. Да и на международной арене экономически отсталая страна с несовершенной технологией выпадала из 20-го века и скатывалась на положение второстепенной державы, что предвещало распад коммунистического лагеря.

Тогда и была изобретена формула Т., дававшая непоследовательное и противоречивое объяснение кризису, охватившему Советский Союз. Утверждалось, что в принципе власть в условиях социализма действует в интересах народа. Однако уточнялось, что осуществляется она конкретными людьми, у которых принципы социализма могут оказаться в противоречии с их интересами. Иначе говоря, идея социализма — прекрасна, несовершенны его "отдельные" руководители. Они были названы: Сталин, Брежнев, Черненко.

Им, утверждалось, недоставало общей культуры и способности противостоять многочисленным искушениям. И первая же уступка, сделка с совестью привели их к зависимости от неблагоприятных целей, питаемых нормами групповой морали. А тут еще экономические пружины развития страны оказались парализованными бюрократическими методами руководства, и на пути социализма образовался мощный заслон преступной организации. В результате — в зависимость от наживы и потребительства попали не только они сами, но в их сетях оказался чуть ли не весь бюрократический аппарат — милиция, прокуратура и правосудие. Эти процессы явились, считают в СССР, стержнем и основой Т.

Тем самым непонятым (или неназванным) оказалось то, что сам социализм распространяет и воспроизводит анти-

социальные тенденции, порождает цинизм, бездуховность, утрату нравственных ценностей. И на поверхность жизни выступают жажда власти, своекорыстие, стремление к наживе.

Указанные социально-психологические механизмы действуют в советском обществе в горизонтальном измерении, в системе отношений между обществом и человеком. Но разобраться в них можно только проанализировав их в вертикальном и историческом разрезе. Истоком Т. являются однопартийная структура государства и режим личной власти, начавшие складываться при Ленине. Его питали административно-центральные методы управления, которые определились и насаждались в России сразу же после коммунистической революции. Они же вскормили тиранию Сталина — массовые репрессии и первую советскую "перестройку" — индустриализацию и коллективизацию. И если советская система тем не менее продолжала развиваться и функционировать, то это объяснялось верой обманутого народа в коммунизм и его страхом перед деспотизмом власти.

После войны с Германией сталинская структура власти стала матрицей для экспортного тиражирования, и социальное Т. вышло за пределы советских границ и стало убивать уже в международном масштабе в толще масс общественную инициативу и политическую активность. И дело было не в несовершенной модели советского социализма — иным он быть не может, а в несовершенстве социализма как такового. В сущности, Сталин был его идеальным выразителем — упрощая и приспособлявая социализм до своего уровня, он доводил его до понимания своих граждан. Так что на вопрос (он часто ставится в последнее время в Советском Союзе), являлось ли неизбежным развертывание и развитие Т. при социализме, следует ответить утвердительно.

Иное дело проблема: можно ли как-то притормозить его, поставить на пути его развития заслон. Такая возможность возникла в Советском Союзе на 40-м году коммунистической власти, когда Хрущев попытался изменить идеологические ориентации государства. Но режим оказался сильнее его намерений. И, оправившись от хрущевских реформ, он вернулся на традиционный путь своего развития. Волна

робкой демократизации и непоследовательной экономической реорганизации была сбита. И в социализме вновь просили его традиционные "цветы" — волокита, бездушие, карьеризм, круговая порука, неуважение к закону.

Хрущевская "оттепель" не перешла в весну "обновления". Государственное управление начало, как и раньше, функционировать ради себя самого. Сплотились и усилились бюрократия и догматизм. Они стали жизненной позицией и философией Брежнева, защищали его косность, некомпетентность и выработывали, поставляя ему, аргументы против социального изменения или обновления. И они же явились препятствием для выявления различных интересов людей, замораживали и парализовывали их творческие импульсы и гражданственность.

Ретроспективный анализ социализма показывает, что Т., не побочный, а его основной и определяющий продукт, есть результат исторически сложившегося советского общества, со строго продуманной иерархией номенклатуры, осуществляющей централизованное и волевое руководство страной. Экономическую основу ее могущества составляет все более усиливающаяся (в результате расширения и обобществления) государственная собственность, провозглашаемая общенародной, но соединенная с трудящимися только как носителями живого труда, а не как с ее владельцами и хозяевами. Отсюда проистекает их общественная пассивность, инертность и отсутствие заинтересованности в ее развитии и использовании.

Устранение Т., замену его "ускорением" невозможно решить с помощью обновления социализма. Введение в него нового "наполнителя" — инициативных и энергичных людей — ничего в нем не изменит. Очень скоро и неизбежно они станут вести себя и работать так, как это диктует система, то есть по-старому. Так что удары Горбачева по Т. бьют мимо цели, и на ткани советского общества постоянно проступают и проявляются его метастазы, подобно тому, как срубленные головы вновь прорастают на теле дракона. Для того, чтобы убить "чудовище", необходимо демонтировать социализм.

”Механизмы торможения действуют не только в масштабе всего общества, они функционируют на уровне конкретных производственных коллективов, в системе управленческих, научных и иных учреждений”. (Механизм торможения. М., Изд. политической литературы, 1988, с. 21.)

ТРОЙКА — советский орган внесудебной расправы.

Т. возникли в 1918 году, когда оказалось, что судебные инстанции Советской России не в состоянии рассматривать и пропускать огромное количество политических и уголовных дел, и просуществовали они вплоть до 1953 года.

Т. создавались на губернском, а затем — областном и краевом уровнях. В их состав входили трое (отсюда название — ”Тройка”) высших местных руководителей: секретарь партийного комитета — руководитель, председатель исполкома и начальник Управления госбезопасности — члены. Они обладали широкими полномочиями и вправе были приговаривать арестованных к различным срокам заключения и расстрелу. Дела на арестованных поступали на рассмотрение Т. после короткого дознания, которое проводилось в характерном для тех лет стиле: признание выбивалось шантажом и пытками и считалось достаточным, а часто — единственным основанием для обвинения и наказания.

Советские источники никогда не раскрывали сущность Т., связывая это понятие с различными явлениями — с тройкой лошадей, находящихся в одной упряжке, с костюмом-тройкой, и многие годы не делали намеков на его социальный смысл.

В 1934 году появились Т. на общесоюзном и республиканском уровнях. Решение об их создании было принято ВЦИК, высшим конституционным органом государства, постановившим организовать при НКВД страны и республик Особое Совецание, которому на основе специального положения предоставляется право применять в административном порядке ссылку, заключения в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет и высылку за пределы СССР.

Вскоре возможности Особого Совецания (ОСО) расширились. Машина террора набирала скорость, и оно стало штам-

повать более длительные сроки заключения – 10, 15, 25 лет. Затем самым распространенным наказанием ОСО стал расстрел. Для тройцы ОСО (в него входили: заместитель наркома (министра) внутренних дел страны, начальник Главного управления милиции и представитель партийного аппарата) не было ограничений, и для нее не существовало закона, ей не требовалось доказательств, судебного следствия, ее не сдерживали ни интересы государства, ни надзор прокуратуры. Единственным основанием для ее произвола служили агентурные сводки, доносы и анонимки, на основе которых фабриковались "спецзаписи" и "меморандумы". Члены ОСО брали их в руки, перебирали страницы, переговаривались и выносили решения, и в протоколе появлялась лаконичная запись: "слушали – постановили".

Слово Т. целиком советского происхождения, выражение же "Особое Совещание" досталось по наследству от императора Александра Третьего, создавшего после убийства революционерами его отца организацию под таким названием. Она функционировала при министерстве внутренних дел и была вправе карать и наказывать "врагов монархии" без суда, но не в состоянии была приговаривать их к смертной казни. Этим правом было наделено советское ОСО и широко им пользовалось. По его решению к "высшей мере наказания" (расстрелу) в Советском Союзе были приговорены сотни тысяч людей. Такая оперативность истребления стала возможной благодаря их отлаженной работе: за пару часов они рассматривали сотни и тысячи документов, и делали это столь быстро, что стенографистки часто не успевали записывать фамилии осужденных.

Постановления Т. не подлежали пересмотру, отменить их могли только они сами. В советской истории, однако, не известно ни одного случая отмены приговоров Т. Получив его, арестованный обязан был на нем расписаться и отправлялся или в лагерь или на расстрел. Случалось, что бланк с постановлением Т. приходил с опозданием – заключенного успели уже "ликвидировать". И тогда на нем рукой следователя или надзирателя делалась пометка: "С решениями Т. ознакомили".

Т. была идеальной машиной массового террора и подчинялась непосредственно Сталину. К нему доставлялись альбомы, в которых на отдельных листках перечислялись обвиняемые и кратко излагалась суть обвинения. Он просматривал их, отыскивая знакомые имена, и против каждого ставил цифру: единица означала расстрел, двойка — десять лет заключения. Эти приговоры не обсуждались и немедленно приводились в исполнение. Другие же дела, оставшиеся без сталинских пометок, отдавались на рассмотрение Т.

Параллельно с деятельностью Т. проводились в СССР и громкие политические процессы, открытые, публичные, с ошеломляющими признаниями и самобичеванием арестованных. Но в советской судебной практике они были лишь вершиной и декорумом беззакония, массовые кровавые расправы осуществляли Т. — скрытно и незаметно. Машину этого террора запустил Сталин — великий кремлевский "механик". Но человеческие судьбы в ней перемалывали его подмастерья — партийные и государственные деятели различного социального достоинства. И парадокс — печать и знамение эпохи — состоял в том, что, будучи проводниками репрессий, они часто сами становились ее жертвами.

"Говоря о механизме репрессий, нельзя обойти вниманием такой зловещий орган, как "тройка". Они были созданы во всех республиках, краях и областях". ("Социологические исследования", № 3, 1988, с. 89.)

ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ — объединение советских трудящихся, совместно работающих на предприятиях и в организациях.

Существование и деятельность Т. к. в СССР определяется специальным законом, принятым в июле 1983 года и заложившим основы самоуправления по-советски. Примечательна процедура утверждения этого закона. Если верить советской прессе, в его обсуждении участвовало 110 миллионов граждан, иными словами — все взрослое население страны. И на 1 200 000 собраниях было внесено 130 тысяч поправок и изменений к его проекту. Размах действительно советский — невероятный. И их эффективность также оказалась

советской: только 0,05 процента из этих замечаний и предложений были учтены в законе.

Закон декларировал расширение прав Т. к. Прав по самой своей природе весьма проблематичных: выдвигать на выборах кандидатов в депутаты (в действительности их предлагает партия), участвовать в обсуждении планов (она же определяет и планы), устанавливать правила внутреннего распорядка (это делает администрация). Есть, впрочем, у Т. к. и права реальные, только они подозрительно напоминают обязанности: "право" содействовать претворению в жизнь решений партии, неуклонно выполнять постановления правительства, соблюдать договорные обязательства, повышать эффективность работы и самое важное (тут расширение прав коллектива достигается за счет ограничения прав его членов) — "право" наказывать недостаточно усердных работников: увольнять или переводить их на нижеоплачиваемые должности, лишать премий, дополнительных отпусков, очереди на получение жилой площади.

Т. к. вменяется в обязанность создавать собственные подсобные хозяйства (то есть кормить самого себя, освобождая от этой обязанности государство), направлять "передовиков производства" для обучения в высшие и средние учебные заведения (с тем, чтобы еще сильнее привязать их к производству). Т. к. разрешается выдвигать встречные (то есть более высокие) хозяйственные планы и ставить "в необходимых случаях" (каких — неизвестно) вопрос о привлечении к ответственности лиц, "не выполняющих обязательств по коллективным договорам". Но даже при этих туманных обстоятельствах "ставить вопрос" Т. к. надлежит не самостоятельно, а через общественные организации — партбюро или комитет профсоюза. Или же — через Совет трудовых коллективов, считающийся высшим органом рабочего самоуправления и наделенный в соответствии с Законом о государственных предприятиях довольно-таки широкими правами и полномочиями. Но и в его деятельности также просматривается противоречие: возглавляют Советы, как правило, руководители предприятий или должностные лица, начальники хозяйственных или технологических отделов за-

нимают в нем большинство мест, которые заранее для них как постоянных членов Совета резервируются. И вместо того, чтобы представлять и защищать интересы рабочих, они послушно следуют воле и желаниям администрации предприятий.

В этом есть, конечно, известная часть вины профсоюзов, с недоверием отнесшихся к Советам, видевших в них своих конкурентов. Впрочем, борьба предприятий за выживание в условиях хозрасчета и самофинансирования может привести к столкновению дирекции предприятия и Совета, и тогда неизбежен конфликт, подобный тому, что произошел в 1987 году на Ярославском моторном заводе, рабочие которого после смены вышли на улицы города с плакатами, протестуя против недемократических методов управления производством. Недовольство вспыхнуло из-за того, что дирекция завода без консультации с работниками объявила рабочими днями субботу. За этим, однако, частным конфликтом просматривалась более широкая проблема. Рабочие этого предприятия, как и многих других, оказались стиснутыми противоположными тенденциями экономической реформы: с одной стороны, она требует активного включения рабочих в решение производственных задач, с другой — вынуждает администрацию управлять старыми методами, которые, в отличие от новых, гарантируют выполнение плана.

Для того, чтобы создать видимость народовластия (и приглушить общественное недовольство), в закон о Т. к. включена статья, содержащая некоторые элементы демократизма. Но демократизма по-советски. Предусмотрена возможность участия рабочих "в решении вопросов назначения руководящих работников". Однако — как, в каких формах, с какими правами, — не объясняется. Зато сказано, что участие должно осуществляться "в соответствии с законодательством СССР". Но поскольку советское законодательство основано на принципах демократического централизма, то есть безусловного подчинения нижестоящих организаций вышестоящим, несложно понять, какова реальная ценность этого "права".

Мнение Т. к. должно учитываться и при решении вопро-

са о снятии руководителей. Как именно? В законе сказано, что учитывать его должны "общественные организации", то есть пресловутый советский треугольник: партийная организация, комсомол и профсоюз. Так что, надо полагать, благоразумие и печальный опыт прошлого удержат рабочих от искушения воспользоваться их "демократическими" правами.

Другое назначение закона — доказать, что советская экономическая модель себя до конца не исчерпала, что в ней еще заложены возможности роста. Это, действительно, надо доказывать, ибо с конца 70-х годов Советский Союз практически не развивается, его движение происходит все время вокруг собственной социалистической оси. И при каждом новом обороте выявляются одни и те же противоречия.

"Закон СССР о трудовых коллективах" значительно расширил полномочия бригад, их права включают в себя весьма широкий круг возможностей". ("Агитатор", № 4, 1984, с. 3.)

ТУНЕЯДЕЦ — человек, живущий за счет чужого труда.

Таково специфически советское толкование понятия Т. (его традиционное значение совершенно иное — мелкое насекомое, гнездящееся в животных и исподволь питающееся их плотью). Вытекает оно из коммунистического мировосприятия, объявившего труд "делом славы, доблести и геройства" (определение Сталина), и из советского законодательства, рассматривающего уклонение от общественно полезного труда в качестве серьезного уголовного преступления. При этом далеко не всякая работа признается "общественно полезной", а только в сфере государственно-колхозного производства и в отдельных случаях (при наличии специального разрешения — "патента") — индивидуальная и кооперативная.

Не санкционированная властями деятельность — ремесла и частные занятия — не считается общественно полезной, что создает широкие возможности для раздвижения и расширения понятия Т. В него при необходимости загоняются люди различных призваний и профессий, посмеявшие не угодить властям. Особенно часто понятием Т. пользовались для дискредитации инакомыслящих — их арестовывали, судили и вы-

сылали из больших городов. Его клеймом были отмечены многие видные писатели и выдающиеся деятели искусства, и среди них Иосиф Бродский, впоследствии ставший лауреатом Нобелевской премии по литературе (в 1964 году он был приговорен к пяти годам принудительных работ за "непричастность к общественно полезному труду").

Новые времена создали новые возможности для интерпретации Т. Партии для проведения ее плана экономического ускорения понадобились тысячи дополнительных и, по возможности, недорогих рабочих рук. И только в одной Москве в 1987 году было принудительно введено в общественное производство 70 тысяч человек. В следующем, 1988 году, их уже было 80, а через год, быть может, станет 100 тысяч. Во всяком случае, действующее в стране законодательство о труде (оно регулируется более 12 тысячами постановлений и примечаний) такой возможностью располагает.

Суровой конституционной обязанностью в Советском Союзе считается соблюдение и трудовой дисциплины. Это еще более раздвигает гибкие рамки "социального паразитизма". И в них вписываются спекулянты, расхитители, взяточники — различные социальные группы в зависимости от особенностей проводимых в стране политических кампаний. Перестройка поставила задачу (впрочем, она ставилась и до нее) с корнем вырвать Т., которые на сей раз стали рассматриваться не только как "пережиток прошлого", но и как "скандальная явь" сегодняшнего дня. Именно скандальная и не иначе, ибо многоликие Т. были определены как антипод социализму. Но антипод, противопоставленный ему не из учебника или из другой стороны земного шара, а живущий рядом, находящийся в структуре социализма, хотя и "чуждый его природе". Заново рассмотрели разрушительную роль Т., теперь уже на фоне "эпохи торможения", и решили бороться с ним путем совершенствования "мягкотелого" (все еще) и аморфного законодательства, неспособного (как выяснилось) эффективно подключать и приобщать людей к труду.

И идея перевоспитания Т., на какое-то время заглошная и погасшая, вновь вышла на страницы газет. Ему в помощь была мобилизована классика. Вспомнили, что слово "труд"

в произведениях Маркса и Энгельса встречается чаще, чем "капитал". Изречения "основоположников научного коммунизма", однако, оказались недостаточно эффективными. И в общественное обращение запустили высказывания русских просветителей — Белинского, Добролюбова, Чернышевского. И, наконец, Новикова, который утверждал (правда, по другому поводу) необходимость труда настолько, что взял эпитафией к выпускаемому им журналу (дело было в 18-м веке) слова: "Они работают, а вы их труд ядите".

Для укрепления "нравственного здоровья" советского человека этих мер было мало. И тогда в помощь призвали "общественность", стали разжигать в ней искры никогда не гаснувшей злобы и зависти к благополучным и энергичным людям. И в официальные инстанции пошел поток писем. В результате Т. оказались: удачливые соседи по лестничной клетке ("у них более просторная и лучше обставленная квартира — такую на зарплату не приобретешь"), более проворные и способные коллеги по работе ("слишком быстро продвигаются — значит, имеют нетрудовые доходы"), и еще тысячи совершенно неожиданных людей. В советском обществе создалась атмосфера, при которой любого неугодного человека можно отнести к Т. Любого даже не требуется: нужный властям духовный настрой начинает работать независимо, сам по себе, определяя и создавая нужный им стереотип общественного поведения.

"Тунеядец — отвратительная разновидность социального паразитизма, человек, живущий за счет чужого труда". ("Агитатор", № 19, 1987, с. 29.)

"ТУРИСТЫ" (или "ГАСТРОЛЕРЫ") — подростковые антиобщественные сообщества.

Им свойственны многие признаки организованной преступности: конспирация, система связи, денежные фонды, система лидерства. Но имеют они и свою специфику. Первая их особенность — характер деятельности. Преступным промыслом они занимаются не по месту своего жительства и дислокации своей организации, а выезжая "на гастроли" (отсюда происхождение понятия) в столичные и курортные города с

относительно высоким стандартом жизни. Вторая их отличительная черта — возраст: они, главным образом, состоят из молодежи — парней и девушек до 18 лет. И имея оружие — ножи, кастеты, а нередко и пистолеты, — очень редко его используют, чтобы в случае провала их действия не были квалифицированы как разбой. И, наконец, Г. — и в этом сказывается романтика молодости — стремятся найти оправдания своим поступкам. Они утверждают, что занимаются не грабежом, а восстанавливают социальную справедливость — перераспределяют награбленное более справедливо и разумно, чем это делает государство.

Мафии в СССР весьма выгодно иметь у себя на подхвате Г.: как только милиция и прокуратура начинают подбираться к ней, она совершает отвлекающий маневр — организует сражения подростковых групп. Центрами таких побоищ становятся клубы, дискотеки, улицы и площади городов. Умело использует мафия Г. и для своих дерзких и опасных преступлений. Ей очень удобно при совершении дел, в которых возможны убийства — "взятии" банков, ограблении железнодорожных составов, — использовать Г. План и характер операции, ее обеспечение транспортом тщательно разрабатываются взрослыми главарями мафий. А ее реализация, как правило, поручается подросткам, так как в случае ее раскрытия или неудачи срок наказания, учитывая их возраст, может быть значительно меньшим. Г. соблазняют деньгами, искушают женщинами и возможностью безбедной и разгульной жизни. Неразвитое нравственное сознание подростков не в состоянии противостоять таким соблазнам, и они становятся Г. Но еще больше в их скатывании "на дно" жизни виновато советское общество: несостоятельность его социальной сферы, резкие контрасты между богатством и бедностью, столицей и провинцией, центром городов и новостройками, в которых "прописано" большинство молодежных банд и шаяк.

"Организаторы", посылающие "на гастроли" (подростки зачастую не знают их даже в лицо), ведут целенаправленную работу по формированию преступных молодежных сообществ". ("Московские новости", № 7, 12 февраля 1989, с. 3.)

“у”

УСКОРЕНИЕ — метод (и процесс) развития и совершенствования социалистической системы, являющийся альтернативой политическому застою и социальной инертности.

Политика У. предполагает и включает как временные аспекты и границы для существования советского общества — она планирует и определяет его развитие на ближайшие 15 лет, так и средства своей собственной реализации — интенсификации производства, структурную перестройку экономики, организацию эффективных форм управления. Но не только. Суть ее видится в создании нового качества жизни — в глубоких переменах в сфере труда, в изменении материальных и духовных ценностей.

В исторической ретроспективе У. представляет собой условие, тенденцию и необходимость прогресса, который проявляется в поступательном характере движения человеческого общества, в переходе от одной его стадии к другой, более совершенной. Каждый последующий этап развития общества создает более мощные и многочисленные производительные силы, чем те, что формировались предшествующими поколениями.

Этот процесс продолжался естественно и стихийно, пока он не был искусственно скован, а затем парализован политическими и экономическими отношениями социализма. Тогда обнаружили его противоречия и диспропорция — одни отрасли производства стали развиваться в ущерб другим и создавались за счет благосостояния и благополучия народных масс. На пороге 70-х годов экономическое развитие в Совет-

ском Союзе приостановилось полностью. Социализм, отменив "историческую закономерность прогресса", заработал на холостом ходу. Это произошло не в силу инертности или некомпетентности советских руководителей (недостатки правления лишь усилили и ускорили социальный кризис), а из-за факторов, внутренне заложенных в природе и сущности социализма. Советское общество оказалось в тупике из-за диктатуры партии, централизованного правления, "командной" экономики. Выход был один и единственный — заимствовать западные методы ведения хозяйства и формы организации общественной жизни. Исторический "дрейф" в сторону капитализма в СССР начался во второй половине 80-х годов с приходом к власти в Кремле молодых руководителей во главе с Горбачевым.

Но проводится он непоследовательно, робко и, главное, осуществляется в рамках все еще тоталитарного общества. Вся программа У., ее социальные задачи и экономические компоненты базируются на идеологии и практике построения "лучшего" социализма — очередной утопии в бесконечной серии мифов. Впрочем, цели У. вполне конкретны и прагматичны (хотя и нереальны) — одержать победу в "историческом" противостоянии двух систем. А именно — осуществить рывок советского общества на новые качественные рубежи: удвоить национальный доход и промышленную продукцию, создать новый экономический потенциал, равный накопленному за все предыдущие годы советской власти.

При этом проблема выбора средств У. решается путем совмещения прямых и косвенных методов стимулирования общественного развития. Под первыми понимают простое (как окажется, совсем не простое) наведение общественного порядка и дисциплины, создание достаточной (ее всегда будет не хватать) организованности производственного и трудового процесса. Ко второму ресурсу У. относят высокие темпы экономического роста, которые предполагают достигнуть не на существующей материально-технической базе, как это делалось в прошлом, а с помощью резкого увеличения производства высококачественных изделий, удовлетворяющих современные потребности общества и человека.

Важнейшей в советской концепции У. является мысль о радикальном изменении всей хозяйственной структуры. Через перестройку экономики предполагается осуществить переход от количественного валового учета (объем реализации продукции в рублях) к показателям — оценке деятельности предприятий не по тому, сколько они затратили ресурсов, а по их реальному вкладу в создание национального богатства.

Теоретически советское руководство могло бы достичь определенных экономических сдвигов и не прибегая к использованию механизма свободного рынка. Одна из таких возможностей — изменение приоритетов (то есть реального уровня капиталовложений) в промышленности, перенос центра тяжести с тяжелой и прежде всего с военной индустрии на легкую, на производство потребительских товаров и развитие сферы обслуживания. Это позволило бы значительно повысить оплату труда советских рабочих и служащих и существенно поднять производительность труда. Но смена приоритетов означает отказ от глобальных притязаний, на что советское руководство не готово пойти. И по-прежнему основные капиталы вкладываются в машиностроение, в развитие сверхсовременной техники — ракетостроение и электронику. А в легкой промышленности У. идет за счет совершенствования управления и "сознательности" ее работников — без вложения значительных средств.

Планируя выход на принципиально новый уровень экономического развития, советские руководители действуют осторожно и непоследовательно. Отвергнув методы У. Сталина — использование подневольного труда и жестокую эксплуатацию крестьянства, — они не решаются зайти достаточно далеко во внедрении современной организации производства — это может ослабить режим и подрвать их собственные позиции у власти.

Вначале, как и предполагалось, отказ от наиболее устаревших форм управления, смена и омоложение руководящих кадров вызвали некоторое оживление экономической жизни в стране, но очень скоро У. стало задыхаться под тяжестью рутинного контроля, традиционных правительственных директив и централизованного планирования.

Ограниченные преобразования были не в состоянии изменить советскую систему, что, впрочем, не означает, что в самой системе изменения невозможны. Некоторые из проведенных реформ — разрешение индивидуальной трудовой деятельности, расширение самостоятельности предприятий, семейный и индивидуальные подряды — дают основание предполагать, что У. в Советском Союзе будет продолжаться — по крайней мере, в ближайшие годы.

”Что мы понимаем под Ускорением? Прежде всего повышение темпов экономического роста. Но не только. Суть его — в новом качестве роста: всемерной интенсификации производства на основе научно-технического прогресса, структурной перестройки экономики, эффективных форм управления, организации и стимулирования труда”. (Материалы 27-го съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., Изд. политической литературы, 1987, с. 21.)

”Ф”

ФАРЦОВКА — нелегальная скупка у иностранцев вещей и валюты.

Понятие и явление Ф. — специфически советское, в жаргоне других стран эквивалента ему не существует. В его основе лежит высокий престиж для советских людей зарубежных вещей — от автомобиля, потрепанных штанов до авто ручки. И еще — не совпадающий с советским миром товарно-денежных отношений официальный курс доллара: один доллар за шестьдесят пять копеек. В действительности покупательная стоимость доллара на советском черном рынке в десять раз больше — так он и продается.

В советском понимании Ф. — занятие не только недостойное, но и мелочное. Расхожее представление, однако, не соответствует действительности. Нашумевший в начале 60-х годов судебный процесс Рокотова и Файбишенко, занимавшихся Ф., свидетельствовал, что на ней можно сделать многомиллионные состояния.

Но Ф. не брезгует и копеечными сделками — покупаются и сотни, и десятки долларов, приобретается всякая мелочь: джинсы, сорочки, галстуки и даже жевательные резинки. За мелкими торговцами стоят воротилы — хищники, к которым валюта стекается в огромном количестве, а товары — большими партиями. Ф. они сделали основным и единственным занятием своей жизни и снимают с нее десятки тысяч долларов. Они, как правило, остаются в тени и ничем не рискуют, а на поверхности — у входов в гостиницы и музеи, в скверах у театров, на туристских маршрутах околачиваются

розничные покупатели-фарцовщики – школьники, студенты, рабочие, мелкие служащие, – которые с помощью Ф. стремятся свести концы с концами и приобщиться к западной жизни. Завязать интересные знакомства, обменяться информацией и, если повезет, жениться (выйти замуж) на иностранке. Барьера между туристами и фарцовщиками нет – они неплохо знают языки. И цепочка сделок тянется в обратную сторону, за границу – туда переправляются ценные картины, редкие ювелирные изделия, антиквариат. А в самодельном банке, кармане фарцовщика, иностранные туристы всегда найдут деньги, чтобы выгодно обменять валюту.

”В представлении многих из нас фарцовка недостойное занятие глуповатых недорослей, выпрашивающих у иностранцев поношенные штаны и пластиковые пакеты”. (“Московские новости”, 16 октября 1988, с. 4.)

”Х”

ХАРАКТЕРИСТИКА — документ, содержащий описание и оценку качеств и деятельности человека.

С необходимостью иметь Х. советский человек сталкивается с детства, и она сопровождает его всю жизнь. Х. пишется в школе и в университете. Она необходима и при поступлении на работу, хотя в соответствии с постановлением правительства от 25 февраля 1960 года для этого вполне достаточно паспорта, трудовой книжки и свидетельства об образовании. Отделы кадров, однако, с этим решением не считаются и требуют Х. Она обязательна при приеме в комсомол и партию, зачислении в аспирантуру, присвоении ученой степени и звания, утверждении в новой должности, представлении к правительственной награде, оформлении документов на выезд за границу — в служебную командировку или туристическую поездку. Х. обеспечивает (или не обеспечивает) советскому человеку легитимацию его деятельности, подтверждая его соответствие (или несоответствие) общепринятым стереотипам поведения. И подписывает ее обязательно руководитель предприятия, учреждения или учебного заведения, секретарь партийной организации и председатель местного комитета профсоюза.

Составляется она по типовому образцу: год рождения, национальность, партийная принадлежность, профессия, трудовой стаж, степень квалификации, отношение к общественной работе и т. д. Для отражения этих сведений в советском языке существует специальный набор шаблонов, придающих Х. стандартный вид: ”высококвалифицированный специа-

лист", "добросовестно относится к работе", "активно участвует в общественной жизни", "пользуется авторитетом в коллективе", "политически грамотен", "морально устойчив". Или наоборот: "недостаточно квалифицирован", "слабо участвует в общественной жизни коллектива" и т. д. Пользуясь этими клише, можно скомбинировать самые различные оценки человека и, ничего о нем не сказав, выразить все необходимое.

Х. редко выявляет действительную сущность и особенности человека. Он может быть карьеристом, взяточником, пьяницей, невеждой, лентяем и тем не менее выглядеть в Х. образцовым человеком, энергичным и грамотным. Его нравственные и деловые качества имеют для руководителей значение только в связи с их интересами и выгодой. И на способного человека, исполнительного и трудолюбивого, если он не нужен или нежелателен, составляется безжалостная Х., будь он трижды блестящим специалистом и необходимым работником.

Х. — важная форма не только контроля, но и самоконтроля. Человек стремится "уложиться" в устанавливаемый ею стандарт — в систему норм и правил, которые позволят ему сделать карьеру. Она, являясь удостоверением его благонадежности, создает систему постоянных взаимных связей между ним и учреждением, в котором он работает. Обеспечивает ему продвижение по службе, помогает стать на квартирный учет, получить путевку в санаторий. Она также обязывает и предприятие: в случае совершения работником антисоциального проступка приходится его прикрыть и защитить, иначе тяжкая тень подозрения падет на дирекцию и партийную организацию, выдавшую хорошую Х.

Так что Х., безличная по своему существу, очень часто становится отпущением служебных грехов. Но способна она быть и безжалостным обвинением, отлучающим человека от профессиональной и общественной жизни.

"Если партийная характеристика потребовалась райкому, то он мог запросить ее у партбюро". ("Партийная жизнь", № 24, 1983, с. 65.)

ХОЗРАСЧЕТ (хозяйственный расчет) — метод ведения социалистической экономики, устанавливающий прямую связь и зависимость доходов трудовых коллективов от конечных результатов их работы.

Х. — экономическое понятие, оно впервые было сформулировано Лениным, им же были разработаны и основы его теории как системы взаимоотношения общества и производства. Принципы Х. на протяжении советской истории неоднократно изменялись, пересматривались и переосмысливались, пока не стали отражать сущность и грани горбачевской политики хозяйствования: самостоятельность, самокупаемость, самофинансирование, самоуправление. В отличие от прошлого, эти идеи в настоящее время не теоретические допущения — они закреплены в принятом в 1987 году в Советском Союзе законе о государственном предприятии и встроены в новый хозяйственный механизм.

Важная особенность "современного" Х. состоит в том, что он является формой и средством выражения и проявления самостоятельности предприятий, которые с известной степенью независимости разрабатывают и утверждают свои планы и заключают договоры. Разумеется, в условиях и в рамках централизованного управления самостоятельность трудовых коллективов имеет свои пределы, она ограничена и регулируется государственными заказами (которые нередко распространяются на всю производимую продукцию), контрольными цифрами государственного плана, экономическими нормативами и лимитами. И тем не менее Х. позволяет предприятиям относительно свободно распоряжаться заработанными средствами, направлять их на развитие производства, социальные нужды, совершенствование организации труда.

Основу Х. составляют самокупаемость и самофинансирование. Они — близки по значению, но неоднозначны: первая предполагает обеспечение простого воспроизводства производства, а вторая — его развитие и расширение. И оба вместе требуют, чтобы деятельность предприятий осуществлялась целиком и полностью за счет заработанных ими средств. Трудовым коллективам предписывается не рассчитывать на бюд-

жетное финансирование министерств. Если наличных средств им оказывается недостаточно, то предлагается возможность брать кредиты у банков и самим отвечать за их эффективное использование. Это означает, что в общем национальном "кармане" трудовые коллективы полностью разобрали свои "кошельки", и им нельзя рассчитывать, как раньше, что им переведут деньги из резервного "кошелька" — из фондов развития другого производства, объясняя перекачку средств интересами развития отрасли или государства.

Намерение это весьма похвальное, оно заставляет предприятие из выручки от реализации продукции (работ, услуг) возмещать имеющиеся материальные затраты. Но в условиях существующего в Советском Союзе командно-административного управления оно "не работает". Предприятие оказывается в роли исполнителя указаний и распоряжений "сверху".

Неэффективной оказывается и выдвинутая Х. мысль о материальной заинтересованности — чем лучше работают, тем выше доход. Трудовые коллективы по-прежнему подчинены выполнению заказов государства, заинтересованного, несомненно, в высоком качестве работ и в их... низких расценках. Х. производит всего лишь перемену мест этих слагаемых, не меняя по существу уравниловской философии социалистического хозяйствования. Оказывается несостоятельным поэтому и другой (и последний) принцип Х. — о самоуправлении предприятий: выборность руководства, создание рабочих Советов, гласность принимаемых решений — все это часто лишено конкретного содержания.

Внутренняя непоследовательность и противоречивость Х. отразилась на двух его моделях, предложенных к реализации.

Первая модель — распределение прибыли — во многом типична для советской экономики. Из выручки за реализованную продукцию возмещаются затраты на производство, в том числе (вернее — прежде всего) фонд зарплаты. И лишь затем подсчитывается прибыль, из которой предприятие расплачивается по своим обязательствам с государством и за проценты на банковский кредит. То, что остается после всех

этих расчетов (если остается), идет в фонд производства, материального поощрения, финансовый резерв и на цели социального развития.

Вторая модель — распределение доходов — учитывает опыт частного предпринимательства. Из выручки прежде всего возмещаются материальные затраты производства, далее рассчитываются с государством, с банками и лишь затем подсчитывается доход, который также распределяется нетрадиционно. Вначале формируются фонды социальный и развития производства, создается финансовый резерв и в последнюю очередь производится оплата труда.

Различные системы X. вызвали неравноценное к ним отношение. Первая прижилась на советской почве относительно безболезненно. Она привлекла своей привычностью и осторожностью: как бы коллектив ни работал, зарплата его обеспечена. Даже если он не получил прибыли и не выполнил свои поставки — в этом случае страдало (и то несущественно) развитие производства. К этой схеме X. людей толкает и неотработанность советского хозяйственного механизма, непоследовательность государственных плановых органов, непредсказуемость поведения поставщиков сырья и "смежников". В результате этих и других перипетий могут возрасти затраты производства и упасть его доходы, но зарплата (в этом случае ее точнее было бы определить как жалованье) не пострадает. Работник, по сути, никак не ощущает, что происходит с предприятием, ибо эта модель X. полностью "отключает" его от производства. Таким образом, есть все основания представить данную схему производства не как распределяющую прибыль, а как "затратную", нацеливающую коллективные усилия не на экономию издержек, а на их рост ради наращивания объема производства и реализации.

Второй вариант X. в известной мере призван преодолеть недостатки и несовершенство первого. Он стимулирует стремление к единому конечному результату — доходу. Как за счет маневра ресурсами, так и снижения затрат на производство продукции при улучшении ее свойств, а стало быть, и понижении цен. Отсюда уже видны границы ответственности работника за результаты хозяйственной деятельности, за уро-

вень хозрасчетного договора, который непосредственно связан с уровнем оплаты труда. Он независим от объема реализованной продукции и произведенных работ. И их незачем "гнать" любой ценой, не оглядываясь на затраты, на материалоемкость изделий. Необходимой становится личная ответственность труженика, у него начинает формироваться чувство хозяина и постепенно исчезать психология поденного рабочего. Его заработная плата на самом деле становится заработной, переставая быть элементом затрат на производство, и превращается в часть результата его труда. И только один недостаток имеется у этой модели Х. — она противоречит структуре и характеру советской экономики и поэтому должна быть ею отторжена. Впрочем, не исключено и обратное — отброшенным окажется существующий экономический уклад советского общества, если эту модель будут в Советском Союзе последовательно проводить и насаждать.

"Нельзя сказать, будто бы хозрасчет — нечто неизвестное нашей экономике и хозяйственным кадрам. Отличие нынешней ситуации в том, что хозрасчетные принципы — не теоретическое допущение или доброе пожелание. Они закреплены в Законе СССР о государственном предприятии (объединении), встроены в новый хозяйственный механизм, стали его несущими опорами". ("Агитатор", № 4, 1988, с. 25.)

“Ц”

ЦЕНЗУРА — государственный надзор за произведениями и выступлениями, предназначенными для печати, показа по телевидению и трансляции по радио.

Ц. в Советском Союзе называют также учреждение, осуществляющее такой контроль, — Главное Управление по охране государственных тайн в печати, или сокращенно — Главлит (создан в 1922 году). Ему принадлежит монопольное право давать разрешение на выпуск в свет любого печатного издания: книги или конфетной обертки, журнала или этикетки для бутылки, почтовой марки или газеты, пригласительного билета или афиши; он санкционирует выход в эфир радио- и телепередачи, демонстрацию фильма, спектакля, выставки. Вся печатная продукция, поступающая из-за границы в СССР или из СССР за границу, как и личная корреспонденция, также подвергаются цензуре.

Главлит — разветвленное и мощное учреждение. Официально оно состоит при Совете Министров СССР, фактически же находится в ведении ЦК КПСС, его идеологического отдела, и КГБ.

По их представлению назначается и снимается начальник Главлита, в распоряжении которого имеется около ста человек: секретари, референты, заместители, несколько десятков старших цензоров, сотрудники отдела кадров. Так выглядит главный штаб советской Ц.

Помимо него существуют республиканские и областные главлиты и цензорские группы, работающие во всех центральных, республиканских и областных газетах, — не менее

двух человек на редакцию. Подобные группы существуют в ТАСС, в Агентстве печати "Новости", во всех издательствах, типографиях, на радио и в телестудиях, в институтах Академии наук и научно-технической информации, имеющих право издания рукописей и располагающих типографиями.

В Советском Союзе проводится Ц. общая, военная, государственной безопасности, международная, по атомной энергии и т. д. А по способу осуществления контроля Ц. делится на предварительную и административно-карательную. Первая выполняет функции общего надзора, выдает разрешения на публикацию печатных материалов и называется "разрешительной". Вторая, совместно с органами государственной безопасности, санкционирует наказание авторов и редакторов, допускающих отклонения от ее норм. В этом случае у виновных конфискуются рукописи, а сами они подлежат снятию с работы или аресту.

Ц. — одно из немногих советских учреждений, продолживших и развивших традиции царской Ц. В России Ц. была введена в 18-м веке и просуществовала до 20-го. В условиях русской монархии, однако, произвол цензоров не был безграничным, и всегда оставалась возможность апеллировать к высшим правительственным инстанциям. Либеральные реформы 60-х годов 19-го столетия, проведенные Александром Вторым, существенно ограничили власть Ц. Настолько, что даже марксистская литература, призывавшая к насильственному свержению монархического режима, могла публиковаться легально (произведения К.Маркса, например, были изданы уже в 1870 годах). В 1905 году в России была ликвидирована предварительная Ц., а после Февральской революции 1917 года — и общая. Во время Первой мировой войны действовала лишь военная Ц.

Через несколько дней после Октябрьской революции был опубликован подписанный Лениным декрет о свободе слова и печати. Однако вскоре, в 1921 году, "для пресечения выступлений, враждебных власти", Ц. была вновь введена — в качестве временной меры. При этом в постановлении о восстановлении Ц. специально оговаривалось, что будет осуществлена ее отмена после упрочения нового порядка и при-

нения закона о печати. Власть утвердилась, однако закон о печати не был принят, и Ц. продолжала действовать и свирепствовать.

В начале 20-х годов отмечалось вновь некоторое послабление Ц. Были разрешены внепартийные издательства и освобождены от нее издания Академии наук. Но уже в 30-е годы "вольные" издательства были ликвидированы, и Ц. распространились и на публикации Академии наук. Больше она уже в Советском Союзе не отменялась. Ужесточение Ц. власти объясняли существованием враждебного окружения, однако после Второй мировой войны, когда вражеское окружение было, казалось бы, разорвано и на советских границах утвердились прокоммунистические государства, Ц. не была отменена. Наоборот, она еще усилилась.

Советская конституция гарантирует свободу печати, которая должна обеспечиваться широкой системой типографий, большим числом газет и журналов. На деле эта свобода ограничивается правом приобретения бумаги (если, конечно, она имеется в продаже), но не выявляет себя свободой выражения на ней мыслей. В каждом городе Советского Союза, в любом районном центре находятся уполномоченные Главлита (цензоры), которые контролируют выходящие здесь издания и тексты, передаваемые по местному теле- и радиовещанию. Действия их регламентируются особым "Перечнем сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати", который издается Главлитом ежегодно и постоянно дополняется специальными циркулярами и инструкциями с грифом "секретно".

В "Перечне" есть общий раздел, содержащий перечисление военных и государственных тайн, не подлежащих разглашению, а также конкретные разделы (промышленность, транспорт, сельское хозяйство, строительство, кадры, экономика, финансы, история, религия, литература, искусство и т. д.), в которых перечислено все, что не подлежит опубликованию. В промышленности — это численность рабочих на предприятиях, абсолютные объемы выпускаемой продукции, ее себестоимость. Дается и список заводов, которые запрещено упоминать, и предприятий, которые разрешается называть, но

нельзя сообщать о месте их расположения и перечислять выпускаемую ими продукцию.

До 1985 года нельзя было публиковать сведения о пожарах, ураганах, землетрясениях и других стихийных бедствиях на территории СССР, данные об урожайности и о размерах заработной платы. Все еще, несмотря на "гласность", запрещается называть фамилии сотрудников органов безопасности (без разрешения КГБ), приводить сопоставления и сравнивать доходы советских людей с доходами граждан других стран, печатать снимки советских городов рядом с фотографиями западных индустриальных центров, а также сообщать сведения о дипломатах, работающих за границей (кроме имени посла и его ближайших советников).

Существуют в Советском Союзе положения и инструкции, регламентирующие работу и самих цензоров. Цензор не вправе общаться с автором, свои замечания и указания он должен сообщить главному редактору журнала (издательства) или его заместителю, все указания цензора передаются автору безлично, от имени редакции или издательства. Решение цензора окончательно и обжалованию не подлежит.

Ц. регулирует весь процесс издания рукописи. Рукопись необходимо представлять в двух экземплярах в Главлит, как только принято решение о ее публикации. К ней должен быть приложен весь иллюстративный материал (рисунки, таблицы, диаграммы, схемы и т. д.) и официальная справка с указанием фамилии автора, названия рукописи и сведениями об отсутствии (или наличии) в работе закрытых (секретных) данных. К справке приобщается акт экспертизы, подтверждающий эти сведения. В случае одобрения рукописи цензор ставит на ней штамп "Разрешено к печати", после чего она направляется в типографию. А затем, получив сигнальный экземпляр, цензор проверяет идентичность напечатанного текста и рукописи, разрешенной к печати, и ставит еще один штамп "Разрешено к выпуску в свет", после чего она, наконец, печатается.

Рукописи, связанные с военной тематикой, подлежат контролю военной Ц. — единственным учреждением такого типа, которое открыто называет себя Ц. После одобрения

рукописи военной Ц. на ее первой странице ставится штамп: "По вопросам военного характера возражений против публикации данного материала не имеется. Наши замечания см. на страницах таких-то. По остальным вопросам решение о публикации должно быть принято органами Главлита".

Работы, в которых рассматриваются или хотя бы только упоминаются проблемы атомной энергии, проходят дополнительный контроль Ц. по атомным делам Государственного комитета по использованию атомной энергии при Совете Министров СССР. Рукописи, в которых затрагивается деятельность органов государственной безопасности, направляются (часто — самими цензорами Главлита) в Комитет государственной безопасности.

За последние 70 лет существования советского государства Ц. подчинила своему контролю все области научной, общественно-политической и культурной жизни страны. Она является неотъемлемой частью советской действительности. Ее почти беспредельная власть над духовной жизнью нанесла (и наносит) огромный ущерб развитию науки, литературы и искусства. Широкие полномочия советской Ц., ее безграничные права и произвол приводят к тому, что у людей, с нею соприкасающихся, возникает внутренний самоконтроль (внутренняя цензура), запрещающий касаться тем, которые предположительно не пропустит Ц.

Ц. в Советском Союзе действует тайно, и поэтому сама она, критикуя, остается вне критики. Осуждая, она отвергает мнение и суждение всякого, кто мыслит иначе, чем она. И тем самым — удивительный парадокс — увеличивает и обостряет интерес к инакомыслию. Не желая, она делает привлекательным любое запрещенное ею слово и произведение.

И естественной реакцией на ее засилие стал "самиздат" — машинописные бесцензурные издания, получившие широкое распространение в Советском Союзе. Позднее к нему добавился "тамиздат" — книги, изданные на русском языке за границей. Оба они пользуются большой популярностью в Советском Союзе, несмотря на то, что лица, причастные к их чтению и распространению, еще совсем недавно привлекались к уголовной ответственности. В последние несколько лет,

однако (такова дань перестройке), в структуре Ц. обозначились разрывы. Не то чтобы советская власть в лице ее новых, более либеральных правителей поступилась монополией Ц. — она лишь облачила ее в более деликатную форму.

Политика гласности позволила сделать важное открытие: советским людям можно разрешить читать крамольные книги, смотреть запрещенные фильмы и пьесы без риска подорвать основы режима. Выяснилось, что сложившийся в СССР тип человека целиком находится в системе коммунистического мироощущения. И власти вполне могут на него положиться: сообщать о стихийных бедствиях, катастрофах и выпускать с их помощью "пар" недовольства, находя новые возможности управления его сознанием и поведением. Можно даже разрешить открывать кооперативные издательства — беды от этого не будет, так как важнейшая информация находится в руках государства, которой по-прежнему распоряжаются цензоры, бдительно следящие, чтобы печатное слово не вышло из партийных берегов.

"...Уживутся ли цензура и гласность?"

— Эту фразу я предложил снять — она может навести читателя на мысль о том, что у нас якобы существует цензура, — таким образом старался мотивировать свои действия, выступая года три назад перед редакционным коллективом одного солидного журнала, представитель Главного Управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит)". ("Московские новости", № 43, 23 октября 1988, с. 11.)

ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ — процесс формирования цен на товары и услуги.

Специфичное и, казалось, оторванное от текущей действительности понятие Ц. отражает глубокие проблемы и противоречия социалистической экономики: отсутствие сбалансированного государственного бюджета, острый дефицит товаров, инфляцию, неустойчивость валюты. Эти процессы в известной мере были вызваны и спродуцированы советской политикой цен, которые устанавливались не на основе себестоимости продукции, а произвольно, в полном отрыве от спроса и предложения.

Таким образом, закон стоимости в Советском Союзе полностью игнорировался. И вдруг во второй половине 80-х годов, в свете экономических реформ, осуществляемых Горбачевым, это закон стал вызывать преувеличенные надежды и ожидания. Рассчитывают, что новая система цен сама по себе создаст и обеспечит условия для развития и функционирования хозрасчета, превратит нерентабельное производство в высокоэффективное — вне зависимости от уровня управления и характера хозяйствования. То есть цена как бы сама по себе оправдает и спишет экономическую малограмотность и слабую техническую оснащенность.

В СССР предпринимаются попытки перестроить Ц. на принципах отражения им действительных общественно необходимых затрат производства, еще совсем недавно почти целиком финансируемого за счет дополнительного прибавочного продукта (то есть двойной-тройной эксплуатации трудящихся) и различных налогов, и норм платежей. В этом состоял не только важнейший порок социалистического ценообразования, но он создавал условия и возможности для несправедливого распределения доходов в обществе.

Товарно-денежная несбалансированность вела к тому, что на руках у населения оседали огромные суммы — сотни миллиардов рублей, не обеспеченных необходимыми продуктами и товарами. И в то же время на складах и прилавках магазинов накапливались горы никому не нужных изделий. Эти запасы постоянно росли. И за последние 15 лет они увеличились втрое. Таков был результат действия затратного хозяйственного механизма советской экономики, рассчитанного не на спрос, а ориентированного на вал, убытки которого приходилось покрывать постоянным повышением цен. И не только оптовых, но и розничных. С 1970 года они выросли: на мясо — на 5,6 процента, молоко и молочные продукты — 3,5, кондитерские изделия — 22,6, обувь — 79,1, мебель — 182, автомобили — на 193 процента.

Выход из экономического тупика стал видеться в однозначном решении (в Советском Союзе любят "простые" ответы на сложные вопросы, искал их и Ленин, предлагая найти некое "главное звено" и с его помощью вытащить из безд-

ны отсталости экономическую цель страны) — учитывать в ценах общественно необходимые затраты труда. Однако общественно необходимые затраты — это категория абстрактная. Она не существует объективно, вне человека и производства, вне конкретной деятельности предприятий, находящихся в различных условиях.

В одних сферах промышленности разница в цене и себестоимости продукции измеряется в 100 и более раз — в нефтяной и газовой, в других — в легкой и пищевой — она уменьшается до двух-трех раз. Так какие же из этих затрат считать общественно необходимыми? Советская экономика на этот вопрос не находит ответа. И тем не менее переход на хозрасчет стал рассматриваться как сигнал к пересмотру цен. Естественно, в сторону их повышения. И не будучи обусловленными общественными потребностями, они неизбежно должны привести к спирали новой инфляции.

Именно так выглядит предложение Государственного Комитета цен (Госкомцен) СССР. Он предлагает, во-первых, пересмотреть до 1990 года оптовые цены в промышленности, где их дефицит при самофинансировании составляет более 100 миллиардов рублей. Во-вторых, к началу следующей пятилетки (1992 г.) увеличить сметные цены в строительстве и закупочные — в сельском хозяйстве. В-третьих, поднять розничные цены в торговле и внедрить так называемые "цены равновесия", или "договорные цены". В результате — возрастут расценки на продукты питания, субсидирование которых государством в 1988 году измерялось 60 миллиардами рублей.

Таким образом, реальные предпосылки для экономического развития изыскиваются не в совершенствовании общественных отношений, а в создании новой системы цен, то есть научно-технический прогресс стремятся оплатить из кармана народа. Идея справедливости приносится в жертву экономической целесообразности. Главная цель реформы — обеспечить хозяйство страны действительной шкалой стимулов для достижения высоких производственных результатов. И лишь в последнюю очередь принимаются во внимание вопросы благосостояния народа, и ставятся они в общих чертах,

без ориентации на конкретные группы работающих – низкооплачиваемых рабочих, пенсионеров, студентов. Не принимаются во внимание и люди с "фиксированным доходом", для которых принцип "прибавить" в работе не означает "прибавить" в зарплате. Не принимается в расчет и то, что материальное благосостояние зависит не только от величины заработка, но и от наличия в семье нетрудоспособных членов, детей.

Несостоятелен, однако, не только потребительский (человеческий) эффект предложенного повышения цен, но и ее производственный результат, оно не учитывает в должной и необходимой степени сложные экономические взаимосвязи. При взвинчивании цен не создаются ни дополнительные материалы, ни ценности. Значит, речь может пойти только о новом перераспределении материальных благ, при котором получаются старые социальные дисбалансы и диспропорции.

В настоящее время наиболее ходовые товары потребления и продукты питания распределяются во многих советских городах непосредственно на предприятиях. Если существенно повысить цены на них, они в избытке окажутся на прилавках. И для одних, широких масс, превратятся в выставку музейных экспонатов, желанных, но недоступных, для других – станут средством реализации их нетрудовых доходов. В магазинах свободно можно будет купить то, что сегодня приобретается с "черного хода". Усилится расслоение общества, и в условиях отсутствия в торговле конкуренции и наличия в ней постоянного дефицита откроется путь к вздуванию цен. Умеренной инфляции, к которой зовут советские специалисты, не получится. Увеличение розничных цен потребует компенсации (иначе усилится брожение), и повысится оплата труда, которая приведет к новым затратам в производстве. Это еще больше подтолкнет цены к росту, и они станут неуправляемыми. И вместо того, чтобы регулировать спрос, начнут его форсировать в ожидании инфляции. Люди лихорадочно будут скупать продукты и товары.

Демократизация Ц., о которой стало модно сейчас говорить в Советском Союзе, означает, по существу, их бюрократизацию. Предприятия начинают искать рентабельности соз-

даваемой ими продукции не в снижении ее себестоимости, а в повышении цен. Диктат производителя над потребителем продолжается. Несостоятельно и стремление искусственно приблизить советские цены к мировому уровню. Основной путь решения проблемы — увеличение конкурентоспособности советских изделий, изменение структуры внешней торговли, увеличение в ней доли несырьевой продукции, участие Советского Союза в международном разделении труда. Не производить все товары у себя, а закупать часть из них на мировом рынке.

Несомненно, необходимо принимать во внимание цены мирового рынка и во внутренней торговле. Но это должно осуществляться не насильственно, а естественно вытекать из развития производства. Для этого необходимо навести порядок в системе учета затрат. Как ни парадоксально, но в Советском Союзе очень часто не знают, во что обходится производство той или иной продукции. Документация ее настолько запутана и сложна, что не представляется возможности вычислить и выявить не только косвенные ее издержки, но и реальную себестоимость. И главное — необходимо отказаться от стремления повышением цен стабилизировать производство.

Решение проблемы создания эффективной хозяйственной модели находится в прямо противоположных действиях — следует не поднимать, а *понижать* оптовые цены. При этом производителям станет, возможно, трудно сохранить свои заработки, но уровень их жизни не понизится, так как сохранятся привычные тарифы. И станут излишними дотации. Закон стоимости нельзя произвольно отменить. Он, а не политическая конъюнктура, определяет динамику взаимодействия трудозатрат и цен — уменьшение трудозатрат ведет к понижению цен. И следует ориентироваться не на отсталую организацию труда, как это делают в Советском Союзе, оправдывая повышение цен на продовольствие, а на передовые, прогрессивные ее формы. При них, даже и без внедрения новой технологии, затраты производства в сельском хозяйстве снижаются в 5 — 10 раз. Разумеется, при отсутствии равновесия между спросом и предложением не

следует торопиться с понижением розничных цен. Но необходимо привести их в соответствие с производительностью труда и заработной платой. Производительность труда должна увеличиваться быстрее зарплаты, а зарплата — быстрее роста розничных цен.

”Сегодня стоит задача перестроить наше ценообразование на принципах, отражающих действительно все общественно необходимые затраты, а не только затраты в какой-то отрасли или на предприятии”. (“Агитатор”, № 5, 1988, с. 39.)

”Ч”

ЧЕРНЫЙ РЫНОК — нелегальная сфера товарного обращения, проявляемая в условиях государственного ратиионирования и правительственной регламентации торговли.

Старомодное представление о советском Ч. р. удерживает воспоминания о дилетантах-любителях и спекулянтах, шумно и бесцеремонно суетящихся у подъездов гостиниц и магазинов. В действительности это всего лишь видимость и поверхность Ч. р., скрывающая его истинную суть, проникшую в систему государственной торговли и широко использующую подпольные каналы снабжения — такие, как: перепродажу вещей, завезенных из-за границы, или товаров, приобретенных в закрытых правительственных магазинах.

Ч. р. в Советском Союзе вполне созвучен времени; он переместился с безобразных старых барахолок и стал благообразным и солидным, он больше не суетится, не теряет достоинства, а солидно и чинно идет навстречу покупателю.

На него невозможно сразу и просто выйти, необходимо наладить соответствующие связи, завести нужные знакомства, полезные контакты, из которых выстраивается еще одна разновидность (или подразделение) Ч. р. — серый рынок — взаимный обмен товарами и услугами напрямую, минуя денежное обращение, по принципу: ”Ты мне — я тебе”.

У Ч. р. в Советском Союзе имеется своя стратегия и география (разумеется, и принципы — тоже). Добротные, высококачественные товары он притягивает главным образом из-за границы, преимущественно из свободных стран и значительно реже — из социалистических: их поставляют совет-

ские служащие, находящиеся (или находившиеся) в зарубежных командировках. Везут для продажи то, что обеспечивает наибольшую прибыль, — Ч. р. в отличие от официальной, государственной торговли, очень тонко и точно реагирует на конъюнктуру.

В 60-е годы большим спросом пользовались шерстяные изделия, "мохер" и транзисторные приемники, голландские или японские. Спустя 20 лет дефицитом стали стереосистемы, видеомагнитофоны и компьютеры. Их продажа давала прибыль, в десять раз превышающую вложенные в них средства. Характер товаров четко определял разделение труда. На Ч. р. осуществлялся принцип, который советским властям никак не удается внедрить в производство, — специализация. моряки, шоферы, проводники поездов, стюардессы привозили (и везут сейчас) вещи небольших габаритов, которые можно припрятать в чемоданчике или укрыть на теле, — золотые булавки, серебряные цепочки, часы, лифчики, чулки, шарфики. Малый объем этих товаров совсем не свидетельствует о малых доходах, которые можно из них извлечь. оборот на "душу" здесь достигает миллионов рублей, а чистая прибыль составляет не менее 80 — 90 процентов от вырученной суммы, что является достойной компенсацией за риск (если спекулянта поймают с поличным, то его сделают "невъездным" или посадят, исключив из партии) и малую зарплату.

Оборотный капитал создается также путем обратного "движения" товара — не с Запада на Восток, а с Востока — на Запад. Из СССР вывозят, главным образом, антиквариат — редкие монеты, марки, старинные предметы религиозного культа, а также ценные иконы и картины. Прибыль здесь измеряется пяти- и четырехзначными цифрами.

Советские служащие, занимающие солидное положение, — сотрудники министерства иностранных дел, министерства внешней торговли, партийные работники — привозят радиоэлектронику. Доход их также достаточно велик — перепродажа пары стереосистем позволяет купить двухкомнатную кооперативную квартиру.

Спортсмены, артисты, писатели предпочитают везти в

Советский Союз одежду, которую за границей покупают по дешевке — на распродаже или в магазинах, торгующих третьесортными вещами. Получаемая прибыль, возможно, не очень большая, но она не требует капиталовложений и вполне соответствует возможностям советского туриста.

Ч. р. в Советском Союзе тонко реагирует на баланс спроса и предложения (в отличие от советской торговли) и отзывается на рыночные механизмы: когда предложение увеличивается, снижаются цены или же капитал вкладывается в другие товары, более дефицитные.

Сбыт их на Ч. р. осуществляется по нескольким каналам. Самый простой и удобный (но не самый доходный) — через комиссионные магазины. Прибыль здесь извлекается из разницы цен на заграничные и отечественные товары. Но в комиссионные магазины попадает не лучшая и не большая часть ввозимой в СССР продукции. В основном она реализуется по другим каналам — растекается по знакомым или распродается на квартирах, специально арендуемых ("снятых") для этой цели.

Распродажа большинства вещей ведется анонимно и лишь в очень редких случаях, когда имеются предварительные заказы, осуществляется лицом к лицу: поставщик — покупатель. Доход при этом солиднее, но и риск больше.

Важнейшие операции Ч. р. поставлены на солидную деловую основу, проводятся чужими руками, через разветвленную сеть перекупщиков, связи с которыми поддерживаются не непосредственно — не напрямую, а доверенными лицами, которые набираются из различных слоев общества (в зависимости от характера и качества товара). Среди посредников Ч. р. немало респектабельных и солидных людей — заслуженных пенсионеров, именитых журналистов, известных юристов, писателей, артистов, художников, короче — людей, которые стремятся и пытаются вести более или менее приличный образ жизни. Они терпеливо просиживают в комиссионных магазинах и покорно едут, нагруженные заморскими товарами, в провинциальные города, а также реализуют их по месту своей работы.

Ч. р. глубоко вторгается в государственную торговлю и

в официальную систему услуг. В Советском Союзе существует широкая номенклатура товаров и огромный ассортимент услуг, за которые покупатель вынужден переплачивать. Приходится переплачивать за большинство товаров повышенного спроса — модную одежду, добротную обувь, стильную мебель, бытовую технику, ювелирные изделия и многое другое. В структуре бытового обслуживания населению приходится доплачивать как за легальные услуги — за внимание и добросовестную работу врачей, юристов, санитаров, парикмахеров, слесарей, таксистов и т. д., так и за незаконные операции — за получение вне очереди квартиры, за продажу места на кладбище (существует в СССР и такой бизнес), за место в больнице, в детском саду, в престижной школе и многое другое.

Ч. р. не только не встречает морального неприятия, но, напротив, функционирует с полного согласия и при поддержке населения, для которого он очень часто — единственная возможность вкусно поесть, хорошо одеться и прилично обставить квартиру. Советские люди втянуты и в замаскированные формы Ч. р. и помимо своей воли: в магазинах и мастерских их обсчитывают, обвешивают, обмеривают. Мясо и масло продаются замороженными — для увеличения их веса, в процессе пересортировки товаров второй сорт продается как первый, бракованные изделия — как высшего качества, в продукты добавляются заменители: в сметану — молоко, в молоко — вода, в творог — кефир и т. д.

Истоки и причины этих — и других — манипуляций определяются не столько всеохватывающим дефицитом различных товаров и продуктов, сколько — характером и принципами организации советской торговли, которая в рамках закона существовать и функционировать не в состоянии. Без приписок и подлогов распадется и рассыплется вся система государственной "подкормки", базирующаяся на ней и идущая от продавцов к директору магазина, от него — к заведующему базой и далее — к управляющему главком, министру, партийному руководству местного, районного, городского, республиканского и союзного уровней. Вне этой системы взаимной зависимости и круговой поруки торговые работ-

ники не в состоянии будут работать: не смогут прикрывать многочисленные хищения и недостачи и в требуемом количестве, хотя всегда недостаточно, получать ходовые товары, без которых невозможно выполнить план.

Торговая сеть активно вплетается в "серый рынок", основанный на принципе обмена товаров на услуги. Эта практика (сегодня — уже традиция) надежно защищает советских людей от многих проблем и сложностей жизни; дефицитные товары переводятся в блага, удовлетворяющие различные социальные и духовные потребности: килограмм колбасы обменивается на билет в театр, гарнитура импортной мебели или автомашина — на протекцию при поступлении в институт, внимание учителя (забота врача, уход санитарки) на путевку в санаторий или номер в гостинице и т. д. Одностороннего движения на этой бирже не бывает — невозможно получить никаких преимуществ, если нечего предложить, ее принцип и философия: "Ты — мне, я — тебе".

Только таким путем советский человек может приобрести еще к одному филиалу Ч. р. — к "розовому рынку": в обход существующих правил получить льготные условия снабжения и с черного хода войти в систему спецраспределения, созданную для номенклатуры.

Ч. р. с различными его полутонами — серым и розовым — подтачивает и подрывает советскую социальную структуру, основанную на жестоком регламентировании и строгой иерархии, при которых блага и права привязаны к месту человека в обществе. Его можно одолеть только путем ликвидации причин, заложенных в нем. Они, однако, вплетены в ткань советской экономики, в ее основу и структуру, в ее товарную несостоятельность и множественность систем снабжения. Поэтому способы борьбы с Ч. р. совпадали с задачами перестройки советской системы — полностью и снизу доверху.

"С черным рынком в различной степени приходилось и приходится сталкиваться каждому из нас, но рассмотреть его во всей "красе" возможно только сейчас — в условиях гласности". ("Огонек", № 36, 1987, с. 5.)

ЧК — понятие, используемое для определения и представления государственной службы безопасности.

ЧК — аббревиатура понятия "Чрезвычайная комиссия", организации, созданной в Советской России в 1917 году для борьбы с контрреволюцией. Разветвленная сеть этих "комиссий" опутала всю страну. Их создавали в городах и населенных пунктах, в армии, в портах и на железной дороге — с одной целью — проводить репрессии против тех, кто оказывал сопротивление режиму. Они обладали неограниченной властью: арестовывали, вели следствие, судили и осуждали. В недрах этой организации впервые родилась традиция, неизвестная до революции, — брать и расстреливать заложников.

Другое "историческое" новаторство **ЧК** — создание в 1918 году концентрационных лагерей. **ЧК** вообще стремилась идти впереди времени (вернее — вне его): революция отменила смертную казнь, но **ЧК**, не связанная ограничениями в борьбе с "контрреволюцией", уже в течение первого года своего существования "ликвидировала" (естественно, без суда и следствия) более шести тысяч человек.

ЧК оказалась первой советской организацией, отбросившей призрачную пелену социалистической конституции: она как орудие террора и расправы была независима от закона и не подчинялась ни партии, ни правительству, находясь под контролем сперва Ленина, а затем Сталина. Она считалась совершенно непогрешимой, и особым правительственным указом была запрещена любая критика ее деятельности. Ей же принадлежало право определять степень вины любых советских граждан. И виновными (перед ней) оказывались миллионы людей — рабочие, не желавшие должным образом работать, крестьяне, не готовые отдавать государству хлеб, интеллигенция из-за своих былых связей с эксплуататорскими классами, и сами "эксплуататорские классы" — те немногие его представители, которым удалось выжить.

Но даже и в этих рамках борьбы с народом **ЧК** было тесно, и она раздвинула и расширила понятие "контрреволюция" — перенесла его от тех, кто с оружием в руках боролся с коммунистами, на тех, кто "непреднамеренно действовал против советской власти". В результате перед **ЧК** открылась

неограниченная возможность подбирать врагов — совершенно произвольно, учитывая потребности власти и прихоть диктатора.

ЧК искусно вела "борьбу" с иммиграцией, взрывая и разлагая ее изнутри, засылая в ее ряды террористов и провокаторов. Наиболее податливыми для разложения оказывались те ее круги, которые искали контакты и связи со страной. И ЧК настолько в этой своей деятельности преуспела, что очень скоро уже само ее понятие стало синонимом образцовой, хорошо отлаженной и максимально четко организованной работы.

Стоило на каком-либо направлении государственной деятельности случиться и выявиться прорыву, как сразу же создавались Чрезвычайные Комиссии: по заготовке продуктов, по расчистке снега, по поднятию работы железнодорожного транспорта, для помощи беспризорным детям, по труду — десятки комиссий, которые возглавлялись профессиональными чекистами — для мобилизации людей под страхом. Но сама ЧК совершенно неожиданно меняет свою вывеску — не потому, что оказался недостаточно эффективным созданный ею аппарат насилия, а для того, чтобы закамуфлировать его в условиях видимого гражданского мира периода нэпа. С 1922 года ЧК стала именоваться ГПУ — Государственное Политическое Управление. А затем еще не раз советская служба безопасности меняла свое название. С образованием СССР она превратилась в ОГПУ (Объединенное Государственное Политическое Управление), в 1934 году попыталась спрятаться в системе НКВД (Народный Комиссариат Внутренних Дел), в 1946-м гордо заявила о себе созданием собственного Министерства Государственной Безопасности (МГБ). После смерти Сталина в 1953 году, когда вскрылись ее зловещие преступления, вновь стала искать прикрытия — влилась в МВД (Министерство Внутренних Дел) с тем, чтобы через год закамуфлироваться под скромной шапкой КГБ (Комитет Государственной Безопасности).

Но характер деятельности ЧК никогда не менялся — ее суть составляли произвол и насилие, не ограниченные законом, и она сама никогда не стыдилась террора, хотя при случае со-

всем непрочь была создать впечатление, что способна работать "изысканно и элегантно" — не в пример кровавым годам революции. Но "стереть" зловещую память о ЧК ни обаятельными манерами, ни вежливым обхождением не удавалось. Впрочем, игра в "либерализм" ГПУ закончилась, едва начавшись: в 1922 году ГПУ (как и впоследствии ОГПУ и НКВД) было разрешено применять внесудебные расправы, включая пожизненное заключение и расстрел.

В наследство от ЧК ГПУ получило политическое влияние и активно включилось, как и его предшественница, во внутрипартийную борьбу. На рубеже 30-х годов оно инспирирует ряд громких судебных процессов — о вредительстве (дела "Шахтинское" и "Промпартии"), саботаже в сельском хозяйстве (расследование "Трудовой Крестьянской партии"), проводит расправу над меньшевиками (обвиняя их в разложении плановых организаций). Для осуждения ЧК совершенно не требовалось ни вещественных доказательств, ни свидетельств, обвинение целиком строилось на признании (выбитом шантажом и пытками) самих подозреваемых и показаниях провокаторов.

В концентрационных лагерях постепенно начинали скапливаться сотни тысяч людей, и ЧК превращается в гигантского поставщика бесплатной рабочей силы. Но ее всегда не хватало — недоставало для строительства гигантских промышленных предприятий на Урале и в Кузбассе, для прорытия Беломоро-Балтийского канала и возведения мощной электростанции на Днепре. И круг арестованных расширился: классовый враг выявлялся в "гегемоне" революции — в пролетариате, который поставлял самую многочисленную армию рабов социализма.

Страх сковывал и парализовывал все советское общество, все 170 миллионов: крестьяне боялись конфискации имущества и насильственной коллективизации, партийные работники — чисток, рабочие — обвинения во вредительстве, государственные служащие, инженеры и техники — в утрате бдительности и "пособничестве врагу", творческая интеллигенция — в духовном перерождении, ученые — в идеализме. В состоянии всепоглощающей тревоги и неуверенности жили

даже дети — на них распространялся закон о коллективной ответственности членов семьи за "преступления" родителей, и наказание предусматривало заключение или ссылку от двух до пяти лет.

Технология террора все время менялась и совершенствовалась. Сперва врагами оказались контрреволюционеры, затем — меньшевики, далее — кулаки и, наконец, "вредители" — им мог оказаться каждый. И работа ЧК пошла быстро — по плану: каждый район и город получал из Москвы "разверстку на выявление врагов": десять, двадцать, тридцать тысяч — в зависимости от имеющегося населения. Террор пронзил все клетки общества, и сталинский удар по партии отозвался во всем организме государства — репрессированы были миллионы человек.

Кровавый пасьянс ЧК раскладывался в несколько этапов. Но особенно он был страшен последние 20 лет правления Сталина. Это были годы процессов над видными большевиками (1935 — 1938), разгрома командования армии (1937 — 1938), осуждения "космополитов" (1946 — 1948), расправы над руководителями государства (1949 — 1951), наконец — "дела врачей" — "убийц в белых халатах" (1952 — 1953).

А с превращением СССР в мировую державу и с выходом его в Восточную Европу в мясорубке репрессий оказались перемолотыми — по сценарию ЧК — сотни тысяч граждан социалистических стран. Беззащитным перед террором оказалось и самое орудие террора — ЧК (в различных своих ипостасях — ГПУ, ОГПУ, НКВД, МГБ, МВД) — многие ее сотрудники, в том числе почти все ее руководители, были уничтожены ее же методами — расстреляны без суда и следствия. В этом отразился трагический парадокс этой организации.

ЧК, а затем КГБ находились в состоянии постоянной борьбы не только со своим народом, но и со всем человечеством. И эти два вида ее деятельности неотделимы были друг от друга. Каждый выпад против свободных стран: провокация, саботаж, государственный переворот, покушения и демонстрации, инспирируемые им, укрепляли тоталитарную сущность системы, а подавление свободы слова, отказ от об-

шественного мнения, расправы над инакомыслящими, репрессии и террор над народом делали советский режим еще более агрессивным по отношению к Западу. Десятки тысяч агентов, глубоко законспирированные или маскирующиеся дипломатическим прикрытием, разлагали и продолжают разлагать демократии, подрывают их способность и возможность к выживанию и к сопротивлению. Советский Союз за 70 лет своего существования не раз менял свою внешнюю и внутреннюю политику, но природа ЧК всегда оставалась неизменной: она, управляя советским государством, через него стремилась управлять миром.

”ГПУ, или ЧК, есть карательный орган советской власти... Он карает главным образом шпионов, заговорщиков, террористов, бандитов, спекулянтов, фальшивомонетчиков. Он представляет нечто вроде военно-политического трибунала, созданного для ограждения интересов революции от покушений со стороны контрреволюционных буржуа и их агентов...

Этот орган был создан на другой день после Октябрьской революции, после того, как обнаружили всякие заговорщицкие, террористические и шпионские организации, финансируемые русскими и иностранными капиталистами”. (Сталин И.В. Сочинения. М., 1950, т. 10, с. 234.)

’Ш’

ШАБАШНИК — человек, частным образом подражающий на временные, сезонные работы (чаще всего — строительные и сельскохозяйственные).

Понятие Ш. восходит к слову "шабаш", в простонародной речи означавшему "конец работы", которое, в свою очередь, "завязано" на слове "шабат" — ивритском названии субботы, которая, согласно еврейской традиции, предписывает отдых, то есть завершение всех работ. На этой весьма отдаленной ассоциации сложилось и оформилось слово Ш.

В литературном языке или в юридической практике слово Ш. практически не используется. В официальных документах или в служебной переписке употребляют близкие к нему по значению понятия "сезонный" или "временный" работник, или, в крайнем случае, говорят "так называемый шабашник". Однако вот уже на протяжении трех десятков лет слово Ш. не сходит со страниц советских газет. Он постоянный "герой" рубрики раздела "Из зала суда" или фельетонов. Советская пресса полностью отрицает общественно полезный характер его деятельности и критикует его высокие доходы. Естественно, такой подход к Ш. — слову и явлению — никак не приближает к понимаю его социальной сущности.

О масштабах распространения шабашничества как способа решения неотложных хозяйственных задач, о необходимости его развития свидетельствует такой факт: в 1988 году на строительно-монтажных работах в Советском Союзе восемнадцать процентов всех работников составляли Ш., которыми было выполнено 29 процентов всех работ. Правда, и

заработки их были значительно выше общепринятых — коэффициент их зарплаты по отношению к зарплате постоянных рабочих составлял 140 — 150 процентов. Но такая зарплата вполне соответствовала их трудовому вкладу и продолжительности рабочего дня. Получив задание, они трудились двенадцать и даже четырнадцать часов в сутки. Так что фактически государство, вопреки широко распространенному мнению, не доплачивает Ш. Напротив, обкрадывает его, ибо заработок его не включает той доли, которую он недополучает из общественных фондов, и ему не засчитывается стаж работы и не обеспечивается пенсия по старости и пособие по временной нетрудоспособности.

Именно поэтому Ш. для советских хозяйственников предпочтительнее обычного рабочего. Он не обременяет их требованиями предоставить жилье, не претендует на организацию питания, обеспечение транспортом для доставки на работу, заготовку топлива и овощей на зиму, не просит путевок для отдыха и лечения и, главное, его не нужно уговаривать и подталкивать на продленный рабочий день. Ему не положена доплата за переработку, не приходится платить премии и выдавать тринадцатую зарплату. Единственная уступка Ш. — более или менее приличная зарплата, выше тарифных ставок. И идут советские руководители на это определенное отступление от закона вынужденно — иначе им никогда не выполнить плановых заданий, составляемых не по технически обоснованным нормам, а на основе однажды достигнутого (неизвестно кем и неважно каким образом) уровня производства.

Руководители в СССР все еще вынуждены оперировать давно изжившими себя валовыми показателями, обеспечивающими такой уровень достижений, при котором никак не удастся свести концы с концами. И все теснее смыкается порочный круг: график завершения работ — выпуска продукции или сдачи объектов — не соблюдается из-за нехватки рабочих, а их не хватает потому, что слишком много различных изделий и новых проектов одновременно изготавливаются и строятся. Произвол, показуха и неразбериха советского планирования, ее стиль и сущность точно и емко отразились

в управленческом жаргоне: "вбить план", "застолбить в плане".

И у хозяйственника не остается иного выбора, как обратиться за помощью к Ш., являющемуся естественным резервом рабочей силы. Но не обычной, которая в избытке представлена на рынке советского труда (рабочие-отходники, кочующие из перенаселенных восточных районов, страдающих постоянной безработицей, "сезонники" — крестьяне, в зимние месяцы не имеющие надежного заработка и согласные на любой труд, интеллигенция, ищущая возможности поменять специальность), а квалифицированной, отличающейся дисциплиной труда и организованностью.

Ш. — образцовые труженики, инициативные, динамичные, их опыт и методы работы, переосмысленные и слегка видоизмененные, легли в основу подрядного метода производства, с которым советская экономика связывает сегодня надежды на развитие и подъем социалистического хозяйства. Являются образцом мастерства и высокая производительность труда Ш., его профессиональные навыки, но не он сам. В нем советская система угадывает и усматривает личность, чуждую себе, неподвластную и неуправляемую, гордую, независимую, не желающую превращаться в безличностный винтик социалистического производственного механизма. И в общественное сознание настойчиво внедряется мнение об антисоциальной сущности Ш., его корыстолюбии и меркантильности, позволивших ему подняться над законом, урвать от общественного пирога кусок больше, чем желало ему дать государство, и стремящегося "менять и выторговывать для себя повышенные тарифные ставки". За этой короткой формулировкой просматривается страх — не станет ли Ш., его самостоятельность и способность на равных вступать в экономические отношения с государством, примером для других рабочих. И услужливая пропаганда спешит убедить: эффективность труда Ш. не может быть поставлена на службу ускорению (очередному советскому призраку, с которым связываются надежды на экономический прогресс), поскольку в ее основе лежат экстенсивные методы труда. Альтернативой Ш. провозглашается подряд. Но для того, чтобы

подряд "заработал", ему необходимо материальное и техническое обеспечение. Сделать это в рамках современного советского хозяйственного механизма невозможно. И руководители в СССР продолжают обращаться к Ш. — он не требует новой организации труда и с ним нет никаких забот.

"Ведь временный рабочий прозван шабашником не потому, что получает длинные рубли. Проблема состоит в том, что "длина" этого рубля не адекватна его трудовому вкладу". ("Социологические исследования", № 6, 1987, с. 90.)

ШОВИНИЗМ — идеология национальной исключительности и социального превосходства.

Согласно советскому пониманию, Ш. заложен в природе капиталистического общества: его исторические корни выводятся из эпохи формирования буржуазных наций и создания колониальных империй, а развитие связывается с борьбой против освободительного движения. Отсюда его второе название, более емкое — великодержавный Ш., и, как таковой, он противопоставляется пролетарскому интернационализму. Отмечается, что в советском (и вообще социалистическом) обществе ему нет места, и если он и проявляется в сознании некоторых людей, то только как пережиток прошлого.

В период своего становления советское государство провозгласило добровольный союз наций, который "не допускал бы никакого насилия одного народа над другим". В ноябре 1917 года большевистское правительство приняло специальную "Декларацию прав народов России", обещавшую свободное самоопределение каждой нации вплоть до ее отделения от государства. Она же гарантировала суверенное развитие меньшинств и этнических групп. Но когда от общих заявлений советское правительство перешло к реальной политике, выяснилось, что Ш. присутствует в замысле нового государства. При обсуждении его формы и структуры рассматривалось два проекта: Ленина, предлагавшего союз более или менее равнозначных республик, с сохранением некоторых атрибутов их независимости, и Сталина, в основу которого была положена идея автономизации — каждая республика должна была войти в состав Российской Федерации и подчи-

няться центральной власти (а название СССР имело лишь терминологический смысл).

Принят и рассмотрен был сталинский проект, но в основу его были положены важнейшие ленинские заветы — идеи демократического централизма и подчинения меньшинства большинству, из которых очень скоро развился и сформировался советский (или социалистический) Ш., внешне подгримированный под "русский патриотизм". Он стал удобным противовесом нищете и голоду и не требовал почти никаких материальных затрат — апеллировал к темным и глухим закоулкам человеческой души.

Из "свалки истории" вытаскивались "великие предки" — Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Петр Первый, и над ними производилась странная "хирургическая операция": державные и надменные правители, они превращались в национальных "героев", в хранителей и выразителей народной "чести" и "мудрости". Таков был "пролог" шовинистической обработки советских людей. Ее последующие действия распадались на ряд взаимосвязанных "актов". В сознание масс внедрялась чванливая ксенофобия. Страна, еще совсем недавно одна из самых терпимых в мире, начинала испытывать страх, а затем и неприязнь к загранице. Третировались "незрелые", "классово" неразвитые государства Запада, которые представлялись в сюрреалистическом освещении — в манере Маяковского:

Если глаз твой
врага не видит,
пыл твой выпили
нэп и торт,
если ты отвык ненавидеть, —
приезжай
сюда,
в Нью-Йорк.

И параллельно шло восхваление всего советского — от Днепрогэса до картофеля. И чем кровавее было сталинское правление, тем громче звучало понятие "Родина". Под его

прикрытием осуществлялся разгром оппозиции и уничтожалось крестьянство.

Мощный импульс развитию Ш. дала борьба с фашизмом. Теперь его назначением стала промывка мозгов. Война всколыхнула общество, породила в нем надежду на лучшую долю, на то, что жить действительно станет "лучше" и "веселей". Но эта "вера", как и всякая другая, не инспирированная властями, представлялась нежелательной и опасной — люди обязаны были верить (почитать, любить, преклоняться) только в гений своего вождя. А этот "гений" не знал жалости и сострадания, он разделял террором и властвовал насильем.

Начинал он с солдат, пришедших с победой. Отделил от них тех, кто находился в окружении и плену, — их ждали концлагеря и каторжные работы. А затем приступил к "делению" народов: снимал со своих земель и депортировал на Восток и Север крымских татар, чеченцев, ингушей... — десятки наций, миллионы людей.

Была сделана попытка вырвать из народа и его духовный нерв — интеллигенцию. Ее "отстрел" происходил под формулой совершенно откровенного Ш. — борьбы с "космополитами". Выдающиеся писатели, музыканты, художники, ученые пропускались через "чистилище" самобичевания и самоунижения.

Разоблачение "космополитов" накладывалось на волны государственного антисемитизма — среди подвергнутых гонениям и уничтоженным были тысячи евреев. Они стали главными жертвами этой кампании, но не единственными. В числе "антипатриотов" оказалось немало представителей других национальностей. Это был прежде всего погром идеологический, хотя в явном расистском оформлении — громили не столько за происхождение, сколько за убеждения и взгляды. Сталин готов был терпеть в своем окружении евреев, но не прощал посягательств на созданные им идеологические мифы. И беда и вина евреев состояла в том, что они воспринимали и осмысливали их иначе, чем хотелось бы ему. Жупел космополитизма в руках Сталина в 40-е годы был прежде всего политическим оружием, точно так же, как в 20-е го-

ды им был троцкизм, а спустя десять лет стала "правая оппозиция". И всякий раз, когда Сталин ощущал опасность для своего режима, он выискивал "врагов" и разворачивалась цепь гонений и репрессий. Борьба с "космополитами", с людьми, причастными не только к национальной, но и к мировой культуре, была одним из способов самосохранения деспотии его власти, хотя сам патент космополитизма отнюдь не был его изобретением.

Почти за два столетия до него почувствовала неприязнь к космополитизму Екатерина Вторая. Охваченная страхом перед Французской революцией, она потребовала возвращения на родину из-за границы всех российских граждан. Стремление Сталина уничтожить после войны перемещенных лиц также было продиктовано не идейными соображениями, а страхом, боязнью, чтобы они не занесли в Советский Союз с Запада зерна свободомыслия. И во имя этой цели он пошел на явное отступление от заветов своего учителя – извратил понятие и сущность "космополитизма". Ленин понимал под ним нечто совсем иное – приверженность мировому опыту, был его поборником и умело пользовался им для марксистского "просвещения" России.

Сталин переиначил понятие космополитизма, "обогатил" его Ш. содержанием, и оно стало восприниматься как "оборотная сторона буржуазного национализма". Такое его понимание все еще таится в складках политических одежд перестройки. Ш. стал той границей, через которую она не смогла переступить. Поначалу казалось, что новое советское руководство с пониманием относится к национальному возрождению в своей стране. Демонстрации перестали разгонять с прежней жестокостью, и были сделаны некоторые послабления республикам: отозваны из них наиболее жесткие проводники русификации, реабилитированы национальные языки. Была даже восстановлена в ряде республик традиционная национальная символика – старые гербы и флаги. Но "малой кровью" решить национальный вопрос не удалось. Республики Прибалтики потребовали государственного суверенитета (пока ограниченного), а армяне – перекраивания границ и воссоединения со своими братьями в На-

горном Карабахе, а грузины – выхода из состава Советского Союза.

Горбачев оказался перед сложной дилеммой: силой подавить национальное недовольство было опасно, это неизбежно привело бы к свертыванию перестройки. Но и пойти навстречу национальным требованиям было рискованно – немедленно бы открылись претензии других "обиженных" народов: Самарканд, населенный таджиками, захотел бы выйти из Узбекистана, а Южная Осетия, подчиненная Грузии, – объединиться с Северной Осетией, принадлежащей Российской Федерации, и т. д.

Политико-административная чересполосица, однако, составляла лишь часть национального вопроса. Понадобилось бы создать культурную автономию народам, отторженным от своих территорий: казанским татарам – в Москве, грузинам – в Азербайджане, азербайджанцам – в Грузии, украинцам – в России. И тут же бы навалились проблемы евреев, крымских татар, корейцев, греков, китайцев.

Ради сохранения власти Горбачев, возможно, был бы готов поступиться частью государственного Ш., но отказаться от него целиком – означало бы потерять власть, и не только собственную, но и партии над государством. И перестройка, забуксовав, была бы остановлена перед национальной проблемой. Победил Ш. И таким образом еще раз определилось, что он и есть подлинная идеология советского государства, для которого призывы к братству и дружбе народов – всего лишь пропагандистские лозунги.

"Существо уклона к великорусскому шовинизму состоит в стремлении обойти национальные различия языка, культуры, быта..." (Сталин И.В. Собр, соч., т. 12, с. 362.)

”Э”

ЭЛИТЫ – сословия советского правящего класса, положение и значение которых в обществе определяется их ролью и функциями в системе власти.

Советские Э. представляют собой пирамиду с четко выраженной иерархией. На вершине находится партийная Э., под ней последовательно располагаются правительственные Э.: бюрократическая, военная, полицейская. Далее, в соответствии с влиянием, следуют: комсомольская, профсоюзная Э., Э. промышленная и техническая, Э. от искусства, литературы и науки.

Путь вверх в советском обществе предрешен изначально заданной социальной программой. Для карьеры не имеют существенного значения таланты и способности, положение человека определяют его происхождение, национальность, связи и деньги. Эти факторы специфичны для каждой из Э. и определяются их характером.

Низшие Э. – научная, писательская и искусства – носят относительно открытый характер. В силу их особенностей при их формировании учитываются склонности, жизненный опыт людей и, конечно, их готовность служить режиму.

Средний уровень господствующего класса составляют Э. техническая и промышленная. Они носят полузакранный характер, и важный критерий отбора в них – лояльность. Существенное внимание уделяется национальности, но также учитываются способности и деловые качества. Отбор ограничен классовым происхождением и партийной принадлежностью.

Э. высшего уровня — партийная, правительственно-бюрократическая, военная, полицейская и примыкающие к ней Э. комсомольская и профсоюзная — практически закрыты. Проникновение в них регламентировано социальным происхождением и национальностью. Тут в меньшей мере требуются таланты и способности, а самобытность, творческий дух, независимость совершенно противопоказаны. Не служит пропуском и благонадежность. Эти Э. — союз людей исполнительных, равнодушных и беспринципных.

Между Э. существуют перегородки, но сплошной стены нет, и между ними допускается определенная степень проницаемости. Как правило, диффузия идет от Э. низшего уровня, через средний — к высшим. Впрочем, наблюдается, хотя значительно реже, и движение в обратном направлении: выпадение человека из высшей Э. в низшую. Это случается, когда представитель Э. попадает в немилость.

Самый верхний уровень Э. полностью автономен, не терпит давления извне, тогда как сам он определяет деятельность и функции всех прочих Э. Э. характеризуются сложным переплетением родственных и личных связей, действующих как по горизонтали — внутри Э., так и по вертикали — между Э. Время от времени Э. раскрываются и из них выскальзывают или выбрасываются некоторые их представители — те, что перестали соответствовать их требованиям. Затем они вновь смыкаются, становясь более однородными, а потому и более сплоченными.

Каждая Э. строится на принципах замкнутости. Но по отношению к неэлитарным кругам они выступают сплоченно. Приняв или отвергнув какое-то решение, они противостоят всему остальному (непривилегированному) миру как нечто целое, даже если внутри них не наблюдается единства взглядов. Такое поведение определяется общностью элитарных целей: стремлением удержать власть и сберечь привилегии, сохранить существующий режим в его основе, структуре и сущности.

Единство Э., однако, объясняется не только общностью их интересов и потребностей. Они состоят из людей настолько близкого образа жизни, воспитания и мировоззрения, что

можно говорить об их психологическом единстве, о некоем особом типе элитарного человека. Свидетельство этой близости – поразительная способность представителей разных Э. заменять друг друга в системе власти, без существенных изменений политики или стиля руководства. Меняется лишь ближайшее окружение очередного "вождя", а характер и сущность режима остаются неизменными. И в зависимости от переживаемого советским обществом момента происходит возвышение одних Э. и падение роли и значения других. Это справедливо в отношении всех Э., кроме одной, главной – партийной. Но вокруг нее и под нею постоянно происходит перегруппировка Э.

При Сталине полицейская Э. соперничала с партийной по объему власти и по воздействию на процессы общественного развития. Милитаризация СССР, глобальный характер его политики при Брежневе вывели наверх военную Э., усилили ее могущество и социальный вес. Насилие во внешней политике стало важной и, как казалось, последней опорой режима.

Но управление коммунистическим обществом всегда оставалось (еще более усилилось при Горбачеве) прерогативой партийной Э., которая на своих флангах и за их пределами сливается с различными звеньями бюрократической, профсоюзной, военной, полицейской, промышленной, научной Э., подчиняя их своей воле и целям. Эти Э. обладают престижем, привилегиями, высоким и почитаемым статусом, но не политической властью.

"Лишь незначительному меньшинству населения страны, ее властвующей элите и нелегальным бизнесменам обеспечен сегодня достаточно высокий жизненный уровень". ("Посев", № 12, 1973, с. 48.)

ЭМИГРАЦИЯ – выселение, бегство, переселение, выезд на постоянное жительство за границу.

Из различных оттенков слова Э. в Советском Союзе долгие годы внимание акцентировалось на его первых значениях – "выселение" и "бегство". Они и придавали понятию презрительно-тревожный смысл, сближавший его с такими определениями, как "предатель" или "враг народа". Отсюда и возникли выражения: "эмигрантское охвостье",

”эмигрантское логово”, полностью находившиеся в системе советского мышления, отмечавшего, что Э. является неизбежным спутником ”эксплуататорского общества” и получила ”особенное распространение в капиталистическом обществе” (Словарь иностранных слов. М., ”Советская Энциклопедия”, 1964, с. 755).

Все в этом утверждении — и то, что Э. ”спутник эксплуататорского общества”, и то, что она ”получила распространение в капиталистическом обществе”, — надуманно и тенденциозно. Э. существовала в России задолго до того, как она стала капиталистической страной. Из нее еще в средние века бежали от самодурства помещиков крепостные крестьяне и уходили, преследуемые православным духовенством, духовборцы, раскольники, молокане, геры и субботники.

Э. стала особенно массовой и драматической, когда, казалось бы, с эксплуатацией было кончено, — после октября 1917 года. Социалистическая революция отобрала у страны самые активные и образованные сословия: просвещенное дворянство, большинство интеллигенции и значительную часть крестьянства. Они покидали Россию с болью, гонимые ненавистью и страхом. И навсегда сохранили к ней, истерзанной террором и насилием, любовь и привязанность. Далеко от Родины пытались воскресить и воссоздать утраченное — ее искусство, культуру и даже уклад жизни. Под чужим небом возрождались российские газеты, журналы, писались и создавались русская музыка и поэзия. И когда, обманутые, гонимые тоской, они возвращались обратно на родину, их встречали тюрьмами и колючей проволокой лагерей — в них видели врагов.

Ненависть коммунистов к Э. была продиктована не только их принципом: ”кто не с нами, тот против нас”. Она диктовалась холодным и трезвым расчетом: человек, познавший западную жизнь, становился неподатливым для советской пропаганды, его невозможно было одурачить вздорными баснями о патриотизме и заставить поверить в наивные проекты построения ”бесклассового общества”. Так что был известный смысл, садистский, в уничтожении Сталиным миллионов военнопленных, возвращавшихся после победонос-

ной войны домой, — для советской власти это был навсегда "отработанный" материал, хотя они ничем не были виноваты перед страной, напротив, это страна была глубоко виновата перед ними. Она не смогла защитить их, оказавшихся на оккупированных территориях, перед врагом, и она же допустила из-за своей бездарности пленение многомиллионной армии. Она и ее режим ответственны за то, что часть солдат, пойдя "в услужение врагу", выступила против советской власти, которая сама создавала и плодила своих противников репрессиями и гонениями.

Мир не примирил советскую власть с собственным народом. И как только приоткрылись советские границы, в Э. хлынул новый поток. Это была уже третья ее массовая волна. С первой уходили солдаты и офицеры Белой армии, ее пополняли тысячи ученых, инженеров, врачей, деятелей искусства и литературы, которым удалось вырваться из Советской России в первые, относительно либеральные годы революции. Вторую заполнили миллионы перемещенных во Второй мировой войне лиц, разбросанных по городам и весям Зарубежья.

Основу третьей волны составили евреи и немцы, искавшие духовного самовыражения на своей исторической родине. И армяне, которые на своей родине его не обрели. Было в них и известное число диссидентов, их принудительно выдворяли из страны и лишали гражданства только за то, что они имели собственное мнение и смели его отстаивать. Эта традиция родилась в ленинские времена, выразила свою значительность высылкой Троцкого и получила широкое распространение в 70-е годы, когда были отлучены от своего отечества многие его выдающиеся деятели: ученые, музыканты, художники, писатели, среди которых оказалось два лауреата Нобелевской премии — один, удостоенный ее, а другой — получивший ее спустя двадцать лет после того, как оставил Советский Союз.

Первая волна Э. была политической, и она с боями покидала родину. Вторая — по преимуществу была вынужденной, ее на Западе удерживал страх перед сталинской расправой, и лишь отчасти — политической, борющейся против комму-

нистов. Третья волна — это, главным образом, Э. национальная, увлекаемая порывом объединения со своим народом, и частично — экономическая; определяющим в ней было стремление к лучшей и достойной человека жизни. И лишь в самой незначительной (но весьма значимой) степени она может считаться политической: ее питало движение диссидентов — инакомыслящих, помимо воли выталкиваемых властями за границу.

Отношение ко всем трем волнам Э. в Советском Союзе многие годы оставалось однозначным, оно выражалось в простой и лаконичной формуле восприятия: "отщепенцы" (или же — "перебежчики"). В последнее время, однако, отмечается стремление дифференцировать Э. — с тем, чтобы выявить и вычленил из нее тот человеческий материал, который представляется возможным использовать в перестройке. Но выбраться советским руководителям из привычного образа мышления не просто, и переоценка Э. происходит выборочно. Первыми возвращены на родину ушедшие из жизни эмигранты — видные писатели и художники. Они, мертвые, больше не опасны системе, и она может позволить себе признать, что их "литература и искусство были и остаются русскими". Поиск "соратников" по перестройке ведется и среди живых эмигрантов — их зовут к сотрудничеству и склоняют к возвращению (некоторых — уже склонили). Их талант, гражданственность и честность должны облагородить осуществляемые Горбачевым реформы.

Но "гражданская война" с Э. в СССР пока что не закончилась — в ней установилось лишь перемирие. От мира с соотечественниками за границей советских руководителей отделяет неприятие политической Э. Она для них по-прежнему остается врагом, возможно, еще большим, чем в прошлом, ибо она, единственная, кто не поддается соблазну проводимых ими реформ.

"Переломным рубежом, переиначившим смысл прежнего, не отмеченного особым драматизмом понятия "эмиграция", стала Октябрьская революция". ("Литературная газета", 28 октября 1988, с. 14.)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
А	
Анкета	15
Анонимное письмо	17
Антиалкогольный курс	20
Антисемитизм	25
Анτισоветизм	32
”Афганец”	35
Б	
Безработица	39
”Березка”	41
В	
Вертушка	43
Взятничество	44
Взять хлеб	48
Внутрипартийная демократия	49
Военный коммунизм	52
Воспитание советское	55
Враг народа	57
Вторая экономика	62
Выездной	67
	465

Г

Гегемония пролетариата	70
Генеральная линия	73
Генеральный секретарь	75
Героизм	82
Гласность	84
Госаппарат	89
Госзаказ	92
Госприемка	94
Группа "А" и группа "Б"	97

Д

Давать	99
Дедовщина	100
Демократизация	104
Демократический социализм	109
Дефицит	117
Диктатура пролетариата	119
Дисциплина	123
Догматизм	125
Доносительство	130
Допуск	134

Ж

Жилплощадь	136
------------	-----

З

Закрытые магазины	139
Закрытые письма	141

И

Инакомыслящие	145
---------------	-----

Индивидуальная трудовая деятельность	149
Интеллигенция	152
Инфляция	154
История	160

К

Клуб	162
Коллективное руководство	165
Колонии	170
Колхоз	176
Коммунистическая бюрократия	181
Кооперация	188
Коррупция	192
Крестьянин	198
Кулак	202
Культ личности	206

Л

”Лишенец”	214
-----------	-----

М

Мафия	215
Мирное сосуществование	223
Молодежь (советская)	225

Н

Налоги	231
Народные заседатели	233
Народные избранники	235
Научные степени и звания	244
Нахалстрой	247
Неформальные объединения	250
Новая экономическая политика	264

Новое политическое мышление	268
Номенклатура	271
Норма выработки	277

О

Оппортунизм	281
Оттепель	284
Очередь	286

П

Парадокс	292
Партиец	293
Партийность	295
Партийный работник	298
Партия	302
Пенсия	305
Пережитки прошлого	307
Перестройка	309
Подряд	317
Подсобное хозяйство	322
Политический авангардизм	325
”Потерянный” (или ”бич”)	327
Привилегии	329
Приписки	332
Пропаганда	334
Прописка	337
Проституция	339
Профсоюзы	343
Психологическая война	346

Р

Реабилитация	351
Рэкет	352

С

Самиздат	356
Слухи	357
Смертная казнь	360
Советский народ	364
Советский образ жизни	367
Социалистический плюрализм	371
Социалистический реализм	375
Социалистическое соревнование	378
Спекуляция	380
Спецпереселенцы	384
Спецхраны	388
Специальные школы	390
Справка	394
Стахановский	396
Стиляги	400
Субботник	403

Т

Торможение	405
Тройка	409
Трудовой коллектив	411
Тунеядец	414
”Туристы” (или ”гастролеры”)	416

У

Ускорение	418
-----------	-----

Ф

Фарцовка	422
----------	-----

Х

Характеристика	424
----------------	-----

Хозрасчет		426
	Ц	
Цензура		430
Ценообразование		435
	Ч	
Черный рынок		441
ЧК		446
	Ш	
Шабашник		451
Шовинизм		454
	Э	
Элиты		459
Эмиграция		461